

Альманах Лито «Заполярье» № 18 2018

18+

ГБУК «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа»

Народное литературное
объединение «Заполярье»

Выпускающий редактор:
Е.И. Вергунова

Над номером работали:

К.С. Селивёрстов
И.М. Селивёрстова
А.В. Царькова

Макет:
К.С. Селивёрстов
Корректор:
А.В. Царькова

На 2 странице обложки
фото В.Н. Ледкова
из архива историка А.В. Чупрова

© ГБУК «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа», 2018
© Все авторы, текст, 2018
© К.С. Селивёрстов, макет,
составление, 2018
© В. Фофанова, Е. Первакова,
К.Выучейский,
рисунки, 2018

Издание финансировано
за счёт государственной
программы
Ненецкого автономного округа
«Развитие культуры и туризма»

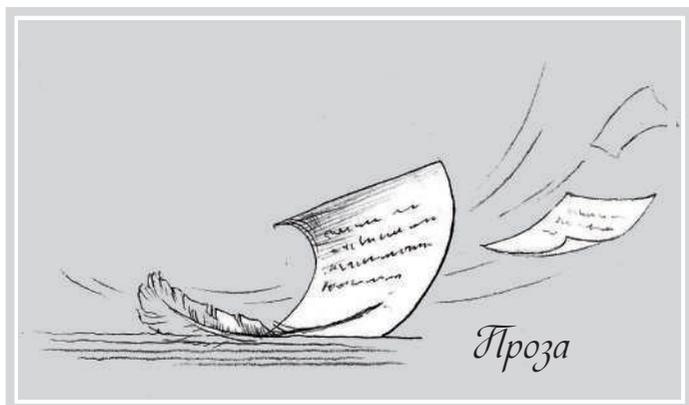
СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Матвеев. Рассказ «Огни на реке», стихотворение «Пролистаю я...»	2
Татьяна Окладникова. Очерк «В гости к литературе»	9
Мария Кравченко. Рассказ «Такая любовь»	14
Лукерия Валея. Рассказ «Месяц большой темноты», стихи, эссе «Встреча».	23
Лариса Торопова. Очерк «Василий Ледков и его жизнь»	29
Василий Ледков. Повесть «Розовое утро»	33
Елена Хатанзейская. Рассказ «К морю!»	52
Алексей Пичков. Фрагмент повести «Сятук»	54
Надежда Талева. Перевод на нен.яз. фрагмента повести «Сятук»	55
Инга Артеева. Стихи, миниатюра «О любви»	56
Рудольф Филиппов. Краеведческие очерки «Карская экспедиция», «Колхоз им. М. Горького»; миниатюра «Птица счастья»	61
Ольга Пашун. Стихи «Я строю замки из песка»	79
Николай Миловский. Рассказ «Незнайка в Красном городе»	83
Ольга Ястрикова. Эссе «Муза Полины»	90
Полина Акимова. Стихи «Счастье в мелочах»	91
Валерий Селивёрстов. Стихи «Я упрячу себя за музыку»	93
Ирина Маркова. Зарисовки	96
Любовь Царькова. Автобиография	98
Ольга Латышева. Рассказы о Майме	108
Альберт Ардеев. Воспоминания «Потомок рода Пурпэев»	114
Роза Каниюкова. Перевод на нен. яз. воспоминаний «Потомок рода Пурпэев»	120
Татьяна Зуева. Стихи «Мир дому твоему», рассказы	128
Владимир Орлов. Стихи «Вечность»	134
Лидия Сядейская. Стихи «О, Муза», Автобиография	135
Зоя Корепанова. Воспоминания «Наши любимые», «По волнам моей памяти»	137
Светлана Коньгина. Стихи «В тёмно-синей бархатной тиши»	139

Виктор
Матвеев

Огни на реке

Жизнь северных поселков так или иначе связана с рекой и морем.

Приливы, отливы, повторяющиеся с регулярной цикличностью. И выражение, которое может показаться странным жителям центральных регионов:

– Полная вода сегодня будет во столько-то – на Севере никому чем-то необычным не покажется. Наоборот. Всем всё ясно и понятно. И вокруг этого вертится большинство дел насущных, таких как: поехать на рыбалку, привезти дров, да мало ли ещё что! И наличие лодки – обязательно.

Это сейчас, в большинстве своем, все обзаводятся «Прогрессами», «Казанками» и прочими «железками» с японскими подвесными моторами, а в дни нашего детства в ходу были лодки деревянные – карбасы. Килевые. Которые приходилось стаскивать в воду, подкладывая под киль круглые деревянные катки. И были мастера, которые эти лодки шили.

Да-да. Именно так – шили. Лодки шьют. Корабли ходят.

Почему на юге, на том же Чёрном море, лодки называются баркасами, а на севере – карбасами?! Где, в каком месте, на пути с юга на север, слово трансформировалось? С детства меня занимает этот вопрос!

Двигатели были типа «топ-нога», Л-6 или им подобные. С водяным охлаждением. Чей это мотор – узнавали по звуку, ещё не видя лодки. Рулевой сидит сзади на банке, временами поправляя металлическую или деревянную рейку руля, как в известном фильме «Холодное лето пятьдесят третьего».

Сбоку борта – из металлической трубки непрерывно выливается вода. Да и сам рулевой время от времени вычерпывает ковшиком воду, которая попадает в лодку через вал гребного винта.

Таинственные и незнакомые слова: магнето, свечи, зажигание, искра, компрессия. Острый запах бензина. И любая веревка на судне называется конец.

Летом, в июне, когда начинает идти селёдка, на реке проводишь практически всё свободное время.

Сначала все уходят в устье реки, поочередно выбрасывают сети и начинают сплавляться по

течению. При хорошем подходе рыбы – на раз можно взять центнер-другой. Затем весь улов выбрать из сетей, что-то оставить себе, остальное сдать на рыбзавод.

Селёдка в домашних условиях солится три недели! Двадцать один день! И никак не меньше! Про сельдь беломорскую пряного посола, которую готовят на рыбзаводе, разговор отдельный. Речь не о ней, а именно о домашнем солении. Тот, кто пренебрежет этим сроком – жестоко поплатится. Пищевым отравлением. Проверено.

Как-то раз с Витькой Вороновым ловили камбалу на песчаном носке в устье реки. И попробовали. Уж больно поесть было охота. А не взяли ничего с собой. Только селёдка подсолёная для наживок. Думали – по-быстрому вернёмся. Ведь и поджарили же! На всякий случай – на костре!

Пронесло, чуть все кишки не вырвало! Научило на всю жизнь.

Витька будет после армии жить в Ленинграде и пропадёт без вести в начале девяностых. Просто выйдет вечером в киоск за сигаретами и не вернется.

Вода уходит и снова приходит. Два раза в день. И всё повторяется сначала. Со смещением примерно в час. Лето – ночи светлые и солнце не заходит! Если погода хорошая, то и вовсе – благодать! У берега движение воды не ощущается совсем, а вот на фарватере она несется с огромной скоростью. И глубина там больше 40 метров! Это гидрографы сказали, которые вели промеры глубин. Их судно каждый год заходит в устье реки.

К концу первой декады июля ход сельди сходит на нет. Заканчивается и эта гонка. Хотя в августе ещё бывает так называемая «загрёбная» селёдка. Её не так много, как в июне, но она жирнее. И мельче.

Наступает пора сенокоса, грибов и ягод.

Летний день год кормит.

Хотя рыбу ловить не перестают. На плавучем причале у рыбзавода ребята постоянно ловят навагу и камбалу самодельными сетями-обручами. Семью прокормить труда не составляет.

А зимой все ловят навагу. Дед частенько берёт

меня с собой. Маленькому всё в диковинку, начиная с лунки с тёмной, кажущейся бездонной, водой. Шуга, которую приходится постоянно вычерпывать, чтобы лунка не замерзла, а леску не прихватило льдом. Дед в совике и валенках с калошами даёт подержать уду, отполированную до блеска – на толстую леску насажено оловянное грузило и металлический, из проволоки, тройник с петлями, в которые заправляется наживка – обычно это корюх, разрезанный пополам, а затем надрезанный вчетверо.

Рывок рыбы чувствуется сразу – дед показывает, как правильно и плавно вытащить наживку, в которую уже вцепилась наважина! Чтобы не сорвалась! И радости твоей нет предела!

– Сам поймал! И такую здоровую! Вот бабушке расскажу!

Рыбу зимой удят. От слова «уда». Удочка значит.

А вот сетями её ловят. Или неводят, но это уже в море. Летом. Занимается этим бригада гослова, которая выставляет так называемые «порядки» далеко в море. Добираются они туда на больших моторных лодках, называемых «доры». И уловы у них отменные. Всё сдаётся на рыбзавод, где есть холодильник, банки для закатки и прочая оснастка. «Сельдь беломорская пряного посола». Белушской базы Печорского рыбокомбината. Вот итог их работы.

Рядом с лункой стоит керосиновый фонарь, освещающая разбросанную вокруг навагу и холмики намерзшей шуги. И если посмотреть со стороны посёлка на реку, то увидишь целую россыпь таких огней. Все ловят рыбу.

Огни на реке, звёзды на небе. Названия созвездий и отдельных звёзд, про которые тебе рассказывает дед. Большая и Малая Медведица. Как найти Полярную звезду и определить по ней направление на Север. Это же так просто!

То, что корюх пахнет свежим огурцом – это ты поймешь позже, когда первый раз пойдешь на теплоходе «Мудьюг» в Архангельск. Вот на нём и увидишь неизвестный тебе овощ, который пахнет корюхом! А не наоборот! Только огурцы не светятся в темноте, как корюшка. В ней фосфора много, как говорит мама. Как и в её бусах, которые она иногда надевает. Они тоже светятся.

А вот это вообще забыть и объяснить невозможно. Как-то раз, проснувшись ночью, увидел просто фантастическое зрелище! Сквозь неплотно прикрытую занавеску пробивался яркий лунный свет, образовавший на стыке порога из кухни в комнату яркую и узкую полосу света, в которой непрерывной чередой сновали тараканы, поднимаясь по этой полосе вверх – друг за другом и слетая вниз с того места, где эта полоса заканчивалась. Непрерывная лунная тараканья карусель! Ни до, ни после я больше никогда не видел подобного зрелища! Они, тараканы, оказывается, и летать умеют! Чего-чего, а тараканов в посёлке хватало у всех в

избытке. Тот же Сашка Малыгин запросто усаживал таракана себе на язык и посмеивался, глядя на наши перекошенные лица.

Помните, у Алексея Толстого в «Петре первом»:

«...Тут было тепло, сухо, пахло горячим хлебом, горела сальная свеча в железном витом подсвечнике. На прокопченных бревенчатых стенах шевелились тараканы. Век бы отсюда не ушел».

Дед решил проблему радикальным способом.

Зимой, в морозы, поменял в доме нижние венцы, заодно и выморозил всю эту заразу. Раз и навсегда!

И первый же раз на теплоходе ты увидишь и попробуешь помидор, перепутав его с яблоком. Напротив мыса Канин Нос, рядом с теплоходом, всплывет подводная лодка и все будут с интересом наблюдать, как на её палубу выйдут несколько моряков и помашут нам рукой!

Недалеко от Канина Носа находится Северная Камбальница, где в середине октября 1943 года произошла самая страшная трагедия в жизни посёлка. В одночасье погибло 50 промысловиков Канино-Тиманья.

Путина успешно закончена. Настроение было у всех отменное. Ждали только прихода судна, чтобы вернуться на базу.

Вместо судна к берегу прибило бочку. С метиловым спиртом. Немцы в годы войны практиковали такой прием. И случаев таких на Севере было несколько.

Но этот стоит особняком. Все погибшие похоронены в братской могиле.

В живых остались только двое, причем один – Пунанцев Михаил – полностью ослеп. Бывший ветеринар Гунин Александр Иванович, пригубив спирта, почувствовав неладное, зажевал отраву хозяйственным мылом. Благодаря этому и спасся.

Каюта наша расположена в носу, поэтому любая, даже самая маленькая качка, заметна сразу. И от этой качки постоянно тошнит и выворачивает наизнанку все внутренности:

– Придем домой, всё бабушке расскажу про плохого капитана!

Начинаешь понимать, что на корабле лучше всего находиться во время качки на корме. А на «АН-2» лучше поближе к кабине. Хотя если вестибулярный аппарат слабоват, то где не садись, результат будет один. А у кого он в детстве силен? Это с годами приходит.

Мне будет пять лет, и с матерью на «Мудьюге» мы отправимся сначала в Архангельск, затем поездом до Москвы и далее – до Казани и в Буинск – это уже Чувашия, откуда родом жена дяди Саши – Татьяна. Они поженились в Индиге, где она работала вольнонаёмной, затем перебрались сюда. Детей у них двое: Валерка и Галка – моя ровесница. А фамилия у тёти Тани – Голубина. Они уедут насовсем – к ней на родину, а дядя Саша останется на Севере. В Чувашии нет моря. Будет жить и работать в Нижней Пёше,

где сойдется с Риммой Алексеевной Гульковой.

Чем хорошо детство? Тем, что всё в первый раз! И пишется на чистый белый лист! И что на этом листе запишут изначально, какой посыл дадут – так и жить будешь!

Друзья детства: Пашка Чупов, Сашка Малыгин и братья-близнецы Генка и Витька Стрекаловские. Мать их умерла при родах и их воспитанием занимается полноватая, со строгим взглядом добрых глаз, тётя Клава Чулкина, которая работала в той больнице, где мать их и рожала. С ними и приехала сюда – в посёлок. Не смогла оторвать от сердца – так прониклась их судьбой. Так всю жизнь и прожила тут, работая санитаркой, под началом Валентины Евгеньевны Туфановой – бессменного фельдшера поселковой больницы.

Отличительная черта русских женщин – сострадание и потребность помочь тем, кто действительно в этом нуждается.

Отец Витьки с Генкой – Афанасий Константинович – работает радистом в конторе рыбокомбината.

– Партейный! – говорит бабушка.

Что такое «партейный» и чем они отличаются от «непартейных» – чёрт его разберет. Надо у Витьки с Генкой спросить. Они старше на 5 лет и много чего знают!

Отец у них курящий, и они постоянно таскают у него папиросы, то «Казбек», то «Север», то «Беломорканал» и учат меня курить. Заодно и читать по слогам название папирос на пачке. Азбука в своем роде. Так что читать я научился ещё до школы.

Нужно втянуть дым в себя и произнести на вдохе слово «ап-те-ка». От первой же затяжки голова идет кругом, земля ускользает из-под ног, кашель распирает лёгкие, размазываешь по лицу сопли вперемешку со слезами и сразу осознаешь, что понемногу становишься «взрослым»!

В нашей семье не курит никто, поэтому Генка с Витькой советуют, чем и как заедать, чтобы не пахло табаком. А то попадёт по первое число! Смоляным концом!

Курить не интересно. Голова кружится. Тошнит. Да и Генка говорит, что у тех, кто с детства начнет курить, годам к тридцати слюна закончится и всё – кранты!

Впрочем, у них я научился не только курить, но и в шахматы играть.

Афанасий Константинович всех нас к этому делу приучил:

– Учитесь думать головой! На несколько ходов вперед! Пригодится в жизни!

Рассказывая про годы войны, бабушка как-то обронила, что они даже пунушков ели. Какие в поселке разносолы? Рыба одна. Да куропатки, которых ещё поймать надо. А пунушки – вот они. Всегда под боком. Не пуночки, а именно – пунушки! Правда, они только весной. Ну, я маленький – впечатлительный был. Почему бы не попробовать?! Войны нет, так хоть пунушков

наловить! Приобщиться. Делов-то! Сильшки из конского волоса сделать – дело не хитрое! Наловил десятка два. Бабушка отеребить помогла. Наваристый такой суп получился! Возни только много! Мелкие они – пунушки-то! А выжить в войну помогли!

На берегу хорошо! Старые суда типа «Кавасаки», вытянутые на берег. Понтоны. Лодки. Одни на берегу, другие у воды – на якоре, а с кормы привязаны концами к чему-нибудь на берегу. Вода придет, лодка просто поднимется и никуда не уплывет.

А в том году на берегу поставили и перевернули вверх килем большую морскую белую шлюпку с судна. Непонятно для чего, но нам-то в радость! Места под ней много. Мы там постоянно и пропадаем.

Рядом на берегу, за домом Геннадия Томилова, стоит большой склад, в котором хранятся сети, буи и прочие рыболовные и промысловые причиндалы. Он Томилов, а жена у него – Патракеева.

Витька там был – где-то лаз проделал под полом. Притащил горсть патронов к винтовке: рассыпаны в углу были! Такими вот нерпу и морского зверя стреляют! В костёр покидаем – подальше от поселка уйдем только!

Мужики все фронтовики – на раз просекут, что за пальба началась! Такого наваляют! По заднему месту!

– Скажем, что шифер в костёр кидали! Он также трещит!

Витя, Витя! Святая простота!

А ещё Витька притащил нечто, похожее на гранату! Тяжелая! Только без кольца:

– Там же, где и патроны валялись, – говорит.

Покидали – не взрывается. Где-то там под лодкой и осталась.

– Пойдём лучше рыбу ловить! Только вот наживки нет. Может чайку поймать, да её и пустить на наживку? Надо Пашку Чупова попросить, он постарше и у него есть большая рогатка с хорошей резиной, а пульки к ней он льет сам из свинцовых пластин от старых аккумуляторов. Не раз уже сшибал чаек-то! А можно и на крючок её поймать. Чайки – они глупые. Все хватают! Ловили, и не раз!

Где он услышал или прочитал, но только как-то предложил «наколотить» комаров, сказав, что за них хорошие деньги платят, если сдать в медпункт. Типа, лекарства из них делают! То, что из змеиного яда лекарства делают – это мы слышали. Но на Севере змеи не водятся. А тут – из комаров! Они-то всегда под рукой! Здорово! И те и другие кусаются! Все логично!

Идея была принята с восторгом, работа по «обогащению» началась незамедлительно – путём расстилания на крыльце белой простыни и усаживания нас – дураков – на это самое крыльцо, закатавших штаны до колен, чтобы комарам было удобнее садиться на наши голые икры, а нам – бить их ладонями. Только осторожно! Чтобы товарный вид сохранить!

Били мы их долго, пока вся простынь не стала тёмной от этих кровососов и красной от капель крови.

Мероприятие закончилось только тогда, когда пришла тётя Клава и не разогнала нас всех, попутно выругав за утяпанную простынь!

Они хоть и близнецы, но совершенно разные! И чего их все путают?!

Я вот до сих пор не знаю: а комаров, ясное дело – сушёных, действительно где-то принимают? И лекарства из них делают?!

Начитавшись книг Василия Яна про татаро-монгольское нашествие, рубимся кривыми еловыми ветками, представляя их саблями, а щиты делаем из днища бочек. Мы вместе с героическими жителями Козельска. Роем ходы в снежных сугробах, а домой приволакиваемся – все в снегу и ледышках, долго обмахиваясь голиком на крыльце от налипшего снега.

Опытным путём приходим к заключению, что лизать топор и металлические ручки дверей на морозе нельзя!

Витка трагически погибнет в Нарьян-Маре в середине семидесятых, после окончания Печорского речного училища.

Генка, окончивший летно-техническое училище в Даугавпилсе, будет работать сначала в Нарьян-Маре, затем в Архангельске, где в одиночестве тихо скончается 27 мая 2004 года. На его похоронах не будет никого, кроме моего школьного друга Виктора Мельника, который их и организует.

Поселок, образованный в 1939-м году, свою роль в истории страны сыграл. Роль эта заключалась в снабжении фронта рыбой. И рыбы этой было много. Спустя годы группой инициативных сельчан во главе с Татьяной Мельник будет собран и переработан огромный материал, результатом которого станет выход в свет в 2013 году книги «Рыбацкий поселок Белушье». Она будет представлена на встрече Белушского землячества в Архангельске в марте 2013 года.

А что до картинки, размещенной на её обложке, то кое-кто говорит, что там и не Белушье вовсе, а Волоковая! И даже признают людей и лошадь на ней! Спорить не буду. Это фото вообще взято из одного английского журнала. Да и какая разница, где это снято!

Вроде бы теперь и небольшой посёлок, и народу живёт – всего ничего, а события из разряда вон, или как сейчас говорят – чрезвычайные, случаются постоянно.

Так в один из ненастных осенних дней октября 72-го погиб лоцман Осинин А.К. – дед Сашки Осинина, с которым учились вместе в Нижне-Пёшском интернате в 73–74 годах. Утонул вместе с двумя пароходскими. Возвращались на легкой «Казанке» без булей от судна, стоявшего у становища Егорово – к другому, стоявшему на рейде напротив поселка. То ли мотор подвёл, то ли ещё что, да и выпивши были, конечно, только с управлением не справились и лодку

затянуло на самом фарватере прямо под понтон. Тех мужиков так и не нашли, а дед Осинина на следующий год – осенью – нашёл мой одноклассник Лешка Шишкин. У моря – на другом берегу, полузамытого в песок. За Большим Взглавьем. Только по обручальному кольцу и опознали.

Да и сам Лёшка закончит нелепо и глупо. По пьянке – не дойдет до дома и замерзнет зимой в сугробе. Это все я узнаю в декабре 93-го, когда приеду на похороны бабушки.

С Генкой и Витькой ходим в тундру за морошкой. Все с трехлитровыми бидонами из-под молока. Это – норма. Три литра. Правильно брать морошку меня ещё бабушка научила: ягода – рот – ведро. Ртом откусываешь чашелистик. Если морошка рохлая. Спелую кидаешь сразу. Чего там откусывать? А братья в этом плане хитрят. Они собирают морошку вместе с чашелистиками. Хотя тут тоже – как сказать. Их же потом специально сушат и используют при простуде. Пертусин в чистом виде, как бабушка говорит. Бабушка всё знает. Она и чернику сушит на противне на печке. При расстройстве живота помогает. И листья морошки сушит. И брусничный лист. И еще какие-то травы под потолком подвешены.

Если послали ягоды собирать, то собирай. Хочешь поесть – садись на кочку и ешь! Так нет! Что Витка, что Генка, насобирают, а на обратном пути то и дело запускают руку в ведро и потихоньку подбедают то, что набрали! Так что к приходу домой у них на двоих получается только ведро. Как у меня одного! Собиральщики!

Если морошку собирать у моря (идти, правда, далеко), то по пути можно в воинской части и гильз насобирать. Как от автоматов, так и калибром покрупнее – от спаренной зенитной установки у большого локатора рядом с кладбищем.

Осенние шторма – это незабываемое зрелище! Большая вода, огромные, с барашками, волны, накатывающиеся на берег! Солёные брызги летят далеко! Стоишь на берегу и просто впитываешь в себя эту силу и мощь, как губка, и чувствуешь, как сам становишься взрослее и сильнее. Как порой хочется перенестись на тот берег и просто постоять на нём, как в детстве.

Ходим с дедом в баню. Общая поселковая. От нашего дома нужно идти метров двести пятьдесят мимо детского садика, старого клуба и дальше – в сторону Хамбуя – это несколько домов за ручьем – ближе к морю и воинской части. Мимо черной закопченной кузницы и направо, по широким мосткам, – прямо туда и придешь.

Вода в бане не всегда чистая, потому что торфяная. Бывает и с коричневым оттенком. Ну тут уж как повезёт. Мужики стараются прийти на первый пар – парилка с каменкой. Большой медный ковшик с длинной ручкой. Пар клубами вырывается из каменки! Наяривают себя

вениками, красные, как раки! Так наподдают – не войти! Уши в трубочку сворачиваются! Только внизу – на нижней полке. И то жарко!

У деда на левой ноге концы двух пальцев отсутствуют. Большого и следующего за ним. Ногтей нет. Как он мне рассказал – их срезало металлическим тросом на судне. Вместе с сапогом!

– Пальцы заживут! А вот сапог жалко было!
И хромоты я за ним не замечал совсем!

Когда в баню приходит Сашка Хабаров – всё внимание на него! Он служил на флоте и весь в наколках. Ходячая картинная галерея!

На груди слева – профиль Сталина, справа – орёл, что-то несущий в когтях! На плечах якоря, русалки и прочая морская живность.

Во всю спину – крест и на нем распятая голая женщина с распущенными волосами! А на заднем месте – два чёрта, подкидывающие лопатами в топку уголь! Глаз не отвести!

– Рот закрой – ворона залетит! – смеётся дед.

Распаренный и натёртый мочалкой до скрипа, выходишь из душевой бани на свежий воздух и хочется взлететь! От чистоты и лёгкости во всем теле! Баня – это для души!

На крыльце сидят уже намывшиеся мужики и, покуривая, травят анекдоты и всякие истории.

Сегодня вот Сашка Костин – балагур ещё тот – рассказывал, как на войне он первый раз в тыл к немцам на парашюте прыгал. Ночью. Зимой. Когда служил в корпусе генерала Доватора:

– Ну, выбросили нас. В потемках летим куда глаза глядят. Точнее, куда парашют ветром сносит. Немцы ракеты пускают, из пулеметов постреливают – трассирующими. И кажется – все в тебя летит! Я и обделался с перепугу!

– Шас убьют же нахрен! Или отстрелят чего ненароком! Сашка скашивает глаза вниз и закрывает пах ладонью:

– Ой! Как жить-то буду?!

Закуривает протянутую кем-то очередную папиросу:

– Не до войны! Приземлится бы скорее да жопу помыть! Смеется сам и мужики тоже: – В штаны навалить – не самое страшное на войне! Страшно товарищей подвести и не выполнить приказ!

– Сам погибай, а товарища выручай! И никак иначе!

– Так-так! – утвердительно поддакивают те:

– Воевали, знаем! Всякое бывало!

Сашкина фотография висит в клубе – на стенде «Они сражались за Родину». Красивый и молодой. В кубанке и башлыке. Орден Боевого Красного Знамени на груди!

И нам хочется так же вот прыгнуть в тыл к немцам на парашюте и победить! А если ранят, то так – понемногу и не смертельно! И чтобы санитарки тебя спасали и жалели!

У него три дочери – Вера, Люся и Татьяна. И младший сын – Андрюшка. С Татьяной будем вместе учиться с первого по десятый классы.

Она будет жить и работать в Нарьян-Маре, где и умрет в сентябре 2008-го, так и не найдя себя после лихолетья 90-х и развода с мужем.

Её сын, названный в честь деда, командир вертолета МИ-8 Александр Король.

Вера, которая сейчас Волик, работает в Нарьян-Маре – в зональной Гидрометобсерватории Северного Управления Гидрометеослужбы. В 2015 году ей присвоено звание Почетного работника отрасли.

...А потом пьешь чай из самовара. Вода колодезная, ключевая, сладкая. Не напиток! Сахар – кусковой, заботливо наколотый дедом или бабушкой. Она колет его специальными щипчиками, а дед берет кусок в левую ладонь и, прицелившись, колет ножом, после чего складывает в сахарницу. Она когда-то была случайно разбита, но её склеили каким-то белым клеем – это заметно – и ничего. Стоит.

Сахарный песок – в диковинку. И появился он после установления хороших взаимоотношений с Кубой и Фиделем Кастро.

Бабушка достает из сундука на праздник цветастый платок, плюшевую чёрную жакетку – красота! На задней крышке сундука приклеена фотография матерей Юрия Гагарина и Германа Титова. Старая газета с портретом Сталина. Церковные календари. Тронутые временем фотографии родственников ещё царских времен. А это кто с окладистой бородой в унтер-офицерской форме, крестом на груди и на бабушку похожий?

Нас к сундуку не допускают! Табу!

Когда Гагарин в космос полетел, то мы все захотели вдруг стать летчиками или космонавтами. Только лётчиком – мне ещё рановато, потому что букву «Р» я не выговариваю. А какой же ты самолет, если твой мотор выдает только «Ллллл»?! Вот незадача!

Интереснейшее занятие – наблюдать, как дед бреется! Это же священнодействие какое-то! С двоюродной сестрой Галькой Малыгиной сидим на маленьком диванчике и внимательно наблюдаем за ним. Вначале он распаривает лицо горячей салфеткой. Неспешно берёт картонную продолговатую банку с порошком для бритья, поворачивает крышку, совмещая маленькое круглое отверстие в банке с отверстием на крышке и осторожно насыпает его в металлическую чашку. Добавляет туда горячей воды и взбивает помазком обильную пену. Мурлыча что-то себе под нос, намывает щеки, шею и начинает неспешно бриться. Слышно, как бритва с хрустом идет по седой щетине:

– Хрррр, хрррр!

Споласкивает бритву в отдельном металлическом же стакане, аккуратно обтряхивая капли воды о его край.

Крякнув, споласкивается сначала холодной водой из умывальника, затем – «Тройным одеколоном» и идёт к бабушке со словами:

– Ну, кто против этого устоит, а?!
Та, зардевшись, машет на него рукой:
– Охолонь, кавалер старый!
И прямо молодеет на глазах!
– А вы тут чего мнетесь? – гонит нас бабушка.
– Быстро писать и руки мыть! Сейчас собирать обедать будем! Тарелки понесёте!

Обедают все за большим покрытым скатертью столом в комнате. За столом нужно вести себя прилично – не лезть «поперед всех», иначе от деда и ложкой по лбу можно схлопотать! Чтоб неповадно было!

Бежим справлять малую нужду в ведро, стоящее у входной низкой двери. Галька, глядя, как я ловко управляюсь с этим «делом», направляя струю прямо в ведро, пытается поступить также, но у неё ничего не получается – всё течет по ногам и на пол! Она ревет, а ты понимаешь, в чем отличие мальчиков от девочек!

– Вот я вас, охальники! – Бабушка, видя это безобразие, машет на нас тряпкой! – Перемены большеглазые! Управы на вас нету! Кто затирать будет?! Вот «каши березовой» выпишу!

А нас уже и действительно нету! Мы уже унеслись со смехом – через темный коридор, заднее крыльцо и дальше – на улицу!

Поймай, попрыбуй! Ищи ветра в поле!

«Почему перемены? Почему большеглазые?!»

Дедушка за бабушку горой! Одно время в гости к нам всё приходили с верхнего конца поселка баба Лена и Миша Котцов по прозвищу «Миша-нужда». У него на синем коверкотовом пиджаке рубиновый орден Красной Звезды. Еще за Финскую компанию. Красивый!

Один глаз у Миши смотрит прямо, второй косит и кажется, что он все время за тобой подсматривает! И взгляд какой-то стеклянный!

Выпив по паре граненых стопок, поют:

«Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу!

Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!..»

И нам хочется также – по болотам! Горло ломать врагу!

Уж чего они там не поделили на крыльце магазина, говорят, что «Нужда» что-то в адрес бабушки отвесил. С говнецом мужик был. Вот дед его и «погладил» по спине пустым деревянным ящиком! Так что к нам больше Миша ни ногой.

Баба Лена ещё сколько-то времени захаживала к бабушке, шмыгая вечно сырым носом и промокая платочком постоянно мокрые глаза.

На стене в комнате – в красном углу – Похвальная грамота от наркома Микояна: «За образцовое руководство судном», 1944 год.

Под ней в простых тёмных деревянных рамках под стеклом три фотографии сыновей: дядя Саша, дядя Виталий и дядя Гена. Первые двое в морской форме, дядя Гена – в армейской.

Дядя Виталий, отслужив три года на флоте – на торпедных катерах – нелепо погибнет 14 января 58-го года, утонув в Волонге – в

колодце. После него останется морская форма с бескозыркой и патефон с кучей пластинок, которые он привез из Анапы.

В доме много разной живности. Овцы, две козы: Розка и Милка. Собаки и кошки не в счет. Это само собой разумеется.

На всю эту бляющую и мекающую ораву и травы нужно немало. Сенокос свой у деда имеется. В Гусинце – это приток Пёши, километрах в пяти от поселка. Накосить, просушить, заскирдовать, а потом всё это доставить в посёлок – задача не из легких.

В посёлке живность держали многие. В основном – овец. Пристроенные к домам сарайки, где скот и содержится, в порядке вещей.

Корову постоянно держала только Бараусова Мария Тимофеевна, которая жила с Егором «Хуху». Почему «ху-ху»? Потому что он к любому выражению «пристегивал» присказку «хули».

Так и прожили, не расписавшись, всю жизнь. Дети – Бараусовы: Валентина, Саша, Славка, Витька и Верка – по матери, а он – Никитин. Егор Фокеевич. Закрою глаза и вижу его – в старой «капитанке» с выцветшим шитым «крабом», залатанном пиджаке с карманами и холщовых штанах, заправленных в шерстяные носки. И – галоши. Как без них!

Как-то на крыльце у нового клуба он увидел невиданное доселе чудо техники – сверкающий хромировкой и мигающий лампочками иностранный магнитофон, который привез кто-то в отпуск. Долго стоял и смотрел на него, в немом восхищении, силясь что-то сказать, тыча в него палкой, пока не изрек фразу, которую впоследствии повторяли многие:

– Чья «музыка»-то?! Бат не пять рублей стоит! Сопрут же! – кратко и ёмко сформулировав одну из основных национальных черт определенной части общества.

Классе в пятом привез мне дядя Гена из Северодвинска, где он работал в то время на «Звёздочке», железный пистолет. С кремнем. Искры так и летели! Это тебе не какой-нибудь самодельный, деревянный! Играли «по войнам». Кто его своровал из тайника? До сих пор остается загадкой. Воспользоваться им впоследствии было невозможно. А за воровство разговор был бы короткий! Кто сейчас скажет?

Славка потеряет глаз в сентябре 65-го во время свадьбы Валентина Шишкина. Выбьет ракетницей. Так и будет потом ходить с искусственным.

А Витька – известный шутник и балагур, заводила всех мероприятий и бесценный участник поселковой художественной самодеятельности!

Благодаря корове, которую они держали, не одно поколение выросло. Сам таскал молоко от них сводным сестрам – Ленке и Ларке. Не бесплатно конечно.

Полкан – пёс – был у них ещё тот! Весь в шрамах, забияка! Меня-то он признавал.

Татьяна
Окладникова
В гости к
литературе

Поездка в Карпогоры

Одно из моих туристических пожеланий – побывать на родине Фёдора Абрамова, писателя, сумевшего в своих произведениях передать чистую душу, своеобразие и особенность северян.

В туристическом агентстве Архангельска огорчили, сказав, что экскурсии по данному маршруту не проводятся: «Хотите – езжайте самостоятельно». Вот-те раз! А как же информация в Интернете? Не соответствует действительности?

Я помчалась на железнодорожный вокзал, поезд отходил через час, за билетами – сумасшедшая очередь. Однако, по мере того, как она росла – увеличивалось число работающих касс. РЖД на глазах улучшает свою не всегда успешную работу. Радует забота о пассажирах.

Купила экономичные билеты; раньше самыми дешёвыми были общие вагоны, сейчас – кресла, как в самолёте, только расстояние между ними – вполне комфортное, колени назойливо не упрутся в спину впереди сидящего пассажира.

В вагоне – невыносимая духота. Девчонка-соседка непрерывно болтала по телефону, не слышать её было невозможно: она подробно описывала жизнь последнего дня: шаг за шагом, очень подробно и обстоятельно, с большим вдохновением обговаривался каждый бытовой штрих.

Поговорили бы о книге, фильме, о тенденциях современной моды, или хотя бы о проблемах юриспруденции (девушка, как выяснилось, была студенткой юридического факультета). В общем, в течение пяти часов пути о духовном не было сказано ни слова.

Однако, не всё так запущено в нашем царстве-государстве. В вагоне один ряд сидений смотрит в одну сторону, второй в другую, то есть пассажиры сидят лицом к лицу. В руках напротив сидящей девушки увидела книгу Эрика Берна «Игры, в которые играют люди», которая когда-то на многое открыла мне глаза. Юная пассажирка с увлечением её читала.

Ну а у меня в руках – Сергей Бубновский, «Правда о тазобедренном суставе». Этим летом ничего важнее и значительнее для меня не было. Пришло время узнать эту сторону жизни, впереди – испытание, которое предстоит мне выдержать. Справлюсь ли?

А за окном запоздало цвела сирень. Какое же чудо сотворила природа, одарив нас необыкновенными фиолетовыми гроздьями. Глаз радовала и не запылённая буйная зелень, которая в начале июля всё ещё оставалась молодой, яркой, не уставшей от северного ветра.

Карпогоры

Поезд встречали таксисты, и с одним из них я отправилась в недолгое путешествие. Как выяснилось, шофёр Сергей – бывший военный, вернее, тюремный надзиратель, но обаятельный, всезнающий гостеприимный житель Карпогор. Товарищ ещё тот, что называется «себе на уме». Все нюансы и тайны села, – первому встречному, то есть мне – не расскажет, а на каверзные вопросы глубокомысленно промолчит. Покажет же всё лучшее, что есть в Карпогорах: улицу «деревянных коней», небольшой сквер, облюбованный во все времена года художниками. Они подолгу сидят за мольбертами и любовно вырисовывают величаво устремлённых ввысь коньков. Продемонстрирует огромный медицинский комплекс, «детский городок», купеческий дом 17 века но промолчит водитель о музыкальной школе, которая ютится в «худющем» покосившемся домишке.

С уважением и преклонением поведал Сергей о священнике, который упокоился возле новой церкви, возведённой им «с нуля». «Светлая память», – повторил несколько раз мой собеседник, заставляя и меня проникнуться величием и святостью этого человека.

Карпогоры – скорее село (4,6 тысяч жителей), хотя раньше числился посёлком городского типа, в котором до сих пор топят печи, выносят помои, носят воду. Как в Нарьян-Маре моего детства. Помнится, чтобы сократить дорогу с

улицы Смидовича до Пырерки 16, надо было пройти через помойки. Вспоминать страшно необъятное море отходов. Но шрам на руке напоминает о том, как с размаху я шмякнулась на чуть примёрзшую скользкую землю, из которой торчал осколок бутылки... И как же далеко, в комфортное будущее, умчался наш современный город, обладающий своим неповторимым и своеобразным лицом.

А как же быть карпогорцам? Им куда деться? Конечно же, туризм: рядом Веркола, родина Фёдора Абрамова (впрочем, нынче литература мало кого волнует, к сожалению).

А что если сельский туризм? Наверняка найдутся желающие испытать себя в условиях «троеборья» – вода, дрова, помой. Впрочем, не мне искать пути возрождения Карпогор, частенько, по словам таксиста, навдываются в село областные депутаты. «Помогают?», – спрашиваю. «Доброе слово да внимание тоже приятно», – отвечает таксист-дипломат.

Дом на угоре

«Я люблю свой дом... Нет краше места, чем угор, на котором стоит он».

«В этом доме – моя душа, моё сердце», – признавался писатель.

Таксист за тысячу четыреста рублей согласился домчать меня до Верколы и сразу обратно, чтобы успеть на уходящий в Архангельск поезд.

В общем-то, мне хотелось вдохнуть абрамовский воздух, взглянуть на знаменитый угор, увидеть Верколу. Всё остальное – в книгах Фёдора Абрамова, в его дневниках, письмах, размышлениях, которые глубоко тронули меня.

За облепленным комарами окном машины – странные фиолетовые облака, скромные, щемящие душу пейзажи. Давно в моей жизни не было такой необычной, запоминающейся белой ночи с фиолетовым оттенком. Мы стремительно неслись по местам, которые явили миру Фёдора Абрамова, приближаясь к Верколе, где родился, жил и похоронен самобытный писатель земли северной (1920–1983).

Открытый в 1985 году в здании бывшей школы литературно-мемориальный музей Фёдора Александровича, по ночам, естественно, не работал. Дай Бог, побываю в нём, а сейчас – экспромт, разведка, осуществление давней мечты. Где он, абрамовский угор? Где тот знаменитый дом в Верколе, о котором так мечтал писатель, купив в 1974 году старую нежилую избу и переделав её в дом, доставлявший и радость (стоит на самом красивом месте), и огорчение («дом не срублен из новых брёвен, а собран из старья»).

Бросается в глаза постоянно звучащая в записках и дневнике мысль Фёдора Абрамова:

«...дом-то мой едва ли не самый бедный в деревне». Комплексовал, похоже, певец земли Пинежской. Зачем? Зря.

«Пинега – это моя почва», – признавался писатель и приезжал в родные края, на свой угор, почти каждое лето. Много работал, встречался с земляками, думал о смысле жизни, о судьбе России, о вечных вопросах человечества.

А у меня – ощущение катастрофы: фотоаппарат, вернее, телефон, не работает. Помог, уже позже, Интернет, в котором было найдено множество фотографий «дома в Верколе», а ещё – бережное отношение жены писателя к его наследию. Я пишу эти строки, а в комнате работает телевизор, и диктор «Поморья» вдруг сообщает, что на 98 году жизни, в Санкт-Петербурге ушла из жизни вдова Фёдора Александровича, Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова, завещав похоронить себя в Верколе, рядом с мужем, во дворе дома на угоре. У меня бешено забилося сердце от такого совпадения.

Это она – «Люся» – донесла до нас размышления, сомнения, предостережения писателя, звучащие чрезвычайно актуально и сегодня.

«Россия ещё не выстрадала себя?». «Немца на войне не боялись, а своих чиновников боимся» (3.10.1978)...

«Как избежать участия во всеобщем спектакле холоуиства» (23.04.1979)...

«Воруют, грабят, растаскивают страну» (28.12.1981)...

«Литература на Руси всё: и философия и политическая трибуна»...

Немногие деревни на Руси могут похвастаться тем, что жил среди них известный писатель. «Сердце моё в сердце с моими земляками, душа в душу... У меня нет сына. Моё дерево бесплодно. От него не пойдут молодые побеги. Но появится же однажды мальчик в Верколе, который с изумлением скажет: вот здесь он жил, вот здесь он ходил, вот здесь он купался... И для этого мальчика я – больше, чем породивший его отец» (6.12.1974).

Поездка на Печору

Мечта Фёдора Абрамова – побывать на Печоре, в Пустозерске. Думаю, интерес писателя к неистовому Аввакуму понятен и естественен. Поэтому путешествие на Печору в августе 1981 года, да ещё в компании известного критика, нашего земляка Александра Михайлова, была ярким событием в жизни Фёдора Александровича.

«Поразила лесотундра – сплошь озёра. Нарьян-

Мар – «...никакой не город: посёлок. На редкость хаотичный, в основном, из деревянных бараков и страшно пыльный – пески. Гостиница – сарай».

«...Прошёлся по центральной улице города. Убожество, неустроенность». Вот так-то вот. Обидно за свой родной город. Одно утешение, 1981 год. Сейчас всё по-другому.

«И вот Печора, к которой я столько лет рвался. Могучая река. И дикая. Луга, заросшие ивняком, песчаные пологие берега».

«Невероятные просторы, суровость и дикость первозданная и необыкновенное человеческое тепло – вот что такое Север», – писал Фёдор Абрамов.

Но знакомство и беседы с людьми сгладили мрачные впечатления от поездки в округ.

А ещё Фёдор Абрамов из далёкого уже 1981 года, выступая перед журналистами и членами литературного объединения «Заполярье», обращается непосредственно к нам с вами: «Вы работаете и живёте в трудных условиях. У вас действительно богатый край, богатая своеобразная и яркая история, и вы можете гордиться своей землёй. Так дорожите же тем, что у вас есть!.. К общей вашей пользе и к пользе всей русской культуры».

«К пользе всей русской культуры», – вот так-то: ни больше, ни меньше.

Мне кажется, завет знаменитого русского писателя выполняется, и мы действительно бережём свою землю и гордимся ей.

Но возвратимся на пинежскую землю. Не знала я, что деревня Сура Пинежского уезда Архангельской губернии – родина Иоанна Кронштадского, «великого молитвенника, чудотворца и прозорливца» (о нём – в очерке «Кронштадт – коронный город»).

С Абрамовского угора виден Артемиево-Веркольский мужской монастырь. И у него богатая, интересная история. Стоя на угоре, я впервые услышала, как перешёптываются берёзы, шелестя листьями то нежно и ласково, то ворчливо и укоризненно. Это герои Абрамова таинственно и беспокойно разговаривали со мной.

Поезд отправлялся по расписанию, я успела на него в последнюю минуту. Обратный путь был насыщен впечатлениями, приятно заслуженной усталостью.

За окном долго тянулось унылое неухоженное сельское кладбище.

Вдруг по вагону покотился, разматываясь, рулон туалетной бумаги. Для всех маленьких пассажиров, детей, это была внезапная радость. Они с возгласами помчались вслед.

Рулон всё катился и катился по проходу вагона. Затем один малыш, со знанием дела, заявил: «Бумага загрязнилась, её надо похоронить».

«Но тогда надо же плакать?!» – заявила в ответ девчушка. Пассажиры заулыбались. Плакать никому не хотелось...

Усадьбы Толстого и Тургенева

Как-то на одном из мероприятий в КДЦ «Арктика» я призналась коллеге из музыкальной школы: «Тянет меня в те места, которые связаны с именами великих русских писателей». В ответ услышала: «А меня – с именами великих русских композиторов». И, довольные, – мы засмеялись: дружно, звонко, понимающе. Удивительно тепло и хорошо стало на душе от такого единомыслия.

С приближением лета – излюбленный вопрос нарьянмарцев: «Куда едешь?». Я, чуть высокопарно, отвечала: «К Толстому и Тургеневу» и поясняла: «в Ясную Поляну и Спасское-Лутовиново».

Путешествие началось с поездки в московском метро. Вагон поразил меня: «Библиотека ярких людей», – прочитала я первое, что бросилось в глаза. Затем, начиная с потолка вагона спускалась к сиденьям надпись: «Здесь вы можете познакомиться с книгами, которые повлияли на жизнь незаурядных талантливых людей».

Далее – Алексей Иванов (автор книги «Географ глобус пропил») перечисляет главные книги своей жизни.

И так по всему вагону: известный человек и его любимые книги. Меня всё это здорово порадовало. Значит есть люди, которые пытаются вернуть России былое величие самой читающей страны в мире; есть люди, понимающие, что без чтения книг страна обречена на бездуховность, на бессмысленное существование, на удовлетворение только физиологических потребностей.

Подъехав к ВДНХ, я долго смотрела вслед стремительно улетающему поезду, который оповещал пассажиров о ценности книг, заботился о душе и нравственности своих пассажиров, напоминал о гениальных авторах. К ним-то, к великим писателям земли русской, я и ехала. Толстой и Тургенев, Ясная Поляна и Спасское-Лутовиново, Тула и Орёл – всё это объединялось одной темой – «Русские усадьбы». Не верилось, что всё так просто и доступно: главное – захотеть.

Тула

В неудобной небольшой «Газели» мы направляемся в Тулу. В городе первым, кто встретил нас – Толстой, вернее, памятник ему. По Туле уверенно, не торопясь, шагает Лев Николаевич. Говорят, частенько бывал Толстой в Туле. «Отрывался» на короткое время, «зажигал», покидая свою малую родину, Ясную Поляну.

Ясная Поляна – это место, где Толстой родился, жил, творил и похоронен. Его безымянная могила без памятника, без

креста, без дощечки с именем поражает своей скромностью и уместностью. Толстой завещал именно так и похоронить себя между деревьями, где они с братом искали «зелёную палочку счастья». Толстой и Ясная Поляна... Для всех, кто любит Россию, преклоняется перед её культурой и литературой, эти понятия едины. Есть ли ещё примеры в мировой литературе, когда писатель так прочно и неразрывно связан со своей «малой родиной», как Лев Толстой? Думается, что нет. Сам Толстой признавался, что Ясной Поляне он был «обязан лучшими своими мыслями, лучшими движениями души».

Сейчас, в наши дни, Ясная Поляна – один из крупнейших писательских музеев мира, где всё так, как оставил Толстой в последний год своей жизни. Уже в июне 1921 года здесь начал работу государственный музей-заповедник. И с тех пор Россия неустанно заботится о сохранении для потомков одного из заветных уголков страны.

Биография Толстого – в каждом учебнике по литературе, мне же хочется рассказать о том, чего я не знала, что неожиданно удивило меня, от чего колыхнулось моё сердце.

Во-первых, если и уезжал из Ясной Поляны писатель надолго, всегда брал с собой диван, на котором родился сам, на котором умерла мать и который (тот самый) стоит и сегодня в кабинете Льва Николаевича. Стоит, благодаря Софье Андреевне Толстой-Есениной, внучке писателя. Это она, Софья, в августе 1941 года, несмотря ни на что, выпросила у Сталина два железнодорожных вагона и вывезла всё имущество из усадьбы. Фашистам не удалось захватить Тулу, но в Ясную Поляну они вошли и пытались сжечь знаменитую усадьбу: но местные жители не дали этого сделать.

В спальне великого писателя – гантели, хлыст для езды на лошадях, летняя рубаша, значившаяся как блуза, фото жены Софьи, в девичестве Берг, кстати последний сын ими был рождён, когда писателю было шестьдесят два года, его жене сорок шесть.

Меня поразила кровать Толстого, показалась очень уж маленькой. «Что, разве Толстой был невысок?». «Нет-нет», – разуверил меня экскурсовод, здесь и спал Толстой, обладающий ростом 182 см.

Библиотечная комната насчитывает двадцать две тысячи книг и журналов на тридцати девяти языках, половина русских, с автографами, некоторые так и остались нераспечатанными, с заклеенными страницами. Не очень-то интересовался корифей русской литературы творчеством своих соратников-современников.

В усадьбе Толстого есть особенное помещение, так называемая «комната с бюстом». Бюст – Николеньки, Николая Николаевича Толстого, старшего брата Льва Николаевича. Его не

стало в тридцать семь лет, умер от чахотки, поговаривают, что у Николеньки был необыкновенно яркий литературный талант, превосходящий гениальность младшего брата.

Кстати, Толстой был настоящим хозяйственником: занимался садоводством, пчеловодством, разведением коней и свиней, выращиванием различных деревьев. Иногда всё это так затягивало Толстого, что он подумывал: не это ли его настоящее призвание?

Во-вторых, экскурсия по Ясной Поляне продолжилась в уютном милом местечке, называемом «Козлова Засека». Ни о чём мне не сказало это название.

Но оказалось, что место это – необыкновенное. Кто-то умный додумался воссоздать железнодорожную станцию такой, какой она была в начале 20 века, куда пешком частенько навещался Толстой, чтобы забрать почту. Сохранился притолстовский телеграфный аппарат и тот самый колокол, звон которого был слышен в Ясной Поляне. А главное – атмосфера, время, запах, что и век назад. Казалось: и солнце светит по-толстовски, и птицы те же поют, и вот-вот прибудет с дымом и стуком колёс паровоз и вздохнёт станция полной грудью: забегает, засуетится, заживёт.

Сложное это дело – понять гениального человека, говорят, что, покинув в свои восемьдесят два года Ясную Поляну, Толстой направлялся в Оптину Пустынь, покаяться: церковь не считала его своим сыном, хотя анафеме Толстой всё же не был предан. Хотел вернуться к церкви. Не дошёл...

В Козлову Засеку было доставлено тело Льва Толстого, и великая Россия провожала своего писателя, неся его шесть часов от Козловой Засеки в Ясную Поляну на руках.

Ясная Поляна – это настоящая русская усадьба: шикарный парк, конюшни, множество построек, непрекращающийся поток экскурсий, свадебных процессий, посетителей.

Ясная Поляна – это люди, верно служащие русской литературе.

Ясная Поляна – это не просто музей, а гораздо больше: это и популяризация творчества великого писателя, и научные исследования, и подготовка к чтению онлайн романов Толстого («Война и мир», «Анна Каренина»).

Вот и наш округ вместе со всем миром прочитал несколько глав «Анны Карениной». А что? Гордимся!

Орёл

Далее – город Орёл, ещё его называют литературной столицей России. Столько литераторов, сколько связано с Орлом, не знавал ни один из русских городов: Николай Лесков, Леонид Андреев, Михаил Пришвин, Иван Бунин, Афанасий Фет и, конечно же, Иван Сергеевич Тургенев. Кстати и пушкинская Анна Петровна Керн родом из Орла.

Поразила бедность, убогость и разруха некоторых литературных музеев Орла, да и не только музеев: не ожидала, что Орёл не блещет чистотой, ухоженностью и заботой, но в нём родился Иван Сергеевич Тургенев, и за это городу необходимо поклониться.

Жизнь, творчество Ивана Сергеевича тесно связаны с орловским краем. Есть в городе над рекой Орликом одно милое местечко в память о Тургеневе, называется «Дворянское гнездо». Горожане попытались сохранить ощущение гармонии и красоты русского аристократизма, благородства тургеневских барышень. Здесь легко можно перенестись в 19 век, почувствовать себя современником великого писателя, увидеть бессмертных героев произведений Тургенева.

«Возьмите карту России и, ведя пальцем вдоль дороги, идущей от Москвы через Тулу на Орёл, ...вы найдёте город Мценск. Немного северо-западнее Мценска как раз и находится деревня, где ... я живу», – писал Тургенев.

Спасское-Лутовиново... Мысли о величии и красоте человеческого существования посещают при виде одной из знаменитых русских усадеб. Мир усадеб – это особая атмосфера (усадить, обнести оградой). Собственная церковь – неотъемлемая часть усадьбы. Парковая архитектура имеет свою символику: игра света и теней, нескончаемые аллеи, лабиринты насаждений, зеркальные пруды.

У всех русских усадеб свой язык, своя мелодия, свой дух, своя особая атмосфера.

Русскую историю можно изучать по усадьбам. Гостеприимство в русских усадьбах иногда доходило до абсурда. Три дня – гости, на четвёртый – ты уже живущий по праву, а бедные хозяева, порой, и не знали, кто живёт рядом.

Частыми гостями в усадьбе Тургенева были – Некрасов, Толстой, Полонский. Тургенев любил шахматы – «лучший шахматист среди литераторов и наоборот».

Спасское-Лутовиново – это родовое имение Варвары Петровны Лутовиновой, очень богатой орловской помещицы, матери писателя. «Мой отец, человек ещё молодой и очень красивый,

женится на ней по расчёту», – напишет спустя полвека Иван Сергеевич. Варвара Петровна была старше своего мужа, красотой не отличалась, но была умна, образованна, обладала сильным характером.

«Необъяснимое чувство величия, покоя, светлой грусти ощущаешь в Спасском-Лутовинове», – не моя фраза, но полностью передаёт и мои ощущения.

Здесь деревья не стригут, не облагораживают, нет статуй на аллеях, нет заморских невиданных диковинок, но зато здесь есть всё то, от чего щемит сердце русского человека, разрывается от тоски по Родине.

Тургенев много времени жил за границей, тосковал без Спасского, жаловался, что ему трудно писать о России вне России, и рвался в свою милую усадьбу. «Только думаю о возвращении весной в возлюбленный Мценский уезд... Егорьев день, соловьи, запах соломы и берёзовых почек, солнце и лужи по дорогам – вот чего жаждет моя душа!»

Тургенев, как и Толстой, были знамениты при жизни. А этого были удостоены немногие русские писатели и поэты.

Отрадно, что и сегодня усадьбы Ясная Поляна и Спасское-Лутовиново бережно охраняются и активно посещаются. Можно подышать воздухом величайших словесников России, поновому взглянуть на их время, жизнь, творчество, с удовлетворением отметить, что книги Толстого и Тургенева повлияли как на мою жизнь, так и на жизнь моих современников. А какие книги повлияли на твою жизнь, уважаемый читатель? Есть ли они? Много ли их? Толстой и Тургенев – среди них?

Мария
Кравченко
**Такая
любовь**

Она так и приходит, с болью

Удар в сердце был такой силы, что ОН вскрикнул, дёрнулся и замер, прислушиваясь к себе. Было больно и непонятно, что или кто так ударил его изнутри. Сердце бешено колотилось о ребра, словно стремилось разорвать грудь. В страхе ОН ждал повторения удара, но резкая боль вдруг ушла, и вернулось зрение. ОН увидел ЕЁ.

Теперь сердце билось в такт мысли: «Кра-са-ви-ца... ми-ла-я-я-я... Кра-са-ви-ца...». ОН не знал, что сердце может петь.

Странно, – подумал ОН. – Я видел ЕЁ и раньше, мы знакомы уже три года. Почему я никогда не замечал, что ОНА такая необыкновенная... Видно, от удара с глаз упала пелена. Отец говорил, так бывает...

Сердце лихорадочно билось и пело. И это было и больно, и сладко. Если бы ОН был человеком, обязательно схватился бы за сердце руками, но ОН был птицей. Большой птицей, белоснежной. Лебедем. Конечно, не таким большим, как тринадцатикилограммовый Шипун, или Кликун, всего-то шесть кило. Но размах крыльев в два метра впечатлял даже людей. Они придумали таким как ОН имя – Малый тундровый. Лебедь. Поэтому ОН только вскрикнул.

– Тихе, сынок, – слегка склонившись к нему, нежно прошептала мама. Отец чуть-чуть отвел назад крылья и гордо вытянул шею. И сразу стал похож на большую лодку, ладью.

– Просто смотри, не подходи к ней, ещё не время... – продолжала мама.

– Что со мной?

– Любовь, – с гордостью ответил отец. – Она так и приходит, с болью. Разрывает сердце, делая его огромным. – Так надо, – подхватила мама. – Твоей любви должно быть много, чтобы выжить. У тебя ещё есть время, слушай сердце.

ОН слушал. А как не слышать это сумасшедшее стаккато, если ты сам – одно большое сердце. Глазам тоже было больно.

Слишком ярким стал этот мир. Серая и однообразная тундра в один миг засияла всеми оттенками бежевого, коричневого, синего, стала объемной и безграничной, наполняя его силой и уверенностью.

Солнце играло золотыми бликами в светлой воде озера. Казалось, ОНА плывет среди вспыхивающих звезд. Кра-са-ви-ца! Он любовался особой грацией каждого её движения: изгибом шеи, поворотом головы, взмахом крыла, жемчужным блеском оперенья, тёмными, словно два озера с высоты птичьего полета, глазами. А в них – доброта и нежность... Не-обыкно-вен-ная! Стаккато перешло в крещендо: сердце пело волшебную песню сокрушительной единственной любви.

Когда мелодия заполнила его целиком, ОН вытянулся, распахнул крылья.

– Не торопись, родной, ещё не время, – тихо сказала мама. – Вот вернёмся домой, тогда будет всё понятно.

Они возвращались домой. Путь из Англии до ненецкой тундры неблизкий, перелет узким коридором через Финский залив и Ладожское озеро трудный. Днем летели, в сумерках делали остановки. Это была уже пятнадцатая или шестнадцатая остановка. Он не считал. Зачем? Есть родители, есть стая. Они знают, куда лететь, где дом, то есть – Родина.

Утром ОН проснулся первым.

Да ОН и не спал вовсе. Стоило закрыть глаза, видел ЕЁ. В этом полусне ОНА посмотрела ему в глаза и ОН испугался, что закричит от восторга, и проснулся, и долго смотрел, как ОНА спит, спрятав голову под крыло. Её семья устроилась на отдых совсем недалеко. ОН видел каждое перышко на её макушке. Даже во сне Она была окружена жемчужным сиянием. Это было чудом.

Усталость накатывала волной, и ОН закрывал глаза и тут же просыпался. И проверял, спит ли Она, не исчезла ли...

ОН спешил лететь и торопил всех – «пора, пора»... Мелодия сердца звала в небо, приглашала на танец под облаками.

ОН предвкушал счастье скольжения по сильному воздушному потоку, обнимающему, обволакивающему. Он так любил это чувство невесомости, когда в безбрежной сини остается только душа, наполненная радостью.

Отец строго одернул его:

– Ты ведешь себя, как ребёнок. Больше достоинства.

Ничего себе, – подумал ОН. – Отец называется, а ничего не понимает. Он не видит, что я готов мир перевернуть, без остановок до дома долететь. Я никогда не был таким сильным!

– Да, спокойствия и достоинства, – голос мамы звучал нежно, но твёрдо. – Её семья уже поняла, что ты полюбил, и теперь они будут тебя проверять. Оценивать каждый твой шаг.

Отец важно кивнул.

– Вот-вот. Ты сам не отдал бы свою дочь безрассудному шалопаю. Если хочешь быть с НЕИ, будь взрослым. Сейчас всё зависит только от тебя. Знаешь что?

– Что?

– Ты сможешь показать себя достойным такой пары. Ты умный, красивый и хорошо воспитан.

– И очень мужественный, – добавила мама.

– Хотя и сам ещё этого не понимаешь. Слушай сердце.

Она так и сказала: «Слушай сердце». Не маму с папой, а СЕРДЦЕ! А сердце вдруг, не то, чтобы успокоилось, просто боль ушла на второй план. Смешно переваливаясь с лапы на лапу, отец подошел к маме, обнял её шею своей. Две пары глаз с любовью смотрели на молодого лебедя.

Ещё пять минут назад ОН был готов кувырнуться в облаках, такой дурак! Даже подростком таким не был, а тут вдруг так поглупел. «Любовь – это счастье, – часто повторяла мама. – Не расплескать бы, не растерять по мелочам...». ОН наклонил голову, касаясь клювом шеи. Ах, как хорошо знали родители это движение. Значит, ОН принял решение, душа перестала метаться, желание превратилось в уверенность. От этого он стал таким красивым, что отец с матерью замерли, любуясь своим птенцом.

А птенец думал. Он знал, что когда они прилетят домой, ему придется идти свататься. Он видел издали, как это происходит. Отец невесты будет боем проверять твердость ЕГО намерений. А еще ОН понял, какая битва с самим собой ему предстоит. На тысячу вопросов у него пока один ответ: «Любовь». Если бы ОН был человеком, он стукнул бы себя по лбу, и читал бы книги, смотрел фильмы и может быть узнал ответ на главный вопрос. Но он был птицей и должен был сам всё решать.

Хорошо, что до прилета домой есть время.

Время – не друг и не враг

Снег ударил в крыло, острыми иголками впился в глаза, навалился тяжестью на каждое перо.

Стая лебедей дружно вскрикнула и медленно стала снижаться. Непредвиденная остановка ужасно огорчила: ОН так стремился домой, туда, где решится его судьба. И пусть уж поскорее всё станет ясно, потому что, как оказалось, неизвестность – штука подлая: всё время подсовывает неприятные вопросы: «а вдруг, а если, а что...». ОН устал думать и бояться, что ОНА не согласится быть его парой. Что, если ЕГО любви недостаточно для двоих? Теперь ОН благословлял боль, разрывающую сердце. Пусть болит. Главное, чтобы оно стало большим, чтобы хватило на всех.

«Всех» у него много: родители и две сестры, его ровесницы, четыре брата-двухлетки и ещё два брата и две сестры вылупились в прошлом году. ОН привык относиться к ним, как к серым комочкам, хотя они уже давно вполне белоснежные, а всё равно маленькие, ишь, как жмутся к матери. А та без устали запускает клюв в подпушек на груди, оглаживает перья, смазывая их нежным жиром, заставляет детей следовать её примеру.

Неожиданная пурга напугала её и усилила беспокойство. Впрочем, это обычное состояние всех лебедей во время весеннего перелёта. Домой же летят, в лето вольной тундры, скатертью-самобранкой раскинувшейся среди озер. Сытый край, вкусный, как и положено быть родительскому дому. Но до него ещё лететь и лететь, вот и волнуется, а тут пурга свистит, вдохнуть не дает. Только отцу всё нипочем: встал за матерью, раскинул крылья. ОН, не раздумывая, шагнул, встал рядом, щитом от всех невзгод. И странное дело, мгновенно успокоился, высмотрел свою любимую, и любовался ею долго-долго, не замечая, как пурга кулаками бьет в спину, как сердце рвется и стучит по ребрам.

«Хорошо, что пурга, – подумал ОН. – Я бы не догадался, сколько во мне силы...».

«Хорошо, что пурга, – подумала мама. – ОН бы не догадался, сколько в нем нежности...».

«ОНА так на него смотрит... – улыбнулся отец. – Жалко, что пурга скоро кончится. Всё плохое всегда заканчивается...».

Ровные, сильные взмахи крыльев родителей и старших птенцов создавали для молодняка идеальные условия полета. Первогодки скользили по воздушным потокам, усиленным встречным ветром, словно на салазках, и были совершенно счастливы.

– Смешные дети, – подумал ОН.

ОН чувствовал за спиной их радость полёта и беспокойство родителей впереди. И вдруг совершенно неожиданно беспокойство исчезло, испарилось, будто его никогда не было. ОН сразу понял, они прилетели! Домой! Стая, летевшая строго упорядоченно, стала распадаться, семьи одна за другой отделялись и летели своим, одним им ведомым путем. Некоторое время отец вёл свою семью на север, затем плавно свернул вправо и устремился в хвост замыкающему. Сделав в небе приветственный круг, такое лебединое «Здравствуй, дом!», родители повели семью на посадку. Это был его третий прилет, но и сейчас, с высоты, ОН не смог найти родное гнездо. Каким чудом родители его находили каждой весной – загадка. И только оказавшись на земле, ОН его увидел. Мама уже проводила инспекцию, оценивая, какие веточки заменить, что добавить в этот метровый венок. Отец придирчиво осматривался и покрикивал, напоминая всем соседям, что это его территория, он здесь главный, так что – не лезть и не шутить... Выполнив положенный ритуал, прикрикнул на детей.

– Что расселись? Идите, кормитесь. Вон, все уже собираются на ужин. В Коровинской Губе по случаю прилета лебедей был штиль. Яркая синь неба отражалась в холодной воде, как в зеркале. Солнце поблескивало в мелкой ряби, создаваемой белоснежными птицами. Они устроились на кормежку, аккуратно, в центре акватории.

С берега не видно, а вот с высоты они углядели песчаную отмель, идеальное место для ужина. И теперь стайка лебедей наслаждалась безопасностью и вкусным кормом, который доставали со дна.

– И мы? – обрадовались первогодки. – Туда?

– Куда, куда? – возмутился отец. – Шеи не доросли! Кормиться надо на такой глубине, чтобы голова до дна доставала. Так что марш на берег! А вы, – обернулся он к старшим. – Вы туда, на отмель. Кстати, – отец понизил голос, посмотрев на сына. – Она уже там.

Три слова, а словно удар камнем.

Он сжался, чтобы унять боль страха.

А когда в душе осталась только радость, побежал, распахнул крылья и взлетел. Наконец, ОН летел к НЕЙ.

Ученые установили, что встречный ветер помогает и ускоряет полет, попутный, наоборот, замедляет его и останавливает; так что птицы, бывает, несколько дней вынуждены переждать. Все это время – полет – птицы находятся в беспокойном состоянии. Оно прекращается, когда они достигают цели путешествия.

До сих пор точно неизвестно, какими ориентирами пользуются птицы, совершая перелеты. Существует около 30 гипотез, объясняющие эту необычайную способность.

Предполагается, что птицы способны ориентироваться по звездам, по углу наклона солнечных лучей, по магнитному полю земли, и даже по запаху. Гнездо, свитое один раз, служит паре лебедей всю жизнь. Они находят его весной и в нём высиживают новое потомство. Пару молодой лебедь присматривает во время стоянок, свататься начинает только прилетев на родину.

Совсем другие законы

Набрав высоту, ОН чуть не погиб.

Краем глаза увидел, как к его любимой подплывает, выдвываясь на ходу, какой-то красавец. Не иначе, жених. Каков наглец! От возмущения ОН зашипел, захрипел и закашлялся. Мало того, ОН замахнулся на красавца крылом! На такой-то высоте? Ну и сломал полет, кувыркнулся в воздухе и камнем рухнул вниз. Вот что с лебедем ревность делает. А главное, всё зря. Потому как папенька так шуганул жениха, что тот улепетывал со свистом.

ОН кое-как выровнял крылья, и тут же чуть снова не рухнул вниз, на этот раз от стыда. Это ж надо так опозориться... хотел гордо, с достоинством подлететь и сесть на воду прямо перед НЕЙ, во всей красе, а получилось... кошмар и срамота. А что подумали родители, они же смотрят! У мамы, небось, инфаркт! Позорище!

Был бы человеком, покраснел. Но ОН лебедь и в небе, а там другие законы.

В следующий миг вся философия вылетела из его головы: к любимой подплывал очередной жених. «Да что же это такое?» подумал ОН и приготовился приземлиться прямо на голову сопернику. Наверно надо сказать – «приготовиться» или «приспиниться»: если с головой промахнется, то уж на спину сядет обязательно....

ОН ещё кружил в воздухе, когда папенька невесты вдруг вскочил и с диким криком побежал по воде к новоявленному претенденту на крыло красавицы. Папенька хлопал крыльями и норовил ударить жениха клювом. Не понравился, видать, не пришёлся ко двору. Обидевшись на такой приём, жених взмыл в синее небо. Оно и к лучшему, пора самому действовать!

Шея струной, лапы под брюхом, крылья вразлёт. Беззвучной тенью скользнул ОН к воде и приводнился точно перед НЕЙ. И застыл во всей красе! Папенька то ли устал отбиваться от претендентов, то ли нырнул за кормом, только враждебной реакции не последовало. Тогда, приподняв крылья парусом и изогнув шею,

ОН широким кругом отплыл на приличное расстояние и принял горделивую позу. Папенька молчал.

Осмелев, ОН подплыл поближе, на метр. Папенька только крикнул. Тогда ОН проплыл немного вправо, потом влево, показывая себя со всех сторон. Дескать, вот он я, хорош? А то! И снова замер, ожидая ответной реакции.

Тут прямо перед ним спланировал ещё один жених. Не успел сложить крылья, как получил от нашего героя такого тычка клювом в бок, что взлетел, так и не сообразив, кто это его так лихо прогнал. ОН ему ещё и крыльями похлопал, чтоб неповадно было. Папенька крикнул вполне одобрительно. Хотя клюв саднило, ОН был рад, что короткая драка папеньке понравилась, и подплыл поближе. Значительно ближе, почти под бок невесты. Это была роковая ошибка.

Гнев отца превзошел все ожидания, напал как на не родного: с криком и хлопаньем крыльев, перебирая лапами по воде, он нёсся танком, тараном... Вот, что-что, а справедливости нашему не занимать. «Имеет право, – подумал ОН. – А я болван». И резво отскочив в сторону, застыл, виновато понурился. Ну, не драться же с отцом невесты?! Тот такого фортеля не ожидал и растерялся. Пошипел немного для острастки и отплыл на свое место.

Ну что? Придется начинать всё сначала. Три метра вправо, горделиво приосаниться, три метра влево, замереть с умным видом... Молчит? Ну и хорошо, главное, драться не лезет. И тогда ОН сложил крылья парусом и, опустив голову почти к воде, тихонько-тихонько стал подбираться ближе.

Нервы у папеньки оказались железные. Он молча смотрел-смотрел, и неожиданно дал команду: «Ужинать пора!»

Невеста, до сих пор скромно наблюдавшая за театром военных действий, встрепенулась и полетела в сторону отмели. Папенька за ней. ОН провожал их взглядом, недоумевая, что это было? Очевидно же, что его не отвергли, но и не приняли почему-то. Почему?

– А ты думал, ОНА вот так сразу тебе на шею бросится? – удивился его отец. – Дай ЕИ время подумать. ОНА же тебя совсем не знает, – сочувственно добавила мама.

– А ты сколько думала?

– Я?

– Ты, ты.

Мама смутилась, а отец почему-то развеселился.

– Видишь ли, я была такая... вредная.

– Никакая ты не вредная! – смеялся отец.

– Золотой характер. Просто тебе нравилось наблюдать, как я перед тобой геройствую. А влюбилась ты в меня с первого взгляда!

– Да, но эти две недели я никогда не забуду.

– Две недели? – взвыл ОН дурным голосом.

Родители бросились утешать бедолагу.

– Какие две недели, ОНА не я...

– Полюбит, куда денется? Посмотри на себя, ты же красавчик. А как лихо ты папеньку умаслил, даже я так не смог бы.

– Может завтра всё решится...

– Так что отдыхай, набирайся сил, мы мешать не будем ...

Отец нежно посмотрел на маму.

– У нас тоже любовь.

И они улетели.

А ОН остался ждать, когда же наступит завтра.

А мы вот так

Идея «действовать на опережение» осенила ЕГО уже под утро и тут же была воплощена.

ОН с комфортом, то есть в гордом одиночестве, устроился в территориальных водах вчерашних боевых действий. Так что невесту и папеньку, прибывших на место сватовства почти в полдень, ждал сюрприз: их встречал жених.

То есть не ОН к ним, а они к НЕМУ. А это уже совсем другое дело! А тактичный какой, при виде невесты не попытался приблизиться. Плавал тихонько поодаль, почтительно склонив голову. Пастораль, да и только. Папеньке это понравилось, но и заинтригован он был, как никогда.

Знал бы папенька, что творилось в душе жениха... те самые демоны, которых ОН боялся (желание обнять любимую и страх показать себя недостойно, оскорбить отца торопливостью) сцепились насмерть.

Пока побеждал разум. Спасибо маме, объяснила, что «ОНА должна подумать и сама решить». Вот и держал себя в узде, изо всех сил. А эмоции били через край.

И тут ЕМУ несказанно повезло: на воду сел ещё один претендент. Удачно так сел, между ним и невестой. И отпор ожидал от папеньки, по обычаю находящегося сбоку, а ЕГО в расчет не взял. За это и поплатился. ОН налетел сзади и задал такую трепку! Короче, с позором прогнал соперника!

Отличная разрядка получилась. Даже про демонов забыл.

Папенька растерялся. Получалось, что этот красавец сделал его работу? Неслыханно! Но почему нет? Не всё же ему крыльями махать да горло надрывать, пусть жених репутацию зарабатывает.

Долго ждать не пришлось. Следующий претендент последовал курсом первого. Ещё и шипел от возмущения за неласковый приём. Папенька от удовольствия крикнул. Невеста скромно опустила голову ещё ниже.

А ЕМУ радоваться было некогда. Женихи слетались с интервалом в две минуты. ОН дрался, папенька откровенно хохотал, всюю

наслаждаясь ситуацией, невеста задумчиво рассматривала свое отражение в зеркале воды. Так продолжалось довольно долго.

И вот во время одной из пауз невеста обернулась к отцу и что-то пропела. И медленно поплыла к НЕМУ!

ОНА сделала выбор!

ОН, совершенно мокрый от непрерывной драки, ошалевший от криков, с недоумением смотрел, как ОНА приближается к НЕМУ.

Ца-рев-на-а-а!

ОНА плыла, опустив голову, а ОН растерялся и не мог поверить в такое счастье. ОН же ещё не рассказал ЕЙ о своей любви, не принес клятвы верности, ничего ещё не пообещал... А ОНА ЕГО уже выбрала.

Может, если любовь настоящая, слова не имеют значения? А важна только вера? Если вера больше жизни, то её ни обмануть, ни предать...

ОНА приблизилась к нему вплотную, коснулась лбом его головы и ЕГО сердце остановилось. Мир перестал существовать. ОН видел только жемчужное сияние ЕЁ оперенья, тёмные, как тундровые озера, глаза. И ничего прекраснее не было до сих пор в ЕГО жизни.

Они стояли в воде, прижавшись лбами. Изогнутые шеи образовали тот самый, любимый людьми символ, который украшал мещанские коврики и праздничные открытки...

ЕГО сердце странно повернулось в груди и застучало. Не болезненно-лихорадочно, а сильно и размеренно, каждым ударом отмеряя счастье. ОНА ему верит!

Словно услышав ЕГО мысли, ОНА смутилась, опустила голову, на миг коснувшись его груди и замерла у его крыла. Это было разрешение. И ОН повторил её движение. Так они кружили на воде, не отрывая взгляда, словно ждали, когда успокоятся их ликующие сердца. От этого кружения мир наполнялся любовью, становился теплее и ярче.

– Нам пора, – шепнула ОНА.

– Да? – удивился ОН. – А куда?

– Пора искать наш дом.

Вот оно как, разумно и правильно, – восхищенно думал ОН. – Сначала должен быть муж, потом дом, потом... потом...

– И потом, здесь слишком много свидетелей, – шепнула ОНА.

Известно, что период сватовства длится до двух недель. Отец самочки прогоняет всех женихов, бьет их, пугает. То есть проверяет прочность намерений. Если молодой лебедь устоит и понравится, самочка объявляет об этом громким хлокотаньем и сама плывет к избраннику. Всегда выбирает она.

Волшебство

Это был самый странный и удивительный полет в ЕГО жизни. Первый полет рядом с НЕЙ. ОН не видел, куда они летят. Махал крыльями, не сводя с НЕЁ глаз, предоставив ЕЙ выбирать всё: направление, высоту... Пусть всё будет, как ОНА хочет. Потому что если ОНА хочет, значит ЕЙ видней. И потом, ОН понятия не имел, каким должен быть их дом. Если ОН понравится ЕЙ, значит и ЕМУ тоже. Жить вместе с НЕЙ – это такое счастье, что неважно, где. Да и какой из НЕГО помощник, если ОН видит только ЕЁ.

Если бы ОН был человеком, подумал бы, что ОНА ЕГО околдовала, заморозила... но ОН был лебедем и точно знал, что это просто любовь, просто, больше жизни.

Мимо полетали, кружили в волшебном танце такие же влюбленные пары. С земли на них смотрели умиленные и гордые родители. А как же, они подарили миру ещё одну любовь, которая его украсила, изменила до неузнаваемости. С ней в тундру пришла весна.

– Ну, как тебе? – спросила ОНА, на секунду взглянув на НЕГО.

– Восхитительно, – честно признался ОН.

– Вот и мне нравится. Хороший будет дом. Дом, дом? Дом! ОН наконец отвел от НЕЁ взгляд и увидел, что они подлетают к небольшому серебряному озеру, окруженному кустарником. Облетев его по берегу широким кругом, сели на высоком мысочке.

– Такое красивое озеро и не занято! – удивленно промолвил ОН.

– Значит будет наше, – тоном бизнес-вумен сказала ОНА. – А гнездо у нас будет там, на том берегу, где песчаная отмель. Детям будет удобно спускаться к воде по песочку.

– У нас будут дети? – ОН почему-то растерялся.

– Две девочки и два мальчика, – решительно ответила ОНА и добавила с нежностью:

– Просто во мне накопилось столько любви, что четверо, я думаю, в самый раз.

– Во мне тоже накопилось, в самый раз, – согласно кивнул ОН.

Этот берег был даже лучше. Крохотная полянка с песчаным спуском к воде отделялась от тундры густыми зарослями ивняка.

– Тебе нравится? – спросил ОН.

– Очень! – ОНА счастливо засмеялась, уселась на краю полянки и ещё раз огляделась. – Тут мило и уютно. И тогда он вскочил, вытянулся к небу и, распахнув крылья, закричал во всю силу большого сердца.

– Это наш дом! Мы здесь живем!

ОН бежал по поляне, хлопал крыльями и кричал во все стороны, чтобы весь мир понял – это его земля! А ОНА смотрела на него и радовалась,

какой ОН звонкий и сильный. А потом, повинувшись инстинкту, перелетела на другую полянку, и ОН уже с этого берега оповестил весь мир, что это их дом. Так ОНА вела его от полянки к полянке по берегу, по кругу, и когда восторг заполнил все её существо, и кроме этого ничего не осталось, ОНА позвала ЕГО.

Потом ОН не мог вспомнить, как это случилось. Помнил сладость неги и истому от прикосновений к её груди, к бархату шеи. Помнил, с каким восторгом смотрел на солнце, вспыхивающее в ЕЁ глазах.

Потом они долго сидели, обнявшись, соединенные узами, крепче кровных, словно были в этом мире одни.

«Так странно, – думал ОН. – Ещё утром я был уверен, что сильнее любви не бывает. А сейчас понимаю, что это была... было... начало, и с каждой минутой любовь крепче. Никогда раньше я не чувствовал себя так уверенно, как сейчас, словно не только сердце, а я сам, весь, стал больше, стал целым миром. Благодаря ЕИ, ради НЕЁ, для НЕЁ»...

Когда солнце спустилось к земле, ОНА засмеялась.

– Не считай меня занудой, но я буду строить гнездо. Что-то внутри меня этого требует.

– А я чувствую, что мне пора охранять территорию. Пойду, покричу. Если что помочь, ты зови...

– Ладно, позову...

ОНА улыбнулась, встала, потянулась и стала собирать веточки, складывая их широким кругом. Получался большой венок для победителей в самом сложном виде борьбы – жизни.

Проза на воде

А вечером ОН ЕЁ ударил!

Атаковал. Хотел прогнать.

Они ужинали. Над озером повисла золотая дымка, легкий туман укрыл прибрежные заросли. Они были в этом мире одни и были так счастливы, как могут быть счастливы влюбленные. Кружили по воде, скользили. Как бы ненароком подплывали друг к другу, чтобы обняться лишней раз. ОН доставал ЕИ со дна сладкие корешки и кормил из клюва. Это было так здорово близко видеть ЕЁ глаза, касаться ЕЁ, заботиться о НЕИ.

ОН нырнул в очередной раз, достал что-то зеленое, особенно вкусное, и собирался предложить ЕИ это лакомство и ещё раз похвалить ЕЁ, что выбрала такое хорошее сытное озеро. Вынырнул, а рядом с ним – чужак! Вон его хвост торчит из воды! ОН даже не думал, что может так гневаться: с криком бросился к чужаку, чуть не подавился, мотнул головой, сплевывая водоросль, и с размаху ударил клювом чужую задницу! Хвост врага дернулся, и из воды вынырнула голова ЕГО любимой. Она смотрел на НЕГО с недоумением и обидой. С головы

стекали капли воды, и казалось, ОНА плачет. Что ОН наделал? Как ОН мог?

Если бы ОН был человеком, провалился бы от стыда в тартарары... но ОН был птицей, у которой смешались все мысли и чувства, и осталось только одно желание, умереть на месте. И ОН сделал единственное, что мог: спрятал голову под водой.

– Ну и что? – спросила ОНА, когда ОН, чуть не задохнувшись, вынырнул из воды, но от стыда не мог поднять глаз.

– Д-ду-мал, чу-жак... н-н-не уз-з-з-нал...

– И поэтому напал на меня?

ОН покаянно кивнул. ОНА подплыла к НЕМУ, прижалась грудью, обняла за шею.

– И правильно сделал, я тобой горжусь.

ОН замер, не веря своим ушам, а ОНА развернулась, отплыла немного, кокетливо склонила голову.

– Я не сержусь, ты делал свою работу, охраняя территорию. Только в следующий раз дожись, когда чужак вынырнет. Представляешь, он из воды, а тут ты, такой большой и сильный, и удар у тебя...

ОНА пошевелила хвостом.

– Хороший удар. Теперь я спокойна за нашу безопасность. А что, лакомство всё закончилось? ОН с трудом слотнул душивший его тугой ком беды, и поспешно нырнул за вкуснятиной.

Всё оставшееся время до сна ОН с восторгом ухаживал за НЕИ. А ночью не мог уснуть. ОН думал о том, как ЕМУ повезло: мало того, что красавица, так ведь умница и характер золотой. И ОНА ЕГО любит. ОН сегодня в этом убедился.

Утром ОН традиционно совершил «обход территории», покричал на всех берегах, похлопал крыльями, а когда прилетел на полянку, увидел в гнезде яйцо. Белое, большое. Такое красивое! ОНА сидела рядом и смотрела на это чудо влюбленными глазами.

Оказывается, растерянность, страх, удивление и гордость можно чувствовать одновременно. Отец говорил, что это называется «буря эмоций» и переживать её лучше сидя. Поэтому ОН плюхнулся на живот и выгнул шею вопросительным знаком. ОНА перевела влюбленный взгляд с яйца на НЕГО.

– Да, это наш первенец. Ты что, испугался?

– Я? Нет.

ОНА рассмеялась.

– Это так неожиданно, но я, – ОН прислушался к себе. – Я счастлив.

– Я тоже так счастлива... Словно с появлением одного яйца мир стал другим. И я стала другой.

– Я тоже так чувствую. Странное состояние.

ОНА встала, томно потянулась.

– Самое время познакомиться поближе, нам, новым, там, где нас никто не увидит...

А на следующий день в гнезде было уже два яйца. Она ещё дважды приглашала ЕГО и одаривала своей любовью.

Через три дня ОН прилетел с дозора и увидел в гнезде ЕЁ. Такой счастливой ОН ЕЁ ещё не видел. Она сидела, нежно прикрыв собой яйца и загадочно улыбалась.

– Всё! Их четверо!

– Па–по–здрав–ляю.

– И я тебя.

От восторга ОН раскинул крылья, вытянул голову к небу... А ОНА укоризненно покачала головой.

– Милый, можешь орать сколько угодно, только не тут. Пока не появятся дети, надо соблюдать осторожность, не привлекать внимания.

– Ой, ты права. Пойду ещё раз проверю территорию. Песцов погоняю. Люблю тебя, то есть вас...

– И я тебя. Лети уже, давай... охраняй.

Ученые установили, что лебеди узнают друг друга так же, так же, как и мы, люди, – «в лицо». Лебедь не спутает свою супругу ни с кем! Конфузы случаются, только если она опустит голову в воду, за кормом. Только в этом случае лебедь способен напасть на собственную подругу, приняв её за чужака. Но жена легко прощает такие промахи своему невнимательному мужу, который и так сильно смущается своей ошибкой.

Тайное – явное

Никто никогда не охранял свои владения так ревностно, как ОН. Даже про голод забыл. А когда вспомнил, сообразил, что любимая тоже голодная и через минуту был дома.

– Ты иди, ужинай, я их погрею.

– Только сначала иди, выкупайся.

– Я чистый! – возмутился ОН.

– Конечно, ты же лебедь! Но сухой! А яйца пора смочить. Так надо.

Следующие три недели были заполнены восторженными хлопотами. ОН охранял их дом, ОНА высиживала кладку, отлучаясь только на озеро поесть и обратно, к детям. Дети вели себя образцово: тихо сидели внутри скорлупы, которая понемногу покрывалась желтыми пятнами. «Это потому, что они растут» – объяснила ОНА.

Они виделись редко. ОН прилетал и усаживался в гнездо, чтобы ОНА размяла крылья и поела. Прежде чем улететь, ОНА давала ему инструкции. Оказывается, высиживать яйца – это целая наука. Надо чувствовать температуру всех яиц, и вставать, чтобы они не перегрелись. Надо постоянно их переворачивать, чтобы птенцы правильно дышали, ну и увлажнять. ОН диву дивился, откуда ОНА всё

знает. А ОНА только плечиками пожимала. – Я же мать. Я чувствую, что так надо и всё. Наверно это внутри меня, в голове, в душе... И потом, я помню, как мама высиживала моих братьев.

ОН ругал себя последними словами: когда в прошлом году его мама сидела в гнезде, ОН совсем не интересовался, что и как она делает. А ведь взрослый уже был, но глупый, стыдно вспомнить.

Однажды вечером, когда ОНА улетела на озеро, он с ужасом услышал, как под ним раздался писк. Тоненький такой, тихий. ОН, как ужаленный, выскочил из гнезда и уставился на яйца. Они были целыми, но из одного ясно доносилось попискивание.

– Д-д-доро-гая, ты где? – волнуясь, прошептал ОН, помня, что шуметь нельзя. – Ми-ми-лая, вернись....

К первому писку добавился второй, и ОН приготовился упасть в обморок. ОН совершенно не знал, что делать. Бросить детей, чтобы слетать за НЕЙ, ОН не мог, а что делать – не представлял.

К ЕЁ возвращению пищали уже три яйца.

– Маленькие мои, солнышки, – тут же заворковала ОНА. – Деточки мои, ути-ути... А ты чего сидишь? – обернулась ОНА к отцу семейства. – Ну да, они живые. Скоро вылупятся, поэтому и пищат.

– Скоро, это когда? Сейчас?

– Нет, дорогой, ещё есть два дня. Ты лети, съешь что-нибудь и охраняй нас. Ладно?

За эти тридцать дней ОН научился охранять свою семью: тихо сидел в засаде, прижавшись к земле, слушал, по шорохам определял – гдемышь бежит, где птица кормится, а где враг крадется. Научился выскакивать из засады и одним точным махом крыла сбивать с ног песка, бить клювом и гнать его подальше, чтобы дорогу к его дому забыл. ОН забирался на самую высокую кочку и вертел головой как локатором, высматривая врага. Научился шипеть страшным голосом и гонять птиц. Потому что птицы могли привлечь врагов. Даже своих сородичей не пускал на территорию. Счастье, что они с ним не дрались, а то бы им не поздоровилось. ОН охранял свою семью.

Просто счастье

Птенцы были крохотные, серые и липкие. Они беспомощно поднимали головы, пытались встать и норовили куда-то уйти. ОНА бережно подталкивала их под своё крыло, и они затихали, засыпали в тепле.

ОН не в силах был уйти от гнезда. Так и стоял поодаль, в полной боевой готовности: вытягивал

шею, осматривал владения и, убедившись в безопасности, любовался своей любимой, краешком серого крылышка, выглядывавшего из-под её оперенья. Наконец ОНА встала с гнезда. Четыре пушистых серых комочка поднялись, закачались на тонких лапках.

– Пора! – сказала ОНА громко и озабочено. – Дети, мы идем кормиться! Я – мама! А это, – ОНА посмотрела на НЕГО. – Это папа. Ну, не молчи, говори, они должны запомнить твой голос. Иди впереди, но путь глаза у тебя будут на макушке.

– Что говорить? – сильным от волнения голосом спросил ОН.

– Что ты – папа, и что ты их любишь. Любишь?

– Люблю, – звонко прокричал ОН.

Они медленно шли к воде. Родители гоготали о своей любви и следили, чтобы птенцы не отставали. А дети, путаясь в лапах, спотыкаясь и заваливаясь на каждом шагу, тихо попискивали и шли, как привязанные. И плюхнулись в воду и поплыли, словно ещё до рождения умели плавать. Вода на берегу озера заволновалась, и казалось, закипела! Опустив клювы в воду, дети так азартно хлопали ими вокруг стеблей травы, что брызги летели во все стороны. Мудрая природа подгадала: на поверхности озера созревали куколки комаров, вкусная и единственно доступная еда для мягких клювиков.

ОН с гордостью и умилением смотрел на это волшебное зрелище. «Вот для чего нужно было большое сердце, – думал ОН. – Чтобы оно могло выдержать такое счастье. Странно, что люди не любят комаров. Хотя, нет, не странно. Они же их кусают. Но если бы птенцов было больше, они съели бы лишних комаров, и людей бы меньше кусали. Если бы... Равновесие в природе, это когда всем хорошо».

Так прошло ещё пять недель.

– Что это вы придумали? – ОНА строго смотрела на птенцов. – Я думаю, лететь вам ещё рановато.

Птенцы стояли в ряд, как солдаты на смотре, честно и преданно смотрели в глаза мамы и подрагивали всем телом. Верный признак, что они хотят летать. Жажда полёта проснулась в их птичьих душах и они ничего не могли с этим поделать.

– Милый, скажи им, ты же отец!

ОН замялся, и ОНА сразу поняла, что дело нечисто.

– У тебя появились секреты от меня?

– Что ты, – поспешно ответил ОН. – Ещё не успел, не хотел при детях... Я видел отца, спросил об этом.

– Ну?

– Он сказал, главное – не упустить момент.

– Но они ещё такие глупые...

– Именно поэтому смелые.

– Начнут соображать, будут бояться.

ОНА задумалась. Дети стояли и дрожали от нетерпения, ОН с любовью смотрел на НЕЁ, на них.

Восторг, который ОН почувствовал, когда впервые увидел своих птенцов, не стал меньше. Наоборот, с каждым днём ощущение счастья заполняло ЕГО всё больше. Каждое движение, каждое дело доставляло ЕМУ такую радость, что хотелось петь и летать. ОН с наслаждением водил семью на озеро, показывал, какой корм вкуснее всего, а что полезней. Клювы у детей скоро окрепли и они отщипывали от каждого стебля. Птенцы шалили, ныряли, брызгались и смеялись от счастья. И всё время норовили шустренько удрать подальше, смешно шлепая по воде лапами. Маме и папе, державшим круговую оборону, приходилось постоянно ловить то одного, то другого и возвращать в стаю. После каждого похода на озеро родители с ног валились, а дети засыпали на ходу. Ели, спали и росли. С каждым днем становились умнее, сильнее...

Словно радуясь этому, с каждым днём расцветала тундра. Стала пёстрой, цветной и такой нарядной, словно невеста на выданье. Наступило лето. Тундровые ароматы волшебным эликсиром наполнили души. Последний штрих великой гармонии торжества жизни.

Когда дети спали, ОНИ, обнявшись, мечтали о том, что дети вырастут, из серых станут белыми, но ещё по-детски несуразными. Как полетят на зимовку в далекую Англию и будут наслаждаться непередаваемым чувством полёта в родной стае, когда взрослые лебеди своими крыльями создают воздушные потоки для детей. А те скользят на них и смеются от радости. И от этой радости всем птицам лететь легко.

– Хорошо, иди, учи их летать, – ОНА объявила решение. – Но если хоть один лапу подвернет, пеняй на себя.

– Мы на берег пойдем.

Зоологи считают высиживание яиц сложным процессом. Оказывается, во всех действиях самки заложен определенный смысл, и все поведенческие этапы составляют неразрывную цепь продолжения рода. Следуя репродуктивному инстинкту, родители целенаправленно отправляются купаться, так как яйца необходимо регулярно увлажнять. Затем необходимо переворачивать яйца. При насиживании кладки воздух в нижней части гнезда застаивается, и почти на порядок возрастает содержание углекислоты. А зародышам нужен кислород, который легче проникает с тупого конца яйца. Здесь

больше пор, и под скорлупой находится воздушная камера. При охлаждении и нагревании яйца происходит сжатие и расширение воздуха в камере, что и обеспечивает вентиляцию внутри яйца. Яйцо покрывается бурыми пятнами, потому что кальций из скорлупы идет на создание костей скелета. Скорлупа становится тонкой и просвечивает.

Птенцы выводковых птиц всегда отзываются на голос родителей, то есть узнают его и запечатлевают «по Лоренцу», то есть идут за движущимся предметом. Если в момент рождения рядом нет родителей, птенец пойдет за тем, кто движется, считая его своим родителем. Нефтяники в Ненецком округе стараются в это время не выходить в тундру, чтобы не встретить новорожденного птенца. Ведь ни остановиться, ни присесть на корточки и не рассмотреть это чудо совершенно невозможно.

А птенец тем временем увидел лицо и всё, считает человека своей мамой, даже если он папа, и будет идти за ним, пока не умрет от голода. Так что тундра в период гнездования не место для прогулок.

Не убивайте нас, пожалуйста...

Они пришли с озера сытые и довольные, устроились на небольшом коврикe ягеля в окружении зеленых кустов. Вечер был тихий, ясный, низкое солнце раззолотило траву и озеро. Дети чистили перышки и устраивались на ночлег, когда ветер донес страшный запах пороха и совсем рядом раздался голос.

– Тридцать пять котлет, представляешь? И это с одного лебеда!

– Надо по солнцу идти, они против солнца ничего не видят. Хоть руками бери, – ответил второй голос.

– Не, лучше дробью.

ОН оцепенел от ужаса. Краем глаза видел, как ОНА показала детям молчать, спрятала их под себя, укрыла крыльями и вжалась в землю.

Они могли бы уйти берегом, пролететь за кустами, спастись... Но ОНА не бросит детей, и ОН их не бросит. Ни ЕЁ, ни детей. Потому что они часть ЕГО, лучшая часть, смысл жизни, больше чем любовь.

И тогда ОН лег рядом с НЕЙ, укрыл её крылом, вытянул длинную шею, прижался к земле, закрыл глаза. Стал похож на крест. Белый крест посреди зеленой тундры.

Если бы ОН был человеком, ОН бы сейчас молился, но ОН был птицей, большой, белоснежной, той, кого люди избрали символом вечной любви. ОН не мог бороться с людьми, мог только покорно ждать, когда они найдут их и...

«Если бы я был человеком, я бы рассказал им, что нельзя убивать любовь, – горько думал ОН. – Я бы попросил их вспомнить историю, когда для английских королей лебедей выращивали на фермах. И спросил бы, знают ли они хоть одного счастливого монарха, объевшегося котлет из лебедей? И что будут вышивать на салфетках девушки, мечтающие о любви? Не страшно, что мечта останется мечтой? Любовь не приходит к тем, кто убивает.

Тридцать пять котлет? Я бы объяснил им, что это неправильный счёт. Убив одного лебеда, вы убьёте всех не родившихся детей, много поколений, не родившихся... Им так трудно вырасти. Они такие хрупкие, гибнут, неправильно приземлившись... ломают тонкие кости. Птицам непросто живется. В прошлом году тайфун смыл с берега гнезда с кладками и яйца утонули. Вы слышали, как кричат от горя лебеди?... Не все могут долететь до зимней стоянки, гибнут в полете, выбившись из сил. И стая долго оплакивает потерю друга. Мы бы и не улетали, нам холод не страшен, но на севере озера замерзают... такая беда. Но мы возвращаемся, чтобы эта земля жила. Она же может жить только в любви...

Не убивайте нас, пожалуйста...».

ОН не заметил, как перешел на шёпот.

– Если бы я был человеком...

ОНА вздрогнула всем телом, повернула к нему голову и посмотрела с такой нежностью, что ОН забыл о людях с ружьями, о вонючем запахе пороха, о слепой смерти.

– Какое счастье, что ты лебедь...

*С благодарностью моему ангелу-хранителю
Любови Викторовне Царьковой
и Андрею Степановичу Глову, посвятившему
жизнь охране ненецкой тундры.*

Лукерия
Валей
Месяц большой
темноты

В Ненецком автономном округе вступил в свои права Месяц большой темноты. Если в Нарьян-Маре или любом посёлке на время выключить электрический свет, на человека, находящегося в это время на улице, опустится осязаемая темнота. Руку вытянешь вперед, не видно её. Вот в такой крошечной темноте посещают различные размышления. Становится жутковато, начинают мерещиться сказочные персонажи.

Послышалось рядом чьё-то дыхание. «Дикий зверь», – пронеслось в сознании. И прятаться не надо: темно, не увидит, но ведь унюхает, дыхание-то рядом. Волна страха прошла с головы до ног и затихла по стойке «смирно»: «Тихо, не волноваться». Кто-то кашлянул в темноте, – верный знак того, что он здесь не один, – это дало возможность перевести дыхание и перейти на «вольно».

«Что это со мной? Еще в армию мечтаю поскорее попасть» – 12-летний подросток, огляделся вокруг себя: «Ни зги не видать». Темнота сковывала движения. Сева пытался шагнуть вперед, но сделать это было не так-то просто, он был похож на слепого без тросточки. Некоторое время ему пришлось передвигаться на ощупь.

Низкое небо спрятало звезды, намеревалась подняться пурга. Было ощущение, что крепчавший ветер обвинил его дважды своим длинным невидимым хвостом и потащил мальчика в сторону. Сева силен устоять на месте, но новый порыв ветра вновь обвинил его и толкал в бок.

На его счастье, раздался залиvistый лай его любимой собаки. «Учуяла-таки меня», – мальчик, близоруко оглядевшись вокруг себя, различил в темноте силуэт собаки.

– Лапка, ко мне! – послышался в темноте голос матери.

Страх сняло, как рукой. С Лапкой не страшно. Если появится дикий песец, она его заранее учует и напугает своим залиvistым лаем. «Ага, напугаешь дикого песца, жди и надейся», – снова пронесли в голове неутешительные мысли.

– Тихо, Лапка, не лай, где-то медведь здесь рядом ходит, в помойках копается. Скорее бы уж дали свет, – продолжал мамин голос.

Кто-то чихнул в темноте, кто-то кашлянул...

«Сейчас как возьму и напугаю всех!» – подкралась к Севе шальная мысль. Так и бывает,

в темноте да в одиночестве человек приходит в замешательство, не знает, как себя вести, а уж когда поймет, что народу вокруг уйма, от смелости голову теряет. Но отказаться от этой затеи мальчику помог свет, который подали как-то очень неожиданно.

Сева определил свое местонахождение. Он стоял в стороне от домов, можно сказать, в тундре. «Ничего себе, отойдешь в сторонку, и в тундру уйдешь в такую-то темень». То там, то здесь зашевелились пешеходы. Ойкая, встал с сугроба дед Мишаня, и, не спеша, пошёл в направлении своего дома. Мама, оправившись от темноты, наконец-то заметила Севу.

Вот так-то, Месяц Большой Темноты – это вам не шуточки.

Становище смелых рыбаков

На берегу бухты под названием Карская губа притулился посёлок Усть-Кара, становище смелых рыбаков, любителей карского омуля, сига, наваги. Штиль – не штиль, заводятся моторки и, разрезая волны, «Казанки», «Прогрессы» устремляются в рыбные места, хотя белая рыба прекрасно ловится на самой губе, буквально возле домов.

Семья Хатанзейских нередко пользуется неводом. Соберётся мало-мальски подходящая компания, будь то взрослые или подростки, и начинается самая настоящая рыбалка. Отойдя на лодке не так далеко от берега, забрасывается в воду невод. Спустя небольшой промежуток времени даётся команда: «Тяни!» и береговая команда, дружно поднапрягшись, тянет невод к берегу за оба верёвочных конца.

Нелёгко труд рыбака, но всё-же вперемежку с тиною морскою, как водится, попадает приличное количество рыбы, которую в конце рыбалки делят поровну между рыбаками, даже между теми, кто по мере своего малого возраста и роста, возможно, и висел на конце верёвки, стараясь приобщиться к этому, скажем так, благородному труду. Тут всё честно, рыбак есть рыбак.

Мокрые от верёвки, вполне довольные, рыбаки возвращаются домой с уловом, и с достоинством взрослого рыбака, малыш, у

которого нет отца-рыбака, подаёт матери сеточку свежей рыбки, им самим пойманную.

А та, скрывая неволью нахлынувшую радость, благодарит малого сына за улов, думая про себя: «Есть ещё добрые люди на свете. Да благословит их Господь».

А чета Хатанзейских, считая это привычным делом, делает скоросолку ли, варит-парит, солил рыбу, но не останавливается на достигнутом. Возможно, тут есть место и романтике, по-моему, всякий живущий возле моря не обделён этим прекрасным чувством новизны.

Морошка поспела, нужно её брать вовремя: «Сэкыс вед киссяс... Колэ мунны. Вай, воедам островас» («Иначе она перезреет, надо идти. Давай быстренько съездим на остров»). И летит моторка, обретая крылья, по-над водами-волнами.

Есть, конечно, морошковые места и за Сидевангой. Летит моторка и туда. Тут и Куманёк-Егор подвернулся, как не взять безобидного парня. Погода наладилась, когда ехали на Сидевангу.

Поставили лодку на якорь и углубились в тундру, хотя далеко ходить не надо, только собирай, не ленись. С малыми перерывами собрали, сколько можно было, этой сочной янтарной красы-ягоды, и пора возвращаться домой.

Наладившаяся погода не думала остаться надолго: небо потемнело от набрякших туч, вот-вот дождик хлынет.

Казалось, был направлен к ягодникам испытующий ветер. Море клокотало, вздымая волны. Судёнышко вздымалось чуть ли не на дыбы. У северного человека не отнимешь юмора и в этой нелёгкой ситуации. Волна резко обдавала сидящих у руля мужчин своим холодным душем, буквально струилась и по лицу, и по демисезонной малице Куманька-Егора, на что он реагировал шутливо: «Ух, хорошо! Хорошо-то как!» И так каждый раз, когда его волна обдавала своим холодными, приводящими в чувство струями.

О том, что намокнет Прасковья, Алексей не переживал, она сидела на корме, а корма всегда вздымалась вверх, холодные струи воды доставались лишь мужчинам. Лишь бы крепко держалась. Хотя и пишем о себе, что, мол, мы - бывалые моряки, но от такого рассказа мне было не по себе, ведь действительно опасно тягаться с вышедшей из себя морской губой.

Мне привелось как-то возвращаться по губе из стойбища брата Микула именно в подобную погоду, хотя ветер был намного меньшей силы, но ехать в вздымающихся волнах было страшновато. Успокаивало то, что лодочник, а им был Юрий Артеев, сидел за рулём, словно приросший к нему, и это вселяло чувство безопасности: «Доедем». Было конечно жаль моториста, что он так и просидел всю дорогу, не двигаясь.

Прасковья, как рассказывал Алексей, когда у неё ещё слух был хорошим, умела распознавать по звуку моторки предстоящую проблему. Это давало возможность получше подготовиться

к следующей поездке. Вот такие вот дела у прибрежного села!

Морские там водятся разные звери:
Тюлени и нерпы, моржи и медведи.
Различная рыба: навага и омуль
В соленой морской проживает воде.
Но вдруг почему-то треска появилась,
И местная рыба куда-то уплыла.
И сёмга – царь-рыба приплыла сюда,
А карский наш омуль ушёл, но куда?
А может он лучшее место нашёл,
Трески испугался, на полюс ушёл?
И вот рыбаки говорят про него:
«В холодной водичке ему хорошо,
А в теплой водичке ему нелегко.
Жара опустила на карскую землю,
Водичка нагрелась, купаемся мы, –
И Карское море как Чёрное море, –
Такие курорты нам тоже нужны».
А осенью птицы на юг улетели,
Когда же у нас появились метели.
А той же порою метели умчались,
Жара двадцать градусов, как обещали,
Приходит на карскую землю опять,
Вернулись все гуси, и ну – гоготать
И, словно весною, над нами летать!

Но, долго не думая, осень пришла...

Медведица с медвежонком

Вот дядюшка Лёша и тётушка Паня
С внучатами Ромочкой и Виталиной
Решили на лодке скатать за морошкой.
На сопке соседней тех ягодок много.
По форме морошечка, словно малина,
И на ежевику похожа она.
Бывает порой ярко-красного цвета,
А если поспеет, блестит янтарем.
И сладкую ягоду, кислую ягоду –
В ведерки, лукошки все дружно берем.
За ней и поехали наши тогда.
Вот к берегу лодка всё ближе и ближе.
Но кто на пригорочке белый сидит,
На них он, как в шубу одетый, глядит?
И крикнула тётушка: – Леша, медведь!
Ты слышишь, моторку скорей разверни!
Вот к берегу мишка пошел неспеша,
У наших от страха зажалась душа.
Но видят, медведь к ручейку зашагал.
К нему медвежонок навстречу шагал.
Медведица мордой коснулась его,
Как будто жалела сына своего.
Потом говорили: медведица эта
Проводит здесь мирно не первое лето.
Холодные ветры с собой принесла.
Метели завыли, застыла вода, –
И омуль вернулся в родные места.

И лодка за лодкой – за рыбой вперед
И снова доволен усть-карский народ.
Лето 2012

Проходила жизнь по Божьим меркам:
Был народ в семье велик числом.
Сладкой не была, но и не терпкой
Жизнь под красным и святым углом.

Дивный край дарил свои подарки:
Цвет морошки — вновь теплеет взгляд.
Из того соцветия заварки
Не найти полезней, говорят.

И ещё вкусней морошки спелой,
Что недуг снимает, как рукой,
Не найти хозяйшке умелой
Ни за морем, ни другой рекой.

На Печоре сёмужка бурлила,
Будоража волнушки хвостом,
Рыбакам улов большой сулила —
На сегодня хватит, на потом.

Тоня за тоней... Бросает рыбак
Невод свой. Водную гладь
Вновь рассекает, на что и мастак,
Рыбки чтоб больше поймать.

Рыбка увесиста, рыбка мала
Блещет, играя в воде.
Речка Печорушка столько дала,
Сколько не видел нигде.

Промысел трудный — ветра, холода,
Нужно им всё претерпеть.
Дождик застанет, небесна вода, —
Тут уж не высушишь сеть.

Отдых короткий рыбак лишь возьмёт,
Не усидит на печи,
Снова взбодрится, артель созовёт,
Жалкую жизнь не влачит.

Под северным небом,
То низким-высоким,
Конечно, случается всё:
Печали и радость, —
Всеми свои сроки.
Взгрустнётся порою ещё,
Легонько так,
Коль от трудов отвлечёшься,
Что зимняя темень длинна,
И песню свою заунывную ветер
Выводит. Но вот и луна
Из тьмы той кромешной

Выходит неспешно,
И спрячется снова она,
Но всё же успеет
Согреть своим взглядом
В моём Пустозерье дома.

Желтели одуванчики весной,
В восторге взор направлен в небеса,
Голубизна которых, я не скрою,
Пленила красотой мои глаза.

Как всё прекрасно Бог создал на свете —
Смешные солнышки цвели у самых ног,
Хвалили Бога птички на рассвете,
К своим твореньям снизойти Он смог.

Чтоб показать любовь свою большую,
Рассыпал всюду яркие цветы.
Хотя любви великой я не стою,
Освободил меня от пустоты.

Стремится Бог собою лишь наполнить,
Ведь вся земля — подножие Его,
Желая каждому из нас напомнить,
Что есть начало и конец всего.

Начало помыслов — ярчайшие цветочки —
Полезной жизнью полнятся все дни.
В пушинку превратились лепесточки,
И разлетелись по ветру они.

Не дай, Господь, чтоб помыслы благие
Вдруг превратились снова в пустоту,
Но чтоб плоды собрали мы такие,
Какие с радостью забрал бы Ты!

Приливы-отливы

Нарьян-Мар

Мне не по нраву те отливы,
Что оставляли на мели
Молюсков в ракушках,
пугливо
Что дням последним счёт вели.

О, Дух Святой, я б не хотела
Тобой оставленною быть,
Ведь знаешь Сам: без духа тело
Безжизненно лишь будет стыть.

Души пречистые приливы
Вновь силой наделяют тех,
Кто ожидает терпеливо
Нескорый жизненный успех.

Прилив, отлив — как всё знакомо:
Беднеем духом, силы ждём.
Но хорошо бывает дома,
Когда Дух Божий есть при нём.

Стихи я начала писать с 15 лет, и оттого, что после слёз одиночества в меня вселилось прекрасное чувство большой любви до слёз (но уже совершенно других слёз), к моим родным тундровым просторам и дорогим моим родителям, папе и маме. Они находились далеко от меня, я же воспитывалась в пришкольном интернате посёлка Амдерма, что стоит на побережье Карского моря, на самой краешке земли.

Детство есть детство, и забавы были, катания с гор на лыжах, и ещё на салазках, выгнутых из нетолстых труб. Вцепимся человек семь-восемь, и несёмся по улице Полярной вниз.

Это прекрасное чувство большой любви до слёз пришло ко мне вовремя и помогло пережить моё одиночество.

Позже поняла, что это мама молилась за меня. Мне всегда хотелось быть рядом с моими родителями, но нужно было учиться, и тяга к учёбе была по их же молитвам.

Господь, как велика Твоя любовь!
И в полноте её не передать стихами.
Но хочется мне, как и прежде, вновь
Хвалу ей петь и днями, и ночами.

Когда была ещё подростком я,
Мне день казался новой страницей
Из тьмы и света, а моя семья
Была в то время как бы за границей.

В кочевиях далёких вся родня,
Из тундры почта редко поступала,
И, осознавши среди бела дня,
Как узок мир, в уныние впадала.

Вселил в меня тогда свою любовь
Великий Бог, – и сердце стало шире!
С особой силой ощутила вновь
Я близость с папой, мамой в этом мире,

Что где-то с тундрой они наедине,
По-прежнему кочуют мимо сопок,
Как прежде солнце светит в вышине, –
И чувство это было так высоко!

И так хотелось мне писать стихи!
Огромный мир вместился в сердце разом!
Но были неказисты и тихи
Слова мои, и тесно было фразам.

От них не веяло ни летом, ни весной,
Ни ветерком, летящим вслед кочевью,
Но поняла я – весь мой путь земной
Отныне будет сотканный любовью!

Господь! Как велика твоя любовь!
И в полноте её не передать стихами,
Но хочется мне всё же вновь и вновь
Хвалу ей петь и днями, и ночами!

Узкий путь

В тесноте неровною тропкою
Тянутся по ворге среди ив
Аргиши оленные порою...
Замечаю: жизни ритм красив.
Стукнет ива веткою упругой,
Брызнет из-под полоза водой,
Оборвется санная подпруга, –
То не называется бедой.
Также нас Господь ведет тропкою
Узкою, тернистой, непростой.
Испытаний этих, я не скрою,
Принимаю с истиной святой.

*Ворга – санная дорога
Аргиш – олений санный поезд*

Встреча с родиной

Полусон, полуявь – по Усть-Каре иду,
Мне не верится в то, что по снегу бреду,
Прикасясь к домам, почерневшим давно, –
В этом видится мне дорогое одно:

Детство, юность свои направляют шаги
В лучезарную даль... Вспомнить мне помощи,
О, Усть-Кара моя, неземную красу
Твоих вздыбленных волн и на травах росу.

Здесь морошковый цвет, вся морошка в цвету...
Колокольчиков звон, будь со мною в ладу,
Потому что за дальние сопки ушло
То, что сердце покой в дальней дали нашло.

Я пытаюсь войти в твою новую жизнь,
И в ответ осторожно мне шепчешь: «Держись!
Я тебя по-отцовски, как прежде люблю!» –
И в ответ я сородичей взгляды ловлю.

В них – любовь и участие, и радостный свет,
За все годы мои, расставанья ответ.
Не старей же, Усть-Кара, а лишь молодежь!
Богом создана ты для отважных людей!
07.01.2018, Усть-Кара

Встреча

Известный российский поэт и переводчик Валерий Петрович Аушев, отметивший в сентябре 2017г. своё 75-летие, посетил столицу Ненецкого автономного округа г. Нарьян-Мар. Немало воды утекло с той поры, как юбиляр покинул Заполярье, в котором трудился вместе с корифеями ненецкой литературы.

Немного экскурса в историю. Костяк литературного объединения «Заполярье», основанного в 1934 году, традиционно состоял из корреспондентов окружной газеты «Няръяна вындер». В конце семидесятых среди

корреспондентов трудился молодой журналист из Архангельска Валерий Петрович Аушев. Из-под его пера появлялись очерки, стихи, отображающие исторические события и будни ненецкой земли.

Сотрудничество и дружба с ненецким поэтом, членом Союза писателей Прокопием Андреевичем Явтысым способствует знакомству корреспондента с ненецким народом и его культурой. Появляются переводческие труды с ненецкого языка на русский. С Явтысым Аушеву было легко общаться: яркий и энергичный носитель ненецкой культуры горел желанием творить на родном языке и прославить его.

Мой ненецкий язык

Мой ненецкий язык
сильней ветров полярных,
И голос мой метели не сотрут.
Соцветиями северных сияний
Мои слова над тундрой плывут.

Горят кострами у далеких чумов,
И над стадами в песнях пастухов
Несут они возвышенную думу
Моей земли до самых облаков.

– так звучат незабываемые строки известного стихотворения П.А. Явтысого о родном языке, отображающего чаяния народа.

Валерий Петрович Аушев дружил с ещё одним ненецким поэтом-классиком, членом Союза писателей, Василием Николаевичем Ледковым, переехавшим в Архангельск. Его произведения на ненецком языке не давали покоя молодому переводчику Аушеву. Вживанию в литературные образы Ледкова немало способствовала месячная командировка в ненецкое стойбище на реке Неруте.

Впоследствии появляется сборник детских стихов В. Ледкова в переводе В. Аушева «Солнце сна лишилось». Оформленный занимательными иллюстрациями сборник завладел вниманием юных читателей. В нём рассказывается об играх и забавах ненецких детей, о том, как вырастают из них верные помощники отцам и старшим братьям-охотникам, рыбакам, оленеводам.

Поэт Василий Ледков и переводчик Валерий Аушев доступным для детей языком доводят до юного читателя, насколько прекрасна жизнь в тундре, насколько это счастливая пора – детство тундровых ребятишек. Настолько доходчиво написано и легко, что веришь этой прекрасной жизни тундровых детишек и даже немного завидуешь, ведь детство-то давно прошло, а как бы хотелось вновь в него окунуться. В детских стихах часто используется диалог, герои произведений беседуют между собой.

В школу

С августом простилась тундра
С кружевом оленьих тропок.
Тундру всю объехать трудно, –
У оленей шаг короток.
И меня олени мчали
В Нарьян-Мар без передышки
И на кочках укачали, –
Я уснул, сжимая книжки.
– Ты не спи, приедем скоро, –
Брат меня встряхнул за плечи.
Приближался Красный город,
А над ним морозный вечер.
Первый день в ребячьей школе:
Луч играет на окне.
Вместо быстрых нарт легко ли
Усидеть за партой мне.
Но сижу, тетрадь листаю –
Сколько чистых в ней страниц!
Словно вижу птичью стаю
Лебедей и лебедиц,
Словно вглядываюсь в небо,
Где ныряет глубоко
Солнце золотою нерпой
Среди белых облаков.
На всю зиму мне не страшно
Здесь остаться одному.
Научусь, как брат мой старший,
Счёту, чтению и письму.
А весной оленей крепких
Погоню я поскорей
И в пути из пальцев цепких
Вряд ли выпущу хорей.
Где там ветер? Не утнаться,
Даже ветер нипочём.
Пусть олени резво мчатся:
Здравствуй, тундра,
Здравствуй, дом!

Алексей Ильич Пичков, член Союза писателей, талантливый ненецкий поэт, пишущий на русском языке лирические стихи, в то время уже около десяти лет жил вдалеке от Нарьян-Мара, в частности, пять лет трудился заведующим клубом в живописном местечке на реке Печоре, в посёлке Хонгурей. Судьба распорядилась дать ему некоторый отпуск от повседневных корреспондентских дел.

Мы лирику храним у сердца свято,
Что из того, что кто-нибудь взгрустнёт,
Когда позёмка по земле метёт
И ветер плачет в скалах виновато.
И зверь в ловушке жалобно кричит,
Изранив лапы смёрзшимся железом.
А над землёй, над дальней кромкой леса,
Одна звезда таинственно дрожит.
А мы храним в душе своей тепло
Лирических взволнованных раздумий.
Мы спорим о поэтах в тесном чуме,
Всей непогоде пасмурной назло.

Произведения ведущих литераторов Ненецкого округа, публикуемые в альманахах, авторских сборниках и на страницах «Няръянки», незримо совершали своё благородное дело – пестовали в душах людей гражданскую позицию, исходящую из любви к родному краю. Каждое поколение заботится о своих потомках, также и литераторы «Заполярья» задумались о пишущей современной ненецкой молодёжи, которая когда-то должна была заявить о себе.

В марте 1977 г. в журнале «Дружба народов» публикуются под редакцией москвички Евгении Алексеевны Прусаковой (после окончания её корреспондентской деятельности в окружной газете «Няръяна вындер») стихи трёх молодых ненецких поэтесс: Анны Лаптандер (п. Нельмин-Нос), Марии Косковой (п. Хонгурей), Лукерии Валей (п. Усть-Кара). Появление новых имён стало радостным событием в округе. Новая литературная волна подействовала на поэта Алексея Пичкова вдохновляюще, – нужно поддержать молодую поэзию в её становлении, и он переезжает жить в Нарьян-Мар. В то время литобъединением руководит журналист Виктор Фёдорович Толкачёв.

В 1981 году (в год 26 съезда КПСС) ЛитО «Заполярье» собирает своих литераторов и принимает молодых поэтесс в свой состав. Вспоминаю, что буквально после самолёта я попала на торжественное мероприятие. Было необычно сидеть в президиуме среди старших литераторов, а затем выходить к микрофону со своими стихами. Виктор Фёдорович Толкачёв, хорошо знакомый мне по Усть-Каре, подбадривал меня.

Песня

И снова море Карское, маня,
Навстречу тянет свои руки-волны,
Чтобы приветить, обласкать меня
И сердце вдохновением наполнить.

Я провожу у моря вечера,
Ловлю улыбку белолицей ночи,
Рыбацкие встречаю катера,
Что с гребней волн срывают пены клочья.

Пусть повторится море и волна,
Пусть у камней пушится пена снова,
Шумит прибой... но в сердце тишина,
А в тишине рождаются песне новой.

Затем было знакомство со всеми литераторами, среди которых был и Валерий Аушев, приехавший из Архангельска. Нас с ним определили поучаствовать во встречах в окружной библиотеке и педагогическом училище им. И.П. Выучейского. Среди стихов звучали и авторские песни В. Аушева под гитару. Нужно отметить, что эмоциональная атмосфера

того времени и по сей день живёт в памяти.

В ноябрьские-декабрьские дни 2017 г., по случаю 85-летия известного ненецкого поэта Прокопия Явтысого, хотелось больше встреч и воспоминаний, но не было среди нас самого виновника торжества, не было и других старших литераторов. Они давно покинули этот бранный мир, в утешение оставив нам свои незабываемые строки о любви к человеку и родной земле. Ожившие строки на празднике «Семь кочевий к горизонту» красноречиво говорили нам: «Мы с вами!» Благодарность всем участникам праздника и Вячеславу Алексеевичу Выучейскому, нашему земляку, ныне москвичу, председателю ненецкого землячества в Москве, за поддержку Валерия Петровича Аушева в путешествиях по старому и новому Нарьян-Мару, в том числе и по волнам памяти, а также настрой на перспективу – совместное творчество и обмен своими делегациями. В те дни, можно сказать, произошёл уже, хоть и спонтанный, но обмен делегаций: в сентябре на юбилейный огонёк В.П. Аушева завернул ненецкий театр «Илебц» («Жизнь»), следовавший по дальнему маршруту, за границу. Появление на торжестве ярко-одетой публики в красочных ненецких паницах, звучание ненецкой речи и песен его собратьев по перу в прекрасном исполнении артистов театра, ошеломил юбиляра неожиданностью, но в то же время и своевременностью. Визит в Нарьян-Мар В.А. Выучейского и В.П. Аушева в конце 2017 г. стал ответным.

Пусть наступивший 2018 год откроет новые горизонты встреч. Крепкого всем здоровья, благополучия, распахнутой души и благодатного сердца! Пусть наши дети и внуки вникают в то, чем дышат, о чём переживают их родители и деды! Есть и среди наших детей литературно-одарённые, пусть они радуют нас своим талантом!

Стихи в данном эссе переведены на русский язык В.П. Аушевым.

Лариса
Шоропова
Василий Ледков
и его жизнь

По материалам публикации
в газете «Выбор НАО» в декабре 2013 года

Василий Николаевич Ледков – ненецкий поэт, писатель и переводчик, родился 16 декабря 1933 года в семье оленевода, на территории Большеземельской тундры Ненецкого автономного округа. В неполных семь лет начал посещать начальную школу в поселке Чёрная, а через два года был переведён в семилетку на острове Варандей. В этом же 1942 году умерла мать и все заботы о многодетной семье взял на себя отец. Возможно, поэтому Василий очень часто убежал из школы домой и смог окончить её лишь в 1951 году. С ведомостью о неполном среднем образовании Ледков был направлен в Ленинград для продолжения обучения на подготовительных курсах. Там же в 1959 году окончил филологический факультет при Педагогическом институте имени Герцена. Студенческая жизнь проходила бурно. С новыми друзьями Рытхэу, Санги и др. собирались в общезитии и читали свои стихи и рассказы, обсуждали новинки литературы, спорили. Тут же в общезитии в кругу друзей зародилась идея создания университета Народов Севера. Созвали собрание. Но кто-то сообщил секретарю парткома и он разогнал молодых людей.

В 1959 г. в Ленинград приезжает первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. «Бунтовщики-студенты» поспешили к гостинице, где остановился Никита Сергеевич. Естественно, охрана к нему не пропустила, но обещали передать доклады студентов. Это было на 5 курсе. В.Н. Ледкова исключили из комсомола. Приказом ректора вузовский диплом «социально-опасному элементу» велено было выдать через два года и только при наличии положительной характеристики.

Успешно закончив курс обучения в Ленинграде, Василий возвратился домой в родной Варандей в ранге учителя без диплома, но с огромным творческим потенциалом. Василий Николаевич работал воспитателем в школе-интернате. Организовал спортивные состязания, литературные вечера. На все праздники жители Варандея собирались в помещении клуба или школы.

Первое время работал преподавателем в местных школах, а затем перешёл в газету «Нарьяна вындер» в Нарьян-Маре. В эти же годы продолжил писать стихи и в 1960 году дебютировал с первым личным

поэтическим сборником «Детям моего стойбища». Напомним, что самая первая (написанная совместно с Алексеем Пичковым) книга стихов называлась «Далеко Сэрнэ моя живёт».

После нескольких изданий в 1962 году был принят в Союз писателей СССР и в этом же году поступил в Московский литературный институт. По его окончании, вся оставшаяся жизнь была посвящена писательскому творчеству.

Бужу весь Нарьян-Мар!

Каким был он, Василий Николаевич Ледков, член Союза писателей СССР, лауреат Всероссийской литературной премии имени Фёдора Абрамова, ненецкий поэт, прозаик, переводчик, исследователь и знаток ненецкого эпоса, один из создателей ненецкого литературного языка?

Я очень счастлива, что меня пригласила вдова Василия Ледкова – Алевтина Ивановна, живущая ныне в Архангельске, и я побывала в квартире на Воскресенской улице, где поэт прожил долгие годы. Это очень скромная, по современным меркам, квартира, но в ней – уверена – до сих пор живёт дух великого ненецкого поэта и мыслителя. Здесь всюду его книги и почтительное отношение к творческому наследию мужа, отца, деда.

...Аля Данилова работала фельдшером в посёлке на берегу Баренцева моря – Варандее, у неё уже был сын Виктор от первого брака, когда туда после окончания института имени Герцена приехал молодой Василий Ледков. Он, потомок древнего рода ненцев Паханзеда (по отцу), а по матери – племянник первого ненецкого учёного Антона Пырерки, шаманские знания сумел соединить с достижениями современной культуры и науки.

– Первую встречу помните? – спрашиваю у Алевтины Ивановны.

– Ох, давно это было... Наверное в школе я его увидела первый раз. Он ведь спортсмен был,

так на голове стоял, дурачился, их тогда человек пять приехало из герценовского института в нашу школу работать. Василий же после восьми лет учёбы в Ленинграде европейский был, не тундровик... Стиляга!

В 1959 году они поженились, через два года родилась дочь Лидия... В 1962 году Василия Ледкова приняли в Союз писателей, а за год до этого пригласили работать в Нарьян-Мар, в окружную газету. «Позвали в газету, а попал на радио... Говорил мне потом, спустя годы, мол, сколько лет прошло, как я уехал, а всё ещё нарьянмарцев приветствую по утрам на ненецком, бужу всех!» – вспоминает вдова.

Василий Николаевич дома не сидел, всё по командировкам мотался, а потом два года учился в Москве, на Высших литературных курсах. Семья Ледковых жила в Городецком, на самом берегу.

– Когда мы переехали в Нарьян-Мар, у нас уже двое детей было – сын и дочь, – рассказывает Алевтина Ивановна. – Я работала на скорой помощи фельдшером, мы дежурили с 21 часа до девяти утра. Утром сын вставал, на керогазе чай грел, сам напьётся и сестру напоит, отведёт её в детсад и в школу идёт. Прихожу – дома никого нет. Хоть я няньку держала, на ночь они одни оставались. Вызов если в нашу сторону есть – подъедем, слушаю: тихо – значит, спят. Ключ я в дверях оставляла – на случай пожара, чтобы детей хоть спасли. Теперь такое трудно представить. Но надо было работать. На одну зарплату тяжело жить, да и не принято было дома сидеть.

В 1965 году Василий Николаевич с семьёй переезжает в Архангельск, где ему от Союза писателей предоставили квартиру.

– Поселились в Архангельске, а надо было в Ленинград ехать – его там знали, он там учился, издавался. А здесь его не приняли с распростёртыми объятиями... Он был лишний.

– Но выбор же был чем-то обоснован?

– Пообещали жильё. Я сразу же на работу устроилась, а Василий без работы был первое время, потом его в «Правду Севера» приняли. Вскоре я родила дочку, назвали Иринкой, в честь мамы Василия. Пока я была в роддоме, к мужу приехал друг из Мурманска, писатель, и они загуляли, на работу он не вышел, и его выгнали. Что делать? Пошла на работу я, а он с ребёнком сидел – худо ли, добро ли, Иринка выросла.

По словам Алевтины Ивановны, два года семья бедствовала, она брала любую подработку, но и Василий без работы не сидел – то в командировку съездит от газеты, то рецензию напишет, то выступит где-нибудь со своими стихами. Постепенно жизнь наладилась. А потом Василий Николаевич полностью ушёл в творчество, и уже не пытался найти постоянную работу. Понял, что его призвание в другом – в служении творчеству, своему языку, своему народу.

Трудная доля

– Алевтина Ивановна, трудно быть спутницей такого человека, как Василий Ледков?

– Конечно трудно... Так-то он человек хороший был – добрый, отзывчивый, не злобный, не ругался... Но любил выпить. Может не столько любил, сколько его приглашали и принуждали к этому делу: «Ты меня не уважаешь? Ты не наш!» И пошло-поехало... Ему и от своих, тундровиков, порой доставалось: «Эй, Васька! Ты чего, зазнался?»

– Делился с вами своими задумками, когда писал?

– Когда стихи писал – не говорил, а про большие произведения конечно рассказывал. Советовался, как то или иное слово по-русски пишется.

– Есть у вас любимое стихотворение? Или что-то из прозы?

– Мне нравится такая маленькая повестушечка – «Синева в аркане». Мне вообще нравится его язык – Василий необычно писал, такие выражения, такие слова находил! Он может так цветок или веточку описать – сотню эпитетов найдёт... Я тогда глупая была, не понимала, что каждое стихотворение – с большим философским смыслом. Вот его последняя книжица, Нарьян-Мар выпустил...

Алевтина Ивановна достаёт «Белую державу», раскрывает страничку с закладкой, и читает:

Могильный покой и меня не минует,
Костёр мой навеки упрячет под снег.
И клеткою каждой любую минуту
Живу я и радуюсь: я – человек!
Бывает, порою рвёт сердце тоска мне,
Но снова сплетается радости нить.
Я женскую прелесть и в бронзе, и в камне,
И в жизни давно научился ценить.
А слава... Известно, что это отравы
Дурнее, чем водка и огненный спирт.
За ней признаю я посмертное право,
Пока же пусть ходит к другим или спит.

Они вырастили сына и двух дочерей, четырёх внуков – один учится на истфаке в САФУ, другой вернулся на днях из армии, отслужив на Дальнем Востоке, внучка Алиса учится в Санкт-Петербурге на политолога, сама издала сборничек стихов и сказки для детей...

Источник вдохновения

Совсем не случайно «Синева в аркане» – любимое произведение спутницы жизни Василия Ледкова, ведь оно во многом автобиографично, это, по сути, рассказ писателя о самом себе. И имя у героя – Василий Ледков. «В повести «Синева в аркане» романтическое мироощущение пронизывает всё, – писал в своё время литературный критик Шамиль Галимов, – и изображение спутницы повествователя – девушки Лиды, с её небесными глазами, влюблёнными в тундровое многоцветье, и сцены исполнения ненецких песен, и картины природы, и авторскую речь. Пейзаж, например, в произведении очень активен... Так, рассказ героя о самом себе расцвечен сиянием тундровых звёзд: «Над нами звёзды. Спелые звёзды. Они пляшут. А впрочем... звёзды ли пляшут или прыгают нарты – не поймёшь. Над головами ненцев всегда качались звёзды и пел в ушах ветер. Ненец без дороги – не ненец, и дорога мертва, если в такт перестуку оленьих копыт не бьётся его сердце...». «Звёзды как бы сбились с места и начали разматываться в небе огненными нитями».

– Почему Василий Ледков любил философа Иммануила Канта? – задаёт вопрос писатель Виктор Толкачёв и сам на него отвечает. – Потому что у Канта любимая мысль была такая: «Две вещи наполняют душу благоговением – это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне». И мне понятно, почему Василию Николаевичу дороги эти слова и почему сам философ был ему близок – ведь у него звёзды всегда были над головой, когда он в детстве кочевал с родителями по тундре. А внутренний нравственный закон тоже был – это закон его предков, его земли, он его чтит, исповедовал, и он диктовал его отношение к людям, ко всему окружающему.

Василий Ледков был человеком скромным, даже застенчивым – об этом говорят многие знавшие его люди. Но когда видел, что ненецкий язык, язык его народа, забывается, затаптывается, он становился смелым и с гневом вопрошал: почему на ненецком не печатаются стихи? Почему язык умирает? Почему его плохо преподают в Ненецком округе? Это поэт понял, когда побывал в Финляндии, на конференции писателей уралоязычных народов мира на тему «Родной язык – моя родина».

«Меня сильно удивило то, что встречавшие нас финны... говорили на ненецком без акцента, – писал Василий Ледков в последней автобиографии, опубликованной в книге

«Ненецкий край: сквозь вьюги лет». – Много чище моих земляков в городах и сёлах тундры. Но кроме удивления и искренней радости, это вызвало чувство горечи и обиды за крайне низкое качество преподавания языка в ненецких округах и на кафедре языков Севера в институте в Санкт-Петербурге. Причины мне ясны и понятны. Но что в состоянии сделать я? Что в моих силах? Я вижу, что мой язык... катастрофически теряется, сходя на серый, примитивный, усечённо-бытовой; уходит в небытие художественный, цветисто-яркий, метафоричный язык – лицо и душа народа. И понял, что единственная сейчас моя возможность – это перевести на ненецкий финский эпос «Калевала» с мягким пока отходом в правописание с обилием гортанных смычных, которые ломают и коверкают плавное звучание ненецкой речи, затрудняют чтение и изучение...».

Тридцать эпитетов к слову «снег»

С кем бы ни говорила я о Ледкове – с писателями, библиотекарями или земляками – сама собой всплывала тема «Калевалы» – где она сейчас? Почему до сих пор не опубликована? Версии звучали разные. И я решилась спросить о рукописи «Калевалы» у вдовы писателя.

– «Калевала» находится у Бориса Михайловича Егорова, директора Архангельского литературного музея, – ответила Алевтина Ивановна. – Об этом мне сказал сам Егоров, что Василий передал ему рукопись в хорошем состоянии, отпечатанную на мелованной бумаге. А второй, черновой вариант, я отнесла в Союз писателей.

И вот я иду на встречу с Борисом Егоровым в Литературный музей. Это частный музей, на содержание которого Егоров, по его словам, не получает ни от кого, в том числе от государства, ни копейки. Слово за слово – познакомились. Я была поражена, как Борис Михайлович с супругой, журналистом Людмилой Егоровой, по сути, вдвоём создали такой замечательный музей, имеющий интереснейшие архивы, в том числе по потомкам Пушкина, жившим в Архангельске, постоянные экспозиции по многим северным писателям – Борису Шергину, Фёдору Абрамову, Александру Михайлову, Владимиру Личутину и другим. Есть экспозиция, посвящённая писателям-ненцам и пишущим о ненцах и ненецком крае – тут выставлены книги Пэля Пунуха (Тимофея Петровича Синицына), издание 1936 года – «Ненецкие сказки» под редакцией Вячеслава Тонкова, книги Алексея

Пичкова, Прокопия Явтысого, и, конечно же, Василия Ледкова. Есть и вещи, принадлежавшие писателям, например, настоящая трубка Аркадия Гайдара, личное Евангелие Бориса Шергина, письма Людмилы Дербиной Николаю Рубцову.

Выяснилось, что Борис Егоров – мой коллега, журналист, работал в «Правде Севера», возглавлял газету Приморского района «Ленинский завет». И в «ПС», и в приморской районке работал вместе с Василием Ледковым, а впервые его увидел в 1968 году, только приехав в Архангельск.

– Раньше на Красной пристани поэты читали стихи, – вспоминает Борис Егоров. – Мы пришли туда с будущим поэтом Валентином Устиновым. Вышел человек и начал читать стихи – не по-русски. Но, если это поэзия, то звучит музыка. Ты слов не понимаешь, но само сочетание звуков – гласных и согласных – вызывает какое-то чувство. От стихов незнакомца повеяло вьюгой... Я не знал, что он ненец, лишь подумал – из малочисленных народов Севера. Молодой человек закончил декламировать, и мы с ним познакомились. «А я про вьюгу и читал», – сказал довольный Василий.

– У Василия лирика, и лирика чисто ненецкая, – продолжает Борис Михайлович, – он мысли выражал на ненецком языке, я бы сказал – с ненецким уклоном. Мы как-то говорили с ним о богатстве языка, о Пушкине и Шекспире. Иногда говорят: «У малочисленных народов язык небогатый» – это не так! Просто невозможно всё перевести. Нельзя порой передать все чувства русского человека или европейца на языках малочисленных народов. Но русский язык богат в одном, ненецкий – в другом, коми – в третьем... «Ну вот скажи мне, сколько эпитетов снега знаешь?», – спросил как-то меня Василий. Я назвал около десяти эпитетов и остановился, а Василий с ходу назвал тридцать! О чём это говорит? Ненцы живут на Севере, для них снег – это их жизнь, и они его тоньше чувствуют, тоньше ощущают. Как же ненец под снегом дорогу находит, если всё замело? А он – находит, чувствует!

– Мы же знакомы только с переводами, и это тоже восприятие русского или другой национальности человека, – заметила я.

– Верно – это другое, – согласился Егоров. – Тут можно чувствовать, тем более, звуки гортанные не знаешь, вначале вроде бы непривычно, а когда лирически льётся – это здорово.

Судьба «Калевалы»

На мой вопрос о судьбе «Калевалы» Борис Михайлович ответил так:

– Василий Ледков завещал мне издать «Калевалу», отдал мне рукопись, вернее, машинопись. У жены – авторское право на это издание. Но всё не так просто, хотя работа идёт. Вначале нужно было набрать на ненецком, ведь издавать хотим на трёх языках – ненецком, финском и русском. Василий переводил финский эпос на родной язык с русского языка, ведь русский он всё-таки знал лучше, чем финский. И русский перевод хороший. В течение двух лет издадим «Калевалу» – там много вычитки. На ненецком уже почти вычитали – мне очень помогает Роза Ивановна Канюкова, она прекрасно знает язык, очень ответственная, заботливая, уважает Василия Николаевича, считает, что он великий поэт. Мы оба так считаем, и мне приятно с ней работать.

Роза Ивановна Канюкова, одна из лучших специалистов по ненецкому языку в НАО, также, как и Борис Егоров, трудится над «Калевалой» бесплатно.

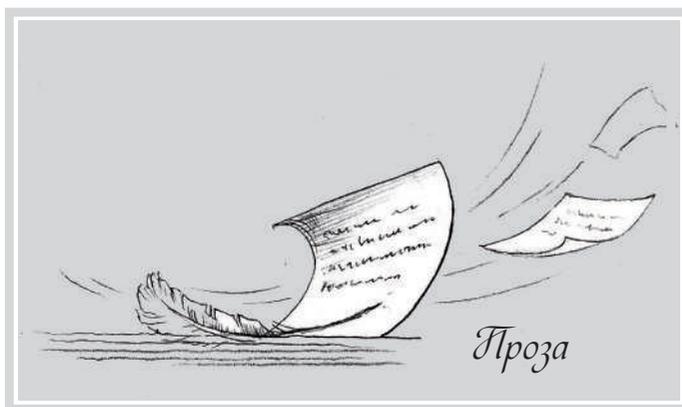
– Может, нужно обратиться за финансовой помощью в администрацию Ненецкого округа? Ведь ещё предстоит с финского языка вычитывать книгу, потом печатать, – спросила я Егорова.

– Зачем? – вопросом на вопрос ответил он. – Это же придётся долго доказывать, потребуют прислать рукопись, а я никому её не отдам. Растащат по частям, выставят в Интернет... Василий думал, что финны издадут или карелы – не вышло. Но я ему обещал – и сделаю. Мы издадим экземпляров десять. Это же будет культурный памятник. Вот вы будете читать девятьсот страниц про Вяйнемеиненов и прочих персонажей финского эпоса?

Я задумалась... Пожалуй, Борис Михайлович прав. Книга будет иметь научную и культурную ценность, но вряд ли у неё в нашу малочитающую эпоху появится массовый читатель. И всё же, когда прояснилась судьба неизданного труда Василия Ледкова, на душе стало легче и светлее...

Василий
Ледков
Розовое утро
Повесть

Лютуй, мороз!
Реви, пурга!
А солнцу –
быть!
Оно – сильней!
И внук мой
рано не умрет:
он нынче –
Василей,
живучий
Василей!

– пела бабушка, округляя свое и без того круглое лицо, которое от песни светлело. Бабушка держала меня под мышку, счастливый, я прыгал у неё на коленях.

Так запомнился мне миг, когда проснулось сознание. Это, видимо, было в то лето, когда привязывали меня к шесту, чтобы я не убежал на улицу, где небо и земля гудели от комаров. Привязывали меня часто – это и понятно. Чум есть чум. Если часто открывать полог, то чум, в котором и так много всяких дыр, набьется комарьем. А комары... Всякий знает, что такое комары!

Потом, когда отвязывали меня, я у всех спрашивал, мол, где взяли меня, зачем – я, может, и сейчас бегал бы на воле? А они улыбались, переглядывались долго. Отец, мать и бабушка говорили, что нашли меня в яре – в кустах ивняка – среди лягушек на равнине Надер, что на самой солнечной стороне Большой земли¹. Говорят, поначалу бабушка и мама мне имя хотели дать Тям-дэ – Лягушка, но отец так им сказал:

– Нет. Человек – не лягушка! Сын мой Василеем будет. В посёлке Хо Седа Харад сына моего русского друга так зовут. Хороший он парень.

Так я и стал Василеем. Но я-то знал, что вовсе не в яре среди лягушек нашли меня: я сам родился. И родился в тот год, когда самые сильные морозы были. В месяц Большой темноты – в декабре – я родился. Месяцами Малой и Большой темноты у нас называют ноябрь и декабрь, потому что в это время года до середины Ординого месяца – января – солнце

1 Большая земля – Большеземельская тундра

над тундрой вообще не показывается: как говорит бабушка, оно спит за синим поясом земли и неба в своем золотом чуме.

Так я и родился в месяц Большой темноты. Как родился – того не знаю, но хорошо помню другое.

Было лето. До этого я еще ни разу не видел настоящего лета. Жара! Духота! Будто все болота и лужи испарились – и вот они плавают в воздухе! Комаров! Нахальные, они лезут и в рот, и в нос, и в глаза. От них я иногда плакал. Молча плакал. Это как-то заметил отец и сказал:

– Э-эх! Сын мой. Ты, вижу, слабый человек!.. Комары одолели! Разве можно так... мужчине?.. Что будет, если белые комары полетят?!

– Комары?! Белые?! – от удивления у меня даже в голове зазвенело.

Отец смотрел на меня. На щеках у него то и дело появлялись забавные круглые ямочки, глаза смеялись.

– А комары эти... белые... кусаются? – спросил я осторожно.

– Этого, сын, не скажу, – ответил он после недолгого молчания, потрогал рыжие усы и добавил:

– Всякое бывает. Кого они кусают, а кого... Это долгий разговор. Поживём – увидим.

Удивление мое ещё более возросло, но отцу я ничего не сказал. Я медленно побрёл к пустым нартам отца, достал из-под амдера² тынзей³ и закричал:

– Хой! Хо-ой! Хо-оой!

Залаяли собаки – будто, я на самом деле на оленей кричу. А олени-то мои ничего не слышат, они ведь не настоящие: рога, воткнутые в землю. Я эти рога всю весну собирал, по проталинам бегал, когда олени рога теряют.

Я играл в олени и пастуха, но, как назло, в голове у меня вились лишь «белые комары», они ни о чем другом думать не давали. Я злился на этих «белых комаров», злился на себя, на свою голову. И тут пришла мысль: спрошу-ка у матери!

2 Амдер (амдюр) – шкура на санях для сидения

3 Тынзей – аркан

— Ты что, Василей? — спросила удивленно мать. — Запыхался-то! Будто от волка бежал. Что с тобой?

— Ничего.

— Может, бешеный песец?! — округлила глаза бабушка.

— Да нет, — отмахнулся я и спросил:

— А эти... «белые комары»... скоро полетят?

Мама улыбнулась, взглянула на бабушку. Лицо у бабушки вытянулось, брови изогнулись, как концы натянутого лука, сузившиеся глаза совсем закрылись.

— Не знаю, внучек, — сказала она. — Уходя весной, мать Инея забыла сказать об этом. А я не знаю, когда полетят «белые комары». Осенью, конечно. Поживем — увидим.

«Фу ты, какое колдовство! Будто все сговорились!» — возмутился я, ноги мои сами подогнулись, я устало сел на латы⁴ и даже забыл спросить, кто это — «мать Инея». Я злился и от злости выщипывал мех лисьего воротника то маминой, то бабушкиной хореци — легкой домашней паницы.

— Хэ! Комары... белые... когда, интересно, полетят? А? — вслух удивлялся я, чтобы слышали мама и бабушка, а сам уже катал по латам бабушкин медный наперсток.

Вставала бабушка, тащила меня на пелёйко — нежилую половину чума, привязывала, как щенка, к шесту, сама садилась на прежнее место и продолжала вить из оленьих жил нитки. Бабушка вила нитки, мама шила малицу. В чуме чадил дымокур, слоями до самого макодана⁵ висел неподвижно горький дым от горящего дерна, потому что вся тундра гудела от комаров, Комары во все дыры лезли и в чум. Одно лишь от них спасение — дым! Но мне было не до комаров, не до дыма. На конце веревки я метался, как собачка на поводке, кувырчался, пытаюсь развязать незаметно хитрый узел на спине, и напевал песенку о том, что мама моя самая красивая на земле, и нет на свете бабушек добрее моей бабушки. Сам пел, а глаза косил на них.

Они переглядывались, молча подходила ко мне бабушка и «развязывала узел. Я прыгал, смеялся и — стрелой на улицу. Был бы собачкой — и хвостиком махнул бы!..

Так запомнилось лето, когда проснулось во мне сознание.

— А ведь, правда, он выжил! — много лет спустя смеялась бабушка, вспоминая мою колыбельную. Она задумчиво поднимала глаза к макодану, её круглое, испещренное морщинами лицо как бы сжималось в комок. — А разве я знала, что Василей рано не умирают? — она роняла сухие руки себе

на колени. — Обидно же было: все братья до него и до трех лет не дожили.

Хэко ушел на втором году жизни, Харп утонул в луже в два годика, Митрия искалечил бешеный олень, и мальчик угас на руках у отца в полтора года. Уж этого-то, парня — Христа ради! — хотелось уберечь. Как-никак помощником отцу будет. Вот и берегла как могла. Отец и мать его Василеем назвали. А мне что было делать? И пела:

А солнцу — быть!

Оно — сильней!

И внук мой рано не умрет:

он нынче — Василей,

живучий Василей!

Бабушка улыбалась, как полная луна. Она продолжала:

— «Эх-ма! А Василей-то... не умирают рано?» — показал корешки стершихся зубов дед Василей Пыря, как только песню услышал. — «Нет. Василей не умирают рано, — заявила я. — Ты, говорю, на себя погляди: белее зимы голова-то! И борода... как снег! Точно сугроб на груди! И все еще на косы глаза-то косишь! А он, — показываю на внука, — тоже Василей». Старик улыбался довольно, тряс белой бородой. А ведь... просто так пела:

Лютуй, мороз!

Ревя, пурга!

А солнцу — быть!

Оно — сильней!

Бабушка пела, как прежде, но голос ее сильно дрожал.

Ушли годы. И вот уже почти четыре десятилетия слова и мелодия этой нехитрой песенки звучат во мне неотступно. То ли я на самом деле слышал, как пела бабушка, и, счастливый, прыгал у нее на коленях, то ли все это врезалось в память со слов бабушки — понять трудно: больно много воды утекло с тех пор, да и бабушки моей, дожившей до ста семи лет, давно нет в живых.

Раннее детство мое прошло в чуме отца и осталось в памяти только какими-то островками, высвеченными на миг лучами солнца, вырвавшегося с трудом из-за нагруженных дождями туч. Иногда мне кажется, что детство мое было всего лишь одним днём — таким оно коротким кажется. Да, прерванное войной, оно и было коротким.

Маленький настух

Чум наш стоял на большой проталине на берегу извилистой реки, каких много в тундре. Гулял мягкий пушистый ветер. Пахло мокрым снегом, ягелем, талой ольхой и ивой. У нас были

4 Латы — доски, пол в чуме

5 Макодан — макушка чума с дырой для выхода дыма.

Служит источником света

свои олени. Сколько — не знаю. Отец говорил, что оленей надо беречь, ибо их очень легко загнать в котёл.

— Нет, не загнать оленей в котел! — возражал я. — Их много, они большие. А в наш котел и голова-то оленя не влезет!

— Ты неправ, — качал головой отец. — Никогда, сынок, такого не будет, чтобы раз и навсегда наполнить котлы. Котел мал, да его каждый день надо наполнять.

Возразить я не мог, потому что каждый день надо было что-то есть, и обычно к полудню мы невольно тянулись глазами к чёрному от сажи котлу.

После сытной и вкусной еды становилось радостно на душе, светлело в глазах. Одно оленьё мясо, конечно, приедалось. Отец ловил в озерах и реках рыбу, стрелял гусей, бил зайцев. Мы с сестрой охотились на пуночек — полярных воробьев — силками, мать ставила капканы на канюков. Только бабушка возле чума каждый день с иглой да жилами возилась. Словом, у всех были свои заботы.

Солнце над тундрой с каждым днем поднималось все выше и выше, от яркого снега слепило глаза, но быстро росли проталины и делалось все теплее и теплее. Отец редко появлялся в чуме. Если и бывал, упряжка его с тремя подсаночными всегда стояла наготове. Поев наскоро, он снова уезжал. Наверное, к оленям, потому что стада, возле чума мы давно не видели. Было тихо, скучно. Какое уж там веселье без оленей?

Только на охоте на пуночек все забывалось. Мы и охотились. Мать ещё с утра кутала нашего младшего братишку Мехэлку в теплое заячье одеяло, сажала его в железное корыто — и тащила это корыто, как санки, по насту крутого берега. Прямо на снегу у неё стояли капканы с красными приманками для канюков. Приманками были куски оленьего лёгкого, а иногда просто лоскутки красной материи, которые привязывались к тугим ниткам запала и опускались осторожно в распахнутую пасть настороженного капкана. Глупые канюки, конечно, не понимали опасности, падали камнем из-под самых облаков, где обычно парят, высматривая добычу, вонзали кривые когти в лакомый кусок и оказывались в железных челюстях ловушки. Так наша мать все дни ходила на канюков, которых отец называл в шутку маминими гусями. Все дни раздавался над рекой железный звон корыта, в котором сидел наш маленький брат Мехэлка. Так мы и жили.

Суп из десятка тушек пуночек был очень вкусным — язык проглотишь! Этот волшебный наваристый бульон особенно любил отец. Но нам с сестрой ловить пуночек становилось все труднее: проталины росли, разбегались

по тундре, и птички рассеивались по ним — не заарканишь ветер на просторе! Правда, мы с Сандрой не особенно отчаивались: начинался куропатчий ток. А кому в тундре не хочется отведать суп из куропатки? Отдающий ароматом ожившей ивы, этот суп всем нравится. Ловля же куропатки на току — одно удовольствие! Мы с Сандрой с нетерпением ждали эти забавные дни, но случилось непредвиденное: я заболел и пролежал всю весну, когда был в разгаре куропатчий ток. Сестра, конечно, одна ходила на куропаток. Иногда с ней ходила мама. А было вот что.

Пропадая целыми днями в тундре, отец в последние дни возвращался чаще всего без добычи. Только иногда он бросал на латы двух-трех куропаток или одного гуся. Этого, конечно, для нашей большой семьи было мало. Отец был невесел, и потому нам тоже становилось грустно. А однажды он принес какого-то похожего на зайца, но очень тёмного зверька, и сказал:

— Проглядел. Собака поймала... О кочку стегануть пришлось.

Приглядевшись, я узнал маленького оленя с маленькими копытцами на длинных, тонких ногах. Ну, самый настоящий олень, только маленький очень и рогов у него нет. Он лежал неподвижно. Не дышал.

Мысли у меня запрыгали, как горностаи.

— Оленёнок! — крикнул я, не совсем ещё веря своей догадке.

— Да, сын. Это — оленёнок. Вернее, был олененком... Отел идет, — сказал отец и добавил, как бы оправдываясь:

— Ловить рыбу или охотиться на гусей теперь я не могу: оленей надо стеречь, за оленятами глаз да глаз нужен.

Решение в моей голове созрело сразу, но я сделал вид, что обиделся и, отвернувшись, обронил не слишком тихо и не так громко:

— Сам говоришь, глаз да глаз, а мы тут... ничего не знаем, у нас тоже... глаза!

Отец будто не слышал моих слов, он разговаривал с мамой:

— Чую, суп опять из канюка. Из пуночки не отказался бы...

— Есть и из пуночки... да в маленьком котле сварила, наши охотники только пять пуночек поймали, — объяснила мать, поглядывая на нас.

— Что так плохо? — удивленно отец спросил, поворачиваясь в нашу с Сандрой сторону. — Что так плохо, а, охотники? — Потом снова заговорил с мамой: — Давай уж, какой есть. Пора пуночки, видно, прошла. Снега сходят, и птички разлетаются. Но ничего: скоро куропатка затокует. По всей тундре уже трескотня идёт.

— Каб-каб-бэв! Мяк-мяк-мяк! — как бы в подтверждение его слов, раздалось где-то возле

самого чума.

— Каб-бэв, каб-бэв-каб-бэв! — отозвалась другая куропатка.

— Лак-хы-ыы-ч! — стала подзадоривать первая.

Меня теперь куропаточья перебранка мало интересовала. Я тайком натянул пимы, надел малицу, вышел из чума — и вот уже сидел на нарте отца. Сначала я боялся, что отец попросит меня сойти с нарты, пошлет в чум, но он точно не видел меня: развязал на заднем копыле нарты конец вожжи, намотал его себе на руку, взял молча хорей, гикнул на оленей, и мы поехали. Нарта запрыгала на кочках, грудь и лицо обдало крупными брызгами грязной воды из-под копыт, воробьиными стаями полетели над нами куски земли. Мы поехали в стадо.

Вечер был тихим и тёплым. Перед заходом солнца летали в одиночку и стаями гуси, где-то далеко на болотах раздавались трубные звуки лебедей, простор наполнился картавым куропатчим говором, на все голоса переливались воробьи, синицы, кулики. Вскоре так же неожиданно, как и началось, замолкло всё, тундра погрузилась в сон. Прозрачный занавес тишины прокалывал только стук оленьих ног, и всюду на пастбище слышалось негромкое рёханье важенок и оленят.

Ночь лилась тихо, спокойно, ничего особенного не произошло, если не считать того, что, шлепая по лужам, я промочил насквозь пимы и липты.

Утром ногам было холодно, даже пощипывало. Об этом я отцу не говорил, хотя, может быть, он и так всё видел. Я крепился, бегал возле нарты, прыгал, делал вид, что мне очень хорошо и весело, да к тому же я знал, что мы скоро поедem в чум, где есть и огонь, и теплые пимы. Было только жаль, что за всю долгую ночь нигде не появилось ни одного нового олененка. «Пусть, — думал я, — это не беда, что нет нового олененка, зато я по-настоящему пасу стадо. А новые оленята, может, не каждый день появляются. — И успокаивал себя: — Будет ещё день, когда я сам своими глазами увижу, как из-за подола неба побежит к нам маленький тонконогий олешек...».

— Ну что ж, Василей? Ночь мы с тобой, кажется, провели? — сказал отец, садясь на кочку передо мной. — Можно сказать, ночь мы хорошо провели. А как же иначе-то? Так и должно быть: ведь мы на этот раз не в два, а в четыре глаза смотрели. Ни лисы, ни орлы не тревожили стада. Олени целы — это главное. Жаль, ни одного нового олененка! Но не горюй. — Он огляделся вокруг. — А впрочем, это, может, к лучшему? А? — Опять огляделся вокруг. — Небо мне что-то не

нравится: хмурое, и ветер просыпается.

Я смотрел на низкое мглистое небо, на синие, четкие дали и ничего особенного не замечал: небо как небо, земля как земля. Только теперь мне казалось, что от всего на земле и на небе веет синим холодом. Желая отогреть зябнувшие ноги, я снова прыгал по кочкам возле нарты. Отец ходил по пастбищу, наклонялся, что-то трогал руками, долго стоял на берегу, потом вернулся и сказал, шумно хлопнув обеими руками по малице:

— Худо, сын. Очень худо! Снег уже, видишь, пошел. Я только сейчас увидел, как кружились в воздухе редкие пушистые снежинки.

— Потом он не так будет играть — повалит, в такую погоду не оставишь оленей без присмотра: телята еще слабые. В этих местах полно жилых песцовых нор, а рядом под присмотром ястребиной семьи есть гусяная колония. Песец-разбойник в такую погоду не будет сидеть, его ноги кормят. В снегопад или в туман ястреб, как пастух, ничего не видит. Этим и пользуются песцы: гусяными яйцами-полакомятся, а заодно олененка в кусты утащат. Хитрый это народец, плутоватый. О-очень плутоватый! Но и трусливый, — отец взглянул мне в лицо, и у него брови на переносице сошлись. Спросил тревожно:

— А на тебе, сын, и сухого места, наверное, нет?

— Нет, — отвечаю. — Малица у меня сухая... только вот ноги зябнут: вымокли.

— Это-то ла-а-адно, — как-то загадочно протянул отец. — Вот и пошел снег, снежинкой каждой с телячьей шкуру! Ладно. Холода, может, не будет. Снег мокрый — на лету тает. От него все можно ожидать. Плохо, если сразу после него мороз...

Снег шел мокрый и липкий. Лохматя кочки, паутину ветвей карликовой березки, он валил густо, превратив всё вокруг в одну серую непроглядную мглу, таял в лужах и на наших лицах. Отец явно любовался этим снегопадом. Говорил:

— Жаль, что гуси еще не сели на гнезда. Но придет время, в дни ледохода такой же снег пойдет, и тогда притаившиеся в гнездах гусыни будут казаться разбросанными по белой земле черными кочками.

Мне было не до гусей, не до снега: ноги окоченели, вода стекала под капюшон малицы, разливаясь по груди, было мерзко, слякотно. Сквозь серую мглу бродившие возле нас олени казались непомерно большими, мохнатыми, ходили почему-то чуть ли не на боку.

— Снег... Какой красивый снег идёт! — оказал я как можно бодрее, а сам почувствовал холод даже на языке.

— Красивый снег, — задумчиво подтвердил отец, и обернулся ко мне. — А тебе не холодно? Зря, вовсе зря пимы-то намочил. Зябнут ноги-то?

Нет, — ответил я, стараясь казаться бодрым, но всего передернуло. Губы задрожали. Спросил: — Теперь всюду-всюду на земле снег идет, да? И в чуме у нас снег?

— Всюду ли на земле снег... — Он потер ладонью лоб. — Я не знаю, сын. Мир велик. Может, где-то снег, где-то солнце, а на стойбище у нас тоже снег идет: это ведь рядом.

— Снег... — выдохнул я устало, а с языка будто само слетело: — А в чуме-то... огонь. Чай, наверно, пьют.

Вдруг глаза отца сделались большими, круглыми, и он сказал, будто запел:

— Э-эа! У тебя и ноги-то, вижу, сломались! — Он обеими руками вцепился в голенища моих пимов, попытался выдернуть из них ноги, да не тут-то было: не пускали темёчи — сыромятные тесемки, одними концами пришитые к краям голяшек и пимов и липтов, а другими привязанные к поясу брюк. — Ну-ка, ну-ка! Сними пимы-то! Скорее! И лицо у тебя без кровинки... точно цингой заболел! Быстрей! Та-ак! Видишь, пятки — что камень!.. Как лёд! — Он мял в своих тёплых ладонях мои ступни и пальцы ног, побелевшие от сырости. — Что молчишь?! Весь ведь в ледышку превратился! Так и без ног можно остаться! В нашем деле, брат, нельзя молчать. Тоже мне... пастух... навязался. Невидимкой на нарту полез! Но ничего... оленей любить надо.

А снег всё валил. Густой, мокрый. Потом пошел вперемешку с дождем. Вода за пазуху текла не только через подбородок, но уже просачивалась через все швы малицы. Оброненное отцом «навязался» покалывало сердце, потому что я вовсе не навязывался, а просто сел к нему на нарту и только!

Отец заставил меня согнуть ноги, собрал и затянул тынзеем, как горловину мешка, подол моей малицы. Так мне стало теплее, согрелись и ноги.

— Ну? Лучше? — спросил он, и в голове его слышалось недовольство, досада.

— Тепло, но... все равно вода...

— Вылезай и из капюшона, ныряй весь в малицу, — приказал он.

Потом он меня сунул еще во что-то похожее на мешок, видимо, в доху из оленьих шкур — совик, — и мне стало тепло, хотя рубаха на мне была мокрой до нитки. А вскоре меня, не спавшего всю ночь, украл незаметно сон. Проснулся я от сильных толчков и понял, что мы едем — прыгает на кочках и сугробах нарта.

— Берите своего пастуха! — словно издали донесся голос отца.

— Ой, хосподи! Ой! — услышал я крик матери.

— Ой, беда-то! Во-от беда-то! — вопила испуганно бабушка. — И что за грех за нас

уцепился?! Опять ведь парень-то ушёл⁶! Как же будем жить?!

Я лежал, боясь шелохнуться, с нетерпением ждал, что ещё скажут. Но... шумно распались узлы тынзея — и я, мокрый от пота, вывалился из совика и малицы на латы возле танцующего пламени костра. От яркого света заслезились глаза, мне лень было даже шевельнуться.

— Жив! — выдохнула всей грудью мать и в смешном поклоне опустила на колени возле меня, будто я для неё был живым сядзем — идолом.

— Ти... ти... ти... — хлопала себя ладонями по согнутым коленкам бабушка, сидевшая на лукошке. Она, видимо, хотела что-то сказать, но от радости ничего не получалось, кроме:

— Ти... Вот...

— Толковый будет пастух, — очень серьезно сказал отец. — А это ничего, что так получилось — всё у него впереди. Мужик всю ночь глаз не сомкнул. А погоду я сам проглядел.

Днем у меня начался жар, я слёг и в самую пору куропачьего тока провалился в чуме.

Человек Аким

— Слово-песня по ветру несло. У Ивняковой реки за чум зацепилось. Зацепилось за кончик шеста и в чум опустилось. Жили в нем старик и старуха. Двое жили. Детей у них, видно, не было — нет о них речи, — начала, как обычно, бабушка — после утреннего чая, когда догорели в золе последние угли и в чуме стало прохладно.

— Это были, бабушка, ты и наш дедушка, который умер, да? — дёрнуло меня за язык.

Бабушка замолчала. Она долго смотрела на меня то ли зло, то ли обиженно. Нахмурившееся вдруг её лицо постепенно ожило, и она сказала:

— Нет, внучек. Это — сказка. Давным-давно это было. Умей слушать.

Мне стыдно стало, но на языке у меня был новый вопрос:

— Давным-давно мы, конечно, тоже были?

— Нет, внучек: другие люди жили. Нас тогда и на свете не было, — она потрогала за ухом. — Но души наши, конечно, были. Душа — она не умирает. Она через много-много лет в другого человека вселяется.

— Как это — другие люди? Разве кроме нас, есть ещё люди?!

У бабушки округлились глаза. Она развела руками:

— Много людей. Разных. Но ты...

— Рассказывай, — смутился я. — Я больше не буду.

⁶ Ушёл — умер

— На берегу большого, как небо, озера, жили в одиноком чуме старик и старуха, — снова начала бабушка.

Я как будто видел этот чум, сгорбившегося старика, щуплую старушку с круглым лицом, то есть все-таки видел своего умершего недавно деда и свою бабушку.

— Детей у них не было, — повторила бабушка. — Были ли у них олени — неизвестно. Птицы, конечно, были: их полно в тундре. И в большом, как небо, озере, возле которого стоял чум старика и старухи, жили только две рыбы — Щука и Хариус.

— Только две?! — удивился я.

Бабушка взглянула на меня, покачала головой.

— Да, только две: Щука и Хариус. Дружно жили рыбы. Еды хватало. В воде много трав озерных, ракушек полно, жучков, червячков — все рыбе еда, но как-то Щуке захотелось чего-то более сытного, вкусного. Долго она думала, чего ей хочется, но в гневе на свою без мозглость хватанула зубастой пастью Хариуса и съела. Старик и старуха поймали неводом рыбу-щуку и съели её. С тех пор и стали звать их Пырерками — Полущуками. Пошли дети, тоже Пырерки, — кончила бабушка.

— И — всё?! — с досадой спросил я, готовый слушать хоть целый день.

— Всё, — подтвердила бабушка, подняла глаза к маюдану и добавила: — Вот почему мы и не едим щуку ту: от нее пошел род Пырерков. По отцу-то вы — Паханзе-ды, но ваша мать...

— Пырей?! — чуть не оглушила меня Сандра, ворвавшаяся в чум с улицы.

— Да, смотрит она глазами рода Пыря, — задумчиво сказала бабушка. — Вы тоже наполовину Пырерки.

Мы криками загнали в юрок — маленький загон — смирных, обьеженных быков. Отец вывел из юрка на вожже пять оленей, запряг их, и после короткого чаепития мы помчались в сторону, где ночует солнце. Олени бежали, играя ногами, будто радовались своему легкому, красивому бегу, хотя теперь они, комолые, напоминали огромных мышей с большими ушами, потому что на просторе, если смотреть на упряжку со стороны, у комолых оленей во время бега ноги кажутся короткими.

— Поехали мы, сын, в Пэ-Яха, — обернувшись ко мне, сказал отец, улыбнулся в рыжие усы и добавил:

— Теперь в нашей тундре дороги мимо Пэ-Яха нет и не будет.

— Почему? — спросил я, а сам представил огромные, из белого камня чумы совсем не

похожих на ненцев людей — царей, королей, хозяев подводного и подземного мира, где много золота, серебра, стекла и где даже ночью всё точно огнем пылает, все сверкает, как прозрачный чистый лёд под солнцем. О таких чумах я много слышал из сказок бабушки, отца и самого мудрого сказочника Большой земли Паш Миколая, который в последнее время часто бывал у нас в чуме.

— Теперь, сын, все грамотными быть хотят, чтобы следы человеческой мысли на бумаге видеть. И не только видеть — самому следы мысли оставлять. Ты и сам скоро в школу пойдешь. В Совете мне так сказали.

Я, конечно, не знал, что значит быть грамотным, не знал, что такое «школа», «Совет», но сказал:

— Да, всему надо учиться... много надо знать.

Так обычно, любил говорить сказочник Паш Миколай.

Я вслушивался в скрип снега под полозьями, думал о сказочных чудо-чумах, предвкушая скорую встречу с ними, и вдруг белая тишина разразилась лаем. Огромные собаки разевали клыкастые пасти возле каждого угловатого бугра, но к нам они не подходили. Сначала я подумал, что это волки, но они лаяли.

Приглядевшись, я заметил, что бугры эти вовсе не земляные и не каменные, как всегда бывает возле моря, а деревянные и наполовину занесены снегом, которого здесь почему-то было не по-весеннему много. Снег сугробами лежал и на самих буграх, а из-под этих сугробов выглядывали макушки гуриев из красного камня. Над некоторыми гуриями клубился не то пар, не то дым. Потом я начал понимать, что это, видимо, и есть деревянные чумы, которые называются домами, но они были слишком малы и приземисты по сравнению с теми, что до сих пор жили в моем воображении.

— О! Ань дорова, Микул! Снова здорово! Песцов привез, небось? Аль так... за продуктами? — подошел к нам очень бородатый, рослый человек в странной одежде. На голове у него махало крыльями что-то, розовая шея была гола, а коротенькие, до колен, серые пимы на ногах были большими, негибкими и очень скрипучими на снегу.

— Вот и опять я приехал, Аким. Песцов десятка полтора привез. Продукты, конечно, нужны — чай, сахар, масло, хлеб. Да кое-какие охотничьи припасы, может, появились? — как-то необычно растягивая слова, отвечал ему отец.

Было забавно: отец говорил по-настоящему, по-человечески, а тот отвечал непонятно, совсем не по-ненецки. И тем не менее они хорошо понимали друг друга и даже смеялись.

Потом бородатый человек Аким подошел ко мне, дотронулся легонько и, заглядывая в глаза,

7 Пырей — женщина из рода Пырерка

сказал по-ненецки:

— Ну что, черноглазый мужик? Микулов сын? Решил на людей поглядеть да себя показать? Тоже дело. Но гостей, говорят, сказками не кормят: слезай с нарты да в дом. Там тепло, и чай готов.

Я взглянул на отца.

— Так что же, Василей, сидишь, будто к нарте примерз? Поглядим на горницу Акима, чаю попьем, дело справим — и в путь. Дорога длинная, закидывая на плечи мешок, сказал отец и направился вслед за уходящим человеком Акимом.

Мы спустились по вырубленным в сугробе ступенькам и оказались в очень душном, но просторном и светлом подземелье. Прямо перед глазами зияла четырехугольная дыра, через которую виднелся склон посиневшего уже сугроба. Возле меня в большом белом коробе с железными дверцами гудело пламя, пахло вареным мясом, чем-то еще вкусным. Было светло и так, но в передних двух углах над двумя лампами, какие и у нас в чуме, в прозрачных пузырьках с высоким горлышком колыхался ослепительно белый огонь. Глаза мои сами закрылись — так было ярко!

— Ну, Василей, — так тебя, кажется, ругают? — скидывай малицу, здесь жарко, — и за стол. Гостем, будешь, — сказал человек Аким, потом опять донеслись до меня непонятные слова, которые относились уже к появившейся из-за другой двери женщине с голыми ногами⁸.

Потом мы сели за высокий, очень неловкий стол. Сидения на четырех копыльях были похожи на маленькие нарты без полозьев. Сидеть на них было неудобно, ноги мои висели без опоры, казалось, я вот-вот упаду, да и больно было сидеть. Чайник в горнице человека Акима тоже был необычным: высок, пузат, весь блестит, золотой, а из середины пуза торчит длинный кривой отросток с крестом кверху. Поставишь крест вдоль отростка — вода бежит, поставишь поперек — нет воды. На голове пузатого чайника сидит еще один, маленький, из белого камня чайник. Маленький, как игрушечный.

Прямо перед собой на пузе большого чайника я увидел безобразное длинное лицо, которое удивленно смотрело на меня, делало то же, что и я, а когда понял, что это мое отражение, — чай хлынул обратно через нос и рот, блюдце из рук выпало, сидение качнулось, и я с грохотом упал. Стало больно, смешно и обидно, хотелось смеяться, но стыд закрывал глаза. Желание пить чай у меня пропало, да и сидеть за высоким столом было душно. Все же я решил сесть на свое место и в это время кто-то очень мягко тронул

⁸ Ненецкие женщины в присутствии мужчин, тем более посторонних, всегда ходят в пимах, показывать голые ноги считается неприличным

меня за руку.

Я взглянул вниз и обомлел: собака не собака — возле меня, сидел чёрный, маленький, чуть толще горноста, зверь с зелёными глазами и, попискивая тонко, показывал красный изогнутый язык, похожий на листовничную стружку. Взгляды наши, встретились, я потянулся к нему рукой, чтобы погладить, а он отскочил, вытянул ноги, сгорбился, как кот, глаза загорелись. «Не тронь! — крикнул отец, но слова его запоздали: зверь зашипел, промелькнул передо мной, как молния, — и вот уже обожгло мне щёки и руки. Я опомнился, когда острые когти зверя шумно рвали мою малицу на шее. Человек Аким швырнул его к двери.

— Вот зверь-то! Вот кот Василий! — говорил он быстро. — Не ожидал. Никогда такого с ним не было! — Человек Аким взглянул мне в лицо. — А у тебя, Василей, глаза-то целы? Больно?

— Кот запах песцов учуял, — сказал отец.

Меня трясло не столько от боли, сколько от страха.

— Ни. Ни е⁹, — сказала я.

— Нет. Не больно, — человек Аким взглянул на женщину и улыбнулся. — Тогда ладно. Щёки и руки заживут. А Ваське я покажу, как на людей кидаться! — успокаивал меня человек Аким и с зеленоглазым зверем в руках скрылся за дверью.

Отец взглянул на меня строго.

— Вот тебе! Никогда не лезь, когда не знаешь, — сказал он. — Зверь есть зверь. Но ничего, до свадьбы заживет. Сам виноват.

Появился человек Аким и отпустил с ладоней на пол крикву. Сказал:

— На, Василей. С уткой поиграй. Уж она-то тебя не поцарапает.

Мне теперь не нужны были ни утка, ни шальной зверь с зелёными глазами, хотелось как можно скорее уйти из этого душного чума, называемого горницей, и, к моему счастью, отец опрокинул на блюде пустую чашку и сказал:

— Спасибо, Аким и хозяйка, за чай с сахаром! А нам пожалуй пора. Хоть весенний день и долог, но дела... За чаем обратную дорогу в чум короче не сделаешь.

Мы побывали в других домах-чумах, где было уже не душно, как в горнице человека Акима, сдали песцов, закупили продукты, — и вот уже наша упряжка летела по тундре, где всё больше и шире становились проталины. Пахло привычно ветром, талым снегом и ягелем.

⁹ Ни. Ни е' — Нет, не больно

Вася Лантандер и Едрёна Гачь

Земля оголялась быстро. Таял снег, смеялись ручьи.

— Скоро крикнут реки, птица поведёт в воду выводков, и мы с тобой, сын, пойдем на гусей, — сказал отец. Настроение у него было хорошее. Редко я его видел таким.

— Весна в этом-году ранняя, бурная, много гусей будет.

Но этого не случилось. В самом начале лета отец ездил в Пэ-Яха Харад и вернулся в чум не в духе.

— Ямдатель¹⁰ надо, сын. Ямдатель, говорят, надо. В поселок ямдатель, — деловито сказал отец и добавил, — а там — сёмгу ловить.

— А что это... сёмга? — спросил я.

— Рыба, — сказал он. — В море водится и в реки заходит. Я на ней и вырос. Значит, и ты будешь расти на ней. Вкусная. Очень вкусная она, эта сёмга. Это не то, что чир или пелядь.

— Вкуснее нельмы?! — удивился я, потому что знал, что вкуснее нельмы вообще нет рыбы.

Отец кивнул молча, кашлянул в кулак.

— Пожалуй, да, сёмга вкуснее, — сказал он.

— Рыба рыбой, а мне не нравится. Ой, как не нравится, — вмешалась бабушка. Она оглядела нас. — Ну что же? Раз уж начали пришивать к домам — скоро ни одного вольного человека в тундре не будет. Да-да, так всё и будет.

Отец строго взглянул на бабушку.

После завтрака мы разобрали чум, и два больших аргиша¹¹ тронулись в сторону ночи. Впереди шел бабушкин аргиш, мы с отцом подгоняли стадо.

Аргиши ползли лениво, груженные сани были тяжелы, ханбуи¹² храпели, высунув длинные розовые языки. Полозья выворачивали коренья ив и карликовых березок, ломали кочки.

На закате, когда солнце повисло над водой на высоте шучьего прыжка, мы подъехали к высокому берегу реки, где стояло множество чумов. Я их долго считал и каждый раз сбивался на четвертом десятке. Чумов было много, а саней того больше.

Мы выбрали ровное сухое место для установки чума, распрягли подсаночных, ханбуев, и они вместе с теми оленями, которых мы подгоняли с отцом, слились с огромным стадом. Оно паслось на холмах недалеко от чумов.

Счёта этим оленям, конечно, не было, потому что вся тундра до горизонта была усеяна животными. В большом стойбище, к которому мы примкнули, было много людей.

За рекой виднелись дома, очевидно, те самые, куда мы ездили с отцом и где живет бородатый человек Аким. По реке между домами и стойбищем сновали туда и сюда большие лодки. Вёсел у каждой лодки было много. Под косыми лучами солнца лопасти их казались огненными. Я загляделся.

— Вот так и мы поедем. Туда, в посёлок, — услышал я голос отца.

Мы стояли молча, смотрели на лодки и дома. За спиной был большой, но такой близкий и родной простор, впереди — неизвестный загадочный мир.

Утром я заметил, что чумов на стойбище стало наполовину меньше. Об этом хотел спросить отца, но догадался, что они переехали за реку. А на третий день после кочёвки пришел черед плыть и нам. С утра мы разобрали чум, свернули нюки, связали в тюки вещи. Все зимнее было убрано в большой серёбц — сдвоенные упаковочные сани, связано накрепко до новой зимы. Люди помогали нам перенести в лодку шесты, латы, летние нюки, вещи, и мы поплыли в поселок. За рулем сидел незнакомый мужчина. Мама, бабушка и Сандра сидели на вещах, на веслах шестым был отец, и я помогал ему грести.

Буйное течение закручивалось в воронки, относило лодку, но она, послушная рулю, бойко бежала к домам, левее и правее которых виднелось множество чумов. Шесть вёсел, словно шесть крыльев, то дружно взлетали вверх, то падали в воду.

Лодка коснулась дна шагах в трех от берега. Сошли в воду гребцы и вытащили лодку за нос на сыпучую гальку. Потом хозяйство чума было перенесено далеко за дома, где мы и принялись разбивать жилище, а лодка ушла за реку за новым чумом.

— Вот мы и приехали, — сказал отец. — До осени вам придется жить здесь, в посёлке. Осенью снова вернутся олени, и мы поедем на охоту. А пока я буду на тонях сёмгу ловить. Это на расстоянии одной кочевки, на берегу моря.

Слова отца не понравились мне, хотелось быть с ним, но я промолчал, потому что не люблю быть назойливым да и хотелось уже спать.

Шёл пятый день как отец уехал на путину. При нем не удалось сходить и ознакомиться с посёлком. Он уходил туда то рано утром, когда я ещё спал, то просто не брал меня с собой, торопясь на какие-то собрания. Только однажды по пути в магазин мы с мамой заходили в большой дом, где никто не жил, но былолюдно. Были тут мужчины, но среди них я увидел несколько женщин в брюках. Мужчины и женщины перебирали сети, сво-

10 Ямдатель — кочевать

11 Аргиш — санный поезд, олений поезд

12 Ханбуй — тягловый олень

рачивали их и носили к лодкам на берегу. Это было еще до отъезда рыбаков на тони. Потом я не ходил в посёлок. Одному было страшновато: между домами бродили огромные собаки, они рычали, лаяли, кидались на людей в малицах и паницах, а у меня русской замшевой одежды ещё не было. А собак в посёлке много, как людей. Даже наверно больше! Всё время стоял над рекой лай, визг и вой. Собаки сучали по хозяевам, уехавшим на путину. Сначала я не понимал, для чего людям такие большие собаки и столько много, но бабушка объяснила, что нужны они для езды. «Зимой поселковые люди ездят на них, как на оленях, — сказала она. — Есть у нас, ненцев, даже слово «вэнодэтта» — собакооленево. Это люди, у кого нет оленей и не умеют за ними смотреть. Вот они и ездят на прожорливых и кусачих собаках. Лентяи и только!» Я представил, как ездят на собаках, и мне это показалось смешным и забавным — точно это были ребята, играющие в оленеводов. Хотелось увидеть «вэнодэтту» самому, но было лето, никто не ездил на лающих оленях, и вскоре я забыл о собачьих упряжках.

Всю ночь шёл дождь, гремело, солнца¹³, окутанного облаками, не было видно. Я сидел в чуме, только изредка выбегал под проливной дождь босиком и в одной рубашке, чтобы смыть грехи, которые, как говорила бабушка, накопились у меня с тех пор, как я заговорил: по словам бабушки, язык у человека — грязная вещь, и он не всегда подчиняется уму. Я выбегал на улицу под проливной дождь. Иногда секли мне тело кусочки льда, было больно, но бабушка говорила, что надо терпеть: чем больше сечет ледяными градинами, тем чище будешь душой. И я терпел. Небо висело низко, в тёмно-синей мгле металась молния, высвечивая широкую грудь реки и мокрые пески на отмелях. Все живое, казалось, вымерло, гремело небо и вздрагивала земля. Бабушка и мама боялись разжигать огонь. При каждом ударе грома бабушка что-то шептала одними только губами. А мне она говорила:

— Это война, внучек. Война. Это бывает в каждую весну: Хозяин земли Чёрного хора¹⁴ пошёл войной на Хозяина земли Белого хора. Стрелы у Хозяина земли Чёрного хора каменные, а у Хозяина земли Белого хора — ледяные. Ты слышишь, как гремит? Это гремят полозья их воинов. Почва там — одни камни. Копыта оленей и железные полозья нарт высекают искры. Это — молнии, стрелы их.

Я слушал бабушку, и меня охватывал страх. Вскоре мы с сестрой забились под подушки и лежали, боясь шелохнуться. Так мы и уснули. Мне снился шаман — он стучал дробью по бубну.

13 Летом солнце в Заполярье светит круглые сутки.

А звёзд и луны вообще не бывает ночью

14 Хор — самец оленя

А когда я проснулся, весело трещал огонь. Это в языках пламени трещали сухие поленья. Пламя торопливо лизало чёрные от сажи днища котла и чайника. Пахло едким дымом, непривычным для тундры, и густым ароматом вареной куропатки. Через весь чум от дыр на нюках тянулись золотыми нитями лучи солнца. На улице было тихо, и слышался только отдаленный лай поселковых собак.

После чая я вышел на улицу. Солнце светило ярко, небо было высоким и голубым, только далеко над горизонтом, как большое пламя, горели лохмотья облаков. Сочнозеленая трава и листья карликовых березок, ещё мокрые от ночного дождя, под лучами солнца вспыхивали разноцветными искрами.

Я стоял на голом месте возле чума — ни кустика вокруг. Здесь не стояли привычные нарты, на которые можно было присесть.

Я смотрел задумчиво на дома. Люди в поселке тоже, видимо, начали просыпаться: то в одном, то в другом месте начинал валить из труб дым.

— Эй, что ты торчишь, как пугало! Не видишь, что кулики кружат? — раздался чей-то звонкий голос.

Я обернулся. Недалеко от меня стоял, пригнувшись, мальчик в малице. В руках у него были лук и стрелы.

Кулики сделали ещё один круг возле меня, снизились было над большой лужей, но не сели, удалились в сторону желтевших в отдалении песков. Мальчик в досаде махнул рукой и подошел ко мне.

— Тоже мне: нашли место для чума!.. — ворчал он недовольно.

Слова его показались мне странными, и я спросил:

— А что? Чем плохое место?

— Чем-чем!.. — злился мальчик. — Я здесь всегда на куликов охочусь.

— Подумаешь... на куликов! — рассердился я. — Чум, что ли, прикажешь снять?

— Я их от самого Бабьего моря гоню, а ты тут сесть им не дал, — сказал он, глядя себе под ноги. Потом поднял голову и уставился мне в лицо.

Мы долго смотрели друг на друга. Он улыбнулся и спросил:

— Ты кто такой?

— Я?

— Не дед же Матвей! Ты, конечно!

— Василей... А по-взрослому: Микул Вась. Пахан-зеда, — я все выложил для солидности.

— Василей? Как — Василей?!

— Так. Василей! Что ещё тебе надо?! — рассердился я, кулаки сами сжались, аж в ладонях больно стало.

— Э-э! Да ты ещё и имя-то свое толком не знаешь! Василий, наверно? Вася?

— Нет, Василей! — отрезал я.

Мальчик втянул голову в плечи и развел руками.

— Гм... А я — Василий. Лаптандер, — он протянул мне грязную, запачканную в глине руку. — Будем знакомы: Вася Лаптандер.

Так мы и познакомились. Вася Лаптандер приходил ко мне почти каждое утро. Ходил к нему и я. Жили Лаптандеры в доме. Позже я узнал, что семья Лаптандеров никогда не имела оленей, и Вася от рождения живет в посёлке.

— Не скучно всё время в доме жить? На одном месте? — спросил я однажды у Васи.

Надо было видеть, как он удивился.

— Хэ! Думаешь, лучше в чуме кости морозить? — сказал он, улыбаясь.

— Чум — не дом, где всегда кислый воздух, — не отступал я. — В чуме всегда чистый воздух, и места всегда новые.

— Фу! В чуме я и дня не проживу: дымно, зимой — холод, летом — комары!

Мне почему-то стало неловко за привычное своё жилище. Я почувствовал, что у меня горят уши и щеки. Но Вася спросил вдруг:

— А у тебя, Василей, лук есть?

— Как нет!

— Хорошо, что есть лук, — сказал Вася. — Пойдем на куликов. Я хорошие места кормежки знаю. Куликам там счета нет! За глиняную речку пойдем. В отлив она совсем высыхает. Это за вашим чумом. Но — чур! чтобы Едрёна Гачь не видела.

— Хэ, Едрёна Гачь! — я чуть не засмеялся. — Это ещё что за имя?

Вася улыбнулся.

— Это не имя. «Едрёна гачь» — это она так ругается. Её все так зовут. Страшная женщина. А вообще-то она — Анук. Анна Фатеевна, или Фатей Анна. Тайбарей. Как-нибудь я тебе покажу её, — пообещал Вася и, подняв голову, сказал: — Во, слышишь? Вот она.

Слух мой уловил чей-то голос, но я ничего не понял.

— О-о! Едрёна гачь! Опять воду тяпкаете?! — раздалось вдруг где-то рядом, когда, выйдя от Васи Лаптандера, я шёл по угору к чуму и смотрел на плескавшихся в воде нагих ребятишек.

Шумно смеясь, одни бегали по мелкой воде, брызгали друг на друга, другие плавали, как нерпы, высунув из воды только голову. Я не умел так плавать и мне было завидно. Грозный окрик женщины всполошил их, и они разбежались кто куда. Какой-то мальчишка-заморыш, держа в руках один пим, растерянно крутился на одном месте. Он-то и стал добычей Едрёна Гачи. Мальчишка, видно, искал глазами свой второй пим, но его не было. Женщина подошла к мальчишке широким шагом, схватила его за плечи и повернула к себе.

— А, птенчик! Опять ты мне попался! — сказала громко Едрена Гачь, чтобы слышали все, кто, прячась за валунами, корягами и кочками, смотрели с любопытством на неё.

Мальчик стоял возле своего пима, склонив голову и всхлипывая.

— Уж попался второй раз — не прошу! — громыхала Едрёна Гачь, держа мальчишку за плечо. — Снимай штаны-то! Сам добром снимай!

Деваться было некуда. Мальчишка нехотя принялся отстегивать пуговицы, а Едрёна Гачь сняла сапоги, затыкала одной рукой за пояс подол широченного сарафана, схватила мальчишку под мышки и побрела в воду. — Сколько раз надо говорить, едрёна гачь, а? Ид ерв¹⁵ не любит, чтобы мугили его воду!.. Жить, что ли, надоело, едрена гачь? Дедушка Ид ерв не терпит долго, едрена гачь! Схватит за ногу и к себе в подводный дом утащит! В рыбу превратит!

Мальчик бился руками и ногами, вертел головой, пытаясь укусить женщину, но та крепко держала его. Когда вода стала выше колен, Едрёна Гачь посадила мальчишку в воду и начала погружать. Она опустила его до пояса, потом до горла, затем быстро толкнула под воду и так же быстро вытащила.

— Вот тебе! Вот! Всех так буду крестить, кто попадётся! Кто воду тяпкать будет! Шалить на воде!

Мне жалко стало этого мальчишку и — не помню как, но я оказался возле пима на гальке. Когда Едрёна Гачь уже на берегу шлепала мальчишку по худому заду, я сказал:

— Нельзя так, тетя. Он — сустуй!¹⁶ Больно ему и холодно.

Нахмуренное лицо у женщины вдруг заулыбалось, но тут же снова сделалось серьёзным.

— Пусть больно! Пусть Ид ерва не гневит! — сказала она и отвернулась. Потом снова обернулась ко мне и добавила нормальным голосом: — Я-то что! Искупаю — и всё. А Ид ерв с такими шалунами играть не будет: затащит под воду и шею сломает. У него и так, наверно, голова болит и глаза замутились? Он тоже хочет солнце видеть.

Схватив пим, мальчишка побежал и начал карабкаться на обрывистый берег. Из-за большого валуна выскочила какая-то девочка и подала ему второй пим. Мальчик связал вместе тесемки, закинул пимы за спину, и они — видимо, брат и сестра — полезли на угор.

Я поспешил в чум, чтобы настрогать стрелы и рано утром выйти на куликов.

15 Ид ерв — хозяин воды, водяной

16 Сустуй — тощий, неупитанный

Турпан

Не помню, сколько раз уже мы с Васей ходили на куликов. Охота на них пришлась мне по душе. Вставали рано, когда люди в посёлке ещё спали, и шли с луками на лайду, пахнущую глиной, гнилью трав и мхов, застойной морской водой. Пропадали там весь день, ползали на животе, подкрадывались к безобидным маленьким куликам-плавункам, которые мало кого боялись и из-за своей беспечности становились нашей лёгкой добычей. Мы возвращались мокрые, но с полными сумками трофеев. За мокрую одежду нам, конечно, доставалось от матерей, да и плавунки наши были не в чести.

— Снова сякци!¹⁷ — возмущалась мать. — Что толку. Были бы гуси или турпаны, а то — сякци! Одна кожа да кости!

— Будут и гуси, — тихо говорила бабушка. Мать словно не слышала её:

— Видишь, как малицу-то сгноил? И пимы?.. В чём будешь ходить, как похолодает?

Я понимал, что виноват. Такое не раз уже было. Но я знал, что мать пошумит и перестанет, поэтому молчал. На следующее утро мы с Васей снова уходили на лайду. Тайком уходили. Это повторялось каждый день. Чтобы не мешать друг другу, у нас на лайде были теперь свои места лова. На участок друг друга мы не ступали, если даже и видели много плавунков. Охотились уже не луками, а гладко обструганными палками. Стрела мала и тонка, ею плохо стрелять в стаю — толку мало: подобьешь одного, а остальные улетят. Палка же, летящая широко, позволяет свалить за один бросок двух-трех, а то и больше плавунков, так как эти маленькие птички, охотясь за водяными жучками и хальмер-рыбками¹⁸, любят сбиваться большими стаями на лайденных лужах. Вращаясь, как юла, на одном месте, они обычно ни на что вокруг не обращают внимания.

Дневные наши трофеи доходили до тридцати и более штук у каждого. Перестали браниться и матери, потому что одна камбала с ухой без жирилки надоедала. Не ругали они нас ещё и потому, что мы с Васей уже носились по лайде не в малицах и пимах, а босиком да в легких охотничьих штанах и рубашках, цвет которых трудно было определить.

Однажды, когда солнце стояло высоко над головой, я вдруг заметил на своем участке затаившегося в траве самца турпана — гагу-гребенушку. На большую, как гусь, птицу, конечно, трудно было охотиться палкой, но у меня перехватило дыхание. Из поездок с отцом на весеннюю охоту я знал, что турпан, которого у нас называют иногда морской куропаткой, —

птица не из пугливых, порой, даже на упряжке можно подъехать к токующим турпанам на расстояние вытянутой вожжи, но то бывает весной. Сейчас было неизвестно, как поведет себя птица. Когда до турпана оставалось каких-то пятьдесят шагов, я лёг и пополз на животе, вспарывая грудью лайденную жижу. Временами я приподнимался на локтях и видел, что птица не чувствует опасности. Я полз дальше. Расстояние между нами медленно, но сокращалось. Когда до птицы можно было достать вытянутым тынзеом, к моему удивлению, турпан по-прежнему сидел спокойно, только иногда, если чавкала подо мной вода, он медленно, даже лениво как-то поворачивал голову, осматриваясь. Я замирал.

Турпан подбирал аккуратно крылья, принимал удобную себе позу и продолжал сидеть, сонно покачивая шеей. «Спит», — решал я и полз дальше. В каких-то пяти-шести шагах от птицы я встал осторожно, прячась за пучком осоки, и размахнулся что есть сил. Палка со звоном ударила в голову турпана в тот момент, когда от чрезмерного усердия у меня закрылись глаза. Открыв их снова, я увидел: птица лежит на воде кверху лапами. Не помня себя, я кинулся к птице, схватил её за шею и только тогда понял, что я стою по горло в холодной воде. Мне теперь было не до Васи Лаптандера, носившегося за плавунками на своем участке, не до моих охотничьих палок, не даже до сумки с плавунками — не чуя земли под собой, я летел к чуму, держа на вытянутых руках над головой большую птицу. Увидев меня, бабушка то и дело хлопала себя руками по бедрам, открывался беспрестанно её беззубый рот, что-то говорила мама, но я ничего не слышал и не понимал. Волоча птицу за жёлтую лапу, сестра бегала вокруг нас и твердила:

— Вэй, нармоты!.. Вэй, нармоты!¹⁹..

Она, видимо, от восхищения, а может быть, и от зависти, тоже ничего не могла сказать, кроме:

— Вэй, нармоты!..

А я-то знал, что Сандра давно завидует моей охоте, потому что она уже не раз просилась на лайду вместе со мной и Васей Лаптандером, но я её не брал — стыдно как-то на пару с девчонкой охотиться.

Потом, когда все утихомирилось, мать взглянула на меня, перевела взгляд на птицу и спросила осторожно:

— Молодец ты, сын, что такую большую птицу принес, но... не дохлого ли турпана нашёл?

— Как так — дохлого?! — меня затрясло. — Не-ет! Я же говорю, палкой!

— Верю, сын, верю, — сказала она ласково.

— Нет, Иря, он не дохлый был, — перекидывая турпана с руки на руку, сказала бабушка. — Видишь: он ещё тёплый. И перо, и

17 Сякци — кулики

18 Хальмер-рыбки — покойничьи рыбки, колюхи

19 Нармоты — турпан, гага-гребенушка

кожа чистые.

Мать обняла меня.

— Молодец, сын мой! Молодец! И ты наконец нашим кормильцем стал. — Она взглянула на бабушку, добавила, кажется, больше для себя: — Растет сынок, а мы?..

Бабушка только вздохнула, но ничего не сказала.

Радости моей не было предела. Я, кажется, еще никогда в жизни так не радовался. «Вот бы отец видел!» — думал я, а сам переворачивал птицу то так, то этак и никак не мог оторвать от нее взгляда.

Поздно вечером, весь чумазый, ввалился в чум Вася Лаптандер и, опускаясь устало на латы, сказал обиженно:

— Ещё и друг называется... Охотник!..

— А что? — задело меня.

— Ты что меня оставил?

В ответ я и слова не мог сказать, потому быстро встал, выхватил лежавшего в передней части чума турпана и бросил его к ногам Васи.

— Вот!.. — только и вырвалось у меня.

Он взглянул на птицу и широко открытыми глазами уставился на меня.

— Ты?! — каким-то глухим голосом спросил, словно издалека.

— Я. Кто же больше? — гордый, я свысока поглядывал на него.

Он схватил птицу, понюхал её и снова уставился на меня, подавшись всем корпусом вперед.

— Это ты? Палкой? — Голос его стал ещё глуше, отдаленнее.

— Я, конечно! Конечно, палкой! — ответил я срывающимся голосом — то ли от возмущения, что не верит, то ли от гордости, которая тоже мешала дышать.

— Это да-а! Эт-то да-а! — удивился Вася.

У меня першило в горле, и я ему больше ничего не мог сказать.

— Вот эт-то да-а! — продолжал удивляться Вася, запуская руку в свою охотничью сумку. — Я тоже подбил лорцэва²⁰, но это... не турпан! Вот эт-то да-а!

Я проводил Васю и пригласил его завтра отвезать моего турпана.

— Э, а вчера ведь я второго лорцэва не показал. Завидно было, да и что мои лорцэвы против турпана? — спокойно улыбаясь, признался утром Вася, когда мы садились за стол.

— Сякцей у тебя сколько было? — поинтересовался я,

— А-а!.. — отмахнулся Вася. — Семнадцать. Совсем немного.

Суп из турпана понравился всем. Больше всех восторгалась им бабушка. Когда мы принялись за мясо, я положил в тарелку друга, как самый лакомый кусок, голову турпана. Ели аппетитно, все восторгались моей добычей, но Вася,

засмеявшись вдруг, упал на спину, чуть стол не опрокинул ногами. Смеясь, он пытался сесть, но хватался за живот и снова падал на спину.

— Ты что? Что с тобой? — спрашивал я недоуменно.

— Ха-а, ха-ха! Теперь-то я знаю, что за птица у тебя! — заговорил наконец Вася. Он одной рукой, протирая глаза, другой показывал на голову турпана, лежавшую на тарелке.

— Что такое? — насторожился я.

— Сле... слепая же птица-то была! Смотри: оба глаза у неё дробиною пробиты!..

— Ну и что? — возмутился я, всё ещё вникая в смысл Васиных слов.

— Так турпан-то у тебя слепой был! — опережая мои мысли, снова сказал Вася и опять залился смехом, который теперь уже раздражал меня.

— Бе-едненький, — обронила тихо бабушка, и тут же лицо её сделалось серьезным. — А мясо-то хорошее... Видно, он так, на ощупь, травкой питался...

Бабушка еще что-то говорила, говорила и мать, но слов их я не слышал. Мне было обидно за себя и жалко турпана.

Когда легли на стол три дробинки, найденные в теле турпана, костер в чуме уже догорал.

Глиняные люди

Однажды я заметил: воды в реке стало совсем мало, всюду желтели пески, на середине реки обнажались кошки — песчаные острова, затопляемые в прилив. Дни были настолько жаркими и душными, что и на мездре оленьей шкуры даже ночью не было спасу. Мы с Васей ходили на лайду и увидели, что все лужи и мелкие озера высохли до дна, заросли густой болотной травой. Большое озеро возле домов, называемое Бабьим морем, тоже высохло, и темно-голубая глина его дна разлопалась, как лёд на озерах в трескучие морозы. Ид сякци — плавунки, которыми ещё совсем недавно кишела лайда, куда-то исчезли. За много дней удачной охоты мы впервые возвращались домой только с двумя плавунками. У меня не было трофея. Вася дал мне одного плавунка, сказал, чтобы руки не пустовали, и, грустные мы шли к поселку — не хотелось даже разговаривать.

— Ты, Василей, не очень-то горюй: такое уж охотничье дело, — первым нарушил молчание Вася. — Сегодня нет, завтра будет. А лайда и Бабье море в каждое, даже не такое сухое лето, высыхают к середине Комариного месяца²¹. Ид сякця без воды не живет. Да и что теперь ид сякци? Сустуи. Кожа да кости! А вот мара сякця²² сейчас — что ком жира. От одного десятка вкусный суп выйдет — пальчики оближешь! Теперь как раз на них пора охотиться. Это ведь

21 Комариный месяц — конец июня, начало июля

22 Мара сякця — кулик-береговик

так: воды нет, значит мара сякця будет. Эту птицу не так-то легко взять, но здесь я самые лучшие места кормежки знаю. Это — песчаная коса за глиняной протокой, что возле вашего чума. Об этом как-то я уже говорил тебе, в день встречи. Но это — ладно. Мара сякцю, брат, палкой или луком не возьмешь. Правда, луком ещё можно, но это — трата времени, попадётся два-три кулика — разве добыча?

— Чем же тогда брать? Руками что ли? — отрезал я ехидно, потому что меня раздражало его долгое тарактенье.

— Хэ! Рука-ами! — удивлённо взглянул на меня Вася. — Руками, брат, ничего не возьмешь. Но ты слушай. Мы сначала пойдём к нашим поселковым рыбакам на тони, где ловят камбалу. Ты это, наверно, видел: в сетях вместе с рыбой приходит много однобоких костяных червей. Это — лучшее лакомство мара сякци! Можно целое ведро костяных червей набрать.

— Хфрр!.. — меня всего передернуло, как только вспомнил этих червей, даже внутри что-то вроде бы перевернулось.

— Вот этих червей мы и соберём. А ловить будем силками. У меня их очень много, из конского волоса. Ими я весной пуночек ловлю, а летом — мара сякцей. Силки поставим точно так, как на пуночек.

Смысл Васиных слов долго доходил до меня:

— Силки?.. Как на пуночек?!

— Да. А что? — не меньше меня удивился Вася.

— Так они у меня тоже есть! Силки! И очень много. На плахах они, — обрадовался я. — Мы с сестрой тоже ловили пуночек. Весной.

— Вот и хорошо, — спокойно ответил Вася. — Значит, у нас еще больше силков будет.

Костяных червей на камбальнице — так называют место, где ловится камбала, — оказалось действительно много, мы их собирали горстями, хотя занятие это мне было не слишком приятно.

— Вы что их — на уху? — спрашивали у нас.

— Да так... надо, — коротко отвечал Вася, не поднимая головы, и мы продолжали ловить на мелководье падающих из невода сине-белых червей с кривыми костяными ногами и костяным телом. Потом очистили от них и все невода на вешалах. Приманки на куликов-береговиков у нас набралось на полведра. Назавтра мы договорились идти за глиняную протоку, где, по словам Васи, берег кишмя-кишит куликами.

Спал я плохо. Было душно. Дневная жара не спала даже к ночи. Мездра оленьей шкуры, на которой я пытался найти прохладу, раскалялась подо мной от меня же самого. Когда я перевернул шкуру, на меху оказалось гораздо легче: ворсинки не накаливались, и я уснул.

Утром я выскочил на улицу, как угорелый, думая, что встал первым. Но на широкой и длинной прибрежной поляне под пригорком, ползала уже, как всегда, по разостланному нюку бабушка с иглой и жилами в руках. Она отыскивала дыры, которые надо залатать, чтобы зимой не дул ветер, не заносил снег.

Я взглянул на реку и понял: начался отлив. Даже на зеркале воды было видно, как торопливо бежит река, прямо на глазах обнажались песчаные косы.

После завтрака мы спустились к глиняной протоке. Воды в ней почти не было. Она лишь тоненьким слоем скользила по ровной, гладкой поверхности глины.

В вырытой в разрезе торфяного берега яме мы отыскивали своё снаряжение.

— Вот тут мы и перейдём, — сказал Вася, показав на множество следов у самого устья протоки. Примерно на середине протоки, где ещё бойко скользила вода, следы исчезали, но на той стороне они снова виднелись отчетливо. — В полный отлив воды здесь совсем не будет. А во второй отлив, вечером, перейдем здесь же: обратно перейдём. Видишь, тут люди ходили? Значит перейдем и мы — не страшно.

— О! Едрёна гачь! Не ходите на глубину! Не ходите! — где-то совсем рядом громыхнул голос Анук, — У бережка тьяпкайтесь! У бережка!..

Мы невольно пригнули головы, но тут же поняли, что это относится не к нам. Видимо, в самой реке, где-то за мыском, купаются ребята. Это им кричит грозная женщина. В последние жаркие дни голос Едрёна Гачи часто раздавался над рекой. Она сейчас мало кого наказывала — было жарко, надо было купаться, но ходила она больше из-за того, чтобы на всякий случай был за ребятами присмотр. Да и, как говорит бабушка, одинокой бездетной женщине может не сиделось дома?

— Да ла-адно — пусть она там едренагачит! Пойдём, — сказал Вася, закинув за плечи плахи с силками и схватив ведро с костяными червями.

Я тоже взял свою ношу, и мы пошли. Первым шел Вася, я плёлся шагах в двух за ним. Мне было очень неприятно, когда мягкая, липкая и холодная глина процеживалась между пальцами ног и шумно чмокала при вытаскивании ступни. Примерно на середине протоки правая нога у меня провалилась выше колена, и я почувствовал, что у меня нет сил её вытащить. Перед собой я видел раскачивающегося на одном месте Васю. Глина ему была выше колен. Ведро с костяными червями стояло рядом с ним, и я видел, как оно медленно валилось набок.

— Ой! Ведро-то держи! Ведро-то! — крикнул я.

Он схватил ведро, лежавшее уже на боку, — часть червей уносила скользящая по глине вода — переставил его, что-то буркнул себе под нос и, даже не взглянув на меня, снова начал раскачиваться из стороны в сторону.

— Что делать, Вася? — спросил я, понимая, что нас начинает засасывать. Он обернулся и сказал:

— Но и ты тоже? — Помолчал, добавил тихо: — Всё, засосало!

Услышав это, я — то ли от испуга, то ли ещё от чего-то — так дернул ногу, что она выскользнула из глины, как по мылу, но на такую же глубину

ушла вниз стоящая чуть впереди левая нога. Я сделал правой ещё шаг и достал руками плечи Васи, но погрузился в глину до середины бедер. Потом мы попытались выдернуть друг друга, но тщетно: чем больше мы шевелились, тем больше погружались в липкую жижу. С неба пекло солнце, но ногам в глине было жутко холодно. Все наши надежды выбраться из глины таяли, было грустно и смешно. Мы смотрели друг на друга и смеялись, хотя готовы были уже заплакать.

Мы не знали, сколько простояли в глине, но, судя по грязной пене, которая начала скапливаться вдоль кромки воды недалеко от нас, можно было понять, что начался прилив. Стало тревожно: нас может затопить? Я видел, как широко и часто раздувались ноздри у Васи, нижняя губа отвисла, лицо посерело, вытянулось. Может быть, со мной было то же самое, но я не видел себя. Слышал, как неприятно стучало сердце, колотило в висках.

— Ты не бойся: придет вода и поднимет нас. — До берега — рукой подать, выберемся, — успокаивал меня Вася, хотя, может быть, сам он не меньше меня боялся.

«Ладно, как-нибудь выберемся», — подумал я, и вдруг откуда-то сверху громыхнуло:

— О! Едрёна гачь! Это ещё что за черти?

Не знаю, как у Васи, но мне в этот миг показалось, что сердце вот-вот выскочит через рот. Я уже не слышал, что говорила Едрёна Гачь, но со страхом и надеждой смотрел на то, как она торопливо таскала, от бани доски и бросала их под берег. Потом эти доски начала стелить на глину в нашу сторону. Когда она поставила возле нас три широкие плахи, вздохнула тяжело и начала ходить по доскам мимо нас, поглядывая молча на наши серые лица. И, наконец, рывкнула:

— Ну, едрёна гачь! Снимай рубахи! И штаны тоже!

Ничего другого не оставалось, и Вася взялся за ворот, начал стягивать с себя рубаху. Я тоже последовал его примеру.

Когда мы остались нагими до пояса, Анук ещё раз прошлась по доскам и вдруг начала обрызгивать нас жидкой глиной. Потом это ей, видимо, показалось недостаточным, и она обоих нас густо облепила глиной.

На берегу мы попытались отбиться, но не вышло: Анук цепко держала нас и, нагих, вела прямо к чуме, где встречали нас удивленные мама, сестра и бабушка.

— Вот, едрёна гачь! Нум²³ ещё двух людей слепил.

— Сушите их и никуда не пускайте! — сказала Едрена — Гачь и пошла прочь.

Нам было смешно и обидно.

В прилив мы прибежали к той же глиняной протоке, чтобы смыть высохшую на нас глину. Мы и не ведали, что эта злая шутка с нами была сыграна по уговору. Потом узнали и то, что Едрёна Гачь без разрешения родителей никого не трогает.

Ать-тва-левой!

После «глиняной бани» Едрёна Гачи я уже четвёртый день сидел в чуме. Было скучно. Сандра знала только своих уко — кукол из утиных и гусиных клювов, которые у нее только и делали, что ели и спали. А мне на что эти глупые куклы? Как назло не появлялся и Вася Лаптандер. Да и как он появится? Про глиняную протоку и о нашем приключении Анук, конечно, всем уже разболтала. Ох и попало, наверно, Васе от матери! Но мы сами виноваты. Едрёна Гачь права: и кроме глиняной протоки места всем хватает. Да, она права! И зачем мы лезли в эту кашу? Мара сякци, конечно, есть и в другом месте. Конечно, есть! И как я теперь без Васи?

День тянулся долго и нудно. А жара — спасу нет. Пот — ручьями. Столько поту — будто и сам я весь из воды. Я нигде не мог найти себе место похолоднее, и потому лежал на земле в тени чума. Бабушка, как всегда, ползала на четвереньках по разостланному нюку. Возле неё была и мама. Она шила мне малицу для зимы. Мешать я не хотел и не подходил к ним. Дело есть дело. Зима, говорят, не за горами. Ох, сейчас бы мне в тундру, к оленям! Уж не сидел бы, наверно, так без дела. Да-а, там-то что! Постели возле стада белую оленью шкуру и только знай лупи палкой оводов. А нет оводов — комаров. И чади себе дымокуры, дерна побольше подавай! Дым отгоняет комаров от стада. А тебе и рукам дело есть, и весело. Тундра... Скоро мы опять уедем в тундру на простор. Как скучна эта оседлая жизнь! И как только люди так живут?! Это же одно безделье, и только! Хоть вой как поселковые собаки. Может, пойти мне к Васе? Нет, стыдно на глаза его матери показываться. Ну, а что делать?

И тут я увидел Мехэлку, выползающего из чума на четвереньках. Мне сразу почему-то вспомнилась загадка Паш Миколая: кто утром на четырех ногах, днем — на двух, вечером — на трех? Человек, конечно! Ребёнком он ползает на четвереньках, взрослым — ходит на двух ногах, а стариком ходит с палочкой. Оставшись один в чуме, Мехэлка, конечно, проснулся, вылез из зыбки и отправился в путь. Мне было смешно видеть, как он, выйдя наполовину из-под полога, задирает высоко голову и внимательно, даже как-то удивленно всматривался вокруг, как тот самый человек на картинке из книги Васиного старшего брата, который на краю земли заглядывает за подол неба. «Человек здороваётся с миром, — подумал я и добавил мысленно: «Смотри, Мехэлка... смотри, какая большая и красивая земля!» Его, беспомощного, стало вдруг очень жалко, я подбежал к нему, поднял высоко над головой и сказал:

— Смотри, Мехэлка, какой большой и красивый мир! Смотри лучше — теперь ты выше меня и тебе дальше видно!

Я снова опустил Мехэлку на землю, хотел обернуться назад, потому что почувствовал за спиной чьё-то дыхание, но голову мою схватили чьи-то

23 Нум — бог

большие сильные руки. По дыханию, по запаху я узнал отца — вытянул назад руки и похлопал его по бокам, что значило: узнал. Этот сигнал был понятен только мне и ему, потому что отец у меня был глухим, он слышал только громкий голос на небольшом расстоянии. Иногда он понимал речь по губам.

Вскоре подошли к нам бабушка и мама. Они были удивлены столь неожиданным появлением отца в разгар семужьей путины, но ни та, ни другая ни словом не обмолвились. Отец пытался улыбнуться, но на лице у него была тревога.

— Сайнорма²⁴! — выдохнул он всей грудью, помолчал, глядя вдаль над нашими головами. — Сайнорма!..

Мать и бабушка всплеснули руками, только что сиявшие радостью лица их застыли. Я не знал, что такое война, но от самого этого слова пошел по телу холод.

— Война, говорят, началась. Большая война! Всех нас на ноги подняли. На тонях никого не осталось, кроме женщин.

— Иэ-э! Опять беда! — заверещала бабушка, возмущенно хлопая себя по бедрам. — Вот грех-то! Опять ведь беда пришла! Не зря, значит, так часто мне росомаха снялась. К беде это, говорят. Вот беда-то! Вот беда! Надо же так присниться! Только поставлю капканы, росомаха тут как тут. Ни одного капкана не оставит с привадой, всё утащит. Вот грех-то, вот грех-то! А? Мало ли голодали в ту войну? А? Тогда-то уж ладно: смутное время было, царя связали. Так ему и надо было! Всех, говорят, обирал. Последние жилы у бедняка тянул! А теперь-то что надо? Что не поделили?!

Голова у матери упала на грудь, она стояла молча, будто что-то вспоминала.

Так на тундру подул внезапно какой-то неведомый ветер, «Сайнорма!» — только и слышалось всюду. Люди стали ближе друг другу. Даже чумы, стоявшие где попало возле посёлка, сгрудились в два-три дня на сухой, каменистой почве берега — так обычно сбивается вместе оленьё стадо с появлением волков. Потекли отовсюду к домам оленье упряжки. Людей стало много, как оленей в большом стаде. Упряжки уводили обратно в тундру женщины и дети. Мужчины с утра до вечера тянулись к большому дому, на крыше которого развевалось красное полотнище. Отца моего трижды вызывали в посёлок. При каждом уходе отца мать плакала. Бабушка бранила её, говорила, что слёзы только смерть скликают, не надо плакать, Микула не взяли ещё и, может, не возьмут — на что им глухой? — но мама продолжала плакать, вспоминая какого-то Сярати. Она его называла то Сярати, то Антоном.

— Микула, может, не возьмут, но ведь Антон-то сейчас в городе Двух Камней²⁵, в Ленинграде! Там всегда и идут войны, — обливалась она

слезами, лицо её делалось кривым, совсем не похожим на мамино лицо, казалось даже страшным, а потому мне тоже хотелось плакать, очень больно ворочался в горле какой-то ком, похожий на неразжеванный кусок мяса. И я как будто бы снова слышал слова отца, которые он говорил, уходя в посёлок:

— Хоть одного-двух пянгуев²⁶-то, может, и я уложу. Человек — не песец, не растает за мушкой.

Из поселка он возвращался подавленным, садился на кочку и бил себя по ушам:

— Почему я всегда хуже других должен быть? А? Уш-ш-и! Где же вы, мои уши?! Будь же ты проклят, этот стнивший уже Нгодерма! — сокрушался он на своего бывшего хозяина-многооленщика, который его, четырнадцатилетнего батрака, застал однажды уснувшим на дежурстве в стаде и так набил по ушам, что отец мой с тех пор плохо стал слышать.

Он тяжело переживал свою глухоту, усиливавшуюся с годами, и очень не любил, когда напоминали ему об этом. По этой причине его, сильного, энергичного, знаменитого на всю тундру охотника, отличного стрелка, сейчас не брали на войну, и он чувствовал себя крайне обиженным.

— На войне, говорят, уши и глаза — прежде всего. Глаза-то у меня есть, но вот... слух! Тьфу! — злился он, уже сидя в чуме. — Опять я хуже всех!

— Это же, Микул, хорошо! Хорошо, сынок! — шамкала ему на ухо бабушка. — Голова на плечах будет.

Отец посмотрел на неё так, что она застыла с открытым ртом. Потом он ещё долго смотрел молча на бабушку, на лице у него бугрились желваки, дергались щеки.

— Глупо, мама! Стыдно мне за тебя! — сказал он зло, посмотрел немигающими глазами на макодан и добавил, обернувшись к бабушке: — Беда-то — общая, всех!

В чуме висела напряженная тишина. Бабушка сидела, склонив виновато голову.

— Ать-тва — левой!.. Раз-два-три!.. — отчетливо донеслось вдруг с улицы.

Я прислушался. Кто-то на улице без конца твердил «раз-два-три!» Иногда он говорил: «Ать-тва — левой!» В такт его странному счёту сухая каменистая земля отдавала звоном.

Меня точно ветром сдуло с места — и вот уже на улице я увидел большую толпу людей. Они шли рядами по четыре человека, каждый нес длинную палку с острым верхом. Все люди были без малиц, в одних рубашках, шагали — кто в сапогах, кто в пимах, а кто и босиком. Вскоре я разглядел, что остроконечные палки у них в руках все одинаковы и напоминают винтовки.

Стоя возле чума, я долго смотрел на появившихся людей и ничего не мог понять: то ли они играют, то ли ещё что. Сухощавый рослый мужчина в чёрных блестящих сапогах, в зелёной рубашке с блестящим кожаным ремнём и в зелёных штанах только и знал, что покрикивал

26 Пянгуи — враг

24 Сайнорма — война

25 Два камня — так старые ненцы называли Ленинград

на них. Люди то вышагивали на месте, то, вытягиваясь, ходили длинной змейкой в ряд по четыре человека, то бегали, то ползали, как на охоте, те с разбега тыкали острием палки валуны, кочки и бабушкин свернутый нюк, ударяя тут же тупым концом палки сверху. Конечно нападение на нюк не понравилось бабушке, и она тотчас же с трепалом в руке выросла возле сухощавого мужчины в зеленом одеянии и в блестящих сапогах. Вскоре двое мужчин притащили нюк бабушки к чуму, и люди продолжали свою странную игру.

— Вот, сын, смотри: воевать они учатся, — услышал я вдруг слова отца, подошедшего ко мне неслышно. — Скоро на войну поедут эти люди и в людей будут стрелять. Война!

— Стрелять в людей?! Убивать?!

Не знаю, слышал ли меня отец? Я смотрел ему в глаза: лицо его расплывалось, теряло очертания, небо темнело, в груди у меня сделалось тесно.

Ночной гром

Люди уходили на войну через каждые три-четыре дня. У меня в уме не укладывалось: уехали, кажется, уже всё, больше никому — но откуда ещё берется народ?! Упряжки в Пэ-Яха летели отовсюду каждый день. Им, казалось, не будет конца. И все же когда солнце ночами начало касаться спины моря, в тундре и поселке стало тихо.

Однажды в чум к нам зашла незнакомая женщина. Она встала возле меня на латы пелейко — нежилой половины чума — и сказала:

— Охотник у вас есть?

— Как не быть? — вопросом ответила бабушка, кивнув на меня. — Есть охотник. Как без него? — улыбнулась мать. — Кому-то ведь надо раздувать огонь рода?

— Так вот, ребята, — незнакомая женщина, как слепая, смотрела поверх меня, будто она обращалась не ко мне или Сандре, а по крайней мере к десятерым. — Охотиться можно — никто не запрещает, надо охотиться, только, ребятки, костров не разжигайте: дым и огонь далеко видны. Ночи-то темнеют. — Она обернулась к бабушке. — Вечером или ночью, если горит огонь, поплотнее закрывайте полог. В Совете так сказали.

В посёлке ночами стало совсем темно, потому что в домах все окна закрывались так, чтобы не просачивался свет на улицу. Посёлок и тундра на ночь будто умирали. Зато всё чаще, все заунывнее гудели летающие лодки — самолеты. Правда, и раньше гудели в небе самолеты, но было это очень редко, да и пролетали высоко — на них никто не обращал внимания. Теперь же, увидев самолёт, летящий очень низко, люди или со всех ног бежали в чум, или падали на землю, пряча голову под кустики карликовой березки, или ложились впритирку к какому-нибудь замшелому бревну, выкинутому когда-то на сушу большой водой. Так делали если не все, то большинство. Мы не знали, что это за самолёты, чьи они, но, когда один из

них сел прямо в реку и в нем оказались свои люди из Нарьян-Мара, мы успокоились. Был с ними и ненец Ефрем Выучейский. Он собрал всех в самом большом доме и долго говорил. Была там и мама. Мы с бабушкой, Сандрой и Мехэлкой сидели в чуме. Потом ненец Ефрем ходил по домам и чумам. Зашел он и в наш чум.

— Ну, а здесь, люди, как живем? — сказал он и сразу же шагнул к бабушке, протянул к ней руки. — Здравствуйте, бабушка Анисья! — Он оглядел её. — Не стареете.

— Здравствуй, милый! Здравствуй, Ефрем! Давно тебя не видно, — начала бабушка, разглядывая его. — Как не жить-то? Живем. Как кроты живем: неба боимся и земли. Ночью и огонь прячем...

— Война! — задумчиво обронил Ефрем.

За то, что ночью огонь прячем, Ефрем Выучейский похвалил и наказал, чтобы мы сразу же сообщили в Совет, если встретим кого-то незнакомого.

— Хы! Откуда быть такому? — возразила бабушка. — Война-то — далеко... где большие города.

— Откуда?! — удивленно поднял брови Ефрем. — Море, бабушка, огромное и — рядом оно. Есть такие лодки, что под водой ходят. Появись она здесь — никто не узнает, как сойдут с неё пянгуи. Враг злой. Он, как в ярабцах²⁷, и к шести привязанной собаки не оставит в живых. Да и летающая лодка может залететь, хотя люди наши и днем и ночью небо стерегут. Так что в оба смотрите. Родину все должны стеречь!

— Плачут собачки, хозяев зовут, — шептала бабушка. — Спи.

— А почему наша Серка не воеет? — спросил я, открывая глаза.

— Зачем ей выть? — слышу я тихий голос бабушки. — Она сердцем чует, что хозяин её, Микул, вернётся. Скоро вернётся. Не на войне же он. Спи.

— А с войны не возвращаются?

— Спи. Будет день — к отцу пойдём.

Я повернулся на другой бок и, положив руку под голову, стал звать сон, но в этот миг что-то вдруг ухнуло, меня даже как будто бы встряхнуло слегка. Эхо долго катилось не то по земле, не то по морю. Было лишь ясно, что громыхнуло где-то на море. Бабушка сидела и что-то шептала, крестясь. Так она обычно делала при громе.

— Спи, — услышал я сквозь легкую дрему.

Мне лень было поднять голову, да и язык уже не ворочался. А вскоре, украденный сном, я словно в бездонную яму провалился. Снилось ли что — не помню.

— Ты слышал? — выпалил прибежавший ко мне утром Вася Лаптандер.

Я не сразу понял его.

— Что? — спросил я удивлённо. Я больше был удивлён необычным и странным видом Васи. Лицо у него было серьёзное, глаза открыты

27 Ярабц — драматическая песня-плач

широко.

— Там... на море... Ночью... — начал он сбивчиво и, привстав на носки, описал обеими руками круг. — Громыхнуло-то!

— Слышал. А что?

— Что, что-о! Немцы, наверно!

— Какие немцы? — пожал я плечами.

— Ну, какие? Пянгуи, значит!

— Что ты? Какие пянгуи? — стал возражать я. — Гром! Гром же ночью был! Выстрел из винтовки не так ухаёт.

— Ух-хаёт! — скорчил рожу Вася и добавил, уходя:

— Сам ты... винтовка! Пушки на войне-то! И мины!

Весь день я думал над словами Васи. На мой вопрос, что, это за пушки и мины, бабушка с мамой ничего не могли сказать, потому что они сами никогда не видели настоящей войны.

На другой день утром мы с бабушкой собрались в избушку рыбаков. Несли мы отцу новые липты и две пары новых пимов-бродней из нерпичьей шкуры. Сначала мы шли по сухому высокому берегу. По правую сторону от нас, внизу, в лоскутках бесчисленных маленьких озёр, широко и ровно, сливаясь вдаль с желтеющими песками отмелей, расстилалась лайда — низкая прибрежная равнина, затопляемая весной и осенью большой водой с моря.

Мы шли по широкой извилистой тропе, где нет ни травинки, головы кочек выбиты, часто из-под стершегося дерна выступал сухой серый песок с камешками. Я шел, резко печатаю шаг, и земля подо мной звенела, будто порожний сосуд. На мой вопрос, почему здесь такой широкой полосой голая земля, бабушка сказала после недолгого молчания:

— Это, внучек, дорога на войну. Вот здесь, по этому месту, все наши люди в солдаты ушли.

Взглянув на бабушку, я кивнул, но ничего не сказал: я не мог спокойно слышать это слово «война».

Вскоре мы спустились на лайду. Огибая бесчисленные озера, повторяя изгибы глубоких лайденных протоков, дорога на войну здесь тоже шла широкой извилистой полосой среди густой зелёной травы. Выбитая множеством ног, земля на полосе дороги была тёмно-коричневой кашей, она чавкала под ногами. Идти было тяжело. Но путь по лайде длился не очень долго. Мы вышли к морскому берегу как раз в тот момент, когда начался отлив. Кошки — затопляемые в прилив песчаные острова — обнажались быстро, и всюду, куда ни взгляни, по тёмным, ещё мокрым пескам бродили чайки. Нахальные, вечно голодные, они кричали, били друг друга крыльями, кусались, деля отставшую от воды мелкую рыбёшку. Мы шли, по утрамбованному водой песку. Я шёл впереди, пытаюсь наступить на убегающее из-под

ног солнце в лужах. Брызги летели далеко. Одергивая меня, бабушка что-то говорила, но я не слышал её.

В рыбацкой избе, сморенный усталостью, я лёг на нары отца.

— Ты с нами пойдешь. В море. Сети будем трясти, — разбудив меня, сказал утром отец.

После шторма

Мы с бабушкой давно вернулись от рыбаков. Вместе с Васей Лаптандером я уже дважды ходил на лайду, но осенняя птица не та, что весенняя или летняя — даже на расстояние крика не подпускает. Теперь беззаботные плавунки стали осторожными: их не то что палкой, но и стрелой не возьмешь.

Кулики сбились в большие стаи, вскоре и они исчезли. В теплые края, говорят, улетели. Потом семь ночей и дней бесновался шторм. Выл, стонал и свистел ошалелый ветер. Река, в пойме которой всё лето желтели лишь песчаные косы, вздулась так, что заметно потемневшая злая вода плескалась всего в десяти шагах от дверей нашего чума.

А ветер всё дул. Крайние дома посёлка оказались в воде, но все это было не страшно: в старых, уже покосившихся домишках давно никто не жил. Эти избушки и землянки собирались ломать на дрова.

За продуктами в магазин мы ездили на лодке, которую мама пригнала из посёлка на второй день шторма, когда начало затоплять ровное, широкое место между домами и нашим чумом. По этому мелководью можно было ходить вброд, но были глубокие ямы, вырытые тающими льдами еще весной. В мутной воде они не видны, а потому было легко оступиться и утонуть.

Вода плескалась везде, где было чуть пониже. Глиняная протока, на середине которой еще летом мы с Васей Лаптандером увязли в глине, разлилась в могучую белопенную реку. По ней в беспорядке, как тела огромных мёртвых рыб, неслись бревна. Те из бревен, которые плыли возле берега, мама с бабушкой ловили тынзеом и тащили на сушу. Особенно усердствовала бабушка. Мне даже показалось, что она печётся об этих бревнах больше, чем о еде — так она жадно ловила их!

— Вот оно! Вот! Держи! На одном лишь этом бревне можно месяц жить! Тепло зимой — это прежде всего! — раздавался голос бабушки.

А ветер не утихал. На нашем чуме трепыхались все нюки и полог; стонали, скрипя, шесты, но приземистое, широкое жилище только прижимало ветром вниз, и оно надежно стояло на земле, и даже два тынзея, которые на всякий случай были протянуты от макушки чума к двум железным якорям, висели свободно, они не натягивались и при самых сильных порывах ветра, когда и человека валило с ног, и травы стелились

по земле.

На восьмой день, когда ветром свалило несколько узких чумов на горе за поселком, пришла с моря крутобокая большая лодка. В ней было более десятка изможденных людей и один мертвый. Одежда на них была мокрой до нитки. Губы были синими, лица усталыми.

— Кто они? Чьи? — только и слышалось всюду, метались тревожные взгляды, люди пожимали плечами, разводили руками.

— Чьи они — эти люди? Свои? Чужие?

Большая толпа стариков, женщин и детей долго не расходилась.

— В море всё возможно, вода и ветер не шутят, — роняли тихо одни.

— Свои, не свои — люди! Коли в беде — надо помочь, — вторили им другие.

— Свои, конечно! Враг не так идет. Враг, он ходит тайком, по-воровски! — заметил Паш Миколай, поглаживая большую сивую бороду. Ушедшими под морщины глазами он прошелся по лицам стоявших рядом и улыбнулся: — Так я говорю?

— Может и верно.

— Так, конечно!

— Так, Паш Миколай. Так!

— Как не так-то? — Паш Миколай переступил с ноги на ногу. — Хищный зверь и подыхая зубы кажется, а пьянгу, он ведь прежде всего чёрным глазом винтовки зыркнет, свинцом плюнет! Это нынешний пьянгу.

— Свои, — сказала уже вечером собравшимся в большом здании поселка людям женщина из тундрового Совета, которая еще летом приходила в наш чум, и добавила, заметно понизив голос:

— Штормом выбросило на кошки бот. Это все, кто выжил. Погибли люди и пропали продукты, что на зиму везли к нам. — Она помолчала в раздумье и снова начала:

— Продукты — ладно: на остатках запаса да на мясе и рыбе протянем до зимы, когда санные пути откроются. А вот людей-то жалко! Ехали к нам на этом боте две учительницы, чтобы школу у нас открыть, да вот... доехала только одна. — Она взглянула в окно, потом на сидящих в зале, и заявила решительно: — А школу мы всё равно откроем. И в срок откроем!

Море дыбилося ещё несколько дней. Ветер к утру заметно стихал, но с полудня снова набирал силу. Рыбаки вернулись в поселок лишь после того, как ветер подул с горы. Они вернулись с семужьей путины и сразу же стали ловить неводами омуля и нельму прямо в нашей реке, где с уходом большой воды снова начали обнажаться кошки.

Женщины все дни пилили дрова, складывали их в поленницы. В одной из комнат большого дома пятеро женщин босыми ногами месили

глину, а русский старик Канев делал из неё угловатые камни, обжигал их на огне. Он обжигал эти камни до тех пор, пока они не делались красными. Все ребята поселка и чумов помогали взрослым.

— Это зачем столько дров? Куда они? — спросил я у Васи.

— Зачем дрова? — замер он с широко открытыми глазами. — Зима-то долгая. Без дров мы всю школу заморозим.

— Школу... — слетело у меня с языка.

— Да-да, школу! — повторил Вася. Он посмотрел мне в глаза: — Ведь учиться-то, небось, тоже пойдешь?

— Пойду. А что?

— Вот и готовь себе дрова, чтобы зимой не оконечеть.

— А народу в школе много будет?

— Много должно быть.

— Сто?

— Больше! — сказал Вася и показал на дома и чумы. — Смотри, сколько домов и чумов. У всех ребята есть. А сколько еще людей из тундры приедет!

Соглашаясь, я кивнул и начал складывать дрова, Вася тоже взялся за полено.

День был хмурым, потому что солнце уже давно не показывалось из-за туч, но отчетливо виднелись дали. Ветер после недавнего шторма где-то спал, притихшая земля покоилась в раздумье. В шорох травы под ногами вплетался едва уловимый шелест далекого прибоя.

Белая женщина

— Верно говорят, что лето в тундре — короче куропачьего шага, — сказал утром отец, когда я лениво ворочался на мягкой постели после крепкого сна. — Вот и «белые комары» полетели!

— Комары!.. Белые!.. — я уставился на отца, как глупая нерпа. Потом меня как ветром сдуло с постели — босой, я стоял на холодной земле и жадно ловил ладонями большие, пушистые снежинки, тихо падающие с неба, тающие на ладонях и на лице. Снежинки лохматили белым пухом травинки и паутину ветвей еле заметного на земле кустарника, а на самой земле они таяли. Было весело и светло на душе. Уже дважды появлялась из-за полога голова матери, мать звала меня в чум, но я не мог оторвать взгляд от снега, который широкими хлопьями валился с неба на меня и тундру.

— Ну, Василей, каково? Кусаются «белые комары»? — ища что-то взглядом возле себя, спросил отец, когда я вернулся в чум.

Я взглянул смущенно на свои босые ноги,

вытер их лежавшим на конце лат доскутом серого сукна и в два прыжка очутился на оленьей шкуре, лежавшей около костра на латах пелейко. От вorsa и тепла пламени ступни мои заняли — точно их покалывали сотнями игл. Потом стало тепло и приятно — я словно в пуховую яму провалился. Глаза мои сами закрылись, — было стыдно, в ушах, кажется, все ещё звенел голос отца: «Ну, Василей, каково? Кусаются «белые комары?» И мне отчетливо вспомнился тот далекий летний день, когда я с расспросами об этих «белых комарах» долго приставал к бабушке и матери, а они говорили: «Поживем — увидим». Теперь было смешно и чуточку обидно. «Безмозглый! — ругал я себя мысленно. — Как это я сам-то не мог догадаться, что это — снег! Обыкновенный снег!»

— Снег, — сказал я. — Это снег!

— Снег, — отозвался отец. — Первый снег пошёл, но это ещё не снег: его к полудню не будет.

Отец, улыбаясь, поглядывал на макодан. Потом сказал:

— Вот и солнце выглянуло. Оно, брат, знает своё — не потеряло ещё силу. Но скоро, очень скоро и настоящий снег пойдёт.

Когда мать убрала посуду и стол, распахнулся полог и с сумкой в руке вошла в чум белая женщина со светлыми, как марэй-трава²⁸, волосами.

— С добрым утром, — сказала она и встала на конце лат.

— Торова! — сказал отец. — Хороший день!

— Здравствуйте! — отозвалась мама и показала на лукошко, стоявшее на латах возле костра: — Садитесь. Гостьей будете.

Белая женщина села. Всмотриваясь в нас, она то моргала большими синими глазами, то терла их руками. — Дымно, — заметила бабушка.

— Да нет. Темновато что-то в чуме с улицы, — сказала она и снова заморгала. Потом она улыбнулась, обнажив красивые белые зубы, среди которых два или три сверкнули огнем — точно горящие угли во рту держала. — Ну вот и всех вижу.

— Дело какое... али так? — поинтересовался отец.

— Учительница я. Детей буду учить.

— Хо-о! — выдохнула бабушка. — Тахаби то!²⁹

— Том³⁰, — быстро ответила та по-ненецки, взглянув на бабушку, потом на отца. — Александра, — она уронила взгляд на бумагу, — Ледкова... девочка... здесь?

— Ни, — сорвалось у меня с языка. — Лёдков

янгу — Паханзедава³¹.

— Здесь, — сказала быстро мама.

— Дочь наша, — добавил отец.

Белая женщина взглянула на меня и улыбнулась. Потом она царапнула по бумаге острым концом красной палочки и сказала:

— Воля ваша: будьте и Паханзеды, но по бумаге она — Ледкова.

— Да-да, верно: Ледкова, — подтвердил отец и взглянул на Сандру, которая лежала возле меня, уткнувшись лицом в подушку. — Вон она лежит.

— Вижу. Но бояться меня не надо — не кусаюсь. Я только детей в школу собираю. Дня через два учёбу начнём.

— В школу?! — удивленно всплеснула руками бабушка и добавила глухо: — Зачем девке школа?

— Мама! — отец строго посмотрел на бабушку, потом взглянул на Сандру. — Дети пусть учатся. Тундре умной надо быть.

Бабушка обернулась к отцу потемневшим лицом, но ничего не сказала.

— Надо так надо: пусть идет в школу, — согласилась мама. — Без грамоты и днём на земле темно.

— Пусть идёт, — подтвердил отец.

— А я?! — меня возмутило, что нет речи обо мне.

Белая женщина взглянула на бумагу, что держала в руках, потом на меня. Сказала:

— Тебе, Вася, ещё рановато.

— Как так — рановато?!

— Так: в школу берем только с семи лет, — белая женщина смотрела на меня ясными синими глазами.

Я пожал плечами, но дороги слову моему не нашлось, хотя мне было страшно обидно, что Сандра идет в школу, а я...

Так вставало мое далекое розовое утро. Шла осень 1941 года. А дальше — другой разговор. Лакамбой!³²

28 Марэй-трава — золотистая трава зубровка, растущая на песчаной почве

29 Тахаби то — вот и пришла

30 Том — пришёл, (пришла) я

31 Ни. Ледков янгу — Паханзедава — Нет. Ледковых нет — Паханзеды мы.

32 Лакамбой! — До скорой встречи!

Елена
Хатанзейская

К морю!

Сегодня Матвейка проснулся раньше всех. Высунул голову из балагана. Тишина. «Наверно мама, старшие братья и сестра ещё спят, а отец в стаде», – подумал Матвейка. Он неслышно выскользнул из чума, с закрытыми глазами, босиком, побежал к нерме попить воды и умыться. «День обещает быть жарким, оводов будет много, бедные олешки», – деловито подумал мальчишка. Он быстро окунул лицо в прохладное после ночи озеро, на ходу смахнул воду с лица, побежал в чум. Около саней он догнал маму и очень удивился:

– Мама, это я тебя разбудил?

– Доброе утро, сынок! А ты разве меня не видел? Я к нерме¹ ходила, воду несу.

– Нет, не видел, – чуть обиженно ответил Матвейка, ведь он так хотел проснуться раньше мамы, истопить печь и вскипятить чайники. «Сынок, ты теперь большой, через год в школу пойдешь», – не раз говорил отец. Да, он большой: дядя сплёл ему настоящий тынзей, папа смастерил сани, подарил упряжь, у него есть красивый мужской ремень с ножнами и самодельным ножом. Он готов был и в прошлом году в школу лететь, но родители непустили.

– Пойдем пить чай, скоро отец стадо пригонит, день будет жаркий, олешки беспокоиться станут, надо бить оводов, – как-то необычно строго сказала мама.

Матвей заметил, что и вчера мама с отцом серьезно вполголоса что-то очень важное обсуждали. Мальчик пытался вслушаться в их разговор, но понял только одно: «Надо к

морю спешить».

А что такое море, где оно, почему к нему надо спешить? Он потом пытался спросить у отца про море, но отец очень торопился к стаду, только посмотрел на него и вскочил на сани.

Сегодня мальчик опять вспомнил о море. «Может мамина строгость связана с морем, но что такое море?» – терял терпение Матвей.

В это время из-за сопки начали появляться передние олени, затем, с гулом, хорканьем поднялось всё стадо. Олени двигались как волны широкой весенней реки, а няравэи² казались кусками льда, снега. Матвей похозяйски закинул за плечо свой тынзей, схватил шкурку и лопатку для битья оводов и поспешил навстречу к отцу. Отец как-то сухо поздоровался с сыном, был очень сосредоточен, а Матвейка ждал похвалы. «Наверно отец опять вспоминает о море», – вздохнув, подумал мальчик.

Тут подошли ребята из стойбища. Друзья распределили места вокруг стада – бить оводов. Чтобы попасть в овода, нужны быстрая рука, сноровка, терпение.

Вчера всех ловчее и быстрее был Лёвущка, двоюродный брат Матвейки. Он больше всех побил оводов. Лёва уже отучился один год в школе, чем был очень горд.

В этот день удача снова была на стороне Левы. «Может Лёвущка хитрит? – почему-то подумал Матвей. – Хотя, нет, зачем ему меня обманывать, просто Лёва молодец».

На следующее утро Матвей проснулся, от какого-то шума, суеты вокруг чума. Мальчик

¹ Нерма – место, где берут воду

² Няравэи – олени-быки белого цвета

выскочил на улицу. Летнее солнце буквально ослепило ему глаза.

– Матвей, готовь свои сани и упряжь, сегодня будем ямдать к морю, – почти торжественно сказал отец.

У Матвея сон как рукой сняло.

– Ура! К морю! Ура! Ямдаем³! – кричал вдохновившийся мальчик, хотя из головы никак не выходил вопрос, а что такое море?

К вечеру аргиши двинулись в путь. Олени тяжело тащили гружёные сани по сухой тундре. Матвейка всматривался за горизонт, но никакого моря не видел. Он тихонько погонял свою упряжку и размышлял: может он и видел море, но, наверное, был ещё мал.

Но вот аргиши остановились на отдых. Грузовые олени дышали с тяжестью, давно не было дождя, земля высохла. Матвей подошёл к отцу.

– Чумы будем ставить вон на том высоком холме, Пудков-камень называется. Там и оводов будет меньше, олени отдохнут, – поделился своими мыслями отец.

Отдохнувшие упряжки снова отправились в дорогу. До высокого холма оставалось пройти ещё один переезд. Аргиши с трудом поднимались на пологий склон Пудков-камня. В воздухе чувствовалась вечерняя прохлада, начала выпадать роса.

Олени, почуяв прохладный ветерок, подняли головы.

Матвейка очень устал, руки гудели, глаза закрывались. Солнце уже успело снова подняться над горизонтом, когда отец остановил свой аргиш на стойбище.

К мальчику подошла мама. Она заметила, что сын устал, едва перебирал ногами. Мама помогла распрячь ему упряжку. Тут Матвейка бросил взгляд вдаль, и внезапно его охватило волнение.

– Мама, что это? – восторженно спросил он, показывая рукой вперед.

– Это море, сынок.

– Море? Оно такое большое, синее! Быстрее поедem к нему! А волны-то какие! – не переставал удивляться Матвей. Вдали

колыхались, извивались большие воды моря. У мальчика откуда-то вдруг появились силы. Семья быстро поставила чум, затем они с аппетитом пили душистый чай.

– Это усталый чай, он очень вкусный, – говорила мама.

Мальчику не терпелось узнать всё о море. Он то и дело поглядывал на отца. Наконец-то и папа начал говорить:

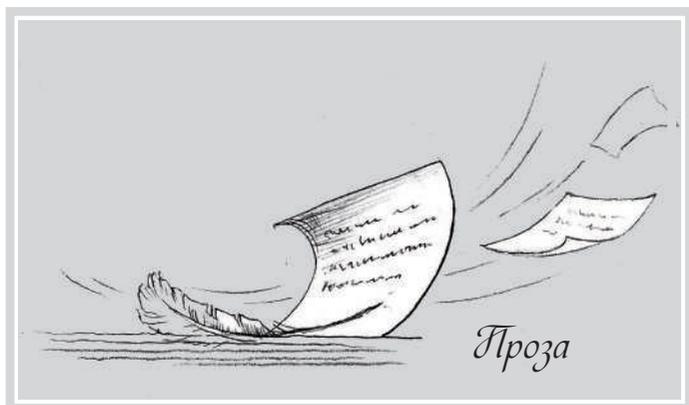
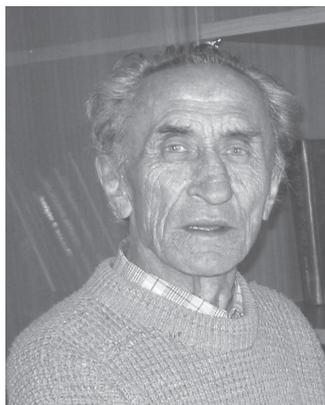
– Море очень большое, солёное, холодное. В море много разных рыб, даже плоская рыба водится. Завтра погоним стадо на берег, всё сам и увидишь, а теперь надо спать.

Матвейка никак не мог уснуть, ворочался, вспоминал папины слова. Но вот глубокий сон охватил мальчика. Снились ему рыбы и маленькие, и большие, а плоская рыба громко шлепала по воде. Мальчишка отчаянно прыгал за ней по блестящим волнам моря. Холодная вода щекотала ноги, в лицо летели жгучие солёные капли.

³ Ямдаем – кочуем

Алексей
Пичков
Сятук

Фрагмент повести

Помню тот далекий солнечный день, когда отец, возвратившись из стада, принес мне небольшой рыженький комочек, который шевелился и попискивал, пытаясь соскользнуть с широкой отцовской ладони. Глазки-бусинки его беспокойно бегали по сторонам. Я догадался: это был лисёнок.

Я лежал в открытом балагане, и солнечные лучи падали прямо на меня. Полог был сшит из пестрой материи, и мне казалось, что я лежу среди диковинных цветов на лужайке. Рядом потрескивала сухими ивовыми дровами железная печка, шумел чайник, позвякивая крышкой, и было слышно, как закипала в котле вода.

Мать суетилась в переднем углу чума, готовила завтрак. На столе уже расставлены чайные чашки, вместе с любимыми сушками горкой наложен на большой эмалированной тарелке только что выпеченный хлеб. Топлёное масло стояло в кружке на краю печки. Отец присел рядом на шкуру. Лисёнок всё ещё изучал ладонь, острой мордочкой тыча в жёсткие пальцы. Он беспомощно поднимал её вверх и снова жалобно пищал: вероятно, звал свою мать, просил есть.

– Сятук, настоящий Сятук, – сказал отец, глядя, как лисёнок пытается схватить своими маленькими белыми зубками его палец.

Сятук по-русски будет «кусачий», – сообразил я.

– Хорошее имя, – решил отец.

– Не имя, а кличка, – поправил я. Зиму пролежал в больнице (у меня сильно болели глаза), и деревенские мальчишки, навещавшие меня, говорили, что у собак и кошек, а также у лошадей нет имени, а только клички. Хотя я с ними и не соглашался, потому что по-ненецки все живущее и растущее на земле имеет имя. Но сейчас, чтобы показать, что и я что-то знаю, вспомнил тот разговор.

– Правильно, – кивнул головой отец. – Пусть будет кличка у нашего лисёнка. Сятук так Сятук.

Мать суетилась около стола, прислушивалась к нашему разговору. Иметь лисенка в чуме, конечно, не очень-то радовало её. От меня и моих затей, как она говорила, у неё и так голова

шла кругом. Но она пока молчала. Положив в кипящую воду котла куски мяса, спросила:

– Сейчас чай-то будете пить или мяса подождёте?

– Подождём, – ответил отец. – Я в стаде чаёвничал, сыт пока. Ты как, Эле?

– Пожалуй, мать, подождём, – поддержал я отца.

– Сятук Сятуком, – наконец вмешалась мать, – покормить его надо. Ему бы сейчас около тёплого материнского живота лежать да молочко тянуть.

– Нету матери-то у Сятука, – вздохнул отец. – Вон Лыско, будь он неладен. Подвернулась лисица, а он её в зубы.

Лыско, огромная пестрая собака с длинной клочковатой шерстью, поднял продолговатую морду, взглянул на отца преданными глазами и широко зевнул, показав жёлтые клыки, но не услышав в голосе хозяина обычных ласковых интонаций, встал, лениво потянулся и вышел из чума. Подальше от беды.

– Да и провинилась лисица перед нами с Лыском, – отец кивнул в противоположный угол чума. Только сейчас я заметил там что-то тёмное и бесформенное.

– Телёнок это, – пояснил отец, увидев мой вопросительный взгляд. – Покусила она его, а лисёнка мы после нашли. Слышу, кто-то пищит в норе. Вот мы с Лыском и спасли его.

И отец осторожно положил лисёнка на моё одеяло. Я притронулся к нему. Он ловко схватил мой палец острыми, как иголочка, зубами. Схватил осторожно, видимо, хотел поиграть со мной или думал, что палец мой – это материнский сосок, из которого вот-вот брызнет струя молока. Я взял лисенка в руки и подбросил. Он упал на спину, но с большим проворством перевернулся и пискнул, будто обиделся, что я так плохо с ним поступил. Тогда я сделал из овчинного одеяла что-то наподобие норы и положил туда Сятука. Уставший лисенок не противился. Он свернулся клубочком и закрыл глаза. Укрыв его лёгким платком, я быстро оделся.

– Мама, ты поглядывай за ним. Я сейчас, скоро...

Фрагмент повести А.И. Пичкова «Сятук»

Перевод на ненецкий язык Надежды Талеевой

Тикы' нахы" ваеравы хаерасавэй ялям' саць сававна тенеv': тамальгана, нисьяв, тэхэт то"махаданда, нудита' ниня манзаданакоцям', ейнанакочям', насадарман харванакочям', нярьяна лаңгахалкоцям' няни' тэврась. Нодяко то"лаха сэвкуцида няркна хэвнямна мандалырца". Мань хамадав, тикы тэнякоця нэвы.

Хаерад' иня' ңылна, ва"ав' ниня мань юседаманзь. Есер"ма" падвы тохосохот сэдвы, ңадьбята мань ихинани' танабцьм' нимня ңамдэдо' поңгна ядэртанаңэ пэрңав. Хэвханани' еся' хор" хасуй нероко пяхана синдё"махаданда нурна, сяй' едми' муно"ңа, тад тикахад ед' мяня и" тандья лохоманзь пявада со.

Небяв синяна хамекурца, хувывавы сям' хамадамби. Сяй' хыдина" мале толь' ни' ңамдтавыда, мэнена халя' хэвхана ңарка хыдя' мяня хойдарев' тандья ябцвы нянь масебтевы. Еся' хор' вархана еся' хыдя' мяня холкабтавы юр" ңа. Нисьяв хоба' ни' хэвхани' ңамды. Тэнякоця"я тамна нисян' пем' манэсарңада, саблюй пыякоцяхананда тоенана нудита тарки хорпи. Пыда варета пыякоцямда тю"у илсетыда, тадтикахад ңани' хэнакабць ейна пэсьты: небямда пюр" нив, ңавормакоен нив харва".

– Сятук, ненэся Сятук, – тэнякоцям' мание, нисьяв ма, ханзер" тикар нуданда таркам', нюдяко сэр тибякоцяха"нанда етри сякалман харвада.

«Сятук – луца' вадавна мась «сятурик», – мань тарем' хамэдав.

– Сава нюм', – нисьяв таслада.

– Нюм' вуни ңа", пэрабцада нив ңа", – мань мадм'. Сыв савумдаңголава хардахана юседамась, сэван саць едемяць, тикахана няни' турмы" хасава ңацекы" маньзеты": вэнеко", хоска", юно" ңод нубито' ей"ңэ пэрабц' мэ"ңа". Ңабцата тарем' вуни ңа", ненэй вадахана хусувэй яхана илена, вадёдана нюмда нив паня". Теда', ңамгэм' теневами манэ"лабтаван харвав, ңадьбянда тарем' лаханамась.

– Ңавнанда тарця, – нисьяв нэвахананда нибко"лы. – Тарем' ңэя, маня" тэнякона" пэрабцада тания. Сятук ңэбта Сятук ңэя.

Небяв толь' хэвхана ңамгэ тикым' хамадамби, мани' лахарёни' инзелерка. Тэнякоця мяд' мяня мэвада пыда нянанда саць майбцо вуни ңа". Мань нядан' тикы мань ёрокоходан небян

нэвада сюра пэрца, пыда тарем' маньзеты. Тедари' пыда мунзи. Ңамзи" ед хамадаванда сер", хонорку:

– Ңамза пивам' ңатеңгуди'? Нибтя теда' сяйндади'?

– Ңатенаңгуни' – нисьяв ма, – Мань тэхэ"на сяйңаманзь, тедари' нидм'.

– Ңэя, небёв, ңатенаңгуни', – мань мадм'.

– Сятук ңэбта ңод, – нябяв вахалы" – ңавла нив тара". Небянда ядекохона мэвы ңэбнанда ңаметангу" нисьяв.

– Сятуканд небяда яңгу" нив, – нисьяв индадм' нэкалца. – Лыско такы, маханы хэмя"я. Тэня лакри' еремы, таминда тибяха"нанда ңабкалцада.

Лыско, тарта ямб ңарка"я падвы вэнеко, ямб пыямда тю"у илада, нисьяхан сылы", тадтикахад латавна няңгэри", тасехэй тибяда манэ"лабта, ервнда вабцхана сава мунм нись намд", юркы", лэқдарка вэңгалюрй", тадтикахад мякад тарпы". Маяхад ңахаку" хая.

– Тэняр" ңо" саць вэва серм' сертавы, – Мяд няби хэван нисьяв нэвахананда нибко"лы. Ңамгэхэв париденя мандалм' таниякуна тандаяри мань манэ"ңав.

– Тикар суляко, – нисьяв нян ма, хонаркудадарев' нянда сылумами манэць. – Суляком' тэня сятурмэда, тэнякоцяхав пуна манэ"нав. Инзелем', ваңгота' мяня ейнана" со". Ти Лыско' ня' ет илебтеми'.

Нисьяв янабоковна тэняком' мань тохоця' ни мэда. Мань нянда тебаркам'. Пыяда таминда саблюй, нибя то"лаха, тибякуцяхананда нудини тарка ня"ма. Янабоковна ня"мыда, харвабта, сянокаван нянани харвавэки, нибтя ңани' нуда тарками – небянда ңамя' малңэ пэрмэкыда, малака таниявам' ңатевэкы. Мань тэняком' тадтикахад мов. Пыда маханда' ни мантэй", таминда сюрхалы" ненадарев ейна, маңадарев' няна си"ми вэваковна пэрңанню". Хуцяхад ваңгота то"олахам' сертам' тад тикахад Сятук тикы' ни масибтев. Пэдавы тэнякоця"е ни нярхалу". Пыда ва"ны" тадтикахад сэвкуда тала. Сибяцяку ңоксяңгна пыда сита талхая, мань мертвявна емб"юв.

– Небёв, пыдар маниед. Мань меркувна тутам'...

Ирина
Артемова
О ЛЮБВИ

...Вечер курит легкие с ментолом.
К полночи – в дороге холода.
Думаю, пожалуй – мне не стоило
Привыкать к каким-то «навсегда».

Как ты там писал? На поезд? К морю?
Все бы так, но ... Мне бы твой кураж!
Видимо не так уж много горя
Годы набросали в мой багаж...

Стекленеет небо звёзд иголками,
Чтоб туманам выколоть глаза...
В этот вечер хорошо под «горькую»
Петь с тобою песни. Да нельзя.

Время заключило нас, Иосиф,
Каждого – в отдельную тюрьму.
Время – не за нас. Оно не спросит
Кто когда скучает по кому.

Следом за тобой теряю веру
В перекрестки мыслей и вестей...
Планы – в чашке пряного пуэра
Намешать разлук, дорог, смертей,

Верить в поезда и самолеты,
Плакать в ожерельях фонарей,
Множить будни на стихи и ноты,
Чтобы раньше срока не сгореть.

...Узнаю твой силуэт неброский
В пламени закатного костра.
Каждый вечер носит имя – Бродский.
Я люблю такие вечера...

А помнишь лето? Было ж хорошо...
Нет, правда, пыль, жара, зато потом
Вдруг небо превратилось в решето
И летний сумасшедший дождь пошёл.

А я тогда стояла, как и ты –
Чуть свесившись вперед с перил моста,
В глазах вот так же – боль и пустота.
А может, даже больше пустоты.

...Тебе знакома сладостная боль,
Когда не нужно никуда спешить,
И в памяти так сладко ворошить
Свою весьма трагическую роль?
Отвергнут, оклеветан, брошен, зол,
Непризнанный бродяга и талант...
Дай угадать – художник? Музыкант?
Откуда знаю? Знаю, да и все.

...Так вот, стою. Осталось сделать шаг.
Все решено, обдуманно всерьез.
И, не поверишь, жаль себя до слёз.
Так жаль, что даже тяжело дышать.
Подумала – кто будет горевать:
Хватило пальцев на одной руке.
Ведь я же не сближаюсь абы с кем,
А прочим-то меня – откуда знать?
Родным оставляю фото и долги.
Да грустных строк внушительный запас.
Узнав про выбор мой: с моста упасть –
Возможно, позлорадствуют враги...

Внезапно реку взволновала дрожь,
И отраженья спрятались на дне
И на Земле остался только дождь.
Была ещё конечно я. И мост.
И руки приросли ко льду перил.
А он меня немилосердно бил.
За то, что я задумала всерьез...

...Я не шагнула. Не хватило сил.
Дай руку. Мы сегодня не умрем.
Ведь дождь меня затем и сохранил,
чтобы я стала для тебя дождем.

Мне так нужно смотреть,
как в безвременье падает снег,
Прибавляя себя к белоснежности
ставшего прошлым...
Так мой путь ненаписанных слов припорошен
Ненадежным как сон, серебром.
Снова тает рассвет,

Снова солнечный круг
воскресает из облачной кручи,
И уносит с собой недосказанность
пасмурной ночи,

Ночь грустна. Ей неловко среди одиночеств
И потерь. И предательств. И строк,
что могли быть получше.

Ты – случайный попутчик.
Порывов душевных не трать.
И – не верь мне. Я буду с тобою недолго.
Мне еще собирать
вдохновений полночных осколки,
Чтоб подбросить, как в пламя костра,
новых мыслей в тетрадь...

Искры тлеющих слов мне в довесок,
к изъяснам души,
Полумаска пророка в придачу
к прорехам изгоя...
Не одну бы мне жизнь,
я возможно была бы другою,
Чтоб, как утренний снег,
никогда никуда не спешить.

Не суди. Мне никак без спасительной жертвы
огня.
Без неё я никто и нигде, ни зачем, ниоткуда.
Даже ради тебя я, пожалуй, меняться не буду –
Слишком поздно меняться
и к лучшему что-то менять.

Дело даже не в том.
К переменам желания нет...
Что я все о себе?
Может, лучше, давай, о хорошем?
Видишь?
Прямо к порогу ветрами полярными брошен
Путь, которым, оставив меня,
ты уйдешь на рассвет.

Отвернись, дитя, не смотри...
Право, не на что тут смотреть:
Клоунесса снимает грим.
Клоунесса встречает смерть.

Растворяются миражи.
Закрывается шапито.
Очень страшно без грима жить.
Да и в гриме уже не то.

Все давно уже шло к концу.
Что болело – давно мертво.
Обывательский Страшный Суд –
Заурядность – как приговор.

Разрулили – по чести честь!
Частый пульс зазвенел как нить.
Ей оставив жалкую месть:
«В моей смерти прошу винить...».

...Завтра кто-то другой совсем,
Только внешне чуть схожий с ней
Выйдет из дому ровно в семь
Растворяясь в толпе теней.

Всех богатств на сегодня-то...
Тонкий «Winston» да тепло детской ручки –
Кольцом на пальце,
Гигабайт строк и песен на жёстком диске
И отсутствие поводов обижаться.
Ожидание запаха мандаринов,
Поцелуев мороза да ночи снежной,
Понимание – прожита половина.
Что не лучшая – силы дает надежда.

Будем жить. Низачем. Не по поводу.
Не «во имя»,
Будем верить надеждам и добрым песням.
Будем верными, нежными и родными.
Повезет – навсегда. Если сможем – вместе.

Они уже так долго были вместе,
Что потерялся дням и годам счет.
А жизнь вполне могла казаться пресной,
Когда в ней нет кого-нибудь еще.

Они уже так долго были вместе,
Подрастеряли счастье быть вдвоем,
Так в небо мы глядим без интереса
И чистый воздух без восторга пьем.

Они уже так долго вместе были,
Откладывая счастье на потом,
И чувствовали – что-то подзабыли,
Да вот никак не вспомнить точно – что...

Случайно, зря, бессмысленно, без толку?
Без горьких расставаний, пылких встреч –
Но были вместе. Верно, слишком долго,
Чтоб что-то очень важное сберечь?

Они уже так долго были вместе,
Что вёсны стали – не теплей зимы...
...Прошу, ответь мне. Если можешь, честно –
ОНИ – совсем не то же, что и МЫ?

Растворился в дождях мой сентябрь туманный,
Ветер пишет на окнах о чем-то грустном.
Я хочу принять аспирин и ванну,
Но в аптечке моей, как нарочно, пусто.

Первый день октября жжёт рябины гроздь
И пытается спеть мне о чем-то светлом,
Убеждает: забыть об ушедшем просто,
Ну подумаешь – кануло в Лету лето.

Наряжает деревья в парчу и бронзу,
Мне не нравится, но с октябрём не спорят...
Мне достаточно просто смотреть на звезды,
А земле я вообще предпочла бы море.
Так что к черту октябрь! К чёрту эти песни!
Впрочем, что ж я? Ведь мы с тобой не об этом.
Знаешь, он ни при чем. Он невольный вестник
Горькой правды о том, что уходит лето...

А знаешь... Ни зимы, ни лета – нет,
Есть лишь дорога от весны до осени,
И если знать, что ночь лишь пред-рассвет,
Бессоница не мучает расспросами

О смыслах жизни, поисках вершин,
Все ясно, очевидно и наполнено
Высокими порывами души,
И море жизни наполняет волнами

Прекрасных упоительных надежд,
Свиданий, добрых встреч и веры в лучшее,
И ласков дождь, и ветер чист и свеж,
И звезды совершенно не колючие:

Смотри, я собираю их в ладонь,
И, если хочешь, поделюсь, не жалко ведь,
Ты сохрани их ласковый огонь,
Вари им кофе, кутай одеялками,

А по ночам – читай мои стихи,
Они их любят – преданные зрители
Моих спектаклей. В сумерках тоски
Они одни светили мне пронзительно.

Пусть будут у тебя, покуда дни,
На ключья мою осень рвут маршрутками.
Ты только обещай их сохранить.
Они ведь, эти звезды, очень хрупкие...

Я опять ошибаюсь. Опять говорю не то.
И я знаю, что выводы сделать сумею вряд ли.
Я умею всплывать над удушливой пустотой
И вносить всему миру, что все у меня в порядке.

Я не тем доверяю. И бисер бесценных слов
Опрометчиво трачу по всяким свиным
кормушкам.
Я без правил играю. Ведь если не чтить основ,
То есть шанс изменить игру, обновив игрушки...

Кто сумеет постигнуть науку –собой не быть?
Мне спокойствие – тлен, а взаимность и
нежность – вредно.
Все орехи сочтя, ты за них не спеши винить.
А решишь быть ошибкою тоже... Давай –
последней?

Ошибаться не страшно. А боль можно пережить.
Это я не к тому, что все будет легко и просто.
...На запястьях зарубки белеют, как рубежи...
Боль – не слабость, а только лишь признак роста.

А может, нет у нас серьезных дел?
Нет, правда?.. Можем, все дела отложим?
Уйдем туда, где солнечный предел
Подол небес целует осторожно?..

На берегу оставим нежный след
Взаимного костра любви и чуда,

Пусть он один дотлеет на земле,
Ведь нас к утру на ней уже не будет.

Уйдём. И без того нас долго ждут
Веселые взволнованные птицы!
Уйдем! Ведь нам с тобой не место тут!
А всем друзьям –пообещаем сниться.

Да нет, ну что ты! Ну при чем здесь рай...
Не улыбайся. Я вполне серьезно.
И – долго ждать не буду. Догоняй.
Уйдем сейчас. Пока еще не поздно.

Проходи. Что-то зябко под утро в парадном.
Привет.
Вот же черт тебя дернул по новой затеять игру...
У тебя на кону – пара лишних заплаканных лет,
У меня ничего, кроме строчек
да порванных струн.

Я давно не играю. Мне поздно учиться играть.
Был азарт. Был кураж.
А сейчас только свет фонарей.
Может, вовсе не стоило снова в игру меня звать?
Да и ставка твоя – барахло... Даже жаль козырей.

Их, тем более, мало осталось в колоде моей:
Бронированный туз эгоизма, любовь короля...
Кофе будешь?
В квартире моей ненамного теплей –
Сквознякам из распахнутой двери
здесь вольно гулять...

...Я опять проиграю.
Ты опытный сильный игрок,
Мой полуночный грустный двойник
в отраженьи ночном.
Бледный саван рассвета проникнет
в тревожность несбыточных снов.
...Кто-то близкий опять разглядит
тайный смысл этих строк.

В темном небе тревожная мгла. А луна умерла.
Погрустить бы, да полночь такая –
не время для грусти.
Джинны памяти маются горько
в безвременье ламп,
Из которых никто никогда никого не отпустит.

...В твоём городе ветреный вечер
безумно устал...
Ты, услышав мой голос, не вздрогнешь –
давно ведь знакомы.
Я смотрю на тебя через воду разбитых зеркал,
В неуютной тиши твоих тёмных
неприбранных комнат.

Не смотри в отраженья.
Не зря говорят, что нельзя.
В паутине разбитых зеркал всё
чрезмерно трагично...

...Пообещай мне: после прочтения – удалишь.
Пей сладкий чай. Или кофе. И слушай песни.
Ночью – пиши стихи. Все равно не спишь.
Мир не так плох. Для двоих лишь бывает тесен.

Чувствуешь? Плеч твоих ночи коснулся взгляд...
Ты не поэт? Что ж, не вижу, чем хуже проза...
Ладно. Забудь, не пиши, а иди гулять.
В мае бывают отличные, знаешь, грозы.

В общем... Забудь переписки на грани снов.
Не вспоминай. Я учила тебя плохому.
Нечем дышать? Ну, тогда приоткрой окно.
И, кстати, выбросишь сразу мои альбомы.

Да. Избавляйся скорей от моей тоски.
Лед этих фраз для тебя еще слишком тонок.
Быть у судьбы черным камнем на дне реки –
Так себе доля, а ты ведь – совсем ребенок.

Жизнь – хороша. Ну – полюбят. Ну – предадут...
Жми свой delete... И не бойся начать все снова.
Просто поверь – где-то любят тебя. И ждут.
Боль – это ложь. Одиночество – просто слово.

Ветер поземкой запутался в ельнике,
В кружеве инея сумка походная,
Вороны – чёрные злые бездельники
Нам ворожат на пути непогоду...

Слишком много слепого снега,
слишком холоден белый ветер,
Снегопадами дышит усталое небо, мы сторели,
и все это – пепел.

Знать бы, что все отгорит так нежданно,
Может, дороги иначе б построили,
Неблагодарное дело загадывать,
Карты судьбы наугад перекроены.

За ошибки игра порой беглых сталкеров
судит строго
Бой без правил давно проиграли с тобой...
Снега белого выпало много.

Не сохраняй номера телефонные,
Мы не решим ничего разговорами,
Так ведь бывает, пора, посторонние,
Больше не живы и больше не дороги:

Слишком много седого моря,
Слишком мало живого солнца,
Слишком грустные песни стоят на повторе,
А весёлых нам петь не придется.

Жаль, только тут ни при чем расстояния,
Так что не стоит кого-то обманывать
Видеть тебя – никакого желания,
Странно, но это мы знали заранее,

Ничего не скажу больше. На двоих нам –
одно лишь небо.
Я тебя не виню, так честнее и проще.
Слишком много усталого снега.

Да, мне билет на самый скорый поезд.
Нет, направленья я не уточню.
Беру, что есть. Нет мест? Я буду стоя...
Да, глупости, конечно, говорю...

Не надо так смотреть. Дай Бог, чтоб с вами
Так не случилось, что не мил весь свет,
И ночью на прокуренном вокзале
Вы «хоть куда-то» просите билет...

Где заморозков мрачные туманы
Ещё не проглотили крики птиц,
Где жить – не страшно, а любить – не странно,
И где друзья не стали «кругом лиц».

Хоть не молчите. Мне и так непросто...
Я с некоторых пор – не говорю...
Молчать – неумолимый признак роста
Душевной боли... Можно, прикурю?..

Мне хочется представить на минуту,
Что не сквозит безумие из глаз,
Что все спокойно, ровно и уютно,
Как все наверняка всегда у вас,

Что не хватает пустота запястья
Холодную безжалостной рукой,
Что сердце помнит, что такое счастье,
И верит, что оно недалеко...

Что жить начать еще совсем не поздно,
Что реки – вплавь, и горы – по плечу!
...Что с вами?.. Нет... Какие к черту слезы...
Простите. Я сейчас же замолчу...

Забудьте. Неправа. Я не об этом...
Все – чушь, куда ходят поезда.
А знаете? Давайте два билета,
На самый скорый поезд «хоть куда».

Давай, расскажу тебе, где я была...
Я видела грозное серое небо
И целое море печального снега,
А вот о тебе позабыть не смогла...

Тонула в пучине пустых вечеров,
И сладкая память счастливых мгновений
Меня возвращала в то светлое время,
Где только для нас были песни ветров.

Я видела сотни чужих мне людей...
Походный дневник испещрен именами.
Шагреновой кожей сжимается память,
И в шумном эфире еще холодней.

Терялась в объятьях чужих голосов,
Беззвучно молила – пожалуйста, тише...
Быть может, тогда я сумею расслышать
Одно только слово из тысячи слов.

Тебя, и все то, что хотелось сказать,
Мучительно снова и снова теряла,
Писала, рвала, сохраняла, стирала...
Я глупая, правда? Ведь так же нельзя...

И значит, простимся. Пожалуй, пора.
Я, знаешь ли, просто устала зависеть
От редких звонков, непрочитанных писем.
Мне больше не нравится эта игра.

Прохладную сладость полуночных губ –
Прости, я испачкала скверной сравнений,
Теперь – с переменной мои уравниенья,
И я их решить никогда не смогу.

Представим, что ты – мой каприз или сон.
Допустим, что все это – чистая правда.
Тогда ни о чем больше думать не надо,
И пусть все дороги сомкнутся в кольцо.

Так проще? Однажды проторенный путь
Уже не подарит бессмысленной боли,
На все мои раны – достаточно соли?
Не стоит, пожалуй, пытаться свернуть?

...Прости. И не слушай. Сама себе лгу.
Но правды не скроешь под всей этой ложью.
...И ты без меня уже больше не сможешь,
И я без тебя – никогда не смогу...

О любви

Смотрю на него, и растет, закипает внутри,
прямо под горло, раздражение. Морда глупая
такая... ни одной мысли, одни животные
эмоции. Почему мы всё ещё вместе, а? Так и
хочется поставить точку.

Даже не хочется узнать, о чём он там думает,
в своей заросшей черепушке. Наверняка ничего
интересного: главным образом, что пожрать.
Именно вот – пожрать. Он так и делает, как
будто это последняя трапеза в жизни. Я
стараюсь не смотреть на него в этот момент.
Что я когда то разглядела в нём? Где всё это? Хотя
и подружки, и знакомые порой говорят:

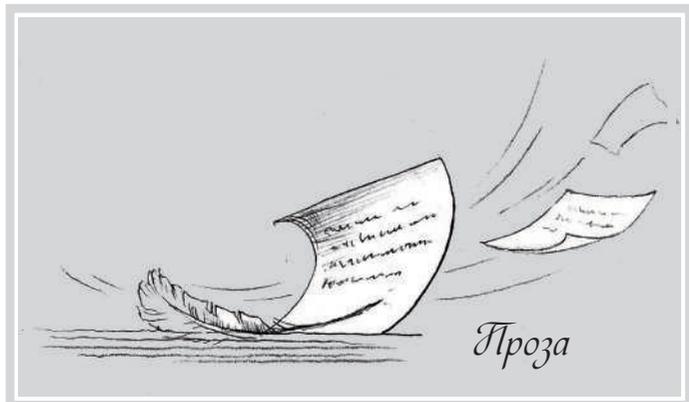
– Ты слишком много хочешь. Он у тебя
красивый. Вон, одни глаза чего стоят, а смотрит
как...

Да. Взгляд у него не меняется. Уверенный,
внимательный, прямо ест тебя глазами. Это
приятно. За это многое можно простить. А он
будто чувствует. Особенно, если я не в духе.
Сядет напротив и смотрит в глаза прямо,
нежно, преданно. Бровь вверх-вниз, и взгляд
становится игривым. Невольно улыбнёшься, по
голове погладишь, рукой за шею обнимешь, и
так спокойно становится, тепло. И забываешь
про разбросанные вещи, про короткие кривые
ножки, про непростой склочный характер. В
конце концов из множества вариантов именно
его выбрала. Судьба значит...

Сидит. Смотрит. Миску опустошил, головой
маленькой крутит, то в одну сторону, то в другую.
Подхожу, он кидается навстречу, лапками
когтистыми ко мне тянется, тельцем кривеньким
жмётся. Ну вот, подпрыгнул, на коленки оперся,
снова колготки зацепил. Как всегда. Не пес,
а недоразумение. Глазки навывкате, смотрит
преданно.

И понимаешь: я – его, а он – мой. Мой пес,
мой кривоногий защитник, страшенький, но
преданный. Маленький, но с большим горячим
сердцем. И всё. И никаких точек.

Рудольф
Филиппов
Краеведческие
очерки

Карская экспедиция 1921 года,
«хлебная»

В 1920 году Гражданская война на Севере закончилась. Англосаксонские интервенты, основательно пограбив оккупированные территории Архангельского Севера, убрались восвояси. Только в 1918 году с архангельских складов было вывезено экспортных товаров на сумму 4 000 000 фунтов стерлингов. Американцами с оккупированных земель было вывезено льна, кудели, пакли 353409 пудов.

Экономическое положение Архангельской губернии, куда входили и районы Печоры, после войны было крайне тяжелым. В этих условиях главной проблемой, которая стояла перед советской властью, было обеспечение проживающего населения на зиму хлебом, чтобы спасти северян от неминуемого голода. Снабжение хлебом жителей Печоры, налаженное купцами Чердыни, было прервано.

Архангельские крестьяне выращивали преимущественно ячмень, рожь, овес, а в огородах сажали картофель. Пшеница в северных районах не росла. Частые ранние заморозки не позволяли выращивать и обеспечивать население хлебом собственного производства. Пашенные земли губернии занимали всего 80 тысяч десятин, а это всего 0,1 % от общей площади губернии. 4/5 потребляемого хлеба ввозилось из более южных губерний, сельскохозяйственное производство которых тоже было разрушено войной и не могло обеспечить городское население продуктами питания. Крестьяне с трудом могли прокормить собственные семьи, а были и такие хозяйства, где не хватало зерна для пропитания семьи на долгий зимний период.

Перед советской властью стал первостепенным вопрос, как обеспечить северян хлебом. Единственным районом, который мог бы решить эту проблему, была Западная Сибирь.

Вернёмся к недалекому историческому прошлому, чтобы обосновать реальные возможности сельскохозяйственного товарного производства Сибири и её способности обеспечить хлебом районы Европейской части России.

Заселение Урала, Зауралья и Сибири началось после похода Ермака. Сначала за Урал на новые земли потянулись переселенцы из северо-западных районов России. В 80-х годах XIX века началось переселение крестьян из чернозёмных районов европейской части России. После строительства Сибирской железной дороги в 90-х годах увеличился поток переселенцев и, соответственно, наметился рост производства хлеба в Сибири, но сибирский хлеб оказался в невыгодном положении по сравнению с хлебом, выращенным в Европейской России, поскольку он не мог конкурировать по условиям дальности доставки к портам Балтийского моря. Затраты сибирских крестьян на производство хлеба не окупались большими транспортными издержками. В Сибири ежегодно оставалось от 100 до 150 млн. пудов хлебных излишков. Переселенцы, переехавшие в Сибирь, не видя выхода из-за создавшегося положения, стали возвращаться обратно в европейскую часть страны. К 1911 году вернулось 60% переселённых крестьян.

И все же выход был. Северный морской путь через Карское море от устьев Оби и Енисея мог обеспечить дешёвый выход сибирского хлеба. Транспортные расходы по перевозке по этому пути были более чем в 2 раза дешевле перевозок по железной дороге к Балтийским портам.

Торговые товарообменные операции между Архангельским севером и районами Западной Сибири существовали и до 20-х годов XX века, и все же Карская экспедиция 1921 года осталась в истории как самая трудная и крайне жизненно необходимая для жителей архангельских и печорских районов севера России.

В то время перед страной стояла актуальнейшая задача по обеспечению Сибири орудиями для сельскохозяйственного производства, инструментами и товарами импортного производства, в которых она нуждалась в больших количествах. Перевозка их по железной дороге была невозможна из-за разрухи, вызванной войной. Оставался путь морской, через Карское море – путь тяжелейший, но единственно возможный. Доставка необходимых товаров в Сибирь и вывоз сибирского хлеба казались наиболее оптимальным вариантом в данной ситуации.

Карская экспедиция 1921 года была организована решением Совета труда и обороны от 12 марта этого же года в составе двух отрядов: заграничного – под руководством Отто Свердрупа и архангельского – под начальством Черткова Д.Т. под эгидой Управления морского транспорта Белого моря и Северного Ледовитого океана, сокращенно – Беломортран.

Работа по подготовке архангельского отряда Карской экспедиции 1921 года началась с начала года. Планировалось выполнить объём грузоперевозок значительно больше объёма 1920 года, в состав отряда были включены три ледокольных парохода – «А.Сибиряков», «В.Русанов», «Г.Седов» и четыре транспорта: «Канин», «Юшар», «Обь» и «Енисей». В помощь экспедиции были привлечены два судна: «Выг», ледокол № 8 и ледокольный пароход «Малыгин». Экспедиция осуществляла также проводку пяти речных буксирных пароходов, двух парусных судов, семи барж и одной плавучей мастерской для пополнения речного флота Сибири.

На суда Беломортрана была возложена доставка в Сибирь 81 тыс. пудов смолы, проводка судов и барж через Карское море в устья Оби и Енисея и вывоз в Архангельск и на Печору 550 тыс. пудов сибирского хлеба.

Снаряжение экспедиции происходило с огромными трудностями в условиях послевоенной разрухи. Самыми тяжёлыми и сложными были вопросы подготовки судов, способных выдержать длительное арктическое плавание. И все же 1 августа все суда экспедиции вышли из ремонта. В первых числах августа в Архангельск прибыли норвежский пароход с 2 тыс. тонн угля и английский с 4,5 тыс. тонн. Через несколько дней суда экспедиции были загружены углём на полный рейс. Несмотря на ограниченные продовольственные ресурсы для питания членов экспедиции, было выделено всё необходимое, в том числе одежда и обувь. Всего в составе экспедиции в плавание уходило 480 человек.

10 августа 1921 года в Архангельске в тёплый солнечный день в 4 часа дня под прощальные гудки корабли экспедиции отчалили от причалов и под звуки «Интернационала» отправились тяжёлое дальнейшее плавание.

Одновременно проводилась работа по созданию заграничного отряда экспедиции. Окончательное решение использования морского пути для доставки товара в Сибирь судами из-за границы было принято на заседании Совета Труда и Обороны 27 мая 1921 года.

По гидрометеорологическим условиям использование Северного морского пути возможно лишь в течение августа-сентября. Для создания Заграничного отряда Карской экспедиции было всего два месяца. За это время нужно было закупить товары и приобрести корабли, способные доставить товары в Сибирь.

Суда заграничного отряда пришли в Мурманск с большим опозданием. Всего

пришло четыре судна под английским флагом и одно под норвежским. Суда были закуплены советским правительством, но продолжали плавать под своими флагами и своей командой. Просто не было времени на выполнение всех формальностей, всё делалось в спешке, нужно было уложиться в сроки доступного плавания по Карскому морю. Суда по своим размерам и грузоподъемности были способны выполнить плавание в Карском море и перевести планируемый объём груза. В Мурманске на судах были установлены дополнительные крепления из толстых бревен. Все суда были оборудованы радиостанциями, прожекторами, «вороньими гнездами» для наблюдения за горизонтом и моторными лодками. Продовольствия было взято на 6 месяцев. Прибывшие в Мурманск пароходы имели следующие названия: два однотипных «Ашвин» и «Пайвин» размерами 2350 брутто-рег. т, остальные суда разнотипные, размерами от 1500 до 2000 брутто т носили названия «Нисс-Абби» и «Тинтерн-Абби», норвежский – «Бранн». После возвращения суда получили русские названия.

В различных источниках названия закупленных пароходов даются разные, поэтому ссылаюсь на воспоминания Васильева Н.Я., в то время бывшего управляющим Морским отделом в Народном комиссариате внешней торговли (НКВТ), который с Мурманска участвовал в плавании заграничного отряда.

К отряду был подключен подошедший 18 августа ледокол «А.Невский», заказанный царским правительством и построенный в Англии. По тем временам это был лучший в мире ледокол. В экспедиционное плавание он пошёл под наименованием «Ленин». Заграничный отряд возглавил известный полярный мореплаватель, 66-ти летний Отто Свердруп, помощником был капитан И.Э. Рекстин, известный по шестимесячному дрейфу в Карском море ледокольного парохода «Соловей Будимирович», переименованный в июле 1921 года в «С. Малыгин». Операцией по спасению парохода руководил Свердруп, было это в 1920 году.

Одновременно проводилась работа по организации речной части экспедиции, которая заключалась в том, чтобы речные пароходы, прибывавшие по Оби и Енисею с грузами, должны быть в определённое время в месте встречи с морскими пароходами. Местом встречи морских и речных судов в устье Оби был определен Новый порт, а в устье Енисея – Усть-Енисейск.

12 августа суда архангельского отряда соединились в районе Канина и совместно продолжили путь к Югорскому Шару, а 15 августа были в районе Хабарова и вечером, пройдя Югорский Шар, продолжили путь по назначению. Погодные и гидрометеорологические условия позволяли передвигаться без помех. Море было свободно ото льда. 17 августа стали встречаться редкие льды, которые обходили, сохраняя заданный

курс. 18 августа во второй половине дня суда «Седов» и «Обь» отделились от каравана судов, взяли курс в направлении Усть-Енисейского порта. Остальные суда повернули в Обскую губу – в Новый Порт. Суда заграничного отряда прошли Югорский Шар 18 августа и вошли в Карское море.

21 августа пароход «Пайнвин» направился в устье Енисея. На следующий день «Пайнвин» оказался в зоне тяжёлых льдов, из которых самостоятельно выйти не смог и вынужден был вызвать ледокол «Ленин», который в это время выводил из льда остальные суда отряда. После вывода судов на чистую воду ледокол направился на выручку «Пайнвина».

28 августа «Пайнвин» прибыл в Усть-Енисейск. 23 августа остальные корабли заграничного отряда прибыли в Новый порт.

Суда архангельского отряда «Седов» и «Обь» добирались до порта Усть-Енисейск с большими приключениями. Особенно трудно было передвигаться пароходу «Обь», менее приспособленному к плаванию в суровых арктических условиях. Запись капитана в вахтенном журнале «Оби» передает трудности плавания. «18 августа, следуем среди ледяных полей крупнобитым льдом, погода пасмурная, временами налетает туман, идем малым ходом, но лёд 6–7 баллов и приходится принимать удары в носовую часть корпуса. Всё же при малом ходе ударил в льдину носовой частью корпуса, отчего получено повреждение в трюме № 1. Приступили к заделке повреждений судовыми средствами, одновременно поднял сигнал для «Седова»: «Имею повреждение, прошу подойти к борту».

«Седов» подошёл к борту «Оби», дал пароходу 30 пудов цемента для устранения течи, и после устранения они пошли по направлению острова Вилькицкий. «Обь» шла в кильватере «Седова», по пути попадались льдины. На буксире у обоих судов были баржи. В результате передвижения среди льдов и маневрирования у «Оби» были поломаны лопасти гребного винта. «Седову» пришлось взять «Обь» на буксир, а баржи находились на буксире «Оби». Вечером 20 августа, наконец, вышли из льдов.

Во льдах прошли 200 миль. 21 августа из-за тумана стали на якорь в районе Ефремова камня, в ожидании прихода гидрографического судна «Иней» с лоцманом. 22 августа суда, следуя за «Инеем», вошли в Усть-Енисейский порт. На переход от Маточкина Шара по Карскому морю потребовалось семь суток. В Усть-Енисейске каравана речных судов с хлебом ещё не было. Не теряя времени, участники экспедиции приступили к выгрузке смолы. 26 августа подошли речные суда, и сразу началась погрузка хлеба на пароход «Седов», который принял на борт 67 тыс. пудов ржи. Остальное зерно должен принять «Малыгин». В это время «Малыгин», севернее о. Белый зажатый тяжелыми льдами, пытался вырваться из ледового плена. Надежды на приход «Малыгина» в Усть-Енисейск не было.

Оставшееся зерно 3 сентября было погружено на пароход «Обь» и в тот же день «Седов» и «Обь» вышли в обратный путь.

Суда архангельского отряда, входящие в обскую группу, пришли в Новый порт 21 августа и сразу же приступили к погрузке смолы на суда и баржи. 23 августа в Новый Порт прибыли суда заграничного отряда. Отсутствие речных судов в Новом Порту озадачило руководителей отрядов. Оказалось, что речные суда стоят в бухте Находка в 30 милях от Нового Порта. Начальник каравана речных судов считал, что переход от Находки до Нового Порта опасен для речных судов. В это время года в устье Оби бывают сильные северные ветры, но, к счастью, погода улучшилась и речные корабли были переведены с помощью мелкосидящих пароходов «Юшар» и «Канин» в Новый Порт. Перегрузочные работы начались 28 августа и окончились 16 сентября. Морские суда архангельского отряда загрузились раньше и покинули Новый Порт уже 11 сентября. При подходе к о. Белый были встречены льды, не представляющие препятствия для передвижения.

14 сентября произошло радостное для архангельского отряда событие: встреча судов обского и енисейского направления. Все корабли отряда встали на якорь для выработки порядка обратного хода.

Начальником экспедиции Чертковым Д.Т. был издан приказ № 28 от 14 сентября на рейде у о. Белый, в котором был определен следующий порядок следования судов: головным шел ледокольный пароход «Русанов», за ним «Сибиряков», имея на буксире «Обь» – 1 отряд; далее «Седов», «Енисей», «Канин» с буксиром «Выг» – 2 отряд; за ними «Юшар», «Малыгин» и ледокол № 8 – 3 отряд. Всего на суда было погружено 443,5 тыс. пудов пшеницы.

А как шли дела в это время у заграничного отряда экспедиции в Новом Порту? Погрузочные операции начались с опозданием от плана на 11 дней 28 августа и окончились при ударной работе 16 сентября – на 4 дня раньше срока. Погрузка шла непрерывно в 3 смены днём и ночью. Погода работе благоприятствовала. Всего было выгружено с судов 398 184 пуда импортных грузов и погружено 220 162 пуда экспорта.

Помимо этого пароход «Нисс-Абби» был загружен хлебом в 154 тыс. пудов, который ранее планировали перевезти на пароходе «Обь».

17 сентября заграничный отряд вышел в обратный путь и у мыса Дровяного соединился с ледоколом «Ленин» и пароходом «Пайнвин».

Архангельский отряд с предосторожностью продвигался в западном направлении в порядке, установленном в приказе № 28. На пути следования встречался редкий лёд, который суда свободно обходили. Ничто не предвещало серьезных опасностей. И все же экспедицию постигла первая катастрофа – затонул пароход «Енисей». Капитан «Седова» М.В. Николаев описал трагические события в судовом журнале. «14 сентября 21 час. 30 минут услышал тревожные

сигналы сзади следовавшего парохода «Енисей». Сразу же стал к нему подходить; оказалось, он получил повреждение о льдину и носом погружается в воду. С «Седова» были спущены шлюпки, а в это время к борту «Седова» подошли две шлюпки с парохода «Енисей» с людьми, которые были приняты на борт. «Седов» же быстро подошел к корме «Енисея» и снял с него остальных людей. В 21 час. 45 минут... «Енисей» затонул на глубине 7 сажен и 2 фута».

Капитан парохода «Енисей» в акте о гибели корабля пишет, что во время следования приходилось маневрировать между льдами. Огибая одну льдину, он посчитал, что пароход при замедленном движении минует её благополучно. Но, по всей вероятности, подводная часть льдины имела вид далеко выступающего тарана и коснулась своим образованием обшивки корпуса правого борта ниже грузовой ватерлинии против фор-мачты... Толчок был совершенно не ощутим, по словам механика Иванова, бывшего на вахте в машинном отделении... Ввиду быстрого погружения судна в воду, груз, судовое имущество, а также вещи личного состава спасти не удалось... Находившийся на пароходе груз пшеницы 28,9 тысяч мешков или 122,7 тысяч пудов и 2373 пуда соли погибли.

После гибели «Енисея» на «Седове» состоялось совещание командиров и комиссаров экспедиции по вопросу о возможности спасения груза с затонувшего корабля. На совещании пришли к мнению, в условиях подвижных льдов спасательные работы проводить опасно, и практически невозможно, и было принято решение – не теряя времени, продолжить путь в Архангельск.

15 сентября движение на запад возобновилось. Шли в густом тумане, пришлось идти группами. Первая группа, возглавляемая «Седовым», «Канин», «Выг», «Юшар» и ледокол № 8, в течение трех суток шли в крупнобитом льде 6–7-бальной сплоченности. К вечеру 18 сентября вышли на чистую воду и на следующий день подошли к Маточкину Шару. К вечеру усилился ветер, надвигался шторм, в проливе, в ожидании подхода остальных кораблей, было оставаться опасно. Приняли решение выйти в море и лечь в дрейф.

Ветер со снегом усиливался и достиг 10 баллов. Ночью, в бессонной работе, экипажам пришлось пережить жестокий шторм. Всё обошлось благополучно, если не считать обрыв троса между ледоколом и пароходом «Выг» в результате чего буксир был унесен и потерян из виду, но вскоре он присоединился к отряду. На следующий день ветер стих, отряд переместился в пролив Югорский Шар и стал ждать прихода остальных судов экспедиции.

Второй отряд: «Русанов», «Сибиряков», на буксире которого была «Обь» и «Малыгин» продвигался тоже в трудных условиях.

Шли во льдах в 7–8 баллов. 17 сентября «Обь», находившаяся в полуаварийном состоянии,

получила сильный удар льдиной в левый борт фор-трюма, образовалась сильная течь. На судне подняли сигнал «Терплю бедствие», задействовали все водоотливные средства, приступили к заделке пробоины. К борту «Оби» подошел «Русанов», на котором находился начальник экспедиции, решили перегрузить зерно с «Оби» на «Малыгин». Перегрузка продолжалась два дня до 20 сентября, всего около 23 тыс. пудов». Аварийную «Обь» повел на буксире «Малыгин», но «Обь» продолжали преследовать несчастья.

Во время шторма оборвался буксирный трос, аварийное судно при сильном ветре налетело на льдину и судно получило пробоину. «Малыгин» подошёл к правому подветренному борту «Оби» и снял всю команду – 78 человек. Неуправляемое судно с наклоном на правый борт 35 градусов порывами ураганного ветра утало от «Малыгина» в сторону и «Обь» скрылась из виду. На следующий день на поиски «Оби» вышли «Сибиряков» и «Малыгин», были найдены шлюпки и другие предметы, а самого судна не нашли, оно, вероятно, затонуло 20 сентября. Капитан и представители экипажа «Оби» составили акт о гибели «Оби» в Карском море.

20 сентября продолжались ураганные ветры. Ледокольные пароходы «Сибиряков», «Русанов», «Малыгин» стояли на дрейфе, и как только улучшилась погода, направились к Югорскому Шару и 22 сентября соединились с судами 1-го отряда. 23 сентября все суда архангельского отряда вышли из Югорского Шара.

27 сентября ледокольные пароходы «Русанов», «Сибиряков», «Малыгин», ледокол № 8 и пароход «Выг» прибыли в Архангельск, а пароходы «Канин» и «Юшар» ушли по плану на Печору. В Архангельск и на Печору было доставлено из Сибири более 400 тыс. пудов хлеба.

Заграничный отряд экспедиции при выходе из Карского моря претерпел тяжелейшие испытания, и был момент, когда руководители отряда всерьез подумывали о зимовке и стали готовить помещение в одном из освободившихся бункеров от угля. Суда и главное – ледокол «Ленин» были заблокированы льдами, но фортуна улыбнулась морякам. 23 сентября неожиданно ветер стал менять направление. Сжатие льдов начало ослабевать. Ледокол «Ленин» вновь смог передвигаться и стал пробиваться на выручку судам «Ашвину» и «Пайнвину». Только оказали помощь этим судам, как произошла поломка лопасти винта у парохода «Тинтерн-Абби». Ледокол взял судно на буксир. Продолжали идти во льдах, но чувствовалось колебание ледяного покрова. Ещё несколько часов хода и отряд вышел на чистую воду.

26 сентября миновали Югорский Шар. Пароход «Нисс-Абби» с грузом зерна отправился в Архангельск, остальные суда – в Мурманск.

29 сентября суда прибыли Мурманск.

Первая товарообменная Карская экспедиция закончилась. Жители Архангельского Севера

получили необходимый хлеб, а жители сельскохозяйственных районов Сибири – нужные для проживания товары и технику.

Героическое плавание в экстремальных условиях Карского моря, несмотря на гибель двух судов, завершилось успешно и показало возможность использования этого пути для осуществления торговых связей между Сибирью и Европейской частью страны. Сразу же после завершения работы экспедиции стала разрабатываться программа организации сети радиостанций в районе Карского моря и гидрографического изучения заливов, проливов этого района Арктики, Обской губы и Енисейской губы.

Деятельность экспедиции получила высокую оценку правительства. Все участники экспедиции за героическую работу получили премию по два пуда муки. По постановлению Малой коллегии Наркомата Путей Сообщений было отпущено 300 млн. рублей для единовременного вознаграждения участников экспедиции.

Первая Карская экспедиция выполнила главную задачу – обеспечила жителей Архангельского Севера сибирским хлебом на зимний период 1921–22 гг и доказала возможность регулярных ежегодных сообщений, позволяющие производить экономически выгодные товарообменные операции между Сибирью и Европейской частью страны.

Литература:

1. Славин С.В. *Освоение Севера*. – М: «Наука», 1973.
2. Сибирцев Н., Итин В. *Северный морской путь и Карские экспедиции*. – Новосибирск, 1936.
3. Новиков В.Д. *Из истории освоения Советской Арктики*. – М – Л, 1958.
4. Слезнев С.А. *Моряки Архангельска в Карской экспедиции 1921 г. /Летопись Севера VI*. – М: «Мысль», 1972.
5. Васильев Н.Я. *Первая товарообменная Карская экспедиция. /Летопись Севера VI*. – М: «Мысль», 1972.

Летопись колхоза имени М. Горького

Краеведческий очерк

Николай Гаврилович Филиппов – учитель и известный общественный деятель Ненецкого автономного округа, мой однофамилец, а возможно и родственник (наши отцы из одной деревни), написал книгу «ХОНГУРЕЙ моего детства и юности. Колхоз имени М. Горького».

Книга посвящена памяти отца Гаврила Ивановича Филиппова, участвовавшего в создании колхоза и бывшего председателем колхоза в тяжелейшее военное и послевоенное время.

Книга написана на основании детских и юношеских воспоминаний, воспоминаний первых колхозников и материалов Государственного архива Ненецкого автономного округа.

Очерк написан на основе этой книги.

Книга – об истории создания коллективного хозяйства оленеводов, работающих в условиях Крайнего Севера и показавших, что самоотверженный труд, умение, талант, любовь к своему делу может привести к замечательным результатам. В хронологическую последовательность изложения материала произведения вплетены воспоминания непосредственных участников событий, раздумья о событиях радостных и горестных, о войне и трудных военных буднях, когда на последних усилиях нужно было обеспечить фронт и тыл необходимой продукцией.

Автор с теплотой и любовью пишет о тружениках и первых строителях колхоза, для всех находятся добрые и согревающие душу сердечные слова. Красят книгу миниатюры, разбросанные по тексту – морошка, пуночки, мистика, опасная охота, кино, обида, короткие записки и зарисовки.

Иногда автор в тексте переходит с литературного изложения текста на местный говор – своеобразный и не совсем понятный для среднерусского читателя, если можно так выразиться; иногда, прекрасно владея коми-ижемским диалектом, излагает текст на этом основном языке общения тружеников колхоза имени Максима Горького. К сожалению, в результате различных реформаций и поветрий колхоз сменил свое первоначальное название и в 50-х годах стал называться «Нарьяна ты», но об этом поговорим позже. Начнем издаека, поговорим о коллективизации сельского хозяйства, о том – для чего нужно было её проводить.

Перед новой властью, установившейся после Октябрьской революции в 1917 году, встала первостепенная задача обеспечить страну и, в первую очередь, городское население, продовольствием. Сельское хозяйство страны было подорвано Первой мировой и наступившей вскоре Гражданской войнами. Отсталость сельского хозяйства, его полная зависимость от природных условий, служили причиной частых неурожаев, массовой гибели скота, в неурожайные годы голод охватывал миллионы крестьянских хозяйств.

Для того, чтобы обеспечить население России продукцией сельского хозяйства и, в первую очередь, зерном, собственникам земли нужно производить товарное зерно. Мелкий собственник в климатических условиях России такое количество зерна производить не мог; у него не было для этого достаточного количества земли, средств для обработки земли (кроме сохи и конного плуга). Продукция выращивалась только для собственного потребления, да и то,

что выращивалось в большинстве хозяйств, не обеспечивало сносное проживание от урожая до урожая самих производителей.

Только крупный землевладелец мог производить зерно в количестве и объёмах товарного производства. Столыпинские реформы как раз и планировали отобрать землю у подавляющего большинства сельского населения России и отдать её кулаку и помещику, а мелкие землевладельцы при этом переходили под покровительство крупных зернопроизводителей, то есть становились наемными работниками или батраками.

Большевики, пришедшие к власти с лозунгом «Земля крестьянам!», чётко осознавали, что только под этим лозунгом можно победить и перебороть отставание в сельском хозяйстве. Но как осуществить эту задачу? Как объединить малоземельных крестьян и в какую форму – в коммуны, артели, совхозы, колхозы? В двадцатые годы были опробованы все эти варианты и окончательно пришли к выводу, что только при создании совхозов и колхозов можно решить проблему обеспечения зерном и продуктами животноводства, обеспечив эти хозяйства средствами механизации и, в первую очередь, тракторами и комбайнами. Следует отметить, что это решение было принято не так просто. Страна прошла тяжелейшие испытания голодом в результате неурожая, анархией, хаосом, крайними жестокостями при проведении продрозверстки, крестьянскими восстаниями, не говоря уже о Гражданской войне.

Выступая на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Главнейшей задачей в выполнении этого условия являлось создание такой системы сельского хозяйства, которая обеспечивала бы бесперебойные поставки продовольствия в города и поставляла зерно в другие страны взамен на оборудование для проведения индустриализации и подъема сельского хозяйства.

Успешному проведению индустриализации страны способствовал кризис на Западе, поэтому страны Запада охотно и относительно недорого продавали необходимое оборудование для оснащения строящихся промышленных предприятий.

Уже на пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 года Сталин говорил: «У нас не было чёрной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь. У нас не было серьёзной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной

и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

...И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии».

Создание собственной индустриальной базы в стране позволило приступить к выпуску средств механизации сельского хозяйства. Государство пошло на создание МТС (машинно-тракторных станций). Они были созданы постановлением Совета труда и обороны СССР 5 июня 1929г. Деятельность МТС на колхозных полях была настолько эффективна, что сыграла важнейшую роль в ускорении темпов коллективизации.

Если в 1930 году в колхозы входило 23% крестьянских дворов, то к 1937 году уже 93%. Миллионы крестьян получили возможность использовать на полях машинную технику.

В 1931 году было 1228 МТС.

В 1933 году – 2886 МТС.

В 1934 году – 3426 МТС.

С созданием МТС началась механизация наиболее трудоёмких сельскохозяйственных работ: пахота, междурядная обработка посевов, уборка урожая, обмолот. В деревне была создана многочисленная армия квалифицированных специалистов – трактористов, комбайнеров, шофёров, ремонтных рабочих, насчитывающая к 1958 году свыше 2 млн. человек.

Коллективизация стала объективно необходимой, другой путь у страны отсутствовал. Без неё Россия была обречена на скорую гибель, и сроки были ясны.

Красная Россия провозгласила лозунги, крайне не устраивавшие руководство ведущих капиталистических стран, которые по техническому и экономическому развитию значительно опережали отсталую во всех отношениях Россию. Перед нищей и разорённой страной была поставлена задача – за 15 лет достигнуть уровня развития западных стран. Ни о какой плавности и мягкости при проведении мероприятий коллективизации речи не шло. Всё нужно было делать быстро и неизбежно жёстко, иного пути не было.

Уже прошло много времени с тех пор, когда принималось судьбоносное решение о коллективизации сельского хозяйства, а единого мнения в этом вопросе не было. Коллективизация проводилась поголовно по всей стране, это была настоящая революция в сельском хозяйстве, происходила ломка

векового уклада крестьянской жизни, в стране, где сельские жители составляли большинство населения. Для проведения такого масштабного мероприятия нужны были десятилетия, а времени для этого не было. Страна, вступившая на путь строительства нового общества, находилась во вражеском окружении стран, которые оправившись после Первой Мировой войны, ни в коем случае не позволили бы России мирно жить и развиваться. Для того, чтобы защитить себя, нужно срочно развивать промышленность и сельское хозяйство, а времени на это было мало. И в этот десятилетний период созидательной мирной жизни было сделано всё, что позволило нашей стране выдержать испытания в Великой Отечественной войне.

В конечном итоге Победа над Германией, пользовавшейся ресурсами всей западной Европы, была достигнута благодаря гигантским усилиям нашей страны, сделавшей великий рывок из бездны в величие. Я не буду говорить обо всех жестокостях того времени, об этом говорят и пишут многие справедливо и, зачастую, крайне необъективно.

Вот стихотворение, приписываемое Иосифу Виссарионовичу Сталину и якобы найденное в его архивах в 1949 году. Это стихотворение подводит итоги работы вождя в управляемой им в этот период стране.

Послушник

Поговорим о вечности с тобою:
Конечно я во многом виноват!
Но кто-то правил и моей судьбой,
Я ощущал тот вездесущий взгляд.
Он не давал ни сна мне, ни покоя.
Он жил во мне и правил свыше мной.
И я, как раб вселенского настоя,
Железной волей управлял страной.
Кем был мой тайный высший повелитель?
Чего хотел Он, управляя мной?
Я словно раб, судья и исполнитель,
Был всем над этой нищею страной.
И было всё тогда непостижимо:
Откуда брались силы, воля, власть!
Моя душа, как колесо машины,
Переминала миллионы страсть.
И лишь потом весною, в 45-м.
Он прошептал мне тихо на ушко
– Ты был моим послушником, солдатом,
И твой покой уже недалеко!

А теперь, основываясь на материалах книги Николая Гавриловича Филиппова, вкратце опишу историю создания колхоза, который оказался успешным и из маленькой оленеводческой артели превратился в крупное многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие.

В 30-е годы прошлого столетия на территории Малоземельской тундры на небольшой площади восточнее реки Сулы, в долинах речек Тыбас,

Седуха и по междуречьям до участка Хонгурей по левому берегу Печоры, продолжали кочевать оленеводы-единоличники, выходцы из Ижемского района Коми автономной области.

В начале тридцатых годов многооленные ижемцы-хозяева, имевшие наёмных работников, были раскулачены, лишились своих оленей, а их пастбища перешли Малоземельскому тунсовету для передачи организующимся колхозам.

В стране шла полным ходом коллективизация, перестройка сельского хозяйства.

Оленеводам-единоличникам, имевшим небольшое поголовье оленей, государство предложило объединяться в коллективные хозяйства с сохранением в личном пользовании значительного поголовья оленей. При этом государство брало на себя обязательство обеспечивать тундровиков промышленными, продовольственными товарами, оружием, боеприпасами, рыболовными снастями, а также оказывать ветеринарную и медицинскую помощь для оленеводов, а детей оленеводов-кочевников обучать в школах-интернатах.

Жизнь оленеводов в условиях кочевья по тундре очень трудная. Оторванность от населенных пунктов на расстоянии многих сотен километров, необходимость почти круглосуточного контроля за состоянием стада, перемещение по маршрутам кормления: летом в сторону севера, а зимой в южном направлении; летом – гнус, а зимой – метели и морозы, всё это позволяло считать условия труда и жизни оленеводов экстремальными, на грани выживания. Поэтому условия, предложенные новой властью, вполне устраивали оленеводов. Они увидели светлые перспективы в своей будущей жизни.

27-го июня 1936 года недалеко от деревни Каменка на берегу Печоры состоялось собрание оленеводов-единоличников, на котором решался вопрос об организации оленеводческой артели. На собрании был принят устав оленеводческой артели и название – «имени Максима Горького», в честь великого пролетарского писателя, который умер девять дней назад до этого события.

По этой причине название колхоза было вполне не случайным и наверняка тут не обошлось без участия представителей власти, так как собравшиеся оленеводы, в большинстве своем, были неграмотны и совершенно не имели доступа к информации о событиях в стране. Вступительные взносы договорились внести по добровольному желанию. В личных хозяйствах количество оленей было неодинаковое, и вносили в общее стадо тоже по-разному. Кто по 5, кто 16, а Хозяинов Ф. В., у которого числилось в личном пользовании 220 голов, внес 40. Малооленные внесли по одному, по два оленя. Всего было обобществлено 87 голов оленей. И несмотря на это кажущееся неравноправие в размерах вступительных взносов, оленеводы понимали, что, объединившись, они всё равно выиграют. Обобществленное стадо их объединяло и при

этом сохранялось личное поголовье.

Поскольку колхоз организовывали ижемцы, немного расскажу, кто они такие и как они появились за Полярным кругом на просторах Малоземельской тундры.

Этническая группа коми-ижемцев сформировалась в конце XVI века. В XII веке на берегах Ижмы, левого притока Печоры, жил народ печера. Прошло время и на этом месте из четырех народов: коми, русских (новгородцев, архангелогородцев), ненцев и печеры (чуди) сложился новый этнос. Преобладающую роль в происхождении ижемцев сыграл коми народ, поэтому в языке ижемцев больше коми слов, нежели русских и ненецких. Академик Иван Лепехин в XVIII веке писал: «Ижма населена троякого племени народом, первые поселяне были зыряне. Ижемцы обитали около реки Ижмы и в других местах Яренского уезда. Затем к ним присовокупились многие российские семьи, и некоторые из самоедов, принявших святое крещение. Все сие жители говорят по-зырянски».

В конце XIX и начале XX века почти в каждом ижемском селе были свои предприниматели, которые вели всю мелкооптовую торговлю на территории российского севера от Кольского полуострова до Обской губы. Освоив среднюю Печору, ижемцы начали осваивать Большеземельскую тундру в бассейне реки Усы и, перейдя Уральские горы, – территории в низовьях Оби и также двинулись на запад, в тундры Кольского полуострова.

Ижемцы по вероисповеданию православные. Первым миссионером был Стефан Пермский, который спустя четыре столетия после крещения Руси обратил в христианство языческий народ зырян.

Численность населения в Ижемском районе по данным всероссийской переписи 2010 года, составляет более 19 тысяч человек. Около 80% населения района – это ижемцы. Кроме этого ижемцы сейчас компактно живут на территории Республики Коми, Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского автономных округов, Мурманской и Архангельской областей.

Коми-ижемцы в основном носят фамилии и по которым они узнаются: Артеевы, Чупровы, Каневы, Рочевы (переводятся на русский «Русские-Роча»), Филипповы, Вокуевы, Хатанзейские, Терентьевы, Ануфриевы, Истомины, Хозяиновы, Витязевы, Кожевины. Часть фамилий ижемцев совпадают с их ближайшими соседями. Оленеводством ижемцы начали заниматься в XVIII–XIX веках и сразу же превратили эту отрасль в товарное производство. Они сумели освоить и разработать уникальную модель оленеводства, совместив в своей культуре кочевые навыки ненцев, бытовую культуру русских, сохранив при этом этническую культуру коми-зырян.

Ими был изобретен «бригадно-вахтовый» способ обслуживания оленеводства. Конечно это название было придумано не ими, но суть

ведения хозяйства заключалась именно в этом. Семьи оленеводов в основном проживали в селе, а мужчины посменно выезжали к стадам. Смена длилась не менее 2-х недель. Семьи, находясь дома, занимались переработкой шкур, шили одежду, обувь, изготавливали замшу. Всё это шло на продажу, продукция пользовалась большим спросом. На зиму стада подгонялись поближе к своим селам, где производился забой и реализация мяса и другой продукции. Жили оленеводы-ижемцы зажиточно. Выдвинувшиеся среди них предприниматели умело завоевывали рынки сбыта на обширной территории России.

Но вернемся к истории создания колхоза имени Максима Горького. И всё-таки, несмотря на вполне приемлемые условия для создания артели, трудностей в налаживании производства было очень много. Очень болезненно решался вопрос об организации основной базы колхоза, где могли бы проживать семьи оленеводов, где размещалось бы правление колхоза и производственная база. Практически все члены артели были родом из Ижмы и вели кочующий образ жизни, редко бывая у себя на родине. При создании артели вопрос организации базы колхоза был актуальным. Сначала планировалось создать базу в деревне Каменка, наиболее близко расположенной к оленьим пастбищам, но жители Каменки, организовавшие свой колхоз с очень хорошим наименованием «Возрождение» высказались категорически против и они были правы, так как лишней земли у них не было. Конфликт затянулся практически на несколько лет. Жители Каменки считали, что это их земля и угодья, во властных структурах длительное время тоже не было единого мнения.

Для того чтобы решить этот сложный вопрос, нужно было найти такое место на левом берегу Печоры, которое бы удовлетворяло вышеперечисленным требованиям. Такое место было найдено.

Собственно, это место предлагалось практически в самом начале создания артели, но, по-видимому предстоящие трудности освоения участка, а именно: строительство жилья, служебных и хозяйственных помещений, освоение покосов, рыболовецких и охотничьих угодий, затрудняли принятие окончательного решения. Таким местом стало урочище Хонгурей, и, как показала жизнь и дальнейшие события, место для строительства нового поселения было выбрано удачно.

В феврале 1940 года был принят план по строительству хозяйственных и жилых объектов на новом месте в поселении Хонгурей. На колхозном собрании было намечено строительство дома правления, коллективной бани, конюшни на 10 лошадей, ледника.

Строительство планировалось за счёт собственных и заёмных средств. Обращения к районным властям о финансовой помощи не были удовлетворены. В мае месяце

были сформированы бригады по заготовке строительного леса, мха и кирпича. К зиме 1941 года дом был построен, в нём поселились несколько семей оленеводов. Это был большой одноэтажный дом; общие собрания и заседания правления проводились в одной из жилых комнат. Только в 1944 году появилась возможность выделить комнату для правления колхоза. Первым председателем колхоза был выбран Чупров Тимофей Дмитриевич – бывалый, смелый, деятельный, активный, умный руководитель. Такие успешные руководители, обладающие умением повести коллектив в нужном направлении, всегда принципиальны, для них все равны, если трудятся они добросовестно. Но нашлись люди, которым не нравился такой председатель, и на него настроили донос. Председатель Чупров Т.Д. в апреле 1939 года в райцентре Оксина был арестован с предъявлением обвинения по статье 58 УК РФ. Отсидев 17 лет, он в 1956 году был полностью реабилитирован, вернувшись к своей семье, продолжал активно участвовать в делах колхоза, но все лучшие годы, когда было достаточно сил и здоровья нести тяжёлую председательскую ношу, были позади. К горькому сожалению, в семьях моих родственников двое отцов были оклеветаны в 30-е годы и сгинули в лагерях. Как чувствовали себя доносчики и клеветники, проживая рядом с обездоленными ими семьями, глядя на страдания жён и детей? Неужели ни чуточку у них в душе не было чувства раскаяния и вины за содеянное? Неужели до них не доходило то, что за всё придется отвечать, что «есть грозный суд: он ждёт, он не доступен звону злата, и мысли и дела он знает наперед».

А тем временем в колхозе продолжались трудовые будни. В 1939–40 годах произошла смена председателей на этом трудном, ответственном и, как выяснилось, опасном посту. Причем, выбор председателя происходил демократическим образом, без навязывания кандидатуры сверху. Председатель выбирался из среды колхозников на общем собрании членов артели. Я не знаю, как выбирался председатель других колхозов в те далекие начальные времена колхозного строительства, но в колхозе имени Максима Горького в этом вопросе была полная демократия, которой уже не было в 50-х годах, когда партия окончательно и бесповоротно взяла власть в свои руки, навязывая свою волю и при этом не неся никакой ответственности за ошибки и провалы в результате своей безответственной экономической политики.

В то же время бесконтрольные выборы председателей колхозов со стороны властей приводили к клановой борьбе в коллективе артели, и на должность председателя выбирался не всегда достойный человек, что кстати и произошло в конце 40-х годов в колхозе имени Максима Горького.

Но не будем забегать вперед, вернёмся к началу 40-х годов. Смена председателей не

повлияла на дальнейший рост и укрепление колхоза. По годовому отчету за 1939 год в колхоз вступило 8 дворов. План прироста поголовья оленей по общественному стаду перевыполнен более в два раза и концу года оленье стадо составило 758 голов, в колхозе было 4 лошади, план по рыбодобыче был перевыполнен почти в 2 раза (вместо 60 центнеров выловлено 117 ц). Стоимость трудодня увеличилась в два с лишним раза и составила 5 руб. 46 коп.

Никакой механизации в колхозном производстве не было, всё делалось вручную, не было электричества, даже для освещения жилья не было керосиновых ламп, в комнатах и коридоре жгли сальники, вспоминала Филиппова А.Ф. Не было радио, все новости узнавали из газет. Продукты, в том числе и хлеб, летом завозили на лодках с ручной греблей из Оксина, зимой на лошади. В это время в с.Оксина, которое являлось райцентром, электроосвещения тоже не было, оно появилось в начале 50-х годов и включалось на ограниченное время. Только в Нарьян-Маре в эти годы был электрический свет (тоже включался вечером и отключался ночью).

В 1940 году план по поголовью колхозных оленей был выполнен на 101,4%, общественных оленей числилось – 913 голов, но не был выполнен план по рыбодобыче и заготовке кормов. На 1941 год было предусмотрено дальнейший ввод объектов незавершённого строительства и новое строительство в Хонгурее, для чего запланировано потратить 29 859 руб. (43% доходов). Предусмотрены средства на закупку частных оленей для увеличения общественного поголовья в сумме 11 010 руб. (16% от доходов). Так как неграмотность среди оленеводов была почти поголовна и помощи со стороны тунсовета и окрисполкома в этом вопросе никакой не было, то правление колхоза решило этим вопросом заниматься самостоятельно путём привлечения к этой работе грамотной молодежи – культармейцев. Утверждены на эту работу в бригаде № 1 – Рочева Клавдия Егоровна, в бригаде № 2 – Хозяинов Егор Федулович, которым в обязанности вменялось регулярно проводить учебу с неграмотными оленеводами, учить грамоте и знакомить с публикациями в журналах и газетах в 1941 году.

1941 год в жизни колхоза был трудным во всех отношениях, наша страна подверглась вероломному нападению фашистской Германии.

Общий доход с 69 510 руб. в 1940 году снизился до 62 901 руб. На общем собрании в выступлениях членов артели 27 февраля была дана жесткая самокритичная оценка работы правления; в принятом решении говорилось, что в связи с изменившимися обстоятельствами из-за начавшейся войны, правление не сумело мобилизовать колхозников на выполнение планов меньшим числом работающих.

В результате тяжелых потрясений, растерянности, непрекращающейся тревоги,

непонимания ситуации из-за почти полного отсутствия информации ослабили дисциплина труда, учёт и контроль.

Произошло снижение поголовья колхозных оленей с 913 (на 01.01.1941 г.) до 753 голов (на 01.01.1942 г.) Но несмотря на громадные трудности из-за нехватки строительных материалов, инструмента, продолжалось обустройство новой базы осёдлости. Достроен в Хонгурее дом правления, перевезены из Каменки и построены склад, баня, приступили к строительству конюшни.

Труженики колхоза им. Максима Горького, как и труженики всей страны, использовали все свои возможности и ресурсы под лозунгом «Всё для Победы». Из пятнадцати трудоспособных мужчин на фронт ушло 8 человек. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины, подростки, инвалиды и старики. Задания по выпуску продукции, спускаемые сверху, стали всё более напряженными. Увеличилось задание по сдаче мяса – за счёт увеличения поголовья оленей почти на треть – 1060 голов. Почти вдвое увеличен план по добыче рыбы – до 180 ц. Созданы 2 бригады по заготовке пушнины и добыче куропаток – для того, чтобы выполнить напряженные планы по заготовке куропатки (12 000 штук); практически ловили все, кто мог ловить, в, том числе, и дети.

10 февраля 1942 года на общем собрании был избран новый состав правления колхоза. Председателем правления стал Филиппов Гаврил Иванович. Новый председатель был одним из основателей колхоза, но после этого какое-то время возглавлял почтовое отделение в одном из сел Нижнепечорья и имел все возможности и перспективы дальнейшего роста по службе, но колхозники, зная его деловые качества, всё-таки уговорили Гаврила Ивановича вернуться в колхоз и возглавить его.

Внешне Гаврил Иванович Филиппов выглядел очень привлекательно, глядя на него, можно было сразу определить, что этот человек – прирожденный руководитель, волевой, досконально знающий свое дело и способный возглавить коллектив и добиться успешной его работы. Судьба ему определила быть председателем в самые трудные и тяжелые годы, и он блестяще справился с этой тяжелой ношей.

С 1942 года основной базой осёдлости колхоза им. М. Горького становится Хонгурей. Часть колхозников с семьями переезжает из Нижней Каменки и заселяется в Большом доме. Так назывался первый построенный дом в Хонгурее. Переселиться смогли не все, ещё долгое время значительная часть колхозников и их семей оставалась в Каменке. Все это создавало определенные трудности для колхозников и управления производством в колхозе. Только в 1948 году началось переселение колхозников из Каменки в Хонгурей, и всё-таки решились переехать на новое место не все, а те, кто занимался рыбодобычей и животноводством, причём, часть из них перейдет в колхоз

«Возрождение», расположенный в Каменке. Колхозники принимали активное участие в отчислении добровольных пожертвований в Фонд обороны. Вязали и шили тёплые вещи для отправки бойцам на фронт.

На отчетном собрании 10 марта 1943 года подвели итоги работы в 1942 году. В прениях по докладу председателя Филиппов сказал: «Работа правления оценивается удовлетворительно, колхоз добился значительных успехов в выполнении плановых заданий. При плане довести поголовье оленей в общественном стаде до 1060 голов, к 01.01.1943 года стадо увеличилось до 1126 голов, при плане вылова рыбы 210 ц – выловлено 249 ц». На собрании отмечены недостатки и упущения правления и отдельных колхозников и были приняты конструктивные меры по устранению недостатков.

Несмотря на трудную военную пору, ограничения государственных поставок продовольствия и промышленных товаров, трудностей в устройстве быта, 1943 год довольно удачно складывался для колхоза. При подведении итогов на общем собрании 16.02.1944 г. работа правления признана удовлетворительной. Поголовье оленей увеличилось на 4,7% и составило 1179 голов, выполнен план по рыбодобыче, по поголовью крупного рогатого скота и лошадям. Доходы увеличились на 38 200 руб., стоимость трудодня с 6 руб.60 коп. – до 10 руб. Колхоз досрочно рассчитался с государством по госпоставкам и платежам. Следует отметить, что не все работы в колхозе оплачивались по трудодням. В рыбодобыче оплата осуществлялась наличными по трудодням. Промысел зверей и куропаток оплачивался наличными деньгами в момент сдачи приёмщикам. В последующие 1944 и 1945 годы колхоз успешно справлялся с планами по основным показателям производства, досрочно рассчитывался с государством по поставкам продукции, своевременно производил расчеты по ссудам. В колхозе продолжался рост доходов. Оплата по трудодню выросла с 10 руб. в 1944 году до 11 руб. 71 коп. в 1945 году.

Интересно, а какие показатели имели по трудодням другие колхозы этой зоны? Для сравнения открываю страницу 271 книги «Коми колхозная деревня в послевоенные годы – 1946–1958» авторы Д.В. Милохин, А.Ф. Сметанин (издательство «Наука», 2005 г.) Кстати, Александр Франсович Сметанин – мой рано ушедший двоюродный брат, работавший директором Института истории и литературы РАН в Сыктывкаре. В книге на указанной странице есть таблица 53, озаглавленная «Группировка колхозов Коми АССР по размеру выдачи на один трудодень денег колхозникам (без трактористов) в 1940–1958 гг». В таблице из 712-и колхозов в 1940 году с трудоднем от 4 до 6 руб. всего 2 артели, с трудоднем от 6 до 10 руб. нет. Из 673 колхозов в 1946 году с трудоднем от 4 до 6 руб. 29 колхозов, с трудоднем от 6 до 10 руб. нет. Свыше 10 руб. нет. В колхозе им. М. Горького вышеперечисленные

показатели были превышены уже в 1944 и 1945 годах.

Колхоз им. М. Горького и другие колхозы Нижне-Печорского района испытывали хроническую нехватку людей, что не позволяло увеличивать объёмы выпуска сельскохозяйственной продукции, так необходимой в условиях военного времени. Особенно это отражалось на планах по рыбодобыче. Для того, чтобы решить эту крайне важную и необходимую задачу, в октябре 1942 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение «О развитии прибрежного лова в Белом и Баренцевом морях». Для исполнения этого решения с лета 1943 года в Ненецкий округ стали прибывать переселенцы. Два соседних колхоза «Возрождение» (Каменка) и «Безбожник» за счёт прибывших переселенцев смогли увеличить объёмы рыбодобычи. Колхоз им. М. Горького не имел такой возможности из-за отсутствия промысловой базы и возможностей бытового размещения прибывших переселенцев. По этой причине правление колхоза неоднократно ставило вопрос: снять рыбопутину с плана и сосредоточиться на оленеводстве и животноводстве. Колхозу требовались работники в животноводстве, крайне не хватало работников в оленеводстве, по перевозке почты и на подсобных работах.

Колхозу хронически не хватало пастбищно-сенокосных угодий, что сдерживало развитие животноводства. Все работы по заготовке кормов выполнялись вручную, ещё несколько лет после войны не было ни одной конной косилки и грабилки.

С переходом в Хонгурей правления колхоза и переездом членов колхоза, стал актуальным вопрос открытия речной пристани. Правление колхоза с 1945 года ежегодно ставило перед ПУРПом (Печорским речным пароходством) этот крайне необходимый вопрос и только через пять лет, к великой радости жителей посёлка, он был решен, появилась возможность регулярного сообщения с Нарьян-Маром, райцентром Оксина, с Усть-Цилемским и Ижемским районами, откуда были выходцами труженики колхоза.

О Великой Победе труженики колхоза имени Максима Горького, жившие в крайней глуши при отсутствии телефона, радио и рации, узнали от уполномоченного, прибывшего пешком вечером 9 Мая, с риском для жизни, по весеннему льду из Оксина. Это было радостное событие, вспоминает Агафья Федоровна Филиппова, но шумной радости, ликования не было.

Маленький колхоз отправил на фронт 18 человек, из них 11 человек сложили голову, защищая Родину. Семьи погибших оплакивали не вернувшихся отцов, братьев, сыновей, а семьи уцелевших воинов тихо радовались, боясь проявлять чувства внешне, когда рядом оплакивают погибших.

Хочется рассказать об Агафье Фёдоровне

Филипповой, которая является мамой автора книги. Николай Гаврилович в своей книге много добрых слов сказал персонально обо всех первых колхозниках, поднявших колхоз и выведших его в передовые и их самоотверженным труде, но, по-скромности, практически ничего не сказал о своей маме, правда, использовал её устные воспоминания. Агафья Федоровна родилась в старинной русской семье в селе Бугаево, устьцилемка, староверка. Мать четырёх детей.

В молодости была обладательницей редкостной царской красоты. Возможно, она была первой красавицей на Печоре, но тогда конкурсы красоты не проводились. Агафья Федоровна была рядовой колхозницей практически из самых истоков создания колхоза и вынесла на своих худеньких плечах все тяготы тяжелой колхозной работы, воспитала замечательных детей. Агафья Фёдоровна Филиппова прожила 96 лет, сохранив до самых последних дней ясную голову и способность к посильному труду. Вечная память замечательной женщине и великой труженице.

Закончилась война, в тылу женщины, старики, инвалиды, подростки с честью смогли вынести испытание непосильным трудом – во время и после неё. Приведу некоторые цифры из книги Филиппова Николая Гавриловича.

На 1 января 1941 года в колхозе 29 дворов, в них всего 83 человека, из них – 27 мужчин и 27 женщин.

На 1 января 1946 года – 20 дворов, в них – 73 человека, из них 17 мужчин, 17 женщин.

На 1 января 1942 года в колхозе 753 головы оленей. На 1 января 1946 года – 1926 голов при плане 1850. Доходы колхоза в 1942 году – 62 901 руб. Доходы в 1945 году – 101 925 руб. Стоимость трудодня в 1941 году 4 руб. 10 коп. Стоимость трудодня в 1945 году 11 руб. 71 коп., плюс 12 кг сеном, 170 г мясом.

В военное время в 2,6 раза увеличилось поголовье оленей, в колхозе появилась новая отрасль – животноводство, увеличилось поголовье лошадей, так необходимых для перевозки грузов и кормов, но развитие этих отраслей сдерживалось недостаточностью кормовой базы и людских ресурсов. О трудовом подвиге своих земляков в трудные годы войны автор подробно написал в своей книге.

В период войны оленеводческие колхозы и колхозники оказывали постоянную помощь фронту поставками оленей. Колхозы Ненецкого национального округа передали для нужд фронта свыше 73 тысяч оленей. И, несмотря на это, поголовье оленей в округе не только не уменьшилось, но и значительно увеличилось.

Закончилась война и у колхоза появилась возможность строительства производственных и жилых объектов. Первоочередной задачей являлось строительство скотного двора, так как в основном коровы, телята, нетели оставались в Каменке.

Из-за нехватки материалов строительство шло медленно и только в 1948 году был построен

скотный двор на 30 голов с суммой затрат на 52 тысячи рублей, и у колхоза появилась возможность наращивать поголовье, а с улучшением условий содержания – повышать продуктивность скота.

Финансово-экономическое положение в первых послевоенных 1946 и 1947 годах укрепляется, соответственно, улучшается благосостояние колхозников и членов их семей. В отчётном докладе председателя и решении собрания от 25.01.1947 отмечается увеличение денежных доходов на 166%, трудодня 11 рублей 71 копейки до 18 рублей 58 копеек плюс оплата натурой 300 граммов мяса – оленины за трудодень.

К таким редким случаям достаточно высокой оплаты за трудодень можно отнести достижение оленеводческого «колхоза-миллионера» имени В.И. Ленина с. Петрунь Кожвинского района Коми АССР в 1947 году, где на один трудодень были выданы 13 руб. 53 коп. и 420 г мяса.

В 1952 году в передовом оленеводческом колхозе «Путь Ленина» Ижемского района семья колхозника Канева получила за год 13 тыс. руб., 786 кг мяса, 480 кг хлеба.

Многие, возможно, не знают, что такое трудодень. Трудодней с такой высокой стоимостью оплаты практически в СССР не было. Были трудодни стоимостью оплаты 4–5 рублей и то в редких колхозах, низкая стоимость трудодня компенсировалось натуроплатой – зерном и другой продукцией.

Мне самому приходилось летом в начале 50-х годов работать на сенокосе в колхозе «Безбожник». Работал я два лета, к 7 часам приходил к правлению колхоза с бутылкой молока и горбушкой хлеба и получал задание. Мне было тогда 14–15 лет и, несмотря на то, что у меня отец был секретарем райкома, это обстоятельствонисколько меня не смущало. Приходилось вручную грести сено в кулигах и вывозить кучи просушенного сена к стогам для метания. Я выполнял ту работу, которая была мне по силам. Кстати и отец Ефим Петрович по воскресеньям тоже выходил на сенокос. Сейчас не помню, сколько я зарабатывал трудодней, деньги получала мама зимой, когда учился в Нарьян-Маре в 8–10 классах. Но могу точно сказать, что оплата по трудодням в колхозе «Безбожник» была значительно меньше, чем в колхозе им. М. Горького, не больше 2–3 рублей.

Что такое трудодень? Трудодень – мера оценки, форма количества и качества труда в колхозах и применялась она в период с 1930 по 1966 год.

Официальной датой введения трудодня считается 7 июня 1930 года. Все трудоспособные члены артелей должны были выполнять обязательный минимум трудодней, который устанавливался в зависимости от природных и климатических условий различных регионов и методов и способов ведения сельского хозяйства. В условиях войны обязательный минимум выработанных трудодней был повышен. Для подростков тоже были введены минимумы

трудодней. За невыполнение минимума для взрослого колхозника была введена уголовная ответственность. Нормы выработки и расценки каждого вида работ утверждались в трудоднях. Оценка работы в трудоднях производилась в зависимости от требующейся квалификации работника, сложности, трудности и важности выполняемой работы. Вся работа колхозника учитывалась и подсчитывалась, выдача авансов и окончательное распределение доходов в денежном и натуральном выражении между колхозниками производилась по количеству выработанных трудодней.

Форма оплаты труда колхозника в виде трудодня служила стимулом, способствующим к плодотворной и интенсивной работе на колхозном производстве. Колхозник знал: чем больше он заработает трудодней, тем больше у него будет оплата труда. Заинтересованность колхозника в добросовестной работе, соответственно, улучшала производственные показатели артели, что, в свою очередь, увеличивало стоимость трудодня в денежном выражении.

Поэтому отмена трудодня в 1966 году не принесла пользы колхозам и колхозникам, так как с переходом на твердо установленную зарплату произошла уравниловка в оплате труда.

Основная отрасль колхоза им. Максима Горького – это оленеводство. Стада оленей паслись на территории заполярной тундры, перемещаясь по её просторам по заданным маршрутам с юга на север летом и в обратном направлении зимой. Естественно основными работниками в колхозе являлись оленеводы, место работы которых – тундра, выпас оленей, обеспечение их кормления и охрана поголовья стад. От работы оленеводов зависело благополучие колхоза и их семей. Высокий уровень оплаты труда в трудоднях говорил о том, что артельная система в оленеводстве является наиболее продуктивной и подходящей для этой трудной и экстремальной в условиях севера отрасли.

Работая, в основном, в отрыве от семей практически вахтовым методом, оленеводы должны быть уверены, что их семьи, проживающие на основной базе в Хонгурее и, на первом этапе, – в Каменке – должны быть обеспечены жильем, работой, медицинским обслуживанием и учебой.

В своей книге Николай Гаврилович Филиппов этому разделу колхозной жизни, естественно, уделяет внимание. Небольшая статья в книге названа «Школьное дело – дело общенародное». В Хонгурее не было школы, дети учатся в школе в райцентре Оксино и живут в интернате этой школы.

На общем собрании колхозников 28 августа 1948 года заслушан вопрос «Об отчете Оксинской школы за 1947–1948 годы и задачи на 1948–1949 годы», на котором решался вопрос размещения детей в частных домах из-за отсутствия мест

в интернате на время учебы и оказания материальной помощи школе.

По решению общего собрания, школе было выделено 300 рублей, 100 кг мяса бесплатно, 100 л молока бесплатно, 200 кг мяса по госзакупочным ценам, 25 кг шерсти-линьки для подушек. И последующие годы колхозом оказывалась безвозмездная помощь деньгами и продуктами Оксинской семилетней, а с сентября 1956 года – средней школе. Колхоз считал себя обязанным помогать школе, в которой проходили обучение их дети.

В 1949 году была открыта начальная школа в Хонгурее. Это было событием исключительной важности. Как педагог Николай Гаврилович в своей книге подробно рассматривает проблемы обучения в сельских школах и проживание детей в школьных интернатах.

В послевоенный период всё большую роль в экономике колхоза начинает играть животноводство, рыбоводство теряет свое значение по достаточно объективным причинам. Оленеводство как ведущая отрасль набирает объёмы и эффективно влияет на экономические показатели колхоза, но объективно не может стопроцентно использовать трудовые ресурсы. Колхоз не должен развиваться, экономически опираясь только на одну отрасль. Целесообразно развивать поголовье крупного рогатого скота и рабочего скота. Для того чтобы развивалось крайне необходимое молочное животноводство, перед колхозом стояла задача расширения сенокосных угодий. К сожалению, возможностей у колхоза в этом вопросе было крайне мало. Нехватка сенокосов в Нижне-Печорском районе всегда существовала, и сенокосные угодья были практически распределены среди населенных пунктов, имевших многолетнюю историю, и в которых имелись свои колхозы. Поэтому вновь организованному населенному пункту Хонгурей приходилось осваивать неудобья, занимаясь подготовкой сенокосных угодий практически вручную, так как в конце 40-х годов никаких механизмов для проведения этих работ практически не было. Отсутствие механизации и зависимость от погодных условий не всегда позволяли выполнять планы по заготовке кормов.

Сеноуборочная компания всегда проходила напряженно, с большими трудностями и, как правило, проводилась всегда до снежного покрова. Очень большие трудности приходилось испытывать колхозникам при заготовке кормов для личного хозяйства. По примерному Уставу сельхозартели колхозникам разрешалось иметь корову и мелкий рогатый скот. Работники райисполкома, озабоченного выполнением плана заготовки кормов для общественного поголовья, всячески препятствовали заготовке кормов для личного поголовья, не гнушаясь идти на конфискацию сена, заготовленного для личного скота, и не считаясь с тем, что корова во многих семьях являлась единственной кормилицей. Такие действия подрывали доверие к советской власти

среди жителей деревни.

Не надо думать, что во всех бедах, несправедливостях было виновато советское государство, основная вина в этом лежала на тех, кто, находясь во власти на всех уровнях управления, в силу своих способностей, управлял и вершил дела и делишки.

Об этом справедливо, с горечью и обидой за своих земляков написал в своей книге Николай Гаврилович Филиппов.

Как и в любом виде сельскохозяйственного производства в животноводстве, успешные урожайные годы чередуются с тяжелыми убыточными годами, особенно это относится к такой отрасли, как оленеводство, которое во многом зависит от условий кормежки оленьих стад.

Такая сложная обстановка сложилась весной 1952 года. В начале марта установилась необычайная теплая погода с дождями, началось интенсивное таяние снега. А в середине марта ударили морозы, начался гололед. В результате ягель стал недоступен для оленей – на снежном покрове образовалась толстая ледяная корка, которую ослабевшие олени не могли пробивать копытами. Начался падеж оленей, потери колхозного стада составили порядка 16%. На состоявшемся отчетно-выборном собрании произошла смена председателя правления колхоза, новым председателем стал Попов М.А., последующие события показали, что в смене была крупная ошибка, совершенная группой недовольных лиц, воспользовавшихся фактом падежа оленей в результате стихийного бедствия. Фактически произошла клановая борьба, в которой председатель Филиппов Г.И. не получил поддержки со стороны руководства Нижне-Печорского района. Причём по итогам года план по поголовью колхозом был перевыполнен на 565 голов, то есть финансовое положение колхоза было стабильным. Решение апрельской сессии районного совета отметило, что компания против председателя Филиппова Г.И. носила надуманный характер и была предпринята и хорошо организована с целью замены председателя своим человеком.

Так был заменен руководитель колхоза, добившийся отличных результатов хозяйственной деятельности артели в тяжелые военные и послевоенные годы. Следует отметить, что председатель колхоза Филиппов Г.И. в этом случае не проявил упорство и не сумел отстоять свои позиции и доказать свои возможности и права на дальнейшее руководство колхозом. Здесь большую роль сыграла моральная и физическая усталость председателя, более десяти лет проработавшего напряженно, без отпуска и, зачастую, в разъездах – в стадах по тундре. За свою самоотверженную работу на посту председателя Гаврила Иванович заслужил самую высокую награду, но в то время за успехи в сельскохозяйственном производстве на севере практически не давали правительственных

наград.

Наступил 1953 год. В марте умер Иосиф Виссарионович Сталин.

Жители Хонгурея, как и вся страна – в трауре, страшит и пугает неизвестность будущей жизни без Сталина, под руководством которого советский народ совершил великий подвиг, победив в Великой Отечественной войне фашистскую Германию, прошел тяжелые послевоенные годы и успешно восстанавливал разрушенное народное хозяйство. С большим напряженным трудом страна преодолевала последствия войны, лишившись миллионов молодых защитников Родины; несмотря на все невзгоды и трудности жизнь налаживалась. Люди с каждым годом чувствовали, что жизнь улучшается и будет улучшаться и безгранично верили великому вождю, поэтому смерть Сталина была воспринята с глубочайшей скорбью и печалью.

Но жизнь не должна останавливаться на месте; предстояло ещё много сделать для того, чтобы колхозное производство росло и развивалось. Для улучшения жизни колхозников и показателей сельскохозяйственного производства колхоз должен быть обеспечен средствами механизации, жилые и производственные помещения должны быть электрифицированы, необходимо наладить постоянное транспортное сообщение посёлка с райцентром и окружным центром, телефонизацию посёлка и радиовещание. Всего этого у посёлка практически не было. Колхозу нужно было застраиваться, строить новое жилье, а также переводить семьи кочующих оленеводов на оседлый образ жизни. Посёлок строился на новом месте. Нужно было планировать и строить всё по-новому и по-современному. Для того, чтобы избежать хаотичной застройки, в марте 1955 года на общем собрании было утверждено техническое задание по планировке хозцентра колхоза.

В это же время произошла смена председателя: вместо Попова М.А. был избран Сметанин Федор Данилович по рекомендации РК КПСС. Сметанин Ф.Д. был типичным воспитанником КПСС, имевшим опыт комсомольской и партийной работы. Он не был выходцем из колхоза, а был назначенцем от партийных органов, когда партаппарат КПСС всецело стал прибирать государственную и административную деятельность в стране в свои руки. Новый председатель имел положительные качества, неплохие организаторские способности, стал проводить политику непримиримости к нарушителям трудовой дисциплины. Сметанин Ф.Д. проявил себя исключительно жёстким и безжалостным руководителем по отношению к рядовым и бывшим колхозникам.

Успехи колхоза напрямую зависели от благополучия и достатка его тружеников, которые важнейшие вопросы внутриколхозной жизни решали на общем собрании членов артели в соответствии с её уставом и согласовывали с руководящими органами районной

исполнительной власти. В этом была заложена подлинная колхозная демократия. Соблюдение интересов личных и государственных интересов – основа взаимоотношений между тружениками колхоза и властью. Обе стороны всегда должны находить компромиссные решения, которые в конечном итоге приводили бы к положительным результатам в колхозном производстве. В этом и заключается искусство управления в любом производстве, в колхозном – тем более.

С уходом Сталина произошла жесткая и кровавая борьба за власть в правящей верхушке властных структур страны. Был убран, оклеветан, объявлен английским шпионом и расстрелян Берия Лаврентий Павлович, один из самых главных претендентов на руководство страной. Перед новым руководством встал главный вопрос. Как будем жить дальше? Первые решения принимались коллективно не без споров и дискуссий.

Экономический курс осуществлялся под руководством Маленкова Г.М., бывшего Председателем Совета Министров СССР в 1953–1955 гг.

В 1953 году в сентябре состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором было впервые в экономической политике партии выдвинуто положение о возможности одновременного развития высокими темпами тяжелой индустрии, сельского хозяйства и легкой промышленности. Это стало основой последующего значительного роста капиталовложений на нужды развития сельскохозяйственного производства и социальной инфраструктуры села. Впервые был поставлен вопрос о материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в развитии производства и увеличения его доходности.

Маленков Г.М. был сторонником вывода сельского хозяйства из кризиса за счет повышения урожайности путем интенсификации производства, использования фактора личной заинтересованности колхозника, а именно – снижения налогов на личное подсобное хозяйство, повышения цен на сельхозпродукцию.

В соответствии с решениями Пленума значительно увеличились государственные заготовительные цены на скот, птицу, молоко, картофель, овощи. Повышались закупочные цены на продукцию, продаваемую сверх обязательных поставок. Это способствовало значительному укреплению колхозов.

С приходом к власти Хрущева наступила эра жёсткого администрирования, непродуманных решений и волюнтаризма, а если говорить глобально – началась эра разрушения Советского Союза. Именно при нём партократия взяла в свои руки власть и стала вмешиваться и рулить народным хозяйством, был нарушен нормальный естественный процесс управления.

Хрущев стал бороться с так называемыми остатками частной собственности: приусадебными участками, составлявшими всего лишь 2%

всей пахотной земли, которые давали 50% государственного сбора картофеля, овощей, молока, яиц, мяса, шерсти и фруктов. Заставлял работать крестьян определенное нормированное время на колхозных полях, а тех, кто не работал, наказывал сокращением их приусадебных участков, то есть он стал вводить в практику то, что не решался делать в самые трудные годы Сталин. Провел совершенно неудачный эксперимент с поднятием целины. В Казахстане, на Южном Урале, низовьях Волги, в Восточной Сибири произвел распашку пастбищных земель под посадку пшеницы. На освоение целины были посланы десятки тысяч «добровольцев». В Казахстане работало 12 тысяч тракторных бригад и 30 тысяч шофёров. Первый урожай был хороший. Далее стало происходить выветривание почв. Тысячи целинников были совершенно не устроены, энтузиазм быстро прошёл и они массово стали покидать целину.

Экономические трудности совпали с неурожаем 1963 года, который имел катастрофические последствия. Страна впервые в своей истории стала закупать зерно за границей, было закуплено 12 млн. тонн и это продолжалось долгие годы. Возникший дефицит производства продовольствия вызвал рост цен на мясо на 25–30%, что вызвало волнения среди рабочих в Новочеркаске, которые закончились трагически. В то же время в Северо-Западных районах России – в Вологодской, Кировской, Архангельской областях – в связи с целиной, перестали выращивать рожь, которая культивировалась там испокон веков и стали внедрять кукурузу. Эксперимент с кукурузой закончился неудачно, а посевы ржи не восстановлены до сих пор. Хрущевские реформы продолжались. В 1957 году в сфере экономического и административного управления произошла перестройка органов управления. Министерства были ликвидированы и были созданы органы территориального управления экономикой – совнархозы. Партийные и советские органы разделились на промышленные и сельские.

В начале 1958 года была проведена денежная реформа. Деньги старого образца поменялись в соотношении 10:1, соответственно и поменялись цены на товары, но поменялись так, что если моей стипендии по старым деньгам мне хватало, то по новым деньгам мне не стало хватать стипендии на жизнь. Моя бабушка получала пенсию за погибшего сына, она так и не смогла понять – почему её государство обмануло, сначала мы ей доказывали, что обмана нет, потом поняли, что она в чем-то права. Обман происходил по мелочам. Если по старым деньгам коробок спичек стоил 1 копейку, то и по новым деньгам тоже 1 копейку, не мог же он стоить 0,1 копейку. Округление цен происходило в пользу государства.

В сельском хозяйстве пошла компания по укрупнению колхозов. Численность колхозов сократилась с 91 тысячи до 39 тысячи. Характерной чертой стало укрупнение за счёт так называемых «неперспективных» деревень. Мероприятие проводилось по команде сверху, с мнением

колхозников не считались. Формально вроде бы проводили общие собрания, но всё делалось так, как планировали руководящие органы. В результате были ликвидированы тысячи деревень, объявленных неперспективными. В кампании по укрупнению колхозов ещё проводилась линия по переводу колхозов в совхозы, то есть колхозники переводились в статус сельскохозяйственных работников.

В 1959 году были ликвидированы МТС и сельхозтехника принудительно продана колхозам.

Конечно эти события не могли пройти мимо Нижне-Печорского района: за эти годы в районе исчезли 26 селений, которые были объявлены неперспективными. Может быть некоторые из них и обосновано подлежали ликвидации из-за малочисленности и желания сменить место жительства жителями этих селений, но очень трудно объяснить объявление неперспективной деревни Никитцы, которая к тому же являлась административным центром Приморско-Куйского сельсовета. За этими действиями скрываются нежелание вышестоящих руководителей заниматься вопросами обустройства жизни населённых пунктов, входящих в состав района, округа, области и так далее. Ликвидировали – и проблем стало меньше. Ликвидация населённого пункта объяснима только в случае стихийного бедствия, как это было в 1972 году, когда во время весеннего наводнения река Шапкина изменила русло и пошла по поселку Шапкино, снесла жилые и хозяйственные постройки. И жители крепкого совхоза – отделения Нарьян-Марской сельхозстанции были вынуждены переселяться в другие населённые пункты.

Если рассматривать все аспекты вопроса ликвидации поселений, то можно привести много доводов и за, и против ликвидации селений. Но при решении этого сложнейшего вопроса прежде всего нужно думать не о ликвидации, а о сохранении. Ликвидация – вынужденная мера. Это, прежде всего, вопросы занятости, комфортности проживания и нельзя забывать о таком понятии, как «малая родина». У каждого человека есть малая родина, и многие хотят жить и работать там, где родились, жили и умерли их предки. Те руководители, которые ратовали за политику ликвидации поселений в условиях Крайнего Севера, рубили сук, на котором сидели. Разрушалась созданная годами инфраструктура на малозаселённой территории округа. Думали ли «вершители» о последствиях своих действий? Народ, слепо верящий в непогрешимость партии и власти, подчинился и пошёл на поводу новых руководителей, пришедших к власти после смерти Сталина. Политика ликвидации селений и объединения колхозов стала проводиться при Хрущеве, то есть началось свертывание колхозного движения. Многие ликвидированные селения создавались в 20–30 годы. Хонгурею удалось избежать ликвидации, к этому времени колхоз окреп и деревня активно застраивалась, увеличивалось численность населения.

Руководство района в связи с новыми веяниями предложило объединиться колхозам «Нарьян Ты» и им. Максима Горького. Оба колхоза –

оленоводческие, примерно равные по объему выпускаемой продукции. Впервые вопрос об объединении колхозов был поднят на общем собрании колхоза им. Горького в октябре 1953 года, которое проголосовало за объединение. Вторично этот вопрос поднят на общем собрании в феврале 1954 года. Колхоз «Нарьяна Ты» не торопился с принятием решения об объединении.

Только в апреле 1955 года вопрос об объединении был рассмотрен на общем собрании, и большинство членов артели проголосовало против объединения. Конечно, руководители округа и района не согласились с этим решением и 13 августа 1955 года было проведено повторное собрание, на котором в качестве представителя района, принимал участие мой отец Филиппов Ефим Петрович. На этом собрании было принято решение об объединении с колхозом им. Максима Горького с условием, что стада остаются на прежних маршрутах.

Окончательное объединение произошло 10 марта 1956 года, председателем был избран Сметанин Ф.Д. Правление вновь образованного объединённого колхоза решено оставить в посёлке Хонгурей. Объединение двух оленеводческих колхозов несомненно сыграло положительную роль и соответствовало стратегическим основам советской власти и её социалистическим идеям. Возрастали возможности улучшения социальных вопросов, строительства жилых, производственных и социальных объектов. Основная отрасль – оленеводство – в результате объединения, а также и другие отрасли получили возможности для дальнейшего развития, так как создавалось единое руководство и появлялись возможности приобретения средств механизации, в которых так нуждалось колхозное производство. Есть, конечно, вопрос. Почему объединённый колхоз получил наименование «Нарьяна ты»?

В переводе «Красный олень», звучит довольно нелепо. Название ненецкое, а в колхозе были ненцы, ижемцы, русские. Название «Колхоз имени Максима Горького» имело бы благозвучное и объединяющее значение.

Колхоз как сельскохозяйственное предприятие при всех его достоинствах и недостатках был создан советской властью. В данном случае в оленеводческих колхозах имени М. Горького и «Нарьяна ты» воплотились те идеи и замыслы, которые предусматривались властью при их создании в 30-е годы.

Они стали высокодоходными предприятиями, оплата труда по трудовым была одна из самых высоких среди колхозов Союза.

Несмотря на кочевой образ жизни, оленеводы обеспечивались постоянным жильем на центральной усадьбе, их семьи – медицинским обслуживанием, дети – учёбой. Государство позволяло держать оленей в личном пользовании и выпасать их в колхозном стаде. Таким образом, государство внесло в кочевую жизнь оленеводов

элементы управления, которые позитивно повлияли на качество и уровень жизни кочевников. В колхозе, помимо оленеводства, были созданы и получили развитие новые формы производства – животноводство и звероводство.

Колхоз им. Максима Горького, объединившись с колхозом «Нарьяна ты» превратился в крупный колхоз-миллионер «Нарьяна ты», и на этом закончилась история небольшого, но успешного колхоза. Все его беды и победы ушли в прошлое, но сохранилась память о его делах, людях, достижениях, трудностях.

Создание этого колхоза в далеком 1936 году и вся его история, замечательно описанная в книге Николая Гавриловича Филиппова «ХОНГУРЕЙ моего детства и юности. Колхоз имени Максима Горького» говорит о том, что оленеводы-единоличники, собравшись 27 июня 1936 года, приняли правильное решение о создании оленеводческой артели. Это решение позволило им выжить при поддержке государства. На своем пути колхозникам пришлось преодолеть громадные трудности. При полном отсутствии средств механизации, стационарного жилья, электроэнергии, электро- и радиосвязи, медицинского обеспечения, невозможности получения образования для детей – начиналась их работа в организованном оленеводами колхозе им. Максима Горького. Великолепные труженики, прекрасно знающие свое дело, своим трудом смогли добиться прекрасных результатов и превратили свой колхоз в передовое сельскохозяйственное предприятие. Но для того, чтобы создать передовое предприятие, потребовались долгие годы тяжёлого и упорного труда, ничего не давалось легко и многое создавалось впервые.

О колхозах, созданных в 30-х годах, много говорили и продолжают говорить негативное, но это говорят люди, мало имеющие отношение к колхозному производству и не понимающие, что люди, объединившись в сельхозартель, выбрали единственно правильный путь в сложившихся условиях послереволюционного времени. Они никогда не скажут, что поступили неправильно, они сделали выбор и долгими годами шли по намеченному пути, самоотверженно трудясь для блага своих семей и государства. В книге дан ясный ответ на этот вопрос.

Литература:

- 1. Филиппов Н. Хонгурей моего детства и юности. Колхоз имени М. Горького. – Н-Мар: ОАО «Северодвинская типография», 2014.*
- 2. Д.В. Милохин, А.Ф. Сметанин. Коми колхозная деревня в послевоенные годы 1946–1958 гг.*
- 3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1917–1957 гг. – М, 1957–1958. Т2-4.*
- 4. Примерный устав сельскохозяйственной артели. – М, 1950.*
- 5. Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. – М, 1953.*
- 6. Истомин К.В. Кочевая. Мобильность коми-ижемских оленеводов, снегоходная революция, рыночная реставрация. // Уральский исторический вестник. №2(47), 2015.*

Птица Счастья завтрашнего дня

Миниатюра

*С тех пор промчалось лет немало
Мы верим в счастье, есть оно!
Ведь Птица Счастья постучала
Однажды к мальчику в окно ...*

Ольга Заря

Когда впервые я услышал песню «Птица Счастья завтрашнего дня...» в исполнении Николая Гнатюка, на меня тогда, ещё достаточно молодого человека, она произвела какое-то необычное впечатление. Прекрасная музыка и исполнение как бы не соответствовали странному мифическим и несколько забавным словам песни.

Прошло много лет, и теперь слова этой песни уже не кажутся странными и мифическими. Вспоминаю случай, произошедший со мной в детские годы на далеком Севере, которому я не мог найти долгие годы объяснения. Жили мы тогда в старинном селе на берегу Печоры, в двухэтажном тёплом и комфортном для проживания в те далекие времена доме, построенном в XIX веке. Учился я в то время в 6 классе, учился плохо. В тот год мы переехали в село по месту работы отца. Я никак не мог приспособиться к новым условиям проживания и, отчасти, это влияло на учёбу. Плохая учёба портила жизнь, и меня постоянно преследовало чувство неполноценности, угнетенности. Слава Богу, хоть родители, занятые работой и воспитанием моих младших братьев и сестёр, по-видимому, огорчаясь, спокойно переносили мою неудачную учёбу в школе.

Время шло, приближалась весна, но мартовские морозы все-таки ещё давали о себе знать, тёмная пора уступила светлым утренникам. И вот однажды ранним мартовским утром я был разбужен приятным и необычным птичьим пением, доносящимся с улицы. Выглянув в окно, расположенное прямо у изголовья своей кровати, я увидел в метре от окна птичку, сидящую на телефонном проводе, подходящему к стене нашего дома. Вид её был совершенно необычен, и я впервые видел такую птичку с оперением чёрного цвета. В это время года можно было увидеть только воробьев, спасающихся от холода и голода в коровниках и конюшнях, вот-вот должны были прилететь белые пунушки – при появлении первых проталин.

Но такую птицу я увидел впервые. Её перья имели металлические оттенки фиолетового, бронзового, зеленого цветов. И хотя я никогда не видал скворцов, я все-таки подумал, что это скворец. То ли я видел их в кино или в журналах, но по размерам она была поменьше тех скворцов, которых пришлось мне видеть в последующие годы. Стояла мартовская холодная погода. Каким образом она сумела оказаться здесь на Крайнем Севере, причем, одна. Скворцы – птицы стайные они появляются в то время, когда устанавливается достаточно теплая погода. Посмотрев на птицу, я осторожно отстранился от окна, боясь испугать её, и когда через какое-то время я снова выглянул из окна, то её уже не было.

Случайно это или нет, но после этого я стал постепенно втягиваться в чтение книг, записавшись в две библиотеки – районную и райкома партии, в которой было много толстых журналов различных наименований. Читал я много, даже далеко за полночь. Электрического света в ночное время не было, и я умудрялся читать при свете керосиновой

лампы, огораживая её, чтобы не мешать спать моим младшим братьям и сестрам. В конце-концов моё чтение зачастую прерывалось приходом в нашу спальню отца. Через какое-то время я стал писать диктанты и сочинения без ошибок. Хорошо пошли у меня дела по математике. Я спокойно выполнял домашние задания и контрольные работы в классе. Этому способствовали ежедневные многочасовые игры в шахматы, и моим партнером был Лева Екимов. Учиться мне стало легко и интересно. Качественный процесс улучшения обучения происходил постепенно. Окончил семилетку я лучшим учеником, получил свидетельство об окончании семилетки с хорошими и отличными оценками, продолжил учёбу в средней школе в городе Нарьян-Маре. Я много читал и старался прочитать всю литературу, рекомендуемую по школьной программе и даже больше. В середине 50-х годов появилась возможность читать Достоевского, но я не смог дочитать ни одного произведения Федора Михайловича Достоевского до конца. Для меня это были тяжёлые книги.

Повлияла ли встреча с птицей, которую можно назвать Птицей Счастья, на мою судьбу и мою дальнейшую жизнь? Думаю, что на этот вопрос можно дать положительный ответ. Но в то далекое время я совершенно не думал об этом, не думал, что мне привалило какое-то счастье. В то же время прилёт птицы в облики скворца и чарующее пение поразило меня своей необычностью. И этот эпизод в ранней юности сохранился в моей памяти на всю жизнь. В одном из стихотворений французского поэта Жака Превера, писавшего много о птицах, есть строчки: «Если она не поёт – это плохая примета». Думаю, что встреча с Птицей Счастья должна обязательно сопровождаться пением. И следует искателям и жаждущим счастья прислушаться к словам великого Леонардо да Винчи: «Счастье достаётся тому, кто много трудится».

О Птице Счастья написали и продолжают писать много авторов. Пишут в восторженных тонах, что она приносит счастье человеку, если Птица Счастья прилетит к нему, и он услышит её пение.

Пишут и о том, что никто не видел Птицу Счастья и её образ создан воображением людей. Традиция создания образа Птицы Счастья возникла в Архангельском Севере и распространилась по другим регионам. Деревянные модели используются как обереги семейного счастья и благополучия. Подвешенная в переднем красном углу к потолку щепная птичка была непременным атрибутом поморского дома. Оберег забирает всё отрицательное, с чем может прийти в дом человек и пропускает в дом только хорошее. В таком доме нет предрасположенности к скандалам, создаётся защита дома от порчи, сглаза, в доме – обстановка доброты друг к другу.

Пусть повезет мальчикам или девочкам, которым однажды посчастливится проснуться рано утром от прекрасного и изумительного пения Птицы Счастья.

Ольга
Пашун

Я строю замки из песка

Стихи вылетают, как птицы из клетки,
им тесно, им нужен простор,
и крыльями бьют, несмотря на запреты,
друг с другом ведут разговор.
Цвиг-цвиг да цвиг-цвиг – я сижу в изумленьи,
пытаюсь хоть что-то понять,
листок, карандаш и со вздохом сомненья
ворвались в пустую тетрадь.
Открыла вам дверцу, летите на ветки,
почистите клювом наряд –
на белом листе, в нарисованных клетках
усталые буквы сидят.

А Мандельштам и Бродский
прошли тихонько мимо,
хоть я пыталась честно когда-то их понять.
Оркестр играет нотки, а я в костюме мима
пытаюсь о себе вам, ребята, рассказать.
Я клоун никудышный, я очень грустный клоун,
во мне нет оптимизма, веселья тоже нет,
быть может потому что в теории марксизма,
готовясь на экзамен, нашла простой ответ.
И пусть я не согласна и часто ошибаюсь,
но всё равно на помощь кому-нибудь спешу,
а вам, товарищ Бродский, я мило улыбаюсь:
у вас и Мандельштама прощения прошу.

Подрамник превращает холст в картину,
а книгой утверждается поэт;
и может быть не зря я горблю спину,
встречая в одиночестве рассвет.
Я удивляюсь, украдкой вдруг нахлынут
потoki слов средь белого листа,
потом окрепнут и меня покинут,
как птицы улетают из гнезда.
И только если краской типографской
пропахнет стих иль может быть сонет –
скажу, друзья, без всякого лукавства,
что утвердилась книгой как поэт.

Мы едем к бабушке в деревню этим летом,
мы лето ждали с середины февраля.
Гамак, натянутый меж яблонек поэтом,
похож на палубу большого корабля.
Тебя качает тёплый ветер дальних странствий,
по небу плавно проплывают облака,
а под ногой слегка поскрипывает гравий,
когда из слов простых рождается строка.
Мы едем к бабушке в деревню этим летом,
и там, вдали от невозможной суеты,
легко дышать, легко придумывать сюжеты
и на листке бумажном рисовать мечты.

С собой бороться – тяжелей всего,
любого уложила б на лопатки,
избавлюсь ли от немощей, грехов?
не знаю, но пришью к душе заплатки.
Пусть неумело, может вкривь да вкось,
под тканью новой сгинут недостатки,
с надеждой в Бога, с верою в любовь,
саму себя кладу я на лопатки.

Мне прежней наверно не стать,
истончала прекрасного шелка основа.
Начну вечерами латать
проплешины ниткой суровой.
Заштопаю всплески обид –
утихнет в душе непогода,
и слезы не смогут пройти
сквозь дыры небесного свода.
Останутся швы, как рубцы,
и будут ночами тревожить.
По шелку бегущие псы
когтями разрывы умножат...

Вазы, прекраснее этой,
нет даже в царских чертогах,
и для оплаты монеты
спрятаны в горных отрогах.
Будет руда на поверхность
поднята из подземелий...

Раб, присягнувший на верность,
эту руду перемелет.
И переплавит быстро
в желтенькие горошки,
сыплются словно искры
отблески на дорожке.
Ваза в огромной зале
каждому взгляд ласкает,
в танце с прекрасной дамой
саблей гусар задевает.
Ах, как же ты неловок
в жизни со мной бываешь,
склеенные осколки
с легкостью разбиваешь.

Солнца диск над горизонтом
выкатился на ладонь,
воздух свежий и морозный
обжигает, как огонь.
Тёмно-синие чернила
скоро небо разольет
и как в пасть у крокодила,
солнце красное падет.
Но тихонечко отступит
дней коротких холодок,
воробьишками взлетая,
вдруг прибавятся на скок.

Город накрыло туманом,
смазаны очертанья,
и пропитались обманом
улиц больные зданья.
Лёд на реке заманит
звёзд отраженья в гости,
и без сугробов снежных
ноют земные кости.
Нуют меридианы,
морщатся параллели,
тянется шлейф обмана
песнею менестреля.
Запах цветов разрушит
зданий уснувших грани,
сломанные прямые
больно в тумане ранят.
Сполоха нити разгонят
морока наважденье
и, поправляясь, стонут
крашенные строенья.

Танцуют тени на окне,
танцуют блики от огня.
Руками взмах и для тебя
сюжет родился на стекле.
Здесь расставанье для двоих
и снова встреча в темноте.

Запретный плод в руках твоих
умыт слезами на листке.
Что слёзы – лишь вода и соль,
исчезнут в мареве ночном,
исчезнет ноющая боль,
оставленная наждаком.
Откроется ли тайный смысл
или покроет след песком?
Волной о берег бьется мысль:
боль для чего? И что потом?

Пишу заявки и накладные,
шуршат купюры под звон монет,
а где-то люди читают Грина
и видят парус в хвостах комет.
Легко звучанье их партитуры:
играет скрипка, вздохнет кларнет,
в моем оркестре шуршат купюры
тревожной нотой под звон монет.

Не пишутся стихи – что за погода?
я музу жду на коврик у входа.
Куда она ушла, где заблудилась?
Упала в лужу или простудилась?
А может в отпуске смоталась на Багамы,
ныряет в море, отдыхает, ест бананы?
А в мае за окном метель бушует,
дороги замело, и я тоскую.
Писать без музыки – всё равно, что камень в гору.
Иду к окошку и задергиваю шторы.

Солнца круг на сумочке холщовой,
как ни странно, согревает очень,
брызги охры с ниточкой суровой
продлевают золотую осень.
Наполняют запахом клубники,
абрикоса, мы грустим немного,
заплетает в солнечные блики
расставанья дальняя дорога.
Скоро нас разделят километры,
волны жизни раскидают снова,
но напомнят дальних странствий ветры
о подарке в сумочке холщовой.

То взлёт, то паденье и в ссадинах сердце,
в отрешках – души полотно.
В страданьях на миг приоткрытая дверца
приводит в немое кино.
Где стёрты слова и запряганы краски,
и рампы погасли огни,
зачем же, сдирая присохшую маску,
Пилату кричишь вновь: «Распни!»?..

Вот опять ночь без сна,
ведь тебя рядом нет,
где-то скрипнет сосна
и подскажет сюжет.
Хороводом пройдёт
стройных букв череда
и часы заберёт
у меня навсегда..
Фейерверком взлетят
строки новых стихов,
если буквы хотят –
я писать их готов!

Ты ждёшь слова, а я молчу,
не хочешь слушать – я кричу,
на мхе пушистом оставляю след –
к тебе тропинку не найду,
когда услышать захочу –
лишь эхо дразнит звонкое в ответ.
А если вдруг – глаза в глаза,
прозрачной змейкою слеза –
смахну легко заботы и слова,
в прикосновеньях наших рук
забыть о горечи разлук
и выдохнуть: «Прости, я не права».

Этот город солнцем соткан.
Яркий луч, упав с небес,
Пробежит по перекресткам
И нырнет в ближайший лес.
Двери настежь спозаранку,
потянувшись ото сна,
окнами скрипят, зевают
деревянные дома.
Стены выдохнут волною
Аромат душистых смол,
Раскрывает над главою
Небо царственный престол.
С ветерком небесный ладан
Прилетит через ручей, –
Этот город Богом создан
В глубине души моей.

Я в Ницце, как птица, жила, не страдала,
я в Ницце, как птица, от счастья летала.
Мне море лизало усталые ноги
и тихо шептало, что лихо не трогай.
Пуускай полежит оно где-то в сторонке,
пускай отдохнет оно в старой пелёнке.
Я в Ницце, как птица, жила, не страдала,
в музее ходила Ван Гога, Шагала.
Хотя мой Ван Гог – он в другом измерении,
была влюблена я в него, без сомненья.
Простые мотивы с разорванной строчкой

звучали тревожно в моей оболочке.
Я в Ницце, как птица, жила, не страдала,
в Марселе на яхте огромной каталась.
Но тронула лихо – лишь самую малость –
с тех пор уже с ним никогда не просталась.

Я строю замки из песка,
какие замки, вы бы знали!
В них унесёт волной печали
Когда наступит вас тоска.
Я строю замки из песка,
В них так уютно и спокойно,
Из олова стоят войска
В густом лесу из веток хвойных.
Быть может я для вас смешна
В окошке замка небольшого.
Бежит соленая волна,
слизнув написанное слово.

Осень длится долгие два года,
ты меня стараешься согреть.
Нет, не виновата непогода,
что хочу я лечь и умереть.
Говоришь, что любишь, гладишь руки,
только невозможно объяснить
почему ты той, чужой, ночами
продолжаешь иногда звонить?
Зонт открыл, в прорехи видно звёзды,
взгляд отводишь, не могу смотреть,
по щеке сбегаящие слезы
рукавом стараюсь отереть.

Летят слова, как острые кинжалы
Иль бьют наотмашь по щеке пунцовой,
А иногда, кружась, пчелой ужалят,
Цепляясь вереницей бестолковой.
Но налетит вдруг ветер, дождь прольется,
Над тёмным лесом промелькнет зарница...
Как птица в клетке – в сердце гулко бьется:
Пока жива, есть время извиниться.

Шуршание опавших листьев,
ледок, хрустящий под ногой,
я собираю в одну картину
и спрячу в комнате пустой.
Глаза ладошками прикрою
и приглашу тебя войти,
щелчок – и лампочка звездой
вдруг вспыхнет ярко впереди.
Нас осень щедрою рукою
осыплет золотом листья,
одарит птичьей трескотнею
и запахом сырой травы.
Ты посмотри, как я богата,

здесь солнца луч, а там дожди
и облаков пушистых вата...
ну что ж ты медлишь, заходи!

Маме далеко за пятьдесят,
а её все «девушкою» кличут,
огоньки в глазах её горят,
когда в лес с ружьем идёт за дичью.
И на санках скатится с горы,
взвизгнет на трамплине и как птица
пролетит немного, чтоб потом
в кучу детворы, смеясь, свалиться.
А однажды юноша пришёл
познакомиться, когда мы отдыхали,
папа был, конечно, очень зол
и пытался отчитать нахала.
Тот ушёл, не понял ничего,
ну а мама долго хохотала
и от папы в море убежав,
у буйка нас первую встречала.
Сказку прочитает для внучат,
а для нас стихи расскажет, притчу.
Маме далеко за пятьдесят,
а её все девушкою кличут.

Я бываю такой некрасивою,
когда злюсь и ругаюсь отчаянно,
я бываю такой некрасивою,
когда правду узнаю нечаянно.
Но зато я бываю красивою,
когда муж на меня смотрит ласково,
в платье новом и туфельках-лодочках
цвета алого или красного.
Но зато я бываю красивою,
когда с внуками поздним вечером
мы играем прекрасную музыку
или детские поём песенки.
Я бываю прекрасной дамою
и бываю гаврошем замурзанным,
и поэтом, обласканным славою,
и бродягой, в толпе неузнанным.
Я себя изучаю истово
и к себе отношусь опасливо,
но стараюсь, чтоб люди близкие
каждый день со мной были счастливы.

Неважно – женщина бедна или богата,
Неважно – молода или стара,
совсем неважно, что права иль виновата,
неважно, что ей скажут доктора.
А очень важно, чтоб глаза сияли
и чтобы жизнь была, а не игра.
И чтоб с утра, откинув одеяло,
она дарила добрые слова.
Встречала с радостью, грустила на пороге,

перекрестив для долгого пути,
просила Ангела быть рядышком в дороге,
и выдыхала: «Господи, прости!»

Прикоснулась бабочка к губам,
лёгким взмахом сердце согревая.
Я иду к тебе по облакам,
на волшебной дудочке играя.

Распахнулась неба синева
И в ночнушке – сонная, босая,
Вижу я, что мокрая трава
Для меня росинки собирает.

Солнца луч споткнулся в волосах,
Поскользнулся на сырых ресницах,
И песчинки в солнечных часах
Заставляют сердце чаще биться.

Ополоумела весна,
весна заполошилась
и к нам сюда весна-красна
среди зимы явилась.
Спешила так, что в феврале,
когда пора метелей,
весна заставила рыдать
макушки сосен, елей.
Вдруг стали рыхлыми снега
и засвистели птицы.
Но валенки стоят в углу –
а вдруг весна умчится.

Обещаю быть хорошей
и себя перелопатить,
попытаюсь недостатки
потихонечку изжить.

Только ты меня такую –
нехорошую и злую,
вредную и заводную,
молодую и шальную
обещаешь любить?

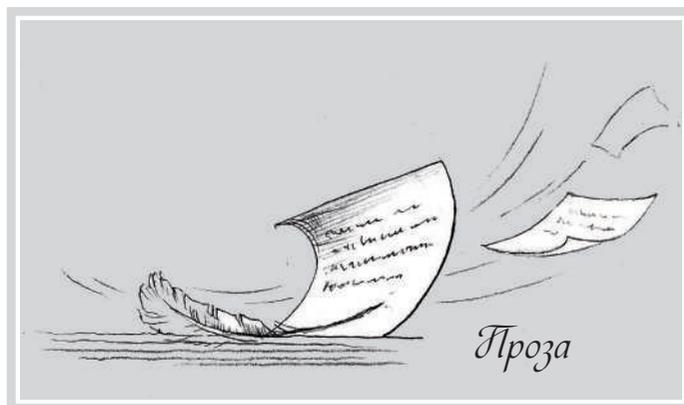
Так зачем мне быть хорошей,
день и ночь себя лопатить
и родные недостатки
со слезами изживать,

если ты меня такую –
нехорошую и злую,
вредную и заводную,
молодую и шальную
будешь нежно обнимать?

Николай
Мировский

Незнайка в Красном городе

Начну с простого и понятного – люди меняются всю жизнь. Представьте себе картинку: будто между рождением и смертью натянута тугая струна, на которой отыгрывается мелодия, переводящая количество в качество. А мажорная выходит композиция или минорная – дело уже десятое.

Так вот, на моей струне жизни есть одна четко различимая точка, отделяющая «до» от «после». Многие ли этим похващаются? Не знаю...

Странная была история, скорее смешная, чем философская, но перезагрузило меня крепко. Короче, садитесь и слушайте.

Участвовал я, значит, с друзьями и подругами в интересной игре под названием «Авторейд».

Надо заметить, что у нашего города всегда имела своя изюминка. Когда по всей стране играли в «Дозоры», мы выезжали на ночной авторейд.

Проходило всё так – рейд-центр скидывал командам подсказки, по которым надо отыскать локации, в них либо находишь код, либо квест, с чем бы их сравнить?.. Ну вот как конкурсы на турслете, один оригинальнее другого. Ну а потом судьи подсчитывают очки – кто быстрее выполнил все задания, тот и молодец, потому что очков у него будет больше всех.

Каждая игра делалась в определенном ключе. Нынешняя называлась «Красный город» и была посвящена Нарьян-Мару в советские времена. Или старалась быть им посвященной.

Сообщениями с рейд-центром мы перекидывались через «Telegram». Так получилось, что за связь в нашей команде отвечал я. И вот скидывают нам такой текст: «До появления ДК «Арктика» это здание было самым высоким в городе. Оно стало символом новых времен, навсегда перечеркнув советский имидж Нарьян-Мара».

– Самое высокое здание, – произнесла Аня, обводя взглядом нашу компанию.

– Это не почта... – сказала Лерка.

– Церковь? – встрепенулся изрядно уменьшившийся за последнее время Андрей.

Начав жить с Леркой, он принялся худеть, словно застрявший в норе Кролика Винни-Пух.

– Церковь, – кивнул Варцов, и ведомая им «буханка», пару раз мигнув поворотником, тронулась с места.

Вот так вот! Наша команда щелкала задачки легко и просто!

Кстати! Нужно рассказать о нас.

Вы смотрели сериалы «Друзья» или «Как я встретил вашу маму»? Для меня, Ани, Леры и Андрея это было священное видеописание. Мы подстраивали себя под образ дружной компании, которая делает всё вместе и руководствуется одним мнением, выработанным в ходе общей болтовни.

Мы познакомились на туристическом слете, когда учились в старших классах. Ночь в холодной сырой палатке стала серьезным испытанием, будто Эверест покорили. Даже Анина учеба в РУДНе и мои студенческие метания из Салехарда в Архангельск не смогли остудить нашу дружбу. Или вот любовь-морковь Андрея с Леркой не мешает нашей компании сохранять свое единство.

Игры вроде авторейда были нашим всем, словно мы опять, закутанные в спальные мешки в освещенной мобильниками палатке, вспоминаем свои тёплые квартиры.

Понимаю, что общего между ночевкой в лесу и авторейдом не много, но я скажу только одно слово – приключение. Понимаете? То и другое – общее приключение, поэтому так важно для нас.

Теперь расскажу, откуда взялся Варцов, точнее, как мы оказались в его машине.

Участвовать в рейде можно было только на своем транспорте, которого у нас не было. Тут один из организаторов, кажется, это был Марат, познакомил нас с этим парнем, который был на колесах и хотел участвовать.

Его тачка производила впечатление!

Не знаю, как называется эта модель, в общем такой микроавтобус от УАЗа, который простонародье, вроде меня, называет «буханкой». Машина была знатно

модифицирована: колеса поставлены более широкие и высокие, «люстра» из фар наверху, брутальные бампера, раскраска под камуфляж... В общем увиденное прибавило нам сто единиц веры в победу.

Нарьян-Мар – город маленький, здесь все знают многих, по крайней мере, я Варцова помнил. Он работал в полиции. Мы познакомились, когда меня привлекли в качестве подставного покупателя алкогольной продукции. Я брал пивасик, а полицейское сопровождение составляло протоколы по факту продажи бухла несовершеннолетнему. Варцов тогда много и цинично юморил, в общем, время провели интересно.

А моих друзей он поначалу напрягал.

Магнитола в его буханке звучала ритмичным переругиванием клавишей и ударных, печально выла саксафон: прокуренный голос, не особо стараясь вплестись в это звуковое полотно, полуорал-полубубнил. Бойкая песенка вела нас через чувства человека, у которого сломался унитаз, а гребаные коммунальщики не едут уже целый день.

– Это что за отстой? – скуксилась Аня.

– «Сосед сверху» – улыбнулся Варцов.

– «Как последняя зараза, я живу без унитаза», – кричали динамики.

Андрей и Лера отнеслись к происходящему, как неизбежной плате за транспортировку от нашего правоохранительного друга. Однако ребята страдали, и это было видно.

А мне «Сосед сверху» понравился, сочетание бескомпромиссного би-бопа, блатняцкого вокала и бытовой лирики источало злую пародию на джаз и одновременно искренность, будто орешь ты такой песни в дружной компании и вдруг замечаешь, что подыгрывает вам Чарли Паркер.

Тем временем наше транспортное средство изящно вкатилось во дворы, вырулило на дорогу, по которой пролегал самый длинный автобусный маршрут Нарьян-Мара, и мы увидели острые углы церкви.

Ворота в окружавшей храм решётке были закрыты.

– Пройдем вдоль ограды, по периметру! – выкрикнул я, надеясь организовать наши действия. – Одна группа в одну сторону, другая в другую!

И тут я не удержался от маленькой провокации.

– Дрон, следи, чтоб Лера бензопилу не вытащила!

Никто не засмеялся, Андрей вежливо улыбнулся, а Лерка смерила меня ледяным взглядом.

Выйдя из машины, мы замерли.

К нам направлялся он.

– Незнайка!.. – сказала Аня, и была права: самый натуральный Незнайка шёл со стороны городского моста.

– Квест что-ли? – Варцов водил головой, оглядывая носовского героя, нас, окрестности...

– Узнаем, – Андрей сделал шаг навстречу знакомому незнакомцу.

– Здравствуйте! – человек в широкополой шляпе синего цвета приветливо улыбнулся.

– Ну и тебе привет, – Варцов протянул руку.

Станный это был человек, и дело тут не в костюме.

Казавшееся юным лицо поражало единством наивности и бывалости. При всей молодости, усиленной выбранным образом, прожитые годы никуда не прятались, они смотрели на нас внимательными глазами, не сходили с лица, вместе с намекающими на частую ироничную улыбку морщинками в уголках губ, и... Мне тогда показалось, что Незнайка поработал прогрессором у лунных коротышек, понял, что богом быть трудно и спустился прямо сюда.

– А вы квест даёте? – приступила к делу Анна.

– Какой квест? – удивление Незнайки было совершенно искренним.

– Вы разве не из авторейда? – сказала Лерка, подозревавшая подвох, это было понятно по улыбке и склоненной на бок голове.

– Авторейд? Вы о чем таком говорите?

– А что вы здесь делаете в таком наряде? – снимавший происходящее Андрей чуть не ткнул объективом в лицо странного прохожего. Ютубер, что с него взять!

– Гуляю по вашему городу... Слушайте, раз мы разговорились, давайте знакомиться, меня зовут Незнайка!

Варцов тронул меня за руку.

– Пошли код искать.

Мы бросились в противоположные стороны вдоль ограды, остальные остались на месте. Видимо, знакомиться им было интереснее.

Код нашёлся относительно быстро: размашистая надпись осеняла внутреннюю стенку пустой урны.

Пока я отправлял через «Telegram» полученную информацию Никите, Варцов свистнул и махнул рукой в сторону своей колымаги – пошли, мол.

Эй! – крикнула Аня, – Незнайка хочет с нами порейдить!

Мы переглянулись.

– А давай! – Варцов снова махнул рукой.

Остальные двигались тесной группой вокруг Незнайки. Чувствовалась готовность отстоять его присутствие среди нас.

И ладно, решил тогда я, качественно сработанный чудик и на судей произведет впечатление, и воспоминаний добавит.

– Как раз шестой будет, – сказал я.

В «буханке» каждый занялся своим делом: Варцов плюхнулся на водительское место и включил музыку; я уткнулся в телефон; Аня принялась канючить: «Будь человеком, Варцов! Поставь что-нибудь нормальное»; Андрей снимал, как Лера объясняла великовозрастному Незнайке сущность авторейда...

Незнайка тем временем с любопытством оглядывал салон. Все было сделано качественно, с претензией на хороший вкус. Думаю, не все вкладываются в жильё так, как Варцов разорился на свою «буханку».

А «Сосед сверху» чувственно хрипел о лишённой родительских прав алкашке. Каждый из её пятерых детей получил квартиру на правах сироты и счастливая мать по очереди бухает с каждым... Все бы ничего, только все пятеро живут в подъезде лирического героя песни.

Телефон пискнул.

– Задание пришло – сказал я, и Варцов выключил магнитолау.

– «Самый преданный житель этого дома пытался сохранить его как живого свидетеля времён, когда Нарьян-Мар был городом деревянных домов и деревянных тротуаров. К сожалению, пожар поставил крест на этой мечте...».

– Кто помнит горевшие недавно дома? – сказал Андрей.

– Гмм.. в Искателях горело че-то, – сказал Варцов, вырубив на Первомайскую.

– Тут явно речь о городе, – Аня просматривала в телефоне карту центра, – что за преданный житель?

Я запросил подсказку.

«Первоначально эта улица называлась Заполярный проспект» гласило пришедшее сообщение.

Лерка встрепенулась:

– Это Смидовича! Я знаю, так называлась Смидовича, до его смерти, наверное.

– Подожди, а горелый дом есть недалеко от того места, где «Арбат» кончается, – не отрываясь от телефона, сказала Анна.

– Понял, – сказал Варцов и закрутил баранку.

Незнайка молчал.

«Арбат» кончался на перекрестке Смидовича и Ненецкой. Один из стоявших здесь двухэтажных домов действительно пережил пожар, о чем свидетельствовали почерневшие стропила. В остальном здание производило очень приятное впечатление – стены четко сохраняли верность прямым линиям, не менее

правильными оставались углы, не каждая старая «деревяшка» может этим похвастаться.

И ещё.

Дом радовал глаз – наличники простой, но изящной формы, ненавязчивое сочетание красно-бордового и зеленого в окраске фасада... в общем, скромно, но хорошо, вложение строителями души засчитано.

Не сговариваясь, мы отправились к маячившим у входа трем фигурам. Приближаясь, я заметил, что все пространство над порталом двери покрыто расходящимся кверху пятном копоти.

У относительно небольшого стенда стояли две симпатичные девушки, а потертый жизнью усатый мужик оперся о косяк дверного проема.

– Здравствуйте! – хором сказали девушки, мужик хмыкнул и улыбнулся.

И тут мы разделились: я, Аня и немного – Варцов – принялись решать задачку девушек, а Лера, Андрей, Незнайка и немного – Варцов – болтали с мужиком о его бурной домохозяйственной деятельности. Кроме Варцова, к нам иногда подходил Андрей, чтобы позыркать объективом камеры.

Задание было такое – на стенде были закреплены ксерокопии старых снимков нарьянмарских улиц, нам требовалось определить – какие улицы перед нами изображены.

Наши догадки об облике ул. Выучейского или Пионерской в кукурузные шестидесятые то и дело прерывал изливающийся рядом поток сознания.

– ...вот когда принялись клепать «Жигули» по фиатовской технологии, пошёл брак, стали выяснять, даже итальянцы приехали, ну и доперли, что где надо фиксировать на четыре крепежа, наши ляпают на три и так везде, понимаешь? Вот и почему ты так уверен, что новые «бязеты» такие надежные? В нашей стране вечно поправляют недоделки.

Представляете, вся речь этого мужика была переполнена такими отступлениями. Они возникали внезапно, словно песчаная мель под гладью Печоры, вектор же его мысли между началом и выводом получался такой: дом, рядом с которым мы стояли, построен так хорошо, что простоит ещё лет тридцать минимум, а городские власти его признали аварийным и хотят снести. Но мужик не хочет, чтоб дом сносили, вся жизнь в нём прошла. Именно такие дома представляли деревянный Нарьян-Мар! Еще недавно вся Смидовича была ими застроена, теперь вот что творят! В Архангельске новоделы строят, чтобы деревянное зодчество показать, а у нас все коту под хвост!

В общем, мужик выписываться из дома отказался, теперь власти выселяют его по суду, да еще вот пожар недавно случился...

– Городские шишки сразу понаехали, – домозащитник сплюнул.

– Вот! – сказала Анна, показывая на фотографии, – мы подобрали название к улицам.

Угадали мы только в двух случаях из семи.

Старавшаяся больше всех Аня сжала губы в ниточку, а пальцы в кулачки.

Когда мы сели в машину, Незнайка подал голос:

– Это правда? У вас можно такое творить с людьми?

– А ты думаешь, правду можно узнать, выслушав только одну сторону конфликта? – с холодной улыбкой спросил Варцов.

– Так я и спрашиваю: правда это или нет?

– Да как тебе сказать...

– Это одна сторона правды – усмехнулась Лерка.

Аня вздохнула.

– Пришло задание? – спросила она меня.

– Нет.

– В общем, остальные жители спокойно переехали в новое жильё, а этот отказывается, даже вроде свою экспертизу заказал. Его ещё до пожара по суду выселяли и почти успешно...

– Так подожди, где здесь другая точка зрения? Не вижу противоречия с позицией этого человека. – Голос Незнайки звучал детскими интонациями, просто наивность как она есть.

– Да все просто, – Лера улыбнулась, – человек занимается борьбой, которая никому, кроме него, не нужна, понимаешь?

– И что? Разве из этого следует, что человек не прав?

– А почему нет? Если твоя позиция никому не интересна, стоит присмотреться к себе, может мания началась...

– В других городах люди сохраняют наследие, а у вас это мания?..

Мой телефон пискнул.

– Короче, – заговорил Варцов, – с одной стороны говорливый мужик, а с другой экспертиза, решение суда и...

– Да ещё проще скажи, – процедила Анна, – властям нужен кусок земли, жильцам нужны новые квартиры, а этот всем мешает, вернее, только властям мешает, жильцы своё получили, – она вздохнула, глядя на экран моего телефона, – давайте уже думать, новое задание пришло!

Я зачитал:

– «Забытые и отринутые ждут вас среди ненужных вещей».

Снимавший меня Андрей (когда успел камеру достать?) заговорил:

– Что же подразумевает это эпичная фраза? Кладбище? Замороженную стройку? Земли обанкротившихся Лесозавода и Рыбокомбината?

– Земли! Лол! – Лера хмыкнула, – определись: либо Лесик, либо Рыбокомбинат, а то ведь можно и «земли» обанкротившейся «Евразии» обыскать для комплекта...

– Подожди, – Аня махнула рукой, – кладбище, а за ним свалка!

– Ненужные вещи, – кивнул Варцов и повернул ключ зажигания.

«Сосед сверху» отстраненным голосом спел о своем друге-программисте, который в сорок пять лет сохранил дух юности – целыми днями бегают по лесам, играя в войнушку эльфов и орков, только вот жена ушла, а дочка, лишённая отцовского внимания, ложится под любого мужика, который на неё случайно посмотрит. Песня называлась «Трандуилу не прикажешь».

Мимо проносились: двухэтажное здание со шпилем, «баязет» с синей крышей и стоящим напротив огромным выключенным экраном, старое здание гостиницы «Печора» с трепыхающимися обрывками растяжки с надписью «Нотариус»... Машину затрясло, мы свернули на Авиаторов, здесь дорога была похуже. Показалась освещенная белой ночью детская поликлиника, гаражи, база СМТО... Наконец справа замелькали монолиты строящихся и почти сданных домов, слева блеснула неспешно текущая курья, машина съехала на гравийку, проскочила узкий мост и вокруг замелькали деревья, болотца и залысины песчаных выдувов. Широкая дорога была вся разъезжена мусоровозами, но Варцов быстро находил колею...

– О! Кладбище, – Лера указала пальцем в левую сторону.

– Главное, не пропустить поворот на помойку, – сказал я.

– Всё под контролем, – заверил Варцов.

– Музыка, пожалуйста, выключи! Думать не могу! – Ане удалось тональностью голоса передать сочетание мольбы и дикого раздражения, – талант!

На дороге наблюдалось всё больше мусора, наконец, деревья кончились, перед нами предстали целые холмы всякого хлама. На разровненной площадке горел большой костёр, стоявшие в некотором отдалении бульдозеры казались охваченными легкой дрожью из-за игры языков пламени.

Вокруг огня копошилось несколько теней.

Подойдя, мы увидели типичных бомжей, поздоровались, один из них улыбнулся:

– Если хотите ваш код получить, то стоняйте в город за пузырем «беленькой», будет все норм, не обманем.

– И на закусон возьмите чегой-нибудь там, – спохватился сидевший по ту сторону костра бездомный.

– У меня другое предложение, – Варцов резко выступил вперед, так получилось, что от машины он шёл последним, скрытым нашими спинами, – берите сто рублей и покупайте, что хотите, но сначала сообщите код.

– Не пойдет... – начал первый бомж.

– Пойдет, – перебил его Варцов, – потому что я очень убедителен.

Бездомные затихли, мы тоже молчали, все слушали, как в костре потрескивают доски.

Наконец бомж продиктовал код, я принялся отправлять сообщение, а Варцов бросил перед собой сотенную купюру.

– Это что было?! – спросил Незнайка, садясь в машину.

– Ну, я работаю в полиции, – сказал наш крутой парень, – и они это знают...

– Нет, ну правда, ты думал, что делал? – почти закричала Лера, – представляешь, как это в интернетах воспримут, что – теперь весь эпизод выкидывать?

– Дело ваше. Только проблема-то в чем? Эта алкашня подзаборная вконец оборзела, гоня команды по своим прихотям, я им честно заплатил и сэкономил прорву времени, могли бы и поблагодарить.

– И ты спокойно пользуешься положением на работе ради личных интересов? – воскликнул Незнайка.

– Да в конце концов, когда доедем до города, можешь купить водки с огурчиками и отнести этим буханоидам, – процедила Анна сквозь зубы. – Сейчас мы такой бонус по времени получили, а этим все привезут ещё десять раз!

– Я думаю, – Варцов остановил машину и посмотрел в глаза Незнайке, – каждый получает то, что заслужил. Если человек довел себя до помойки, значит и относиться к нему надо...

– Словно он мусор? – продолжил Незнайка.

Варцов пожал плечами, послушный его воле транспорт двинулся дальше.

– Как-то так.

– По-твоему это только их вина и происходящее вокруг тут не причём?

– Причём конечно, – вступил в разговор Андрей, – только ведь есть люди, которые борются с проблемами, а есть такие вот, поверь, в них уже что-то сломано, сколько им не помогай – они все пропьют.

– Да хватит уже! – скинулась Анна, – скоро другая команда исполнит все их желания, а мы

тут спорим, как тормоза!

Звук сигнала раздался из моего телефона, – пришло задание.

«В северном зале можно пробовать все запретное в СССР», – гласило сообщение.

– Звёздное небо? – хмыкнул Андрей.

– Изолятор! – нахмурилась Лерка, – если постоянно нарушать запретное в СССР, окажешься там, а потом на зоне.

– Да Норд-холл это, – сказал я, – что здесь непонятного?!

– Точно! – Варцов прекратил дискуссию, нажав кнопку на магнитоле.

Салон машины заполнил «Сосед сверху», под медленно-прерывистый ритм певец изложил диалог двух гробовщиков, которым заказали последнее вместилище для одной головы, тело не получилось обнаружить.

«Как же голову нам хоро-ни-ить-ить-ить-ить???» – истошно затянул певец.

– Может хватит этой чернухи? – устало-раздражённо произнесла Анна, – давай уже нормальное послушаем, расслабимся.

– Поддерживаю, – оживилась Лера.

– Да и не стоит сейчас голову хоронить, на авторейде она всегда пригодится, – сверкнул остроумием Андрей.

«Ха-ха-ха, очень смешно», – подумал я.

Дальше мы ехали в тишине.

Бывший Рыбокомбинат был и останется в моей памяти пятном из развалин и прямоугольников, крытых гофрированным железом. Ночной клуб предстал перед нами совершенно обычной для этих мест безликой постройкой, выделяющейся широким крыльцом. Машина замерла на укатанном песке.

Андрей снимал, как мы направились к дверям клуба. Глянув на горы всякого хлама, я подумал, что задний фон получится колоритный, S.T.A.L.K.E.R. со своей зоной отдыхает!

Пройдя мимо сосущих сигареты посетителей, мы вошли в холл, охранник тяжело посмотрел на меня, потом на Варцова, на Аню, Леру, Андрея; когда взгляд мужика сосредоточился на Незнайке, недоверие в его глазах давило, словно тундровый хиус.

– Мы тут в авторейд играем... – сказала Лера улыбчивому гардеробщику с вытатуированными на запястьях розами, тот кивнул.

– У нас проходит игра, но, чтобы пройти в зал, надо заплатить.

Я с любопытством посмотрел на Варцова, выразит он свое недовольство или нет, но работник полиции прекрасно понимал, что здесь не свалка и принял происходящее с

безразличным видом.

Остальные происходящее тоже приняли, только Аня с Лерой немного поворчали. Жаль, мне очень хотелось волны недовольства, чтобы предложить забить на игру и ехать по домам, а не делать кассу местной индустрии развлечений.

Итак, представьте себе... вернее просто достаньте из памяти живую картинку ночного клуба, она по-любому найдется. Вы там не были? Тогда видели в кино или новостях! Вспомнили? Вот и отлично, начинка была совершенно средняя для таких заведений, правда кое-что выбивалось из контекста.

Посреди танц-пола мощный прожектор освещал довольно широкую округность, наперекор буйству цветомузыки поток света выхватывал нескольких человек и стойку с баннером авторейда.

Туда мы и направились.

– А вот и новые участники! Да начнется игра! – Раздавшийся отовсюду голос резко сменил очередную композицию. Лицо говорившего было знакомо, это... журналист и немного кавээнщик, а зовут его м-м... Никита, да Никита.

– Хотите получить код? – спросил он.

– Да, – сказала Анна.

– Так вы его точно не получите, прокричите вместе!

– ДА!!! – проорали мы хором.

– Итак, вы согласны, хотя условия нашего конкурса довольно необычны, – Никита выдержал паузу, – каждый из вас должен сказать, что его бесит в других участниках команды.

«Высказаться ярко и никого не обидеть», – подумал я, принимая поданный кем-то микрофон.

– Я слушаю – сказал мне Никита.

– Так, вот он, – я кивнул на Варцова, – не нравится мне тем, что слишком решителен, все ещё мнутя, думают так поступить или эдак, а он уже определился и дело делает, после такого не чувствуешь себя круто, напрягает...

– То чувство, когда рядом с другом смотришься тормозом, – сказал Никита, и все засмеялись.

– Или вот, – я дотронулся до Аниной руки.

– Все время дергает, командует, надоело уже.

– Я смотрю, тебе не нравится, когда девушка сверху? – улыбнулся شوумен под хохот из клубной тьмы.

– А вот они, – я поднял обе руки, как бы охватывая Андрея и Леру, – постоянно вместе, надоело уже!

Никита не успел и рта раскрыть, а вокруг заржали.

«Признайся, что завидно!» – прокричал откуда-то девчачий голос.

Все шло неплохо, когда я подумал – надо сказать про Незнайку, а сказать-то и нечего, хотя...

– А он вообще Незнайка!

– Теперь я понял, этот парень попал! – Никита забрал у меня микрофон и передал его ряженому человеку – попал в сказку!

Предсказуемо зазвучал смех, знаете, так бывает в комедиях, когда после каждой шутки прокручивают аудиозапись хохота, сейчас было также.

– Так, – человек в костюме сказочного героя немного помолчал. – Знаете, вы все ведете себя нехорошо.

– ХА-ХА-ХА-ХА – прогремело со всех сторон.

– Да, нехорошо, словно вы дети в облике взрослых, играете в игры, вместо того, чтобы жить, решать проблемы... Достаточно полтора часика почитать новости о вашем городе и можно узнать, что в ЖКХ полный бардак, а предприятия, от которых зависит жизнеобеспечение – в полубанкротном состоянии, но всем наплевать! У вас же всего тысяч двадцать населения и нефтяной бюджет! Давно конфетку можно было сделать из города!

– Чё он парит-то?! – крикнул кто-то.

– Анна, – продолжал Незнайка, – ты готова через людей переступить, как через реквизит, а ведь... – на мгновение он замолчал, только выражение лица донесло невысказанное, – не по-людски это.

Он вздохнул.

– Вы, полицейский и капитан...

«Это он про меня и Варцова? Ну ладно»

– ...один наслаждается силой, которую ему дает служба, второй водит всех за собой и радуется, это так и прёт, мне страшно представить, в кого вы превратитесь через несколько лет такой нарциссомании!

«Какая нарциссомания?! Ты же испортил весь эффект от моего выступления! А ведь народ был заведен, палец покажи, и засмеются!» – скакали мысли в моей голове.

– Андрей и Валерия, завязывайте уже с этой жизнью на камеру, даже на фоне своих друзей смотрите инфантилами в кубе! Как вообще мож...

– Хватит!!! – все посмотрели на стоявшую с микрофоном Анну.

«У Никиты взяла», – догадался я.

– Я что, не могу на выходные расслабиться по-человечески?! Не нравится – проваливай! Моралофаг несчастный! Целый месяц игру ждали, а тут чудо ряженое учить нас будет!

Тут микрофон у Незнайки взяла Лера.

– Знаешь, он ведь где-то прав! Ты слишком

зациклилась на игре, Анна! Мы здесь только развлекаемся, а ты сама изводишься и других издергала, как будто победа здесь что-то значит! Проще надо быть...

– Ну да, – сказала Анна, – ты уже поняла, что отснятый материал не подойдет для вашего жополизского блога, значит победа уже не важна!

– Да перестань уже насиловать всех этой победой, – Лерка выдохнула, – мы с Андреем не жили под крылышком богатеньких предков, как ты! Переиграла ты в игры, Анна, поживи проблемами настоящих людей!

– Настоящие люди перед камерой не кривляются! – казалось, сейчас перед Анной посыплются льдинки, настолько холодным был её тон.

Варцов что-то шепнул ей на ушко, и она отдала ему микрофон.

– Короче, мне не нравятся все, потому что так легко разругались, думаю с таким настроением рейдить дальше бессмысленно, кого надо подвести – пошли со мной.

Он вернул микрофон Никите и пошел прочь.

– Ну вот, – подытожил Никита, – не все команды выдерживают наш конкурс.

Анна пошла за Варцовым, Андрей с Лерой развернули длинную беседу на двоих, Незнайка растворился в тёмной толпе, а я вышел из клуба и пошёл домой пешком. Идти было долго, но прогулки на свежем воздухе – это лучшее средство против сумбура в голове. Воткнув в уши телефонную гарнитуру, я услышал песню «Аквариума» про то, как стелется гарь от игр этих взрослых детей.

«Надо отписаться в рейд-центр, что мы сходим с дистанции», – подумал я.

Вот такая история. Прошло немного времени и мы помирились, только в игры больше не играли. Собрать нас могла только фигура этого Незнайки. Любая наша беседа скатывалась к обсуждению, кто он и откуда.

Мне было все равно, что наша тесная компания превратилась в просто знакомых, я больше стал задумываться, почему жизнь устроена так, а не иначе и как можно сделать лучше. Именно тогда моя карьера пошла в гору, потому что я ей по-настоящему занялся.

Уже много времени спустя, когда близился конец года, и все показатели нашего учреждения надо было приводить к стопроцентному исполнению, мне позвонила Анна.

– Слушай! Я нашла нашего Незнайку!

– Говори быстрее! – К тому времени мы наболтали великое множество теорий, начиная от обычного психа и кончая тайным агентом штаба Навального, подосланным к Андрею и

Лере.

– Он блогер-касплеер из Новосибирска, ездит по стране в костюме Незнайки и рассказывает в своем блоге, как реагируют на него местные...

– Касплеер? Это...

– Те, кто рядятся во всяких супергероев, персонажей мультфильмов, комиксов. Этот взял за основу советский материал.

– Да... ммм.

– Он и про нас написал, я тебе ВКонтакте ссылку кинула, посмотри!

– Посмотрю... А знаешь, этого и следовало ожидать.

– Конечно! Когда тебе всё разжевали, сразу оказывается, что ты всегда так и думал...

Аня рассказывала, как нашла в мировой паутине следы Незнайки «совершенно случайно, ты не поверишь!», как возмущённые Лерка с Андреем записали видеообращение «Одни эмоции, очень разозлились, остынут, удалят наверно», и что сейчас всё ясно, это главное...

А я представлял явление странного человека в нашем городе:

Миновавшее зенит солнце щедро освещало аэропорт Нарьян-Мара. Повсюду пестрели майки, шорты, мини-юбки, сарафаны... Словно здесь большая земля, словно завтрашняя погода не может покрыть всех ветровками, пальто и вязаными шапками, будто капризная девчонка, меняющая наряды куклам.

Встречающие и недавние пассажиры явно предпочитали спокойное и уверенное сочетание серого с белым, лишь одежда детей пестрела яркими пятнами, но некое исключение вломилось в происходящее эдакой осью, вокруг которой вращались добропорядочные обломки.

В сторону автобусной остановки двигался молодой человек в желтых штанах и красной рубашке с рукавами до локтей. Это было еще терпимо. Бесповоротную исключительность парню придавал зеленый галстук с искаженными пропорциями, наводящими на мысли о клоунаде, и синяя шляпа в виде конуса с кисточкой на вершине и полями во-о-о-о-т та-а-а-а-а-кой ширины.

За собой странный персонаж катил обыкновенный чемоданишко.

Полина
Акимова

Счастье в мелочах

Муза Полины

Полина Акимова – выпускница 11 «Б» класса школы № 1. Она обучалась в классе филологического профиля. Этот период стал для Полины временем особенного вдохновения. Одно за другим летом 2017 года появились стихотворения, передающие интерес ученицы к творчеству, окружающему её миру природы, красоте души. Полина щедро передаёт своё настроение нам:

Будь яркому рад солнцу за окном
Иль туче перед проливным дождём!
Будь рад тому, что в мире нет войны,
Что можем долететь до звёзд, луны...

Это строчки её стихотворения «Счастье в мелочах». Девушка убеждена в том, что счастье за «деньги не купить», в том, что надо уметь «наслаждаться мгновением!» Полина откликается сердцем на события, которые отмечены в календаре знаменательных дат страны. В канун Дня Победы у Полины в одном из стихотворений зазвучало:

День Победы, как поётся в песне,
Праздник со слезами на глазах.
В этот день мы соберёмся вместе,
Вспомним тех, кто воевал за нас.
Кто в июне года сорок первого,
Празднуя свой школьный выпускной,
Не подозревал, что в очень скором времени
Ринуться придётся в страшный бой...

Полина с интересом постигает азы стихосложения, изучает особенности строфики лирических произведений, способы рифмовки, музыку звукописи, знакомится с богатейшей палитрой средств художественной выразительности. И у неё появляются свои образы, ей открываются тайны этой сложной науки:

Жизнь на паузу нам не поставить,
Перемотки назад тоже нет...
Не бросайтесь плохими словами
И цените каждый момент!
В нашей жизни случается всякое,

Но сказать я хочу лишь одно:
Наша жизнь не имеет сценария,
Не похожа она на кино...

Прочитайте стихотворения Полины Акимовой, пожелайте её окрылённой душе творческих удач, дружбы с МУЗОЙ, исполнения желаний и успешного самоопределения после завершения среднего общего образования.

*О. А. Ястрикова,
учитель русского языка и литературы*

Для кого-то Север – это холод, стужа,
Целый год лежащий белый снег.
А кого-то греет - согревает дружба,
Тёплый чум, олений мягкий мех.

День Победы

День Победы, как поётся в песне,
Праздник со слезами на глазах.
В этот день мы соберёмся вместе,
Вспомним тех, кто воевал за нас.

Кто в конце июня, в сорок первом,
Празднуя свой школьный выпускной,
Не подозревал, что в скором времени
Ринуться придётся в страшный бой.

Школьники вчерашние и деды –
Все хотели Родине помочь.
Холод, голод и другие беды,
Сотни дней, похожие на ночь.

Долгой ночью шли четыре года,
Люди верили: вот-вот настанет день,
И наступит мир, любовь, свобода,
А врагов страны накроет тень!

И однажды, в мае сорок пятого
Грянули заветные слова.
Это было радостью для каждого,
Объявили: «Кончилась война!»

Но под счастьем затаилось горе,
Много не вернулось с тех полей...
Вечная же память тем героям,
Кто пополнил стаю журавлей.

Однажды в жаркой Африке
Двух маленьких жирафиков
Ругали звери местные
За странности телесные.

Кричали обезьяны им:
«Ах, как же вы неправильны!
Какие ноги длинные,
А шея, как змеиная!»

И зебры, табуном подруг,
Твердили хором, вставши в круг:
«У вас окраска странная,
Пятнистая, туманная!»

Жирафы отвечали всем:
«За что ругаете, зачем?
Ведь мы такими рождены,
И в этом нет нашей вины».

А где-то лев в тени дремал
И, шум звериный услышав,
Пошёл узнать он, что к чему
И кто мешает спать ему?

Пришёл. И, выслушав зверей,
Их успокоил поскорей,
Притихли все, потупив взор.
«Они другие? Это вздор!»

За жирафят вступился он:
«А чем, скажите, лучше слон,
Длиннющий хобот и клыки,
Четыре толстые ноги?»

Чего замолкли, ведь смешной,
Ушастый, толстый и большой!
Однако уважаем он
За то, что мощен и силен.

Ну, а жирафы, что с них взять?
Им нужно пиццу добывать,
Они посмотрят сверху вниз,
Сорвут для вас акаций лист.

Окраска, ноги с шеями –
К среде приспособление.
И вместо ругани на них,
Взглянули б на себя самих...

В делах, в работе, в вечной суете
Так незаметно время пролетает...
Октябрь-старик чуть слышно наступает
И капли оставляет на листе.

А в поисках малейшего тепла,
Всё чаще пьём мы чай и носим свитер...
Всё больше мы хотим уехать в Питер,
На время позабыть про все дела.

А вечером, под тихий стук дождя,
Тихонько грусть обнимет твоё сердце,
По осени все-все хотят согреться,
Придёт мороз, немного погода.

Люблю наш милый город Нарьян-Мар,
С холодными весенними снегами!
Пусть не получишь ровный здесь загар,
Сентябрь подарит шорох под ногами.
Не приезжают к нам из Голливуда,
О городе за рубежом не знают...
Но выезжают звёздочки отсюда
И городок успешно представляют!
Пусть, говорят, похож он деревню,
Пусть, говорят, что жить здесь очень скучно.
Как сильно ни хотел бы ты уехать,
А сердце с родиной навеки неразлучно!

Счастье в мелочах

Искать старайся счастье в мелочах,
В простых, казалось бы, обыденных вещах.
А погрузить всегда найдётся повод,
Не важно вовсе, стар ты или молод.
Будь яркому рад солнцу за окном,
Иль туче перед проливным дождём.
Будь рад тому, что в мире нет войны,
Что можем долететь до звёзд, луны...
Одним для счастья нужен миллион,
Другим – под мирным небом тихий сон.
А для кого-то счастье – есть друзья
И осознание того, что ждут тебя...
Нигде за деньги счастья не купить,
Вторую жизнь, увы, не пережить.
Нам остаётся лишь моментом насладиться,
Ведь жизнь одна, она не повторится.

Спасибо, мама!

Я поздравляю в этот день
Всех наших бабушек и мам.
И, сдвинув все заботы в тень,
Хочу сказать спасибо вам!

Спасибо за любовь, добро,
Что, не жалея, нам даёте.
За веру в нас и за тепло,
Что в сердце каждый день несёте.

За все приятные слова,
Что Вы так часто говорите.
За все поступки и дела,
За помощь в маленьких открытиях!

Всегда ликуете за нас,
Когда мы достигаем цели,
Переживаете за нас,
Когда мы терпим поражение.

Спасибо, мамочки, за то,
Что нас людьми вы воспитали!
Ведь если бы не вы, то кто?
И что тогда бы с нами стало?

Мы очень любим, мамы, вас,
Хоть не всегда заметно это...
Пускай здоровье будет «класс»!
Пусть выросли, – для вас мы так же дети!

Кто же из нас не любит ночь,
Загадочное время суток.
Вся суета уходит прочь
Не навсегда, лишь до минуты...
Становится вкуснее чай,
В разы душевнее разговоры,
И часто ночью незначай
Идей приходит целый ворох.
А также может прилететь,
Желая чая, вдохновение,
За хвост поймать его успев,
Ты сочинишь стихотворение.
Кто же из нас не любит ночь,
Загадочное время суток.
Бессонницу не превозмочь?

...Идите в парк, кормите уток.

Кому не нравится смотреть в ночное небо,
Со звёздами, мерцающими точками.
Пусть наше поколение там не было,
Но наши дети побывают точно!
Людей давно притягивали звёзды
И Млечный Путь... Всё ищем мы ответ,
Где существо земное приживётся,
Где в космосе есть жизнь, а где же нет?

Есть милый город Нарьян-Мар,
Он где-то за Полярным кругом.
На летнем небе здесь пожар,
Ну а зимою воев вьюга.

И только там мягчайший снег,
Он, как платок, морошку греет.
На нём свой оставляют след
Как люди, так и птицы, звери.

Оставит дедушка Мороз
Хрустальный иней на ресницах.
Все веточки кустов, берёз
Оденет в шаль и рукавицы.

Весне понравится наряд,
Она его не сразу снимет.
Лучи-ребята прилетят,
Со всем теплом её обнимут.

А летом весь уедет люд,

Чтобы погреться в тёплых странах.
Без них тут комары поют
В листве дерев зелёной, в травах.

По-осени стареет лес,
Наряд богатый свой снимая...
Но он не умер, не исчез,
А лишь с природой засыпает.

Люблю я город Нарьян-Мар,
Он стал мне самым лучшим другом.
Пусть кто-то думает, он мал,
Но бесконечна наша тундра.

Давай отправимся туда,
Где мох лежит по всей округе,
Бегут олени стада
Наперекор царице-вьюге.

Музыка всюду нас окружает,
Музыка в каждом сердце живет.
По настроению разной бывает.
То печалит, то развлечет.

В мире без музыки жизнь станет скучной,
Много людей, но вокруг тишина.
Люди не могут работать беззвучно.
Каждая деятельность звуков полна.

Будь это тихий компьютера шорох,
Шелест простых документов, бумаг.
Звуки и музыка – жизненный порох.
Знаю, без них мы не сможем никак.

Заплутавшее счастье найдёт!

Бывает так, что в жизни всё ненастно...
Когда-то это кончится! Поверь!
И заплутавшее в проблемах счастье
Тихонько постучится в твою дверь...

Валерий
Селиверстов

Я упрячу себя за музыку

Я упрячу себя за музыку,
И пусть снова наступит завтра.
Я упрячу себя за музыку,
Допивая бутылку крафта.
Просто спрячу себя за музыку
В ожидании вселенских знаков.
Эта музыка станет шлюзом и
Не пропустит ненужный шлак.

Фонари обрисуют образы,
Сформирует плейлист сознание –
Тишину расфигачит голосом,
И поделит тоску словами.
В голове прозвучит история
Для меня. Наряду со всеми.
Буду помнить звучание первых нот
До звучания моих последних.

Голоса в голове советуют,
Выпрямляют, съедают тени.
Голоса в голове. Но это
Не болезнь, а её лечение.

Неосознанно жду, что окажешься где-то близко.
Вечерами тону в повседневных квадратных
фото.
В голове мелодрамой романтика переписка
Или ссоры – смешные, разыгранные по нотам.

Бесконечно повсюду мелькает волшебный кадр:
Огонек твоих губ, водопады волос на плечи
И сияние звезд, отраженное в каждом взгляде.
Мой любимый кусочек Вселенной.

До скорой встречи.

Упустил свой билет
И в который раз
Молча рухнул на землю,
Сминая снег.
А на небе без света
Простор угас.
Полотно, параллельное
Всей тоске.
И в ответ на каждый немой вопрос

Тело комкает мрачная тишина.
Я пытаюсь отважно раскинуть злость
По ближайшим размеченным площадям.
Дни ведут в нарастающий полусон,
Дразнит ночь, в сотый раз не давая спать.
Я считал возрастами правдивость слов,
Так учили, когда я считал до ста.
Я вообще каждый шаг измерял числом
И в итоге блуждаю в системе мер.
Но привычку делить на добро и зло
Заблудившись, сжигал в костре.

И я чувствую холод, помятый снег.
Шум дороги и вкус быстро.
Открываю глаза и смотрю наверх, –
Там цветет голубой простор.

Вижу момент: рука на моем плече.
Ровные выдохи чувствую на груди.
Я бы продолжил этот момент ничем.
Просто неважно, что же там, впереди.

Мягкие волосы мой начинают вдох,
Чуть не досушены – было пора ко сну.
Просто неважно, что же там было до,
Если под вдохом волос луной блеснул.

Обе руки укрывают твоё тепло.
Ноги плетут узоры над простыней.
Пусть реки сплетен устьями в море склок,
Наше дыхание – плот, он плавает в покой.

Вижу момент. Светлый простой портрет.
Только один сознание рвет провал:
Страх, что открою глаза, а тебя здесь нет...
Просто до утра не стану их открывать.

– Морозный декабрь,
Сугробы до окон.
Протоптаных тропок ручьи по реке.
Мерцание снега,
Созвездия локонов,
Наш северно-зимний пейзажный букет.

– Да, точно, пейзажный.
Ещё бы комфорта.
А то без лопат не дойти до крыльца.
Извечно темно,
Круглосуточно сонный,
Хоть плачь! Но лишь льдинки слетают с лица.

– Да что ты заладил?
Зато новогодне!
Из окон салют из гирлянд, мишуры!
Салют из метели,
Слепящий, природный.
Украшены ели, дома и дворы.
Ты просто не понял!
Взгляни по-другому,
Писательским взглядом на зимний простор.
– Так я ж не писатель.
– Так это не повод!
Писатель, учитель, кондитер, шофёр...
Читая и слушая, можно увидеть
В полярные ночи – сияния холст,
В сугробах – возможность вернуться на лыжи,
И, чувствуя холод, влюбиться в мороз.
Смотри, как тот пёс снегопадом играет!
Люблю этот берег, заснеженный двор.
Ты слышишь? Уже Новый год наступает.
Навстречу ему устремляем свой взор!

Крымское лето

Календарное лето на третьей трети.
Солнце красит в зелёный листья.
На прибрежных волнах смеются дети.
В ожидании толпится пристань.

Переменчивый цвет на границе мели,
Тропка света мчит вверх ногами.
Море с шумным усердием гладит берег,
Тот, в ответку, урчит камнями.

Раскаляется галька, сквозь веки слепит,
Закипает в бокале рислинг.
В этом жарком спокойствии тлеют
в пепел,
И рождаются снова мысли.

Время

И мир стареет прямо на глазах
Какой-нибудь улыбчивой старушки.
Бессовестному синему пьянчужке
Плевать, как время убегает на часах.
Одна эпоха сменится другой,
Мир сбросит шкуру, сменит идеалы,
И канут в лету все проценты, баллы.
То вечно, что не чувствуешь рукой.
И память в фотографиях, вещах,
В словах, в синонимах к словам и в головах.

Закат украшен перспективами восхода.
А детство будет двигаться за мной,
Путем искусства за спиной,
Путем, что нам дает природа.

Я бы сел, я бы ждал на лестнице,
Если б было, где посидеть.
Люди ездят в уютных креслицах,
А во мне и тепла на треть.
Истоптаю асфальт до черных дыр,
Изучая один маршрут.
Без запала встречает вечерний мир,
Показав, что нигде не ждут.
Я ныряю под ноги, об стены бьюсь,
Как все тот же бродяжий пес.
То не кризис, не драма, не боль, не грусть.
Просто море тоски, невроз.
До окраины добрался, и мир застыл.
Ни людей, ни забот, ни сна.
Посмотрел бы на небо и просто выл.
Будь на небе ночном луна.

Тяжелые дни вынуждают думать гораздо чаще.
А пульт выключения совести снова годен.
В местах, где нас нет, безусловно,
вкусней и слаще.
Уеду туда и буду как свет свободен.
Секреция желчи – рефлекс
у «больных и старых».
Любой норовит свои навязать законы.
Послать бы к чертям всех
спрятавшихся в футлярах.
Развеяться в шуме рек и на горных склонах.
Смешно притворяться крысой в мечтах о силе
И гадко шипеть змеей и рычать, как свора.
Ни веры, ни гордости так вы и не убили.
Уеду туда, где нас нет.
И вернусь нескоро.

Пером лететь, идти проторенной тропой,
Бежать, не критикуя то, что окружает.
И верить в мир с наивной простотой.
Наверное и так бывает.

Смотреть в глаза любви, как верный пес,
Что храбро дом от чужаков отлает.
Сказать, как есть, на заданный вопрос.
Так тоже, думаю, бывает.

Спасти других и наплевать на явный риск,
Все потому, что просто обещали.
И получить за то медали желтый диск.
Так тоже может быть. Не знали?

И каждый третий пусть бессовестный злодей,
Вторая треть – лжецы и все такое.
На фоне этих безответственных людей
И появляются герои.

А разве нет людей?
Ты помнишь шум толпы,
Ряды
И тень от тел.

А разве веры нет?
Кто были не слепы,
Те видели, как мир заледенел.

А разве нет надежд?
Кто были не в чести,
Цвести не смели,
Только увядать.

А разве нет мечты?
И каждый не готов
За каждого, за веру жизнь отдать.

Но разве нет мечты?
Но каждый – человек.
И кто-то сможет сделать свой финал.

Но разве нет надежд?
Пусть кто-то возомнил,
Но кто-то спас, для многих светом стал.

Но разве веры нет?
Но власть лишь у того,
Кто мог убить,
Но гордо отпустил.

Но разве нет людей?
Но мудрый говорил,
Что спасший одного спасет весь мир.

Только пиши

Медленно, по крупинкам
Двигаешься вверх
В грязном пальто.
Ботинки
Вызовут только смех.
Лестница из пластмассы,
Воздух не слишком свеж.
Тело, как бочка с мясом,
Пыль на значке Straight Edge.
Что-то ушло беззвучно,
Что-то взамен нашел.
Все – только дело случая,
Так же, как в пьесе Шоу.
Смог бы ты стать кумиром?

Чтобы звучал твой текст,
Чтобы прошел по миру
Каждый кричащий жест.
Только пиши.
Будь занят, будь нездоров, будь стар.
Только пиши.
Стихами, в прозе, под бой гитар.
Только пиши.
Не зная, сколько в запасе слов.
Только пиши.
Внимая шуму чужих зонтов.
Только пиши.
Неважно, в глаз получил, под дых.
Только пиши.
Пусть дважды глупости для других.
Только пиши.
Нескладно, как набор букв и фраз.
Просто пиши.
Ладно?
Просто пиши сейчас.

Спешить

В промокших насквозь ботинках
Разбиться о гладь воды.
Оставить на чьих-то снимках
Безвременные следы.
Бежать по осенним лужам
И брызгать водой в людей
В надежде, что правда нужен,
Как главный герой, злодей.
Насколько возможно кратко
Кидаться сигналом SOS,
Мечтая о том, чтоб сладко
Решался любой вопрос.
Смотреть на часы, не веря,
Что времени больше нет,
Что в угол загнали зверя,
Что ярче не вспыхнет свет.
И где-то в последней схватке,
Дойдя до последних нот,
Услышать, что все в порядке.
Каким бы мост ни был шатким,
Сделать свой шаг вперед.

Ирина
Маркова
Зарисовки

Старый дом

Человеку городскому, привыкшему жить по принципу «все включено», деревенские условия кажутся экстремальными. Так думала я, находясь 10 часов в пути, добираясь с детьми к старому родительскому дому в далёкой деревне. О чём ещё можно было думать, глядя в окно маленького самолётика, в котором нет стюардессы и туалета; где 11 человек сидят в 2 ряда, напротив друг друга, болтает при ветре. Народ сидит с пакетиками, деткам плохо. Пахнет топливом, ни капли свежего воздуха. Остановки в селах по пути. То заходят пассажиры, то выходят, то передаются посылки, то важные письма. Взлёт и посадка. Взлёт и посадка. Бесконечные минуты, проведенные в полете, кажутся вечностью. Можно на юг улететь за это время с комфортом.

После такого счастья ещё предстояла поездка на машине. 8 бесконечных часов, 3 остановки, 10 человек и 11-й водитель. Затем переправа на двух пароммах. А детей всю дорогу тошнит, хотя с утра не евши и не пивши. Надолго запомнилась мне эта дорога...

И вот перед глазами родной старенький дом. Он встречает, подмигивая, т.к. не все ставни открыты. Трухлявый забор покосился в улыбке. А за ним во дворе буйство травы, дико разросшейся без хозяйского ухода. Дом тихо спал без нас, охраняя детство и целостность воспоминаний.

Нагруженные вещами, мы добрались до рундука. Три ступеньки и хрупкая дверца с маленьким замочком. Открываем, попадаем на новую веранду, отремонтированную в прошлый сезон. Преодолеваем тяжёлую крепкую дверь, на которой висит несколько замков, хитрых и серьёзных. Они едва проснулись под нашим напором. Сняв все замки, поворачиваем кольцо, и дверь тяжело открывается с возгласом «Уфффф». Из веранды мы попадаем в коридор, заполненный кучей вещей, покрытых древней историей в виде паутины.

Ну, а дальше – дверь в дом! Её уже открыл домовый и спрятался за печку. Дома всё на своих местах, порядок и покой. Пахнет чем-то старинным. Немного сыростью. И пока на улице

солнце, мы, по заведённому порядку, выносим всё добро на просушку. Вооружаемся тряпками, вениками и шуршим по всем углам. Дом, скрипя половицами, уже поёт другую, радостную песню.

Часа через три невыносимо захотелось лечь отдохнуть и покушать. Перекусив на скорую руку, пошарив по карманам, мы вновь принялись за хозяйство.

На дворе лето, а нам в доме в свитерах не жарко. Домовой виновато глядел из-за печки и чесал макушку. Мы решили согреться в муравьиной спешке: заносили поленья, бежали на колонку за питьевой водой, растапливали печку-кормилицу. Она не сразу поддавалась нашему вмешательству, прокашлявшись дымом и потушив первый маленький огонёчек. Но мы не сдавались и уговорили её. Тут она зарумянилась, распытелась и раздобрелась.

Время неумолимо бежало вперед, приближалась ночь. Мы, рано проснувшиеся, были без сил. Еда готовилась мучительно долго. Занесли высушенные перины, матрасы, подушки. Направили постели, покушали. Печь истопили, закрыли вьюшку. Можно спать.

Ночь снова обдала холодом, но мы спим в одежде под одеялом, счастливые и довольные. И дом, весь день наполняемый шумом и детским смехом, светится от счастья. Он живой! И совсем не такой уж старый.

Спасибо, Валерий!

Совсем незнакомый человек может подать тебе хорошую идею. Подкинуть, когда ты в поиске. Неожиданно, когда совсем не ждешь. И уже собираясь закрыть дверь перед новым неопознанным миром, ты вдруг видишь, осознаешь, чувствуешь её – идею!

Так случилось и со мной, никогда не писавшей. Мир писателей был мне малопонятен и чужд. Язык мой беден на метафоры. В моей голове рождается множество картин, образов, но мне легче взять в руки краски и написать этот образ на холсте, используя переливы цвета, заставляя образ искриться, оплетая его причудливым узором. Другое дело – чистый лист и ручка. Они вводят меня в ступор. Получаются кривые

крючки, несвязные слова.

И тут под руку попадает книга Валерия Панюшкина со странным названием «Незаметная вещь». Обложка не расположила меня к чтению, и текст об авторе на обратной стороне книжки тоже не вдохновил. Но я начала читать и с удивлением втягивалась все сильнее и сильнее.

Это были мини-рассказы – заметки. В голове стала рождаться мысль-идея: и я, начинающая, тоже могу писать мини-заметки, раз уж так хочется! Гениально! Автор – незнакомый мне человек – журналист. У него большой писательский опыт в разных областях знаний, отчего его рассказы насыщенные, интересные. Мне же приходится высасывать идею из пальца, но лиха беда – начало! Главное: приоткрылась заветная дверца в новый мир. Спасибо, Валерий!

Кстати, о «высасывании из пальцев»

Жил на свете такой человек – Рэй Дуглас Брэдбери. Был он прекрасным и, ни много ни мало, культовым писателем, а заодно – одной из самых значительных, узнаваемых и уважаемых фигур в литературном мире XX века. Но таковым он стал отнюдь не по мановению волшебной палочки, а благодаря целеустремлённости и вере в себя.

В одном из своих интервью Рэй говорил, что не умел писать вообще ничего – от слова совсем. Зато очень любил читать и страсть как хотел писать собственные произведения. И вот каждое утро нового дня он встречал, вооружившись пишущим инструментом и, собственно, писал. Каждое утро, текст за текстом. Получалось далеко не сразу, не всё и не всегда. Спустя долгое время и тысячи тысяч букв, этот человек добился того, о чём многие только мечтают – стал самым настоящим Писателем, с большой буквы. А всё благодаря неугасимой любви к чтению, упорному труду и неиссякаемой вере в себя и в лучшее.

«Мораль сей басни такова»: высасывать идеи из пальца, особенно если вы – начинающий писатель, это не то, что не плохо, а вовсе даже и хорошо. Тем более, если вам нравится писать, или вы чувствуете такую необходимость. Саморазвитие – всегда хорошо. Никто не обещает, что вы станете Рэем Брэдбери (а может и станете, кто знает!), но благодарного читателя и собственное удовлетворение найдёте обязательно.

Как сказал один выдуманный, но мудрый и славный король: «Вперёд! И не страшитесь тьмы!»

Моё настоящее

Мой город, мой край! А помнишь, грозилась отсюда уехать в славный Санкт-Петербург? Манил он своими огнями. Однажды влюбилась в него и тайно грезила поездкой. И, о, чудо! Исполнилась мечта! Уехала я в город большой. Он опьянял своей красотой.

Я жила там как рыба в воде: много друзей, развлечений, досуга. Я вся закрутилась и забыла о городе миллом, таком небольшом, но любимом. Мой Нарьян-Мар со старыми добрыми друзьями сурово ждал, сурово нахмурившись, мысленно звал.

Но я не думала возвращаться. Столько забот и хлопот было в том большом городе. Жизнь кипела, бурлила и была настолько яркой, что маленький город померк в воспоминаниях. И остался лишь на фото.

Вы скажете: «Печально». Я соглашусь, вы правы. Ведь в той суматохе огромной, живя среди тысячи людей, ты не видишь, кто друг, а кто враг. Что реально? Дружба? Работа? Все вокруг напускное, чужое. Там хорошо лишь на время, пока у тебя все хорошо. Но случилась беда ...и друзья уже не друзья. И даже город большой со своей красотой уже вовсе тебе не родной. И в душе поселилась печаль и тревога. А может надежда, что где-то в городе маленьком тебя ждут? Там семья и друзья!

Я знала! Я верила! Я бежала за билетом домой! В город родной! Мой Нарьян-Мар! Такой небольшой, серый, холодный, но все же мой! Я выросла там, там меня ждут настоящие друзья!

Ты просто кукла! Тряпичная марионетка, оживающая в руках кукловода. Дергая за ниточки, он оживляет тебя. На время ты грациозна, легка, и бархатный голос обвораживает зрителя. Но что ты без него? Кусок безжизненной тряпки, не умеющей самостоятельно жить. Ты оживаешь лишь с подъемом занавеса на сцене перед зрителем, играя свою роль.

Волшебство музыки усиливает твой образ. Неловкие движения становятся пластичнее... сердце начинает биться сильнее, заставляя мозг растворяться в прорастающих чувствах и эмоциях, заставляя душу искриться и забывать мирскую суету. Твой образ в умелых руках... Ты играешь... Нет - ты живёшь, ты живая, я это чувствую! Почему я чувствую? Что я чувствую?!

...Размываются границы. Это уже не театр, а сама жизнь. Внутри меня всё оживает, волнуется, закипает что-то очень важное, сильное и такое дорогое и нужное! И вот я уже люблю! Люблю весь мир, такой прекрасный! Спасибо тебе!... Спасибо... спасибо.

24.01.2018

Любовь Царькова Автобиография

Любовь Викторовна Царькова (творческий псевдоним Северина) – критик, эссеист, редактор. Автор книг «Три философских эссе» (1998), «Ботанические экскурсии в окрестностях Нарьян-Мара» (2007), «Эссе о северной поэзии и прозе» (2007), «Печорский травник» (2011). Член Российского союза писателей (2014). Эссе о северных поэтах опубликованы в журналах «Северный пароход», «Двина» (Архангельск), «Аврора» (С-Пб), «Север» (Петрозаводск), «Русского Севера Слово» (Северодвинск и др). До 2016 года – редактор альманахов ЛитО «Заполярье», с 2007 года – редактор русского текста в детском журнале «Пунушка»; составитель, редактор и дизайнер книг и брошюр, изданных Этнокультурным центром НАО. Почётная медаль оргкомитета проведения Года литературы в РФ «За особый вклад в книжное дело» (2015); благодарность министра культуры РФ за большой вклад в развитие культуры, многолетнюю плодотворную работу (2016); диплом Государственного Российского Дома народного творчества по итогам смотра информационной деятельности домов (центров) культуры (Москва, 2016) и др. Ветеран труда Ненецкого автономного округа.

Авторская страница на портале ПРОЗА.РУ (на конец 2018 года свыше 110 000 читателей).

Вехи автобиографии

Родилась я 13 августа 1952 года в простой, как говорится, семье. У родителей – Виктора Ивановича и Алевтины Алексеевны Сорокиных – нас было двое: сестра Надежда – младше меня на четыре года. Жили в Туле, в коммунальной квартире старого дома постройки начала XIX века, в Заречье чуть выше Московской заставы и храма Сергия Радонежского. Когда я училась в 9 классе, мама серьёзно заболела и больше работать не смогла (а трудилась она с 14 лет – когда началась война). Пенсию ей назначили только через полтора десятка лет (в 1982 году, в 55 лет). Папа был токарем на Тульском оружейном заводе, кое-как сводили концы с концами. Дедушки к тому времени уже не стало.

Корни у нашей семьи были непростые – по линии отца. Откуда у бабушки Дарьи Васильевны такая внешность – сероглазая, русая, с кавказским носом? Ведь родилась она в деревеньке Тульской губернии неподалёку от Вашаны, притока Оки. И

Гостим в деревне

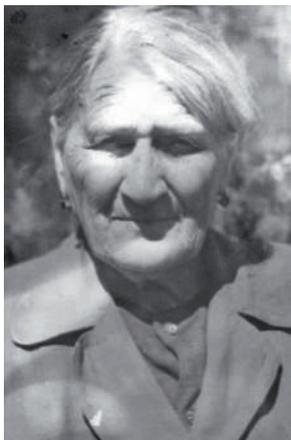
1 ряд, слева направо: я с двоюродным дядей Васей, Евдокия Васильевна, Дарья Васильевна, Иван Павлович (бабушка и дедушка); 2 ряд – дочери Е.В., муж одной из них

дети пошли в мать, племянники – той же породы. Откуда такие деды-прадеды... Если даже нас с сестрицей Надеждой – спустя столько поколений – иногда считают то чеченками, то дагестанками?..

Ниже приводится даже не семейное предание – не более, чем моё личное предположение. Во второй половине XIX века при царе Александре II духовный лидер Прикавказья – имам Шамиль, его сыновья, вся семья и около 20 человек свиты провели около девяти лет в почётном плену в городе Калуга (левый берег Оки). Им разрешалось свободно ездить по округе на расстояние не более 30 вёрст. Через реку – на правобережье Оки – город Алексин и родные места бабушки Дарьи.

По этому поводу я общалась на ПРОЗЕ.РУ с калужанами и узнала, что высшее общество с почётом принимало имама и его свиту, среди которой нашёлся господин, пользовавшийся большим успехом у дам. Можно предположить, что родившегося ребёнка (в период от 1860 до 1868–69 гг) отдали на воспитание в крестьянскую семью – да подальше, через реку Оку, за несколько десятков километров. И пошёл род... Полагаю, не один, так как отношения в крестьянской среде, вероятно, возникали тоже. Тем более – время было такое: первые годы после отмены крепостного права. Бабушка Дарья Васильевна (урожд. Журавлёва) вполне могла быть внучкой

*Бабушка
Дарья Васильевна
Сорокина (Журавлёва)*

*Сестра-поэтесса
Надежда Викторовна
Сорокина*

Мне 17 лет

*Мама
Алевтина Алексеевна
Сорокина (Трофимова)*

одного из «кавказских пленников» из свиты знаменитого имама.

Бабушка Дарья и дедушка Иван создали семью, венчались в с. Никитино (мы бывали с детьми в этой церкви, не так давно она отреставрирована). Переехали в Тулу, дедушка Иван Павлович к тому времени прошёл I Мировую (как он её называл – Империалистическую) войну.

Дед был портным. Вырастили трёх сыновей. Мой отец – младший, единственный, оставшийся в живых (да и то потому, что работал с 15 лет на Оружейном заводе). Два старших пропали без вести в Великую Отечественную. Дедушка воевал при героической обороне Тулы в ополчении.

После школы (1969) я окончила Ленинградский горный институт (1979). Получение образования растянулось на десять лет: между учёбой трудилась, в основном, в геологии: в Московской геологоразведочной экспедиции на картировании торфяных месторождений (Калининская область) и в Тульской геологоразведочной экспедиции (коллектором на буровых по разведке бурого угля), да и на производственных практиках: в Мурманской области, на севере Амурской области и в Якутии (преддипломная практика).

С дипломом горного инженера-геофизика 4 августа 1979 года прилетела в Нарьян-Мар. Край понравился с первого взгляда, особенно – песок и лесотундра. Живу с тех пор в посёлке Факел, 26 лет работала геофизиком в ОАО «Нарьян-Марсейсморазведка».

Иная стезя

Литературой, особенно поэзией, я интересовалась всегда. Помнится, в школе у меня была единственная пятёрка по русскому языку среди выпуска. Да и в институте много времени проводила за чтением стихов Николая Гумилёва, Велимира Хлебникова... Участвовала в выпуске газеты геофизического факультета. Происходило это так.

Кто – как, а мы в студенческие времена раз в месяц регулярно проводили ночь в деканате. Мы – самостийная и самопровозглашённая (приходил, кто хотел) редколлегия стенгазеты «Геофизик». В советское время стеной печати уделялось большое внимание: что на заводах, что в институтах. Так и в Ленинградском горном (с 1773 – горный кадетский корпус) в 70-е годы XX века шло негласное соревнование: чья газета (размером, минимум, в 10 листов ватмана) будет лучше: «Геолог» или «Геофизик»? Поэтому деканат шёл навстречу и предоставлял студентам на ночь своё помещение. Кто-то печатал на деканатской печатной машинке; кто-то, пристроившись за старинным секретером, писал, время от времени творчески созерцая высоченный потолок (метров 8, не меньше). Остальные, устроившись на обширном старинном кожаном диване, предавались оживлённой беседе, изредка подкрепляясь, чем бог послал. Художники, расстелив на паркетном полу необъятного деканатского коридора листы ватмана, рисовали фон газеты. Полагалось, чтобы это была «картина» с единой композицией длиной более метров 10 и высотой в рост человека. Впрочем, иногда, в зависимости от настроения, выбирали и «блочный вариант»... Трудились до утра... Завершалось действие торжественной процессией: готовое детище с наклеенными заметками несли редколлеги, «дожившие до утра», и вешали на стену.

Геологи тоже готовили свой выпуск, но где – не знаю, мы с ними как-то не пересекались. Вахтёры тоже не докучали, т.к. бдение проходило по официальному разрешению декана. Светлая память вам, профессор Юрий Николаевич Капков! Скромные памятники на территории Александрово-Невской Лавры – рядом с супругой и её отцом, революционером-большевиком...

Юрий Николаевич! Вас не смущало, что наутро в вашем кабинете, что греха таить, было накурено (не все выходили на лестницу), а в мусорном ведре оказывались пустые бутылки. Вы помнили всех нас поимённо спустя десятилетия.

Главное – возле «Геофизика» (название было написано аршинными буквами) целый день собиралась толпа студентов. А редколлегия поутру в полном составе шла на заслуженный и законный отдых – отсыпаться. Цензура? Не видели. Писали всё, что волновало в студенческой жизни. Было много стихов и рассказов о производственных практиках во все уголки страны, туда уезжали каждым летом все, без исключения. Главный редактор, конечно, контролировал соблюдение определённых приличий, он ведь был единственным студентом в редколлегии, официально утверждённым на некоторое время деканатом...

Встречи

Говорят, ничего в жизни не происходит просто так. Ни одного нового человека не бывает случайно и даже ни одной собаки... Так и это знакомство круто изменило мою жизнь, которая монотонно катилась в Нарьян-Маре уже шесть лет. «Обычной» работу назвать было трудно: ратрудилась инженером-интерпретатором материалов геофизической электроразведочной съёмки, которую полевые отряды делали в тундре (с аналоговой записи тогда только перешли на цифровую), потом стала непосредственно участвовать в написании отчётов как геофизик. В 1982 году родилась дочка Анна. Через полгода из-за диатеза уехала с ней к родителям в Тулу. Когда окончился отпуск по уходу за ребёнком, я вернулась на работу в Нарьян-Мар, доверив Аню бабушке, бабушке и сестре Надежде – о том, чтобы везти её в Заполярье, не было и речи. Диатез удалось излечить годами диеты (в детский сад она не ходила), свежей земляникой в лесу.

Вышла замуж я в 1986 году за Владимира Царькова (буровик, сварщик). На работе было необходимо постоянно осваивать новое, ездить на курсы повышения квалификации в Москву и корпеть над сейсмическими разрезами допоздна (в 1988 году в связи с закрытием нашей электроразведки, меня перевели в сейсморазведочную камеральную партию). Я была к тому времени «на сносях». Летом 1989 года родилась Алёна. Выйдя на работу, когда дочке исполнилось два годика, я не стала сильно «раздваиваться». Алёну из садика (благо, он был в двух шагах от дома, как и работа) нужно было забирать в 17.00 и быстренько накрывать на стол мужу, который возвращался в шестом часу... Жизнь катилась, наполненная повседневными заботами и разрывала, буквально, на части, потому что всё нужно было успеть. О командировках речь уже не шла. Соответственно – более интересные дела стали поручать тем, кто беззаветно сидел на службе до ночи. Кое-кого выручала «вторая половина». Легче всего в этом смысле приходилось мужчинам...

И вот однажды прохладным, но малоснежным летом в нашу камеральную партию перевелись из

Питера две дамы, старшие геофизики. Приехали они в Заполярье, как тогда говорили, «заработать пенсию», то есть потрудиться несколько лет, получая приличную по сравнению с «землёй» зарплату, чтобы по ней была начислена относительно достойная пенсия, к тому же – досрочно.

Звали дам Элита Ивановна и Мария Львовна (имена изменены). Личностями они оказались чрезвычайно примечательными... Особенно Мария Львовна.

Мария Львовна – дочь потомственных геофизиков. Мать и отец были при Сталине репрессированы. Воспитывали их с братом и сестрой разные бабушки. Мария «досталась» бабушке по матери, которая знала несколько языков и работала переводчицей научной литературы в мощном НИИ. Родителей реабилитировали, дети выросли и по накатанной дорожке все дружно окончили тот же Горный институт, завели семьи...

Мария Львовна три года после института трудилась на Сахалине.

Предки Марии Львовны по матери были петербургские дворяне. Довольно необычные. После революции многие из рода Лениных попали под репрессии и были (в лучшем случае) сосланы – кто в Среднюю Азию, кто – в Сибирь... Но со временем вернулись, и, как говорила Мария Львовна, не очень озлобившись. Почти все неплохо адаптировались к изменившейся после революции жизни.

С бабушкой, владевшей тремя иностранными языками, в какой-то год приключился забавный случай. На улице её обложил матом мужик. Она стояла и спокойно смотрела на него. Спутница спросила: «Почему вы не возмущаетесь, не отвечаете? Ведь он вас оскорбил». Она произнесла: «Я вообще-то не поняла, что он мне сказал».

Я подружилась с Марией Львовной довольно быстро, несмотря на разницу в возрасте и статусе.

Статус... Питерские дамы любили замечать на работе довольно высокомерно: «И этого они не знают!..» На что кто-то из старых техников возражал: «Ведь вас-то учили наставники, а вы сами молодых геофизиков не учите». Дело было в «лихие девяностые», когда патронаж, наставничество давно отменили. Молодые специалисты усваивали профессию, как могли.

Но, в принципе, отношения были, скорее, дружеские, особенно сближал сбор даров леса и тундры – занятие, столь же необходимое в тех краях, как и посадка собственной картошки.

Элите Ивановне дали в геофизики меня, благо, на больничном я бывала довольно редко. Мария Львовна возглавляла работу над отчётом по другому участку и вначале пересекались мы только за общим чаем. Однажды, когда зашёл разговор об астрологии, Мария Львовна заметила, что окончила курсы у Павла Глобы. Кстати, она превосходно владела английским

и французским, в чём не раз убеждались, когда приезжали иностранные коллеги-геофизики, которые в те годы зачастили – всем нужны нефть и газ.

Потом она принесла на работу учебник авестийской астрологии, но не Глобы, а Авессалома Подводного – его талантливого ученика. К тому времени некоторые сотрудники в камеральной партии сами построили свои космограммы на момент рождения, воспользовавшись таблицами расположения планет по годам – на сутки по Гринвичу.

Данные оттуда нужно было приводить ещё к местному времени [рождения] и экстраполировать на нужный час и минуту. То были ксерокопии приложения к какому-то астрологическому журналу, томиков эфемерид Михельсона на каждые 50 лет тогда в продаже ещё не объявилось. Только через пару лет появятся эфемериды на электронных дисках для компов, правда, не такие точные... А асцендент и систему домов рассчитывали через тригонометрические функции. Теперь мне стало понятно, почему банальную тригонометрию в средние века православные христиане считали «бесовской наукой».

По принесённой книжице каждый стал, с замиранием сердца, интерпретировать свой гороскоп. Мария Львовна вставляла глубокие замечания. Складывалось ощущение, что она знает астрологию давно и лучше самих учителей – говорила то, чего не было в книгах. Ещё она любила повторять: «Было бы время – переписала бы Блаватскую». Все её долгие вечера полярной ночью и длинные – полярным днём – в благоустроенной однокомнатной квартирке были заняты капитальным трудом. Обложившись четырьмя энциклопедиями: «Малый Робер», Париж, 1988, на французском; «Энциклопедия Макмиллана», Лондон, 1989, на английском; «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1982, на русском и «Britannica CD», 1997, на английском, она статистически обрабатывала тексты по изобретённой ею же методике и строила графики. Мария Львовна готовила свою первую книгу о единстве космических и земных процессов, на которые обратил внимание ещё Александр Леонидович Чижевский.

Так случилось, что из всех геофизиков только я заинтересовалась астрологией всерьёз. Мария Львовна отдавала книги, которые были ей самой уже не нужны и, в сущности, мало что объясняли. Больше случалось обыденных разговоров во время прогулок по окрестной тундре. Впрочем в них нередко мелькали имена: Даниил Андреев, Альберт Шюре. «Старый пройдоха!» – говорила Мария Львовна, отмахиваясь от комаров и мошки, – как будто они были лично знакомы (Шюре почил, когда она ещё и на свет не появилась)... Чешского астролога Яна Кефера (я как раз штудировала его четырёхтомник), того

самого Яна Кефера, который предсказал фюреру судьбу и поражение в войне (и за то пострадал), называла по-своему просто Кефиром.

С детства я знала звёзды, может, потому так легко и пошла у меня астрология. Ещё ребёнком однажды подняв голову, увидела ночное звёздное небо. Хотя это было довольно тусклое небо большого города, но оно поразило меня. В тот же вечер был найден и оторван от настенного календаря листок с изображением созвездий и их названиями. На многие месяцы любимым занятием компании моих друзей стал поиск звёзд и созвездий. Их знала даже младшая сестра Надя. Разница в четыре года, кстати, сослужила ей любопытную службу. Уже будучи взрослой, она однажды призналась:

– А я в школе вообще ничего не учила. И так всё запомнила, когда ты готовила вслух уроки, стихи знала наизусть все, даже на немецком... А когда ты училась в Ленинграде, о тебе в школе учителя вообще рассказывали легенды, а мне, когда узнавали, что я – твоя сестра, сразу ставили пятёрки.

Я выслушала это признание с немалым удивлением, особенно про рассказы учителей. Ведь я не была медалисткой: в аттестате были пятёрки и только три четвёрки: по физике, математике и черчению.

Как потом выяснится – это карма – не получать особого успеха на поле нынешней деятельности. Настоящий успех приходил только в стороне от неё или спустя многие годы. Учителя, пожалуй, тоже любили пофантазировать – создавать легенды для новых поколений школьников.

Теперь не было дня, когда мне хотя бы на полчаса не удавалось забраться в дебри авестийской астрологической школы... Думала я только об астрологии, что под корень подкосило и без того небольшой интерес к новой для меня сейсморазведке, а обыденная работа шла «на автопилоте».

Муж относился к увлечению с неодобрением. Впрочем, домашние дела его и до этого мало интересовали – куда им тягаться с «литроболом», сделавшимся в годы «перестройки» таким доступным... Так что астрология стала мне не только отдушиной, но и забвением. Дочь, придя из садика, выдала однажды:

– Мама, а я звёздочку видела, Меркурию. Я созвездие видела!

Алёна, в четыре года проявляя способности к аналитике, лепетала: «Мама, почему садиком нас укладывают спать днём, а ты – ночью?» А в старших классах школы уже говорила, что её любимые книги: Туве Янсон про Муми-тролля и «Роза мира» Даниила Андреева. В университете она станет фанатом поэзии Андрея Чуклина.

На работе всех сотрудников стали отправлять на лето в межсезонный неоплачиваемый отпуск. («Сейсма» работает в поле зимой, чтобы не портить гусеницами тракторов тундру). Денег в семье становилось всё меньше и меньше.

Работали, месяцами не получая заработную плату, – в 90-х «накрылось» государственное финансирование геологии.

Запасов финансовых особо не было: домашнее хозяйство в своё время пришлось заводить «с нуля», покупать мебель, технику и прочее. Да и раньше, выезжая в отпуск в Тулу к

родителям и старшей дочери Анне, тратили всё, что удавалось скопить за год...

В начале 90-х семья, как и многие, уже четыре года не вылетала на «землю». В те годы жили за счёт грибов, рыбы, купленной по-дешёвке и выращенного картофеля... даже хлеб хозяйки пекли сами каждый день – в обычной духовке газовой плиты из муки второго сорта, которую выдавали чуть ли не в счёт зарплаты.

Я как-то поднялась к соседке-коллеге, Лена рассказала за чаем, как делается хлеб. Дома, поставив опару, я подождала, когда тесто оживёт, добавила муки, перемешала и оставила на несколько часов. Затем, прогрев духовку и смазав внутреннюю часть форм растительным маслом, осторожно положила в них замешанное тесто. Хлеб в духовке обычной газовой плиты пёкся ровно час и получился почти как из магазина. Обходился он в четыре раза дешевле. Грибов и ягод я собирала летом столько, что, в переводе на деньги, их стоимость равнялась месячной зарплате геофизика.

Занятия астрологией я не оставляла, и некоторые уже просили составить гороскопы – свои, детей. Делала это просто ради практики, набирая текст гороскопа на рабочем персональном компьютере, который так с астрологией и освоила – году так в 1994. Иногда мы с Марией Львовной обсуждали возможность более широкого применения своих знаний и та впервые произнесла ставшую впоследствии крылатой фразу: «В Нарьян-Маре?!» «... Говорить какой-то женщине, что пьяница-муж растратит всё то, что они имеют?.. Увольте». Здесь все друг друга знают (хотя и лично не всегда знакомы). Крылатая фраза: если говорить только правду, то можно легко избавиться от старых друзей и приобрести новых врагов».

Вскоре Мария Львовна уволилась из экспедиции, продав квартиру, вернулась в Питер. Работу со словарями нужно было продолжать: 86 томов Брокгауза и Ефрона не привазишь в Заполярье. Да ещё добавила: «Мне нужно быть рядом с племянником, у него скоро трудный период – и надолго».

Элита Ивановна к тому времени уже давно уехала, точнее, улетела на самолёте в Питер. Отправляясь в северную столицу, дамы расставались с Заполярьем без особого сожаления. Маленький город, «маленькие люди»... И климат!.. Брр!.. Даже Архангельск считался для этих краёв «югом», куда лето и зима приходили на месяц раньше. А уж Москва или Петербург – это чуть ли не субтропики... А тут и лето можно проходить в зимних сапогах.

Оставим прошлому рассказ о том, каким психологическим ударом для меня был отъезд Марии Львовны, которая открыла новый мир эзотерики. Интернета в Нарьян-Маре тогда не было и общение практически прервалось.

Реализация

Так или иначе, но влияние Марии Львовны напрочь вывело меня из интересов узкого семейного круга и работы. К тому же неожиданно для самой стали проявляться иные способности, о которых учительница говорила «Это выше моего понимания». Дело в том, что я всегда любила поэзию. Николай Гумилёв, Велимир Хлебников, Иосиф Мандельштам издавна были кумирами, а их стихи – частью личного духовного мира. А тут я случайно познакомилась с творчеством местных нарьянмарских поэтов: Алексея Пичкова и Василия Ледкова.

В 1998 г. под псевдонимом Северина (с ударением на третьем слоге) я издала книжицу «Три философских эссе о поэзии» о стихах классиков ненецкой литературы Алексея Пичкова, Василия Ледкова и Прокопия Явтысого. С этого момента стала членом клуба любителей литературы при Центральной библиотеке. В «Правде Севера» и архангельском журнале «Белый пароход» были опубликованы отрывки моего эссе о творчестве Андрея Чуклина. В журнале «Красная пристань» вышли «Впечатления о поэзии Василия Николаевича Ледкова», в «Двине» – эссе о творчестве Татьяны Полежаевой и других поэтов. Практически все они написаны не по собственной инициативе, а по просьбам литераторов: об Алексее Пичкове попросил написать Прокопий Явтысый, о Явтысом – Пичков, о Чуклине – Михаил Константинович Попов, о Марии Авакумовой – Андрей Чуклин и т.д. Главное внимание в них уделяется сущности творчества поэтов.

Сестрица Надежда Сорокина сказала как-то: у каждого поэта (добавлю – писателя, критика, редактора) должен быть учитель и корни. Ещё нужно принять служение слову. Сколько талантливых людей не хотят чем-то жертвовать ради творчества! Мне повезло в школе с учителем литературы Галиной Сергеевной Епифанцевой. В 1968 г. впервые придя к нам в класс, она с ходу заявила: «Если у кого-то увижу учебник литературы, сразу поставлю двойку! На столе у каждого должно быть произведение, которое у каждого должно быть произведение! Всем понятно?»

Для тех, кто помоложе, замечу: это было в советское время в СССР. И говорила она нам такое, что и теперь нигде не услышишь и не прочитаешь. Кстати в Туле (всё-таки рядом Ясная Поляна – родовое гнездо Льва Толстого) можно было в 60–80-х годах пойти в читальный зал Центральной библиотеки и читать его «Сводный перевод Евангелий». Помню, фолиант «Сводный перевод четырёх Евангелий» из Полного собрания сочинений (буквально с шипением) выносила библиотечарша. Но не выдать его не могли...

Корни мои? Книги, жизнь в Нарьян-Маре с 1979 года, ненецкая и русская народная культура (здесь протопоп Аввакум писал своё «Житие», тут много староверов). Нарьян-Мар – удивительный город, о нём сложено более сотни песен, которые исполняют. В одной из них он назван «городом сбывшейся мечты». В другой, бардовской: «Бог сам жил бы в Нарьян-Маре, да не отпускают, мол, не положено...».

Нижнепечорье – древний духовный центр России: тут, в Пустозерске в XVII веке, был написан первый русский автобиографический роман «Житие» протопопа Аввакума. В «списках» старообрядцы сохранили «Житие» вплоть до середины XIX в., когда оно было «открыто» и вызвало восхищение писателей, в том числе, Льва Толстого. Плеяда блестящих ненецких и русских поэтов XX века – Василия Ледкова, Алексея Пичкова, Александра Канюкова и других, родившихся здесь, продолжает традицию служения Слову на этой земле.

Литературная критика, по моему убеждению, бывает двух родов: одна открывает поэта или писателя для читателя, другая – открывает автора для себя самого. Ну а эссе – «свободный очерк, сочетающий в себе элементы философии, литературной критики» (О.Н. Михайлов). Служить стихии литературы, задумываться над её извечными вопросами...

Ненецкая поэзия – особая по простоте, величию образов, открывает с такой очевидностью невидимый и целостный мир духовных иерархий, где все взаимосвязано: душа земли, растений, животных, людей. Стихи настолько глубоки, что вмещают целый мир, прекрасный и великий.

Понимать их так, как они написаны, на уровне самого поэта, нелегко. Поэты интуитивно пытаются сказать то, что и сами иногда не осознают. Да и друг друга они понимать не торопятся. Помню как в 1997 г. поэт Андрей Чулкин, увидев мое первое эссе, посвященное Василию Ледкову, сказал: «Теперь я на него смотрю другими глазами, это можно посылать хоть куда»... Поменять восприятие, точку зрения, раскрыть глаза на нечто, лежащее на поверхности, но, тем не менее, невидимое... «Эссе» по определению – «высказывание автором

собственных мыслей, когда стихи служат лишь поводом для этого».

Впечатления о творчестве Василия Ледкова были записаны осенью 1997 года. Эссе появилось весьма кстати, к 65-летию поэта оно было мигом опубликовано в архангельском журнале «Красная пристань». Прокопий Явтысый, прочитав его ещё в рукописи, попросил написать об Алексее Пичкове. Когда это получилось, сам Алексей Пичков предложил: «А напиши про стихи Прокопия Явтысого!» Признаюсь, без этого я не стала бы и пытаться высказаться о его поэзии и о ненецкой жизни вообще. Слава Богу, у меня оказался рядом подходящий редактор (тоже горный инженер – Александр Леонидович Салов). Моя мысль «прыгала», как синусоида, переходила одна в другую с повторами. Ему удалось хотя бы объяснить мне это (как и многое другое). Конечно без Александра Леонидовича я едва ли стала Севериной.

Признали меня в качестве литературного критика сами поэты, Клуб любителей литературы Нарьян-Мара, Архангельское отделение СП России в лице редактора журнала «Белый пароход» писателя Михаила Попова. Алексей Пичков назвал «Три эссе» «первым фундаментальным исследованием ненецкой поэзии». Только в 2003 г. появятся очерки Александра Чупрова о ненецких поэтах, а потом и его книга «Аргиш человеческих судеб». Но вернемся к 1998 году, когда в полиграфическом центре «Аз-Буки» вышла первая книжка (издание тиража 150 экз. оплатила я сама). 50 штук сразу же купила Центральная библиотека для всех своих филиалов. Помню, как её директор Алла Ивановна Кожурова сетовала, что мало. Но книгу надо было «двигать» во множество других мест. Елена Сергеевна Саблина, директор педагогического колледжа прочитала её, одобрила и взяла 10 экз. для своих преподавателей и студентов. Краеведческий музей тоже приобрел «Три эссе». Дорогостояло признание читателей, среди которых филологи.

Остальные книжки я дарила знакомым и незнакомым, отослала в Архангельск (Василию Ледкову и Михаилу Попову), в Москву. И конечно с самого начала преподнесла ненецким поэтам в Нарьян-Маре. Директору частного ИЦ «Аз-Буки» Игорю Шадрину, я сказала, что разрешаю публиковать «Три эссе» кому угодно. Кажется, охотником переиздать тут же оказалось местное отделение «Ротари-клуба» («богатых людей»). По крайней мере, я слышала об этом от поэта Прокопия Явтысого, которому как «почетному ротарианцу» они дали несколько книжек. Куда распространили остальные и сколько – бог весть. Одно радовало – эссе дойдут до людей...

Главное, что я поверила в свои силы. Еще бы! Архангельские писатели Михаил Попов и Николай Редькин написали мне: «словом вы владеете» и «это очень профессионально», а некоторые поэты и поэтессы один за другим стали посылать по почте книги с просьбой сделать эссе

о них. Кстати, многие воспользовались случаем составить свои гороскопы и астрологические портреты. Многолетняя переписка завязалась с Татьяной Полежаевой из Савинского и Николаем Олуфёровым из Онеги. У архангелогородца Дмитрия Шаталова вышло два сборника с моими предисловиями. Он вел тогда на радио «Архангельск» литературные передачи и, конечно, одну из них посвятил «Трем эссе».

Михаил Константинович Попов попросил написать о стихах нарьянмарца Андрея Чуклина. Тогда он был составителем и редактором его второго сборника «Черным по белому», который готовили к печати. Нужны были отзывы. «Письмо поэту с планеты людей» получилось сравнительно легко, хотя потом переписано много раз. Название такое придумал Александр Салов. Это была последняя вещь, сделанная под его критическим оком: дальше я писала уже без присмотра будущего правоведа и начальника ГИТ НАО. Александр Леонидович получил диплом о втором высшем образовании юриста-правоведа и ушел из нашей «Нарьян-Марсейсморазведки», где месяцами не платили зарплату, в Инспекцию по труду. К тому времени в областной газете «Правда Севера» и журнале «Белый пароход» вышли фрагменты моих эссе об Андрее Чуклине, мастерски отредактированные Михаилом Поповым.

«Родственных душ» к тому времени у меня появилось немало. Не только в Нарьян-Маре, но и в Архангельске. В этом стольном граде я бывала проездом в отпуск, с транзитной посадкой на полчаса-час. И угораздило меня в то лето подойти к телефону, набрать номер ненецкого поэта и писателя Василия Николаевича Ледкова. С первых же фраз стало ясно, что мы понимаем друг друга с полуслова. Я высказала свое восхищение его творчеством и мечту собрать все стихи в хорошую большую книгу (ведь все его издания – это небольшие сборнички). Во время разговора младшая дочка тянула меня, боялась, что опоздаем на регистрацию рейса. Мы улетели в Москву, отправились в Тулу...

Осенью в Нарьян-Маре неожиданно (ведь мы конкретно ни о чем не договаривались) пришла по почте объемистая рукопись его книги, которой суждено было стать «Белой Державой», получить всероссийскую премию им. Федора Абрамова...

И началось!.. Вечером после работы я неслась со своего Факела в город, набирала текст в ПЦ «Аз-Буки» (личного компьютера у меня не было). Завязалась переписка с Василием Ледковым, я получила около 20 писем, посвященных подготовке издания. Когда книга увидела свет, все автографы знаменитого поэта вместе с рукописью были переданы в окружной музей. Хорошие рисунки в сборник сделала Светлана Шадрина, работавшая тогда редактором в телерадиокомпании «Заполярье».

Она придумала и обложку: белое гусиное перо. И всем стало ясно, что Белая Держава – это страна литературы, а не только «Снежная

держава». Первые экземпляры «Белой Державы» вышли летом 1999 года, когда были выхлопотаны, наконец, в Администрации НАО с помощью Вячеслава Алексеевича Выучейского и Алексея Ильича Пичкова деньги на издание. Это история отдельная и чуть ли не детективная: рукопись, присланную мне автором конкретно для издания в ПЦ «Аз-Буки», кое-кто пытался отобрать!

Я улетела летом с Алёнкой в Тулу, переложив дальнейшие заботы на Андрея Чуклина, к тому времени уже принятого в члены Союза писателей России. Он делал первый тираж сборника вместе с Игорем Шадринным.

В ПЦ не было резака для такой толстой (свыше 200 стр.) книги, им пришлось обратиться в Институт усовершенствования учителей. В каком-то запыленном помещении отыскался нужный резак и было получено разрешение им воспользоваться. Книгу числом в 20 штук чудом успели сделать и переправить автору в Архангельск буквально за несколько часов до его отлета в Скандинавию, где он впервые представил её...

Чтобы выпустить оставшиеся 80 экземпляров, много месяцев ждали, когда в «Аз-Буки» придет купленный новый резак (одна ручка от которого в переводе с долларов стоила 4 тысячи рублей, отпущенные на все издание). Осенью 1999 г. в Нарьян-Мар на один день прилетел сам Василий Ледков на празднование 70-летия округа. Тогда-то мы и увиделись с ним в первый и, как оказалось, в последний раз. Удалось договориться, что 40 книг Людмила Васильевна Лаптандер (зам. главы администрации НАО, от лица которой был составлен договор с ПЦ) все же отдаст самому автору, а остальные будут подарены по списку, составленному им.

Закончить выпуск «Белой Державы» удалось только к концу года. Половину книг переслали в Архангельск Ледкову. Мне достался один экземпляр, который потом зачитали. В следующем году пришла весточка от Василия Николаевича с благодарностью за все труды по изданию и известием, что он получил за «Белую Державу» литературную премию им. Федора Абрамова. Письмо было напечатано на машинке, которой поэт пользовался почти вслепую, к тому времени он почти ничего не видел, отказывало зрение. Письмо передано Екатерине Григорьевне Хозяиновой, заведующей отделом Севера Центральной библиотеки и одной из тогдашних хозяек Клуба любителей литературы Нарьян-Мара. Ежемесячные собрания клуба я уже посещала регулярно и узнала, кроме многих интересных людей и местных самодельных поэтов – Сергея Тарабукина и Олыгу Пашун. На Ингу Артееву я обратила внимание еще раньше.

В конце того лета (1999г.) произошли и другие события. Стало известно, что поэту и журналисту Андрею Чуклину предстоит ехать учиться в Москву на Высшие литературные курсы. Он тогда был главным редактором газеты «Новый Нарьян-Мар», которую выпускал практически

один. Выходила она в окружной типографии раз в неделю тиражом 1000 экз. (набор делали на допотопных линотипах). На своей работе в «Нарьян-Марсейсморазведке» я была тогда в «межсезонном отпуске» и приняла у него все дела, тем более, что других охотников не оказалось, а информационное пространство нельзя было терять.

Получилось чуть ли не как в песне у Владимира Высоцкого, когда человека, которому только показали как играть в шахматы («спасибо заводскому другу: показал, чем ходят, как сдают...»), отправляют на турнир. За неделю Андрей дал какое-то понятие о «технологическом процессе» выпуска газеты. Моего журналистского опыта было «кот наплакал» – всего две заметки, написанные когда-то (для его же газеты). Перед отъездом в Москву Андрей познакомил меня с историком Александром Чупровым, которого уговорил вести страницу по истории города и округа: «закрывать одну полосу» своими очерками. Это было большое подспорье. Без диктофона, компьютера, и финансирования мы выпустили номеров десять «Нового Нарьян-Мара» (альтернативного официальной «Няръяна вындер»; других газет в Нарьян-Маре в то время не было). Продолжалось это почти три месяца. Потом «Союз предпринимателей» назначил другого редактора, «выписанного профессионала» из Архангельска. Мне при этом-то главном редакторе предложили делать газету, как прежде и в том же духе, который их полностью устраивал, – но редактором я уже не буду. Поэтому пришлось вернуться на свою основную работу геофизика, тем более, что на нашем предприятии начинался полевой сезон. Оплата за газету по трудовым соглашениям с учредителем была получена много позднее. Об этой истории особенно вспоминать не хочется, да и «Новый Нарьян-Мар» давно уже не выходит...

Главное, я не только справилась, но и приобрела немало друзей и знакомых. Забавно, что все считали меня профессионалом-журналистом и очень удивлялись тому, что я – геофизик и, оказывается, тогда не уходила из своего предприятия. После исчезновения из прессы меня сочувственно спрашивали: «А где вы теперь?» Да там же, в «Нарьян-Марсейсморазведке»! Сказать по правде, за два с половиной месяца «журналистской карьеры» я хорошо отдохнула от работы геофизика.

Впрочем интерес к печатному слову оказалась сильнее, чем можно было предполагать. Андрей Чулкин в одно из своих появлений на каникулы предложил написать о привезенном им только что вышедшем в Москве сборнике «Ночные годы» Марии Аввакумовой, легендарном потомке протопопа Аввакума. Эссе сразу взяли для «Белого парохода» в Архангельске. На одном из вечеров в Клубе любителей литературы Екатерина Григорьевна Хозяинова «заказала» эссе об Ольге Пашун и Сергее Тарабукине. Тогда клуб был озабочен идеей выпустить книгу с

произведениями его членов (которая так и не была издана, но перелилась во многие последующие публикации). Тогда и появилось эссе – «Об апокалипсическом», в качестве противодействия некоему рассказу, из-за которого, собственно, и не получилось издать клубовский сборник. Чтобы написать «Об апокалипсическом», я много раз перечитала Евангелия и Деяния апостолов, проштудировала «Розу мира» Даниила Андреева, а также «Бхагавадгиту» и не один том «Шримад Бхагаватам» (комментариев к четвертой Веде). Как приняли «Об апокалипсическом»? Лидер архангельских литераторов Инэль Яшина написала мне, что «ей было интересно читать, а кое у кого – резкий негатив». Впрочем, значение имел сам факт появления эссе на свет (даже в количестве 10 экземпляров...).

Тем временем настало лето 2002 года. Как-то само собой вышло, что я помогла сделать книгу «Вы куда летите, лебеди?» музыканту, композитору и поэту Николаю Епифановскому да еще умудрилась принять деятельное участие на завершающем этапе выхода альбома «Нарьян-Мар» Александра Чупрова. О своем вкладе в издание в Туле (1995–2003) всех сборников сестрицы, русской поэтессы Надежды Сорокиной, упоминаю вскользь, это история длинная... В то же лето возник мой альбом-гербарий «У Печоры, у реки».

Словом, к тому времени, когда руководитель архангельской писательской организации поэтесса Инэль Яшина провозгласила в Нарьян-Маре исторические слова о возрождении Литературного объединения «Заполярье» к его грядущему 70-летию, то крайней опять оказалась я. И стала организовывать, как умела, собрания членов ЛитО, «отсекать хвосты» недругов от нашего коллектива, готовить ежемесячную страницу ЛитО в газете: сначала в «Нэрм юн"», потом – в «Няръяна вындер». Тут-то пригодилась заготовки литклубовской рукописи.

Подборка материалов «литовцев» после многих хлопот вышла в майском номере нового архангельского литературного журнала «Двина». Всем авторам за это, как водится, прислали по одному экземпляру. Ольга Пашун издала «Хрупкое счастье» и представила сборник на литературном фестивале в Каргополе. Все остальные тоже активно занимались своим творчеством. Удалось многое (хотя далеко не все, что хотелось бы), даже организовали перевод с ненецкого стихов Матрены Талеевой...

К 70-летию ЛитО, основанного в 1934 году, возникла идея выпустить альманах «Заполярье», благо, была возможность финансирования через Центральную библиотеку. Но в остальном – началась вторая серия все той же эпопеи, а первая называлась «издание «Белой Державы»! Вёрстка альманаха пропала из-за того, что «полетел» диск в издательстве, пришлось всё собирать и восстанавливать сызнова. Добавили новые стихи и ещё одного автора. Некоторые произведения, дорогие моему сердцу, технический редактор

просто выбросил, когда макетировал журнал по второму разу. Кто бы мог подумать, что именно этим обернется его простая фраза: «Прочитаю текст» (в первую верстку он в него не вникал). Я особенно не протестовала, так как знала, что свежий взгляд пойдет альманаху только на пользу. Ведь не бывает главного редактора, составителя и корректора в одном лице! Да и не макетировать же в третий раз! Рождение происходило, как и водится, в муках...

70-летие ЛитО было в конце января 2004 года (через полтора месяца после 70-летия Василия Ледкова и за два месяца до юбилея Алексея Пичкова). За заботами с альманахом (сигнальный экземпляр успели-таки сделать!) оно прошло скромно: чаепитие со сладостями без громких речей и подарков, как говорилось в прессе. Собрались все активисты литобъединения во главе с Алексеем Ильичем Пичковым. Появился, «как ясное солнышко» Андрей Чуклин. В конце декабря 2003 г. он вернулся в Нарьян-Мар (после пяти лет в Москве) и уже работал спецкором в «Няръяна вындер». Это означало новый этап в деятельности ЛитО! Там сразу же опубликовали «знаменитую» фотографию (слева-направо) Чупров-Пичков-Чуклин-Тарабукин на диване, потом вышла очередная страница с перечислением основных «вех» литобъединения...

6 февраля все увиделись снова (на этот раз в городской школе искусств). Литературный вечер был посвящен творчеству Алексея Пичкова и организован ЦБС в рамках окружного семинара библиотекарей. Юбиляр сидел, отрешенно перебирая свои книги, принесенные из отдела Севера Центральной библиотеки для всеобщего обозрения (многих у него самого давно уже не было).

...Тем временем чуть ли не ежедневно я неслась в «Издательский дом ЛУКОЙЛ-Нарьян-Мар», где Евгений Корепанов макетировал альманах. Дело продвигалось гораздо медленнее, чем хотелось бы. У него было полно другой работы, да еще постоянно приключалось что-то неожиданное, не говоря о «срочной работе». Но уже «забресжил свет»: цветная обложка получилась здорово, содержание (которое не один раз перекраивалось) тоже было (на мой взгляд) интересное и, главное, живое, в отличие от скучных «толстых журналов». Только бы закончить, чтобы опять чего-нибудь не пропало и не начинать снова!

В последнюю субботу месяца, снова встретились «на клубе» в библиотеке. Это был традиционный вечер с бардами на старый новый год, перенесенный на февраль. Получилось под 1 марта. Так и проходила деятельность ЛитО, – все «на лету», «на бегу»: разговоры, решение вопросов, обмен информацией. Часто дела обсуждались при случайных встречах на улице, в автобусе. Чтобы собраться на «заседание» ЛитО в библиотеке школы-интерната по пятницам, всем приходилось отпрашиваться с работы или менять её график. Хорошо было прежним «литовцам», которые все были журналистами и работали

под одной крышей! С ежемесячной страницей в газете мы как-то приспособились: она стала складываться из текущих и новых материалов при патронаже прекрасного журналиста Ларисы Тороповой. С 2004 г. в полосу ЛитО пришло подкрепление: Андрей Чуклин написал рецензию на стихи Инги Артеевой, сделал её замечательные фотографии.

Хлопоты с альманахом продолжались. Помех было много, даже таких, которые к делу прямого отношения не имели. Например, в решающий момент у технического редактора альманаха «прорывало» трубы отопления и его срочно вызывали домой, или я не могла ехать в город из-за ноги, подвернутой на лыжах. Подписанный к печати альманах издательство «выдерживало» тоже не одну неделю... Потом – неделю распечатывали, неделю «собирали».

И – свершилось! 27 марта 2004 года в Клубе любителей литературы собрались писатели, поэты и читатели. Звучали речи, стихи, песни под гитару. Все приветствовали рождение нового альманаха – красивого, настоящего, зеленовато-весеннего по виду и настроению. Я радовалась, конечно, тому, что он есть, теперь никуда не пропадет...

Постскриптум

Сколько снега растаяло! Сколько «Пунушек» вышло в свет!.. Этот детский журнал о ненецкой культуре стал окружным брендом, известным всем. А когда-то, создавая его с нуля, мы сами точно не знали, что и как делать. Журнал выходит уже 12 год! Получилось. А сколько книг и сборников вышло... Есть чем гордиться, есть, что показать гостям и за пределами округа – современная литература Ненецкого автономного округа.

И не только книги – проведение мероприятий. Вспоминаю одно из них...

– Уберите солнце! Северное сияние – интенсивней, интенсивней!

Эти восклицания были адресованы мной оператору по свету Лёше.

...Аппаратная концертного зала на 700 мест во Дворце культуры «Арктика» в Нарьян-Маре. Репетиция вечера памяти ненецкого поэта. Я – за пультом «видео», на «звук» – Андрей Львович. На сцене (далеко внизу) – ненецкая фольклорная группа «Ханибцё» с пьесой «Исцеление больного шаманом». Чум, нарты... Звуковые эффекты: вой пурги, лай собак (в стойбище приехал шаман), мистический «звук космоса», когда шаман начинает камлать, обращаясь к Солнцу.

Вечер памяти классика ненецкой литературы Прокопия Андреевича Явтысого, 80 лет со дня рождения. Мероприятие подготовлено тремя отделами Этнокультурного центра Ненецкого автономного округа...

Годы работы в Этнокультурном центре стали отличной школой. Какие уникальные люди! Замечательные специалисты: режиссёры, знатоки ненецкой, коми и русской культур... Поэтому и получился журнал «Пуношка» – как открытие культуры и не только ненецкой.

Многое дали друзья по ПРОЗЕ.РУ. Наконец-то я узнала, прочитала (и перечитала) самые замечательные произведения современной литературы: Бэд Кристиан, Вячеслав Киктенко, Валерий Ковалёв (Ванико), Марина Корсакова, Нора Никанорова и др.

Мне есть что сказать и Гелию Клеймёнову, и Андрею Лучнику и Александру Скороходову.

Самыми значительными своими эссе последнего времени считаю «Принципы национальной идеи» и «Читая русско-санскритский словарь», ну и ещё кое-что, особенно исследование философского наследия Николая Бердяева.

Север стал для меня не только родиной моих детей. Он стал родным.

Какая волшебная сила притягивает нас к

родной земле? Что за животворные токи идут из нее? Там, где проходят тектонические зоны планетарного заложения, в узлах их пересечений, воздействие геофизических полей неизмеримо увеличивается. Обычно люди или остаются жить навсегда в таком районе, или переселяются вдоль «родного» крупного тектонического нарушения (например, вдоль Урала). Они могут переехать в другой район, если земное излучение там в сродстве с родным или интенсивнее.

Нижнепечорье (между Уральскими горами и Тиманским кряжем) – благоприятный край, где имеются узлы пересечения таких зон, интенсивность воздействия повышена. Это и есть «этот свет, что спрятан в земле, как источник рождения», о котором писал наш поэт Алексей Пичков.

Север притянул навсегда. Улетая в отпуск, начинаешь скучать и считать дни...

Тут чувствуешь себя на своём месте – дома.

И сбылось – о чём и не мечталось...

Ольга
Латышева

Рассказы о Майме

Бабушка Хадако

Девочку зовут Майма, Маймако. В переводе с ненецкого её имя означает «радость». Она любит своё имя. Ненецкое имя дала ей бабушка, которую все зовут Хадако. По-русски бабушкино имя означает «бабушка». Они живут в тундре. В их стойбище пять чумов. Хотя другие дети тоже есть стойбище, большую часть времени Маймако проводит со своей бабушкой.

Её Хадако семьдесят лет. Долгими зимними вечерами под звуки иглы и напёрстка и треска дров в печи она рассказывает Маймако сказки и забавные истории о тех временах, когда бабушка сама была ребенком.

Вчера они перекочевали на новое место. После сытного обеда, – сегодня мама варила девочкин любимый гусиный суп – отправились в путешествие по окрестностям. Маймако торопливо вышагивает рядом с бабушкой, совсем как взрослая. Бабушка не считает её маленькой и девочке это очень нравится.

Вдруг из-под ног с шумом: «Каб-каб-кабэв!», вылетает пёстрая куропатка. Маймако с бабушкой от неожиданности вскрикивают и тут же успокаиваются. Маймако смотрит на бабушкино лицо и видит, – оно стало каким-то спокойным и задумчивым, она опять что-то вспоминает. Девочка не спрашивает, скоро бабушка сама расскажет. Девочка ждёт. Хадако медленно начинает свой рассказ: «Маймако, а ты знаешь, когда я была девочкой, как ты, у меня была подруга, которую звали Тиртяко». Майма удивляется: «Хадов, ведь тиртя – это птица. Твоя подруга была похожа на птичку?» Хадако закивала: «Да-да, ты права, она действительно напоминала всем птичку хабэвко, которая только что вылетела из-под наших ног. Когда она родилась, бабушка сшила для неё красивую пеструю паничку. В своем новом наряде она была похожа на куропаточку. И как-то само собой родилось её имя. Так малышка стала девочкой Тиртяко. А когда у неё появились свои дети, её звали Тиртяне».

«Бабушка, мне нравится имя твоей подруги. А как звали тебя в детстве?» – спрашивает Майма, увлеченная очередной историей. «Меня звали Сэрне. Я родилась, когда в тундре царствовала зима. Да и волосы мои были светленькие-светленькие. Вот и называли так Сэрне, по-русски «беленькая девочка».

Маймако прыгает около своей бабули и смеётся. Надо же, она всегда думала, что у бабушки волосы раньше были чёрными, как у мамы и у неё самой. А Хадако, оказывается, когда-то была беленькой девочкой, и звали её совсем не так, как теперь. Удивлению Маймы не было предела. Вот ведь как бывает, у бабушки и другое имя. Когда-то её звали Сэрне.

Они присели у озера с высокими берегами. Хадако развела на угоре костер и поставила чайник. На припасенное полотенце она положила конфеты, баранки и галеты.

Бабушка с Маймой ждут, когда вскипит чайник и смотрят на синюю рябь озера. Легкий ветерок колышет прядку седых бабушкиных волос. Бабушка грустно вздохнула и произнесла: «Да, прошли те времена, когда детям давали ненецкие имена. Говорят, что это теперь не модно. Конечно, это не важно, какое имя тебе дали, самое главное стать настоящим человеком». Майма касается ладошками родного бабушкиного лица, затем обнимает её. Как она любит Хадако! «Бабушка, а давай ты будешь звать меня, как ту девочку, Тиртяко». Бабушка в ответ смеётся и говорит: «Тиртяко, скорее собираемся в стойбище. Нас там уже заждались. Твоя мама все глаза, наверное, проглядела».

Назад в стойбище Майма бежала впереди бабушки. Собаки с весёлым лаем бросились ей навстречу. «Небёв, Хадако дала мне новое имя. Теперь у меня два имени. Зовите меня Маймако и Тиртяко». Мама берет девочку за руку, и они подходят к отцу: «А Маймако-то нашу зовут теперь Тиртяко. Правда, ей это имя очень подходит?»

«Действительно, ну чем не та куропатка, которая с утра летает и кричит около нашего чума» – смеётся отец. Тут подходит бабушка Хадако и мама зовёт всех пить чай.

Спасение Тирко

В мае с теплыми лучами солнца в тундре появились первые проталинки. Земля стала похожа на шкуру пятнистого оленя. На проталинках то и дело прыгают повеселевшие воробьишки. Пьянящий аромат исходит от проснувшейся земли, пахнет оттаявшей прошлогодней брусникой и душистым ягелем. Все напоминает о приходе долгожданной тундровой весны.

Почти в каждом чуме появились кормяшки. Отец Маймы тоже привез из стада важенку с оленёнком. Яхадейко – так зовут важенку, отелившуюся впервые. Оленёнок, к радости Маймы, оказался девочкой. Она ещё совсем мала и на тоненьких ножках ходит немного неуклюже, как на палочках. Её беленькая шерстка как пух. Кажется, дунет ветерок и улетит она в небо, словно облачко. Поэтому Майма решила назвать её Тирко, в переводе с ненецкого – облачко.

Любимое занятие Маймы – утреннее угощение кормяшек их любимым лакомством – чёрным хлебом. Как только крикнет Майма: «Нянь-нянь-нянь!», тут же прибегает Яхадейко, а за нею с радостным хорканьем семенит Тирко. А когда бабушка выносит бутылочку молока из сухого порошка, Тирко сразу же подбегает к ней и встает на задние ножки, попрошайничая. Она жадно сосет молоко и от удовольствия помахивает своим маленьким хвостиком.

Днем Майма играет в догонялки и прятки с Тирко. К ним всегда присоединяется и пёс Маймы Пардеська. Пардеська уже с весны ходит в стадо, но все ещё любит весёлые игры. Смех, лай, суматоха – все сливается в одно.

Вот так весело проводит дни Майма со своими друзьями. Однажды привычный жизненный ритм стойбища нарушился. Яхадейко вернулась с прогулки одна, без Тирко. Было жалко смотреть на обеспокоенную олениху, она то убегала куда-то, то снова возвращалась. Взрослые – мама, бабушка и отец, ругая Яхадейко, отгоняли её от чума: «Ну что ты за мать? Где твой оленёнок? Не возвращайся в стойбище без Тирко!» Олениха продолжала метаться с тревожным хорканьем. Бегала она, пока бабушка не поняла: олениха таким образом просила помощи, звала куда-то людей.

– Ну что мы за непонятливые люди! Давайте быстро собираться на поиски Тирко.

Майма, наблюдая за сборами взрослых, не заметила, как родители уже ушли. Она стала просить у бабушки:

– А как же я? Возьмите меня с собой, ведь Тирко плачет без меня! Я тоже хочу найти её! Бабушка, приняв решение взять с собой Майму, почти прикрикнула на неё: «Надевай быстрее малицу!»

Майма, едва сдерживая слезы, быстро натянула старенькую малицу и побежала вслед за отцом и матерью, уже уходящими за холм.

Каково же было удивление спасателей, когда они увидели необычную картину. У края болотистого озера лежала уже наполовину увязшая в тине Тирко. Она испуганно смотрела на людей и, по-своему, просила о помощи. Её глухое хорканье было похоже на писк мышонка. Яхадейко, согнув передние ноги, тревожно и испуганно обнюхивала своего детёныша, с

надеждой поглядывая на хозяев. Майма, увидев эту картину, пустилась в слёзы. Мать стала успокаивать её:

– Все будет хорошо, твой папа поможет им. Спасем твою Тирко.

Отец, бережно обхватив за шею Тирко, начал осторожно вытаскивать её из тины. После спасения Яхадейко в знак благодарности обнюхала отца и только потом подошла к своей малышке.

К стойбищу отправились радостные и счастливые. Отец нес на руках Тирко, сил идти самой у неё не было. Яхадейко шла неторопливо рядом, успевая захватить на ходу кустик сочной травки. А Майма с Пардесью бежали и смешно подпрыгивали, как будто ничего страшного не случилось. Об опасном происшествии напоминал лишь внешний вид Тирко: она словно и не была красивым и белоснежным оленком, хотя её обтерли, когда вытащили. Отец, бережно неся Тирко, сказал:

– Я так думаю, наверное, сегодня будет дождь.

Майма испуганно посмотрела на отца и, растягивая слова, спросила:

– Значит, мы вечером с Пардесью и Тирко не сможем поиграть в догонялки?

А бабушка, обняв внучку, успокоила её:

– Да твой отец шутит. Ты посмотри сама на Тирко. Тирко сейчас похожа на серую дождевую тучку. Вот почему он так говорит.

После слов бабушки все рассмеялись.

Разговоры в дождливый день

Сегодня вся семья находится в чуме. В чуме хорошо и уютно, весело потрескивает печь, в которую Хадако постоянно подкидывает ивняк. От большого медного чайника исходит приятный аромат распарившегося чая. Во всем спокойствие и умиротворение, даже щенок Белько, прикрыв свою смешную мордочку лапками, мирно посапывает у входа, никому не мешая.

Майма сидит рядом с матерью, занимающейся ремонтом папиных липтов. Около неё свободного места почти нет, но это не мешает маленькой девочке тереться около мамы. Шитье маме доставляет удовольствие. Вот она разминает руками лоскут выделанной шкуры, затем берёт огромные ножницы и выстригает лишний ворс. Мама переворачивает лоскут, он приятного жёлтого цвета, напомнившего Майме о вчерашнем солнечном дне, когда они вместе с мамой и бабушкой в специальном чуме коптили шкуры.

Если выглянешь на улицу, никого не увидишь и привычных мужских разговоров не услышишь. Все мужчины сидят в чумах, каждый занимается своим делом. Отец Маймы ремонтирует упряжь

матери, сорвавшуюся во время перекочёвки. К нему малышка, конечно же, не подходит, не девчачье это дело – заниматься мужской работой. Он разложил упряжь на латах, так ему хорошо видно, что и где надо подремонтировать. Папа поднимает одну из деталей упряжи и обращается в другую половину к маме:

– Твой Хорейко когда привыкнет ходить в упряжке, ведь второй год впрягаем! Он и напугал остальных оленей.

Мама отвечает, приостановив шитье:

– Да, это так. Но его можно простить: Хорейко часто оказывает нам помощь. Бывает, быки утром не идут в карсак, а он всё равно приведёт их туда. А вспомни дни, когда Хорейко нет около чума, долго возимся с быками.

Тут в разговор вступает Хадако:

– Что ни говори, а олень – умное животное. Вот у меня когда-то был кормяшка, так это всем оленям олень! Помню, осенью это было. Мы кочевали тогда обратно в сторону посёлка. Дожди лили каждый божий день так, что все тундровые реки размыло, а ворги превратились в маленькие реки. Мы с аргишами через ивняковые настилы уже перешли реку Ярней, а быки остались. Мужчины никак не могут загнать их в воду, не помогают даже самые опытные собаки. Не хотят они заходить в ледяную воду! Тут мне кричит тётки Марьи сын Петро: «Хадов, где твой Халэва? Нам без вас не обойтись. Зови своего кормяшку». Я зову Халэву, отставшего от меня, он всегда ходит позади аргишей. Вот вижу, он уже во всю прыть скачет через ивняковые заросли на мой голос, только пёстрый окрас его то и дело мелькает вдали. Спустя какое-то время кормяшка уже на берегу разлившейся шумной реки Ярней. Оленей и людей разделяет огромная черная река. Я встала напротив Халэвы и ещё раз позвала его. Нервно фыркнув, он потихоньку зашел в воду и поплыл. Пока я смотрела на Халэву, который был уже на середине реки, не заметила, как основная часть быков уже ринулась вслед за ним. Вот так мы с моим кормяшкой перевели всех через реку. Потом бригадир ещё не раз вспоминал этот случай.

– Да, олень – действительно хороший помощник и товарищ. А ещё он может рассказать нам о своём хозяине. Говорят, хочешь узнать, какой человек перед тобой, посмотри на его оленя, – подытожил рассказ бабушки отец Маймы.

Майма, сидевшая рядом с матерью, вдруг вскакивает и с плачем кидается в объятия к ней:

– Если мой Серко все время просит хлеб, не только у меня, но и соседей, то я, по-вашему, люблю покушать и про меня можно сказать, что я обжора! – это она вспомнила своего маленького оленёнка Серко, не так давно привезенного отцом

из стада. Оленёнок очень быстро привязался к девочке, везде и всюду ходит за ней по пятам, а в погоне за своим лакомством он почти всегда забывает приличия и просит хлеб не только у своих хозяев, но и у соседских женщин.

Новый друг Маймы

Майма с утра в хорошем настроении. Сегодня бабка Марья и её внучка Лизка с соседнего стойбища принесут ей обещанного щенка.

Из-за этого ежедневные привычные дела выполняются по-особому, с лёгкостью. Девочка сбегала за водой на озеро, нарубила охалку ивняка, накормила собак.

Ну, вот, все дела переделаны, и она уже сидит на старых нартах отца, которые стоят на этой летовке не первый год. Подставив лицо солнцу, она мечтательно прикрывает глаза. Щенят было четверо, рассуждает она про себя. Ей все равно, какой щенок достанется, она будет рада любому.

Майма представила, как пушистое маленькое чудо прижимается к ней и от него идёт тепло. Нет, - думает девочка, - тебе не будет скучно со мной! Её мечты прерывает громкий голос бабушки:

- Майма, вот ты где! А мы обыскались тебя. Посмотри, вон там идут двое людей, кажется, это наши гости. Пойду разогревать чай.

Взяв охалку нарубленных Маймой дров, бабушка спешит в чум. Вскоре залаявшие собаки сообщили о прибытии долгожданных гостей. Майме очень хочется побежать навстречу своей подруге Лизке, но, помня наставления бабушки, она еле сдерживается и ждёт. Ведь в тундре не показывают открыто свои чувства.

Бабка Марья не спеша подошла к чуму, поздоровалась со всеми за руку. Лизка, идущая следом, прикрывает рукой меховую шапку. «Ну зачем ей в теплый летний день нужна шапка!» - не успела подумать Майма, как вдруг из шапки вывалился черный пушистый комочек и уткнулся в её ноги.

- Ехэй! Кажется, он выбрал себе хозяйку, - весело засмеялись взрослые.

Майма протянула к нему руки и малыш доверчиво полизал их. У него была белая грудка и ножки, которые казались обутыми в белые бурочки. Щенок был, на удивление, очень шустрим.

За чаем бабка Марья спросила Майму:

- А как назовёшь собаку-то?

Девочка пожалала плечами и посмотрела на свою бабушку. Все понимающая Хадако поспешила ей на помощь:

- Вот у твоего деда был пёс Пардес, вот это был пёс! Может, назовёшь его так? Он был только совсем черный. Ни одного белого пятнышка не было.

Маленький друг Маймы, сидевший на её коленях, пискнул, словно понял, что разговор идет о нем. Майма прижала к себе щеночка и попросила бабушку:

- Хадако, расскажи про Пардеса.

- Эта собака была одной из лучших собак твоего деда. Когда его принесли к нам, Пардес был ещё очень мал. Но твой дед так не считал, с самых первых дней он стал брать его в стадо. Так сызмала он стал помощником. Сколько раз он выручал своего хозяина. Умный был пёс. Часто он заменял и человека. Во время ловли оленей он сидел вместе с твоим дедом на расстоянии пяти метров на краю стада. Вдвоем они много раз сторожили оленей. Зная нашу собаку, другие оленеводы часто просили деда: «Ну что, Ефрем, побудете на краю стада. Ведь ни один олень мимо Пардеса не проскакивает». Позже, когда Пардес стал совсем старым, дед возил его в стадо на санях. Да и бегать вокруг стада собаке не приходилось, олени слушались его и так. Бывало, стоило ему только залаять своим глухим лаем, как олени шли в нужном направлении. Вот такой был у нас Пардес.

- Хорошая жизнь была у Пардеса. Бабушка, я назову свою собаку Пардесем. Может имя Пардес принесёт ему удачу, и вся тундра будет знать мою собаку.

К вечеру, когда спала жара, Майма с Лизкой побежали к реке. Взрослые сидели за чаем, вспоминая разные истории из своей жизни. Лишь изредка они поглядывали на подружек и маленького Пардеску, у которого жизнь, наверняка, будет похожа на жизнь множества тундровых собак, настоящих друзей оленеводов.

Весенние хлопоты

Майма подросла, уже учится в посёлке и с нетерпением ждёт весенних каникул. И вот закончена четверть, получен дневник с хорошими отметками. К радости Маймы, её отец на четвёрке пёстрых оленей приехал самым первым. Отоварившись необходимыми продуктами и попив чаю перед дорогой у родственников, они лихо выехали из деревни. Олени бегут, словно снежный вихрь, так они спешат домой. Майме кажется: если бы они умели говорить, то, наверно, кричали бы: «Прочь, прочь из деревни, скорее на наши любимые просторы!»

Майма понимает несущихся оленей, ведь ей тоже хочется скорее вырваться из интерната к родным и близким. Позади речка, которая разделяет деревню и болото. Здесь олени успокаиваются и переходят на ровный спокойный бег. Майма мурлычет под нос школьные песенки и любит оживающей тундрой. На первых проталинках порхают пуноушки, то и дело из-за

кустов вылетают шумливые хозяйки тундры – куропатки. В воздухе – запах растаявшего снега. Местами он даже розоватого цвета от брусники. Полакомиться такими кисло-сладкими ягодками – одно удовольствие.

Вдруг снежный ком, вылетевший из-под копыт бегущих оленей, попадает в личико девочки. Едва сдерживая слёзы, она смолкает. Отец, заметив, что-то неладное, спросил: «Что случилось? Почему молчишь?»

– Снежный ком попал в лицо и мне больно.

– Майма, чтобы снег не попадал тебе в лицо, сядь боком или смотри назад.

– Папа, смотреть назад мне не хочется, там деревня. Я сяду боком, ведь я должна первой увидеть наши чумы.

– Когда приблизимся к стойбищу, ты сама поймешь. Залают собаки, значит, мы подъезжаем. Мама с бабушкой затеяли много интересного в эти дни.

– А что такое они придумали?

– Говорить не буду, они сами тебе скажут. Сиди хорошо, а то полетишь с саней, а я и не замечу.

Этот разговор ускорил дорогу к стойбищу. Вскоре лай собак возвестил о том, что за холмом чумы.

Показавшееся стойбище наполнило сердечко Маймы теплотой и ожиданием встречи с родными. У одного чума тоненькой струйкой выходит дым, значит, это её родной чум. Около него стоят бабушка и мама. Майма, весело прыгнув с саней, подбежала к ним. Навстречу выскочил любимый пёс Пардеська. Подпрыгнув, он закинул свои сильные лапы на плечи Майме, едва не уронив её. Потрепав собаку за уши, она побежала в сторону чума. Пардеська, не давая ей уйти, схватил её за подол паницы и за табаки. Майма, весело смеясь, упала на землю.

Шумную возню остановил бабушкин возглас:

– Майма, смотри, кто к тебе идёт!

К друзьям, не спеша, подошла, ставшая почти взрослой кормяшка Тирко. Девочка обняла её за шею и прижалась к мордочке. Огромные глаза преданно смотрели на неё, словно говорили: «Я очень рада встрече. Где ты была так долго?»

На следующее утро, едва протерев глаза, Майма заметила, что все члены семьи позавтракали и уже обсуждают дела на день. Поняв, что и она сегодня в чем-то принимает участие, спросила маму:

– А мы куда-то идём?

– Да, сегодня мы все будем в лесу. Папа поедет за дровами, а мы, женщины, идём за посавой.

Майма прежде никогда не видела, как собирают посава, но ей часто поручали выстругивать его рубанком, и она знает, как нужен в тундре этот порошок. Мама вкладывает его в её рукавички, чтобы руки не запотели или не замерзли. Так же бабушка иногда кладёт его в папины липты, когда

он собирается в стадо. При такой экипировке пастуху никакая холодная ночь не страшна. Только единственное условие: ноги должны быть босые, здесь фабричные носки не нужны.

Бабушка, посмотрев на маму Маймы, сказала:

– Ничего лучшего взамен посава умные люди ещё не придумали. Так что без посава в тундре не обойтись. В этом году его нужно собрать побольше. Ведь твоя мама ждет малыша. У тебя, Майма, скоро появится братик или сестричка.

– Вот Лизка-то будет мне завидовать! А зачем малышу посава?

Мама, собирая необходимые вещи в дорогу, при выходе из чума стала объяснять Майме:

– Порошок иногда вкладывают в люльку под подстилку лимбика или под мох-нярцо. Так же этим порошком подсушивают тело ребенка, которого только что вынули из люльки.

На улице их ждала бабушка. Махнув в сторону направлявшегося в лес Пардеськи, показала, куда идти. Собака шла по санному следу Майминого отца. Отец Маймы уехал в лес ещё до сборов женщин. В это время оленеводы заготавливают дрова и отбирают материалы для нарт и чумов на весь год.

Майма пустилась вприпрыжку за своим любимцем по дороге. Она знала, что в сторону отходить нельзя, а то провалишься, снег рыхлый. Подойдя к лесу, Майма остановилась. Бабушка, заметив это, весело спросила её:

– Ты решила нас подождать?

– Да. Не могу же я оставлять вас одних в лесу, вдруг вы испугаетесь. Мне-то не страшно, я с собакой.

Вскоре подошла мама. Она взяла за руку Майму и повела всех вглубь леса. Майма шла неторопливо, не произнеся ни одного слова. На миг ей показалось, что ели помахивают мохнатыми лапами, словно здороваются, а березки в танце взмахивают белоснежными кружевными платками, приветливо зазывая войти в сказочный лес. От фантазий оторвала мама.

– Майма, подойди сюда. Вот эта трухлявая берёзка нам и нужна. Из неё получится отличный порошок для пимов и рукавиц. Бабушка с мамой ловко рубили берёзу на куски нужного размера, выстругивая с них лишний слой, и уложили заготовки в санки.

Из леса сборщики посава выходят уставшие, но довольные. Дома куски старого дерева обработают, высушат под печкой и хранят в холщовых мешочках до надобности. Собранного материала хватит на весь год, да и с соседями можно поделиться. Дальше работа для детей: когда потребуется, им дают задание выстругивать рубанком или ножом кусок дерева до состояния нежных стружек, которые в руке рассыпаются в порошок. Это и есть посава.

Солнечные лучи приносят удачу

В один из августовских дней Майма проснулась раньше всех. Её разбудили два солнечных лучика, которые часто предвещают для Маймы что-то очень хорошее. К тому же девочка ещё в том возрасте, когда верят в чудеса. Она знает, каким образом волшебный свет проникает в чум.

Лучики появляются только в том случае, если бабушка ещё не залатала дырочки на нюках, а дырочки на них – от искр, вылетавших из печной трубы. Но сегодня хочется волшебства, и ей кажется: стоит лучикам коснуться её, а ей – загадать желание, оно обязательно исполнится.

Световые дорожки направлены на лицо Маймы. От их яркого света она прикрывает глаза. Они приятно греют и слегка щекочут её щеки. Вдруг девочка чувствует, что тепла на щеках не стало, приоткрыв глаза, замечает, что солнечные дорожки перебежали к её рукам, закинутым за голову. Предаваясь своим мечтам, Майма незаметно для себя снова погрузилась в сон.

Девочка проснулась, когда в чуме повсюду кипела жизнь. Через цветастый ситцевый балаган было видно, что творилось в чуме. Бабушка и мама, как всегда, задержались за завтраком и беседуют, отец сидит у входа на латах, натягивая бродни. Он собирается пригнать к чуму быков. Майма почувствовала аромат любимого блюда – отварной печени. Она спросила маму:

– У нас что, на завтрак печень?

– А-а-а, ты проснулась? Нет, эта печень для замачивания камысов.

– По-нят-но. А я сегодня раньше всех проснулась!

На что бабушка, хитро спросила внучку:

– Почему же тогда ты не затопила печь?

– А я потом уснула, – после этих слов все члены семьи дружно рассмеялись.

Отец, выходя из чума и зная о том, что дочь немного расстроилась, ободряюще сказал:

– А ну, ранняя пташка, вставай завтракать. Ты ещё успеешь к женским разговорам.

Майма пьёт чай, как ей кажется, по-взрослому. Она наливает чай в блюдце, макая кусковой сахар, надкусывает его. Затем с удовольствием откусывает свежее испечённый мамин хлеб и запивает чаем. Успевает и понаблюдать, как пьёт чай её любимая бабушка. Чай из чашки та наливает в блюдце три раза, такое у неё глубокое блюдце. По словам бабушки, таких блюдец в магазине теперь не найти. Сначала кусковой сахар у неё стоит в блюдце, как твердый кусок снега, брошенный в воду. При втором глотке чая сахар растворяется наполовину. При третьем глотке сахар рассыпается на мелкие сахаринки и начинает растворяться полностью.

Мама, налив бабушке ещё чашку горячего чаю, обращается к ней:

– Хватит ли тебе печени для замачивания, ведь камысов-то – два зверя?

– Хватит, хватит.

Майма, поняв, что взрослые затевают шитьё и, причем большое, спрашивает их:

– Что будем шить? Куда столько камысов замачивать?

Бабушка, погладив её по голове, отвечает:

– Ты уже не маленькая, в этом возрасте твоя мама, да и я зимой уже в белых пимах ходили. Я собираюсь сшить для тебя настоящие пимы.

– Ура-ура-ура! Соседские девочки уже в прошлую зиму бегали в белых пимах, а я только мечтала об этом.

После завтрака бабушка обмазывает камысы раствором вареной печени, укладывает их по двое мездрами друг к другу и ставит под пресс в темное место. Через два дня, когда камысы стали готовы к выделке, работа продолжилась.

Мама сходила к возам и принесла скребки для выделки. Трудились целый день, лишь ненадолго отрываясь на прием пищи. К вечеру все восемь камысов были выделаны. Один из них Майма обработала сама, правда, бабушка после неё ещё долго с ним возилась.

На следующий день бабушка разложила камысы на латах и начала кроить. Внучка села рядом, пытаясь разглядеть в раскроенных деталях красивые пимы, но ничего не видя, выговаривает бабушке:

– Бабушка, когда ты закончишь мои пимы?

– Так быстро никто не шьёт, такое только в сказках случается.

Вошедшая с улицы мама весело кидает к ногам Маймы меховые полоски узоров:

– Возьми-ка узоры, Майма. Прошлой осенью сшила их для тебя, как только вы улетели на вертолете. Узоры есть, так что бабушка быстрее справится с пимами. Через недельку она, наверное, и сошьёт пимы. Так ведь, бабушка?

– Сошью, сошью, куда я денусь, – поддержала её бабушка.

Неделя пролетела незаметно. В тундре дни идут очень быстро, за ежедневными хлопотами и не замечаешь, как день сменяет ночь.

Однажды бабушка позвала Майму в чум:

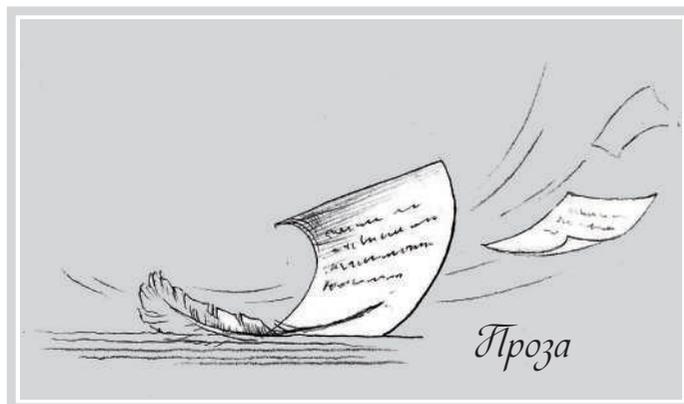
– Маймако, подойди ко мне. Мой подарок готов.

Майма радостно забежала в чум. Тут же примерила обновку. Пимы сидят на ней ладно, в них удобно и мягко. Майма не снимала новые пимы до приезда отца из стада, уж очень хотелось показать их ему. Когда все члены семьи сели за стол пить чай, Майма, словно важный гусь, вышагивала по латам в пимах взад и вперед. Мама с бабушкой не могли наглядеться на неё, а отец, прищурив глаза, одобрительно кивал. Девочка вся светилась от радости. Повернувшись в сторону взрослых, хитро сообщила:

– Знаете, всё-таки солнечные лучики мне иногда помогают.

*Альберт
Ардеев*
**Потомок рода
Пурпэев**

Род Пурпэев

Род Пурпэев – древний род, сведения о котором ещё в 1732 году подтвердили приехавшие на остров Колгуев путешественники и поморы. Потомки Пурпэев живут и в настоящее время. История Пурпэев началась с того, что давным-давно на острове поселились две семьи Хор Сюдбья. Одна – на Песчанке Бугре, а другая – на Васькином Бугре, где стал хозяином старший Хор Сюдбья. Жили-поживали, добро наживали, пастбища и стада оленей увеличивали.

Однажды хозяин Васькина Бугра заметил в горизонте моря парус. Он отвёз семью от стойбища в безопасное место. Оставил упряжку, дал жене подзорную трубу, предупредил её, если всё решится благополучно, то он махнёт рукой, а, если плохо, то пусть едут к соседям, и объяснил, как надо добираться.

На берег сошли норвежские пираты. Старший Хор Сюдбья – хозяин Васькина Бугра направился к ним, но был убит. Вдова с детьми доехала до Песчанки.

По ненецким обычаям, Хор Сюдбья принял семью брата, а вдова стала его второй женой.

Так на свет появились Василий, Николай Васильевич, Иван Николаевич, братья Николай Михаил Ивановичи, Иван Николаевич – Сей Вэско, Иван Николаевич с сыном Семёном, два брата – Ион Иванович и Григорий Иванович-пекарь и его сын Альберт.

Все Пурпэи являются потомками шаманов, некоторые получили дар предвидения, предчувствия, обладают артистичностью и выразительностью сценического языка; имеющие рентгеновское зрение занимались лечением.

Необычное в обычном от Пурпэев

Начало рода Пурпэев ведёт Василий – *Василей-Хора Сюдбья*. Он оказался не только великим по росту, на голову выше других жителей острова Колгуев, но и физически могучим мужчиной, словно могучий бык-олень.

Василий мог сплотить трудовой коллектив и заботливо относился к каждому труженику, словно к члену большой семьи. Сам был образцом трудолюбия и находил выход из любой трудной жизненной ситуации.

В жизни Пурпэев встречались необычные явления. Кто-то после смерти оживал, кто-то после травм предчувствовал будущие события и явления природы. Предки Пурпэи почти все были самыми знатными и знаменитыми людьми на острове.

Поселение староверов

В старину группа мезенских староверов высадилась у реки Кривой. Построили свои жилища, поставили их на мысу, на стыках рек Кривая и Обчикал, названной в честь охотника на медведя по имени Обчикал, что находится (жил) на западе острова Колгуева.

Староверы не употребляли в пищу кровь и мясо оленя, в результате чего умерли от цинги. Вероятнее всего, умирали постепенно, так как захоронены непосредственно в своём поселении.

В начале семидесятых годов на берег моря обрушился от штормов, и в море падали гробы. Тому свидетелями были тундровики-оленоводы, местные жители посёлка Бутрино, приезжавшие на заготовку дров, прибитых к берегу моря штормом, а на месте креста в это время стояла база сейсморазведки.

Череп

Это было в старые времена, когда нас, молодых, ещё не было на свете, и по рассказу моего отца, один из Соболевых, находясь в тундре, проезжал недалеко от старинного кладбища. Конечно самого кладбища уже не было видно, всё заросло травой.

Заметив на краю обрыва человеческий

Бабушка Ардеева Анна Михайловна

*Иван Николаевич Ардеев, дедушка.
Во время Велико́й Отечественной войны –
старший сержант морской
пехоты, минёр*

*Бабушка по матери
Ардеева Наталья Ивановна*

череп, Соболев с лихостью пнул его с обрыва. Череп, конечно, пролетев, упал в реку, а Соболев поехал дальше. Проехал вниз по течению (а дело было весной, когда реки разлились и были полноводными), и тут с ним случилась беда.

Зная место брода, он стал переезжать через реку, но нарты невероятным образом перевернулись, и пастуха понесло по течению. Река бурлила и несла Соболева всё дальше и дальше вместе с упряжкой и, боясь утонуть, он кое-как успел ухватиться за конец вожжи.

Но вот олени, почувствовав под ногами землю, вылезли на противоположный берег. Бедный Соболев, весь промокший и обесиленный, лёг на землю. Вдруг он услышал с другого берега радостный крик: «И-хийй-аав-наа-ндааа!!!», крик, раздавшийся ниоткуда.

Перекрестившись, наспех поправив упряжь оленей, Соболев быстро убрался с этого тайного места с чувством вины.

Младший Пурнэй

Когда вспоминается детство, всегда приходит из памяти мой дедушка Апицын Максим Калинович. Когда летом я, четырёхлетний, освободился от посещения детского сада, родители решили: пока они на работе, будут оставлять меня у бабушки с бабушкой.

И я, счастливый, прибежал к ним домой с улицы, чтоб пообедать. Прибежал к столу, чтоб занять своё место за столом. «Бум!» – это дедушка Максим в свойственной ему манере давал мне небольшой подзатыльник и говорил:

– Вот, хань”, удид массс (Вот иди и вымой руки).

Когда руки вымыты, и я хотел садиться, опять небольшой «Бум!» – подзатыльник от бабушки – со словами:

– Вот, туессс’, тикэд ормась амдгун (Вот перекрестись и тогда сядешь есть).

И мы стояли перед иконой, читая молитву и крестясь, после всего этого чинно садились за стол и обедали.

Консервная банка

В начале войны, по рассказу деда, их командир капитан-лейтенант Калинин (морская пехота) решил проверить, как стреляют его подчинённые. И зная, что оленеводы хорошо стреляют, велел одному матросу поставить консервную банку из-под тушёнки на холм метрах в двустах от рубежа стрельбы и спросил моего деда Ардеева Ивана Николаевича, сможет ли он попасть в банку.

Дед, прицелившись из винтовки, точно попал в центр банки. После того как матрос принёс банку, Калинин сказал своим подчинённым, как должны стрелять бойцы и, сняв свой вещевой мешок, положил в него банку и сказал, что будет всем показывать и говорить, как метко стреляют ненцы-олeneводы. Мой дедушка был очень доволен похвалой командира Калинина.

Налёты на посёлок

Во время войны фашистская авиация периодически совершала налёты на посёлок Бутрино на Колгуеве. В один из таких налётов, когда из самолёта, пролетавшего над посёлком на бреющем полёте без звука, обстреливались деревянные строения, был убит учитель школы, который не успел уйти вместе со всеми в землянку-бомбоубежище. Эта землянка была специально оборудована во время войны для семилетней школы. Похоронили учителя на местном кладбище.

Однажды любопытный Миколка, местный парнишка, который учился и жил в интернате при школе, вытащил наконецник от неразорвавшегося снаряда и стал играть в спальне, а снаряд от броска и удара о железную кровать взорвался. Он был зажигательный, и в результате загорелась постель. Постель была потушена воспитателем, а Миколка был наказан за свой проступок.

Очередной налёт

В очередной налёт немецких самолётов одна бабушка, которая проживала в чуме возле посёлка, накрылась от испуга железным листом очага, который был предназначен для костра в чуме (тогда ведь не было железных печек), да и железные листы появились не так давно.

Немецкие самолёты на этот раз вначале летели на бреющем полёте, а когда приближались к цели, то включали сирены и с воем обстреливали деревянные строения, как правило, не трогая чумы. Наверное думали, что они не представляют опасности для них.

Секретный напёрсток

Женщина, находясь в стойбище, проходя мимо балагана (а дело было летом), увидела, что муж, вернувшись с берега моря что-то положил на землю и уехал собирать ездовых оленей. Её конечно взяло любопытство. Что это привёз муж? Она увидела отрубленные рога мины, незнакомые для неё предметы.

Рассматривая металлический предмет, увидела, что внутри что-то блеснуло. И тут её осенила идея, что блестящий предмет как раз подходит к указательному пальцу, и будет прекрасный напёрсток. Женщина не ожидая мужа, стала выковыривать ножницами этот блестящий предмет, предвкушая то, что наконец у неё теперь будет красивый напёрсток.

Блестящим красивым и заманчивым предметом оказался капсуль-воспламенитель детонатора морской мины и от царапания ножницами он взорвался в руке, в которой она зажимала предмет. ...На руке остался только один согнутый мизинец.

Её муж, увидав, что горит балаган и слышен взрыв (он не ушёл далеко) примчался, словно угорелый, назад на оленях. Увидев кровь, текущую из руки жены, перебинтовал чистой тряпкой и был вынужден везти её в посёлковую

больницу. С тех пор любопытной женщине дали прозвище «Мизинец».

Рога мины

Когда-то бригада рабочих во главе с бригадиром, моим дедом Ардеевым Иваном Николаевичем, отправились из Бутрино на заготовку дров, брёвен-плавника в устье реки Великой на восточной стороне Колгуева. По прибытию на место, для всех были распределены обязанности.

Палько выпало готовить обед, остальные пошли заготавливать брёвна на берегу, а Палько тем временем, поставив вариться котёл на костёр, отправился бродить по берегу и нашёл среди ближайших нагромождений брёвен, выброшенных штормом, морскую противолодочную мину и, вооружившись топором, поотрубал рога мины.

Когда рабочие пришли на обед, Палько похвастался своей находкой, а дед, увидев, что натворил Палько, выругал его: «Что же ты наделал? Подверг опасности не только свою, но и жизни своих товарищей».

Провинившийся Палько стоял в стороне и тихохонько виновато хихикал «*Хи-хи-хи*”, *хи-хи-хи*”, *хи-хи-хи*”».

В ожидании «Юшара»

По рассказу Шурика, моего двоюродного брата по материнской линии, когда-то маленькому Лёке сказали, что вместе с его отцом – Ардеевым Гавриилом Афанасьевичем – возьмут с собой на моторной лодке на теплоход «Юшар».

Дело было летом, и всё население посёлка от мала до велика с нетерпением ждали прихода теплохода. Это было событие большого масштаба для такого маленького посёлка такой большой страны.

Было тихо и солнечно в тот вечер, когда ожидался приход «Юшара», но по непонятным причинам теплоход задерживался. Лёка в ту пору ещё был школьником и в предвкушении своей первой поездки, уселся на крылечко сарая своего дедушки Ардеева Семёна Михайловича, что стоял на берегу, и стал ждать.

Но долгожданный теплоход не появлялся, и его сморило. Лёка до этого делал невероятные попытки, чтобы не уснуть, но сон всё-таки взял вверх. По прибытию «Юшара», когда его отец и старший брат Шурик пришли к сараю, чтобы спуститься на берег и погрузиться в лодку, то перед их глазами предстала картина, перед которой не удержишься от смеха.

Лёка, делая невероятные попытки, чтобы не уснуть и дождаться такой важной для него поездки на теплоход, вставил на нижний и верхний край век спички, думая, что если глаза не закроются, то он не уснёт. Но Лёка спал безмятежным сном, только глаза закатил, обнажив глазные яблоки (спички при этом оставались там, куда их поставил).

Брат Шурик и отец не стали его будить, съездили одни, без Лёки. Когда «Юшар» отчалил от острова и скрылся за горизонт, кто-то разбудил мальчика. Лёка – от обиды, что его не разбудили вовремя и поездка не состоялась, отправился, горько рыдая, домой.

Казусный случай

В жизни происходят иногда комичные ситуации с людьми, но они заставляют кого-то посмеяться, а кого-то наоборот заставляют страдать над чужой бедой. Об одном таком случае расскажу из воспоминаний моего отца.

Утром отец принял смену котельной магазина (в то время он уже работал кочегаром, выйдя на пенсию после долгой работы пекарем в пекарне магазина горрыбкоопа).

Закончив чистить котлы, отправился за углём на угольную кучу возле склада. В то же время Палько выносил из склада ящики с печеньем (работал он подсобным рабочим в магазине), так как заведующая велела занести печенье со склада в магазин.

Один глаз у Палько был стеклянным. Когда он вынес ящики на улицу и закрывал замок, то обронил ключи на землю. Стал поднимать ключи, – у него выпал стеклянный глаз, вероятнее всего плохо установленный на место.

Отец, набирая уголь, заметил: Палько что-то ищет, стоя на коленях и обшаривая вокруг себя руками по земле. Подойдя поближе, спросил его, что он там ищет. Палько ответил: «Я потерял глаз и теперь ищу его». Отец конечно стал своему товарищу помогать в его поисках. Когда поиски увенчались успехом, Павел Миронович, а именно так на самом деле звали Палько, протерев свой стеклянный глаз носовым платком, водрузил его на место, где полагается быть глазу. Конечно отец не стал смотреть дальше. Взяв вёдра с углём, отправился в кочегарку.

Палько неторопливо занёс все ящики с печеньем в магазин, (тогда печенье было в фанерных ящиках), вышел перекурить на крыльцо котельной, а мой отец вышел к нему составить компанию.

Когда мой отец обратил внимание на лицо Палько, то заметил, что тот поставил глаз не так и смотрел он вывернутым глазом как-будто куда-то наверх причём совсем в другую сторону.

Посмеявшись в душе над тем, как Палько вставил глаз, отец вынес из кочегарки зеркало и велел Палько в него посмотретьсь. Палько же, посмотрев в зеркало, ужаснулся своему отражению и промолвил: «Вэй-вэй, я, кажется, своим видом напугал женщину». И, смотря уже в зеркало, установил свой стеклянный глаз так, как ему полагается быть.

Так они сидели на крыльце и, не спеша покуривая, вели свой неторопливый разговор.

И от мины польза

Ближе к середине двадцатого века произошёл забавный случай с миной, выброшенной на берег после шторма.

Её нашёл оленевод, дежуривший в стаде. Он эту противолодочную мину подтянул подальше на берег, чтобы не унесло волнами. Сдав смену другому оленеводу, он уехал в стойбище, намереваясь сменить упряжку, подкрепиться, вернуться и разобрать мину для нужд своего хозяйства. Ведь железные листы от мины использовались для очага в чуме.

Вернувшись к месту, где оставил мину, и не обнаружив её, он поехал по следам чужой упряжки. Вскоре обнаружилась пропажа. Его сменищик, оказывается, недолго думая, обвязал мину тынзеем и поволок её в тундру позади упряжки, вероятно думая, что в тундре мину искать не станут.

Поехал наперерез похитителю мины, остановил упряжку перед похитителем, стал выяснять с ним отношения, и дело дошло до драки.

Ещё долго эти два оленевода потом не разговаривали друг с другом.

На Новую Землю

В 1947 году перевозили оленей на барже с Колгуева на Новую Землю братья из рода Вэра: Ладымко и Михаил Савватьевич Апицыны.

Когда они причалили на Новую Землю, местные жители с удивлением рассматривали приехавших и спрашивали: «Кто же это такие зеленоглазые прибыли к нам?»

Эту историю рассказывал сам Ладымко, вернувшись с командировки на Новую Землю. Позднее вместе со своей семьёй он переехал жить в Индигу, в Тиманскую тундру.

Свои игры

Кроме традиционных игр, по воспоминаниям моего отца, после войны около школы играли в свои островные городки и повсюду, где можно – в игру «соскок». Вторая игра проходила тоже в форме соревнования. Деревянный шарик обшивали шкурой оленя мехом наружу. Нужно было на носке пима одной ногой выполнять соскоки. Кто больше набьёт очков, тот и выигрывает.

Иногда играли на кусок хлеба, который получали во время еды. Бывало, игроки подкарауливали своего победителя, ставили подножку, отбирали свои куски хлеба и убегали. Этому способствовали семилинейные керосиновые лампы, высоко под потолком в полутёмных коридорах. Школа была большая и имела несколько выходов, так что победитель оставался с ни с чем, а иногда терял и свой кусок хлеба.

Настоящий оленевод

В послевоенные годы однажды родители моего

День оленя на Колгуеве, 50-е годы XX в

День оленя на Колгуеве, 1977 г.

Мама в классе

Женская бригада шtukатуров СУЗ, начало 60-х годов

Отец с другом, Северный маяк

Отец на партконференции, Нарьян-Мар, 1978 г.

отца собрались выехать из стойбища с младшей дочерью Ниной и со старшим сыном Ионом в посёлок на праздник, они оставили моего отца-подростка следить за стадом.

Он, вооружённый винтовкой-трёхлинейкой, ракетницей и факелами, почувствовав себя настоящим оленеводом, вместе с собакой отправился караулить стадо оленей от волков, а волков-то в то время было мно-огоо.

Родителей не было три дня. Приехали они только рано утром на четвёртый день. Пастух, теперь не просто подросток, а «большой» работник, ходил важно, ведь он пастух-олeneвод, охранял целое стадо много дней.

Когда же мама Анна Михайловна, пожалела его, сказав при всех «Мой маленький пастушок один оставался и помучался», он горько разрыдался, услышав такие слова...

Написали про папу

Когда-то ещё в семидесятых годах, летом в стойбище пришла в гости маленькая Маринка из соседнего чума. В чуме в то время были только бабушка Анфиса и дедушка Саша. Позднее пришёл мой отец попить чаю.

Погода в тот день была солнечная, полог чума был открыт, и только лёгкий ветерок колыхал зелёную траву. Все неторопливо занимались своими делами. Дедушка Саша, закончив дела и попив чаю, размеренно покуривая папиросу, читал вслух газету. Недавно он ездил в посёлок за продуктами и прихватил с почты свою прессу, порядком накопившуюся в период долгого отсутствия в посёлке.

Когда он дошёл до заметки о результатах сенокосной страды в других хозяйствах округа и прочитал, что кормов заготовлено для скотины столько-то процентов, Маринка радостно воскликнула «В газете пишут про моего папу!» Дедушка Саша недоумённо посмотрел на Маринку и сказал, что не видел и не читал заметки о её папе.

Маринка тут же ответила ему с ходу:

– Когда мама пьёт, она кричит и зовёт папу «Ско-ти-наа!»

Тут же все вокруг в чуме не могли удержаться от смеха и смеялись до слёз, а Маринка растерянно смотрела на всех своими детскими и наивными глазами, и, не понимая, почему так взрослые смеются, принялась радостно смеяться вместе со всеми.

Познаём окружающий мир

В мир мы рождаемся, по мере вырастания начинаем познавать окружающий мир и всё начинаем пробовать на себе. Иногда это приводит нас в огорчение и приобретённый опыт мы принимаем навсегда.

Вечером как-то мама прочитала мне в книжке, как детям купили мороженое, и они, с радостью облизывая его, поглощали. На следующий день, взяв лыжи отца и вытащив лыжные палки, вышел

на улицу прогуляться. Я долго не мог справиться с креплениями, ведь на улице стоял настоящий зимний мороз, от которого даже лыжные палки, вынесенные из помещения, покрылись инеем.

Не имея представления о сладком мороженом, я облизнул иней.

Какой ужас! Язык мой тут же прилип к лыжной палке. Естественно я оторвал язык от неё, оставив небольшой кусок прилипшей к палке кожи. С болью и открытым ртом я быстро забежал домой.

Папа с мамой конечно же ничего не смогли поделаться, и я весь день и весь вечер ходил, хныча от боли, но зато приобрёл бесценный опыт, что нельзя облизывать лыжные палки и другие железные предметы зимой.

Дружные ответы

В восьмидесятых годах приезжала комиссия, в составе которой был представитель министерства образования. Когда в школе он спросил детей: ел ли кто-нибудь мороженое, все наперебой отвечали «Да ели мороженое, вкусное оно». Один из представителей округа объяснил гостю, что дети имеют в виду мороженое мясо оленя. А на вопрос «Какое время года им нравится?» дети дружно хором ответили «Лет-то! Лет-то! Лет-тоо!»

Ведь едят

Когда приступил к своим обязанностям первый секретарь Округкома КПСС Юрий Степанович Романов, то он приехал с рабочей поездкой в посёлок Бутрино.

Одним из встречающих руководителя округа был мой отец Ардеев Григорий Иванович. Время было как раз после выпечки хлеба, а отец был пекарем в хлебопекарне. Когда Юрий Степанович спросил моего отца – как хлеб, то он, в свойственной ему манере пошутить, ответил «Так ведь едят». Возникла немая сцена, которую разрядил Вокуюев Василий Петрович, сопровождавший в поездке первого секретаря, объяснив ему, что мой отец любит сказать в шутку. На самом деле хлеб, испечённый моим отцом Григорием Ивановичем – в Бутрино очень хвалят, даже в Нарьян-Мар местные жители и гости увозят ардеевский хлеб.

Предяшка

Когда-то после службы в армии, работая в совхозе «Колгуевский» поехали мы в августе месяце на просчёт оленей.

С нами как обычно был Хако – Ледков Филипп Васильевич. Поставили кораль, времени свободного было достаточно, и мы отправились побродить в окрестностях собирать в тундре морошку. Я шёл недалеко от Хако, но боковым зрением видел, что Хако встал – руки в брюки и, показывая пальцем, закричал: «Ааа! Предяшкааа съел!» Когда мы подошли к нему посмотреть, что такое там он увидел и возмущается, оказалось,

он там увидели гриб, вернее, что от него осталось.

Подберёзовик, хотя и крупный, весь был испещрён и изъеден червями. Возникла немая сцена. Когда до нас дошло, что он имел в виду, дружно посмеялись над реакцией Хако и над его выражением лица, его репликой, а говорил он плохо и часто попадал в комические ситуации из-за своей речи и того, как люди реагировали на неё. А человек в душе своей он был добрый и отзывчивый. Мы, постояв, сетуя о том, что потерял такой большой гриб – лакомство оленя, отправились дальше в поисках добычи на «тихой охоте».

Почему чайка жалобно стонет

Сказка

Так вот, в небольшом чуме жили рыбаки. Их чум стоял на берегу моря. Под утро бросили они сети. Много рыбы достали.

Вернувшись домой, на берегу стали обрабатывать рыбу, и над ними стало кружить много чаек. Небольшой подросток постоянно спрашивает у отца:

– Мне нужны лук и стрела. Подстрелю чайку.

Отец его предупредил:

– Нельзя этого делать, у чайки тоже детишки-птенчики есть.

Мальчишка незаметно достал лук отца и одну стрелу из нарт отца, направил стрелу на птицу. Стрела попала прямо в грудь птицы. Она не упала, а медленно полетела к своим членам семьи, к деткам. Долетев и зайдя в свой чум гнездовой, птица промолвила:

– Летите, доберитесь до шамана-Ворона.

Птенцы полетели за Вороном. Шаман-Ворон, зайдя в чум чаек, промолвил:

– Свой чум поставьте отсюда подальше. Отца вашего вылечу, только вы все выйдите и не заходите до сигнала.

Сколько дней прошло, никто не знает и не ведаёт. Шаман-Ворон вышел из чума и сказал:

– В чум войдёте тогда, когда я скроюсь за горой. Вашего отца я вылечил.

Шаман-Ворон улетел за горы. Чайка со своими детишками-птенчиками вошла в чум-гнездышко. Все увидели, в чуме остались от отца только одни косточки. Выйдя из чума своего, они полетели с жалобным стоном.

Поэтому вот так они постоянно со стоном летают.

Первый рассказ

Я был ребёнком, был мал, ещё не учился в школе. Мама до выхода на работу меня отводила к бабушке и дедушке.

Когда-то заходя к дедушке в дом я произнёс:

– Смотрите, «Толёк-намзёк» идёт.

В такие моменты дедушка мой давал осторожный подзатыльник и говорил:

– Не болтай напрасно, ведь ничего не видно.

Прошёл час, и мы услышали гул самолёта.

Когда самолёт сел, из него вышел Енко-Толя, старик, отсидевший срок и вернувшийся домой.

Второй рассказ

Второй случай ещё был. Когда я заходил в дом бабушки и дедушки, я произнёс:

– Посмотрите на улицу, дождь идёт, моё лицо мокнет.

Дедушка опять дал подзатыльник и промолвил:

– Не болтай зря, ведь на улице солнышко, и ни одного облачка не видно.

Прошло полчаса, появились облака. Ещё и ветер подул, и гром загредел. Пошёл сильный дождь. После этого случая бабушка с дедушкой стали со мной осторожничать.

Третий рассказ

Этот случай произошёл ранней весной, когда я учился в первом классе. При возвращении из школы мы с сестрой пошли к отцу на работу. В овраге журчит быстрая вода, везде много луж.

Отца на работе не застали. Я сказал сестре:

– Наш папа ушёл на охоту. Я знаю его место. Пошли к нему.

По пути нужно было перейти небольшой овраг. Сестра хотя была в коротких сапожках, овражек прошла благополучно. Я же в суконных ботинках ручей не перешёл, ботинки жалко замочить, поэтому сказал сестре:

– Овраг я перейду по снегу.

Стал обходить воду, надеялся, что ботинки останутся сухими, но дорогу свою до конца не рассчитал. Снег оказался рыхлым, и я провалился в яму. Вода течёт мне на голову. До меня дошло: ботинки промочил. Снял куртку и кое-как положил под ноги. Видимо, подумал, что ботинки не будут мокнуть. Сестре я крикнул:

– Поищи доску и протолкни ко мне. Я выберусь по ней.

Сестра побежала, нашла доску и впихла ко мне в яму. Я же не смог выкарабкаться из ямы, крикнул:

– Скорей беги, зови людей!

Сестра быстренько побежала. Я же остался стоять в яме, наполненной водой, вода и сверху так и льётся на мою голову. Стало очень холодно.

Помню ещё как появилась перед глазами верёвка и услышал очень знакомый родной голос папы:

– Обмотайся верёвкой!

Верёвкой кое-как я обвязался. Отец мой достал меня из ямы. Я увидел его, обрадовался.

Вдруг я потерял сознание, пришёл в себя только вечером перед сном. Доктор Ульяна Павловна выходила меня, вылечила.

Пурпэй ненэця"

(перевела на ненецкий язык Р.И. Канюкова)

Пурпэй" 1732 похона Холцгов цон' турпэй нанияндер" манэ"мыдо'. Илдо' похона тарем' надимы.

Сидя Хор Сюдбяр няс напка наноди' ян' мацедавы. Цо' ян' ха"амвыд". Цоб" сюдбяр те"ны Песчанка Бугоркана илелмы', няби сюдбяр те"ны Васькин Буграhana я мята мярвы. Илевандо' сер" хадо' ямдо' латамдавы", тыдо' цокамдавы". Илелць ямдо' хамзалмэдо' Цохы ядо' нянандо' саць серо"мы.

Цоб" мэва нюдяюм' Хор Сюдбяр ид маха' нянэна пу"ларёда цано есерм' манэ"мы. Пыда мятандерта цэсыхыданда ниня тосакабтада ян' тэврэйда. Нехэнда харта сырцямда ми"мы, сита хонравэда: Ехэрана хибяри ядабтава сававна мимбата, ваерабта, пыда нянда нудамда хоё"лангу.

Неда тарцям' нивы манэс", цэцекыта нися цока нянгуи пир"дале я"амвы. Не вэсакомда минханда нивэда сэвте". Хадри' хаданакэдо'.

Вэсакода ханзер" манза тарем' сертада, мяднтерсавэй вэсаконда папан' цэдалэй". Хор Сюдбяр еваку харта нянда мэйда, меяда цань" неданда хая.

Ти, тарем' Василий, Николай Васильевич, Иван Николаевич, Иван сидя нюдя Николайда та Михаилда соя, Иван Николаевич, Николай Иванович-Сей Вэско' ялям манэ"ца". Тамна сидя няс Ион Иванович Григорий Иванович'-пекарь' ня', тамна Альберт Григорьевич надимы".

Иринан ири", иринан" Пурпэй паңгм' мэтанэ хэвы". Маня", пуй соявэнэс мал' Пурпэйва".

Альберт Ардеев"–
Пурпэй паңгм' мэта

Пурпэй" ва"ларабцо"

Хор Сюдбяр' Василей

Царкаюм' Хор Сюдбят-Василет нися саць мэта ненэць' цэвы. Цохона Хр Сюбяр илени" цоңгана цэвамбирувна пирця цэвы, лэда цо" лата цэвы. Василер нисямда хэтвы, Сюдбяркоңэ вадэвы, цонета тэтенэ хэвы.

Цока тэтат, тэтет, манзаранита нядаңгодида цобтарем' цокаць. Хор Сюдбяр Василеяр цока ямятна цэсыхынанда хусувэй мядндерм' маниевысь, хусувэй манзаранада сита хамадабвэндань. Цацьмбой манзаранида ервамдо' мание ивьер' манзараць. Цэсыхынандо' мал' хынэси" илець.

Альберт, Пурпэй паңгм' мэтар сянхава илхы ва"ларабцом' нянхолцговвабцувнанда ваде"нась.

Нюртей лахарёда

Мань там ацькэмась, школан тамна нимась ядарь. Невяв мазьян ядбата сюв хадан да ирин няюв хансаты. Мань ирин хардан тюбан сёхо валъив:

– Сырнада, «толёк-намзёк» мица.

Ирив тарця серкна сюв нись сатъева хавцийтасьты, масьты:

– Нён месурь мэ, амгэлт ниньта со.

Сяс пеля ваераб, вертолёт миндам намдава. вертолёт амдаб – Енька вэско сяралавад тарпадапта харданда товы.

Нюртей лахарёда

Мань тамна цэцекэманзь, школан ниманзь ядэр", тамна нюдяманзь. Небяв манзаяханда хэванда нерцюна си"им хадахан та ирихин вадласеты. Сяхав ирин хардан тюба"н мань вахалъюваць:

– Сырнада", «Толёк-намзёк» мица.

Ирив тарця серка"на мань си"м тосавна хавцийтасеты, манзеты:

– Нён месури мэ". Цамгэхэрт ниню" цадю".

Сяс пеля ваераб минда вертолётм' намдава". Вертолёт намдхава таняд Енко вэсако сяралавахад тарпвы", хардаханда салмы".

Нябимдей лахарёда

Там няи тарця танесь. Хадан да ирин хардан тобан, мань валъюв:

– Пикунa сырнад, сарё мица, сыв саньте.

Ирий сюв ань тяньбёков павэн хавцийта:

– Нён месурь мэ, пикун хаярню, амгэлт тир ягуньта.

Сяс пел ваераб тир то, та мерцясь хаяда, мунта лабарцата, ёльце сарёсь хая. Тикы пукун хадав да ирив нядан тосаркась пяди.

Нябимдей лахарёмда падбидм'

Тамна нябю тарця сер" танясь. Хадан, ирин хардан' това мальцгана мань вахалъюв":

– Пин' сырнада", сарё мица, ся"ам са"не.

Ирив мань сю"ум тянёмбёковна павэхэн хавцийта, ма:

– Нён месури лахан", пихиня хаер"ню, намгэхэрт тир ягуньта.

Сяс пеля ваерахава тир" то'. Тамна мерцясь хая, мунота" лабарца". Ёльцесь сарёмя. Тикы пуд хадав, ирив нядан тосарка пяди".

Няхарамдэй лахарёда

Тюку сер нертей классан ядарць пьбан ваерась. Сёхо цунуй ваераб мань школад тобан ненян ня нисяни мазьян хаянь. Пезь хая, сада ока, нисяи мазьянда нинь хо, мань ненян маннидум:

– Нисяи ханевась нив хань, мань ергод местамда

теньвав, хэхань.

Ядбань серув пезьком мадась тарвы. Ненян нёцько резинка хотыкоця, яда, пезьком мадада. Маньян потинка нойхад сэдвы, егалць ямалцав. Мань валъив:

– Мань сырава пезям мадгуб.

Сырава ядва серув тасла нивэв, пезько ита сыра ылув мимы. Сыра лабара, мань сырсавай арка хоркадён манувъив. Ид эван ни сярна, мань иханан хамадав, потинкын санюй. Курткав екам, эн ыл масътев, иханан мавкэм «Эн ни санегу». Ненян төрейм:

– Латком пюр, нян, хоркадён наMAT. Мань латков танагум.

Няв латом ховысь, хэган намадада, маньян атьгась танась ямалцам. Төрейв ненян:

– Хэври хосья.

Неняв мерку сюрбыйей. Мань хэгхана нусь хаим, ид эван ни сярна, ханиям. Тенев тамна, сэвханан ёревкам манэам, сюран сярвым, нисян вабц намдам:

– Ёревкам нянкод иркув серад.

Мань хузерко ёревкам серав, нисяв сюр хоркадёд тэва. Мань сыльим, маямъив. Тад лэркапт ив хаптюмя. Хонёв ельцюн пэвсуб ив ань пуны то. Доктор Ульяна Павловна сюр пуны тарпра. Тарця нёцько сер илебцанан танесь.

Няхарарамдэй лахарёда

Сяхагва юнуй мальгана нюртей классан' ядэрць пяба"н тюку сер" насъ. Школахад тован мальгана ненян ня' нисяни манзаян' хаяни'. Пензь" ваңхат ид" сюрна", сада" цока".

Нисями манзаяхананда ними' хо'. Мань неняхан ман"нидум':

– Нисями ханеванзь нив хань". Мань еранго ямда теневав, хэхэни".

Ядвани' сер" пензьяком' мада таравы. Неняв нюдяко резинка хотыта, пензьяком' мадада. Маньен ной ботинкатам, сюрларта идм' еңгалць я"мав, неняхан мадм':

– Мань сыравна пензьяком' мадангуб.

Сыравна ядван сер" сехрэв нивэв тасла", пензьяко' ита сыра' нылувна мимы. Сырада лабара. Мань сырсавай нарка хоркодён" манамьюв', мантэюв'. И" нэван ни' сярна. Ихнян хамадав, потинкын са"нюй". Курткав екав, нэн ңыл' мастев, масибтев. Ихнян мавакэдм' «Нэн ни" санегу"». Неняхан төреюв":

– Латаком' пюр", нян, хоркадён' на"волт. Мань латаковна танагуб".

Неняв латаком' ховы, хэган' на"мадада. Маньен латакочем еңгалась, ниңда танась я"амвэдм'. Неняхан төреюв":

– Хибяри хосья"!

Неняв мер-мерувна сюрбыйей. Мань ицавай ваңхана нусь хайдм'. Ид" нэван ни' ёльце сярна". Саць ханиямдм'.

Хор Сюдбья' Василей

Наркаюм Хор Сюдбят-Василет нися саць мёэта ненэць' нэвы. Цохона Хор Сюдбяр илени" поңгана нэвамбирувна пирця нэвы, лэда цо" лата нэвы. Василер нисямда хэты, Сюдбьякоңэ вадёвы, юнета тэтенэ хэвы.

Цока тэтат, тэтет, манзаранита нядаңгодида цобтарем цокась. Хор Сюдбья Василеяр цока ямятна нэсыхынанда хусувэй мяндерм' маниевысь, хусувэй манзаранада сита хамадабвэнданзь. Цацьмбой манзаранида ервамдо' мание ивьер манзараць. Нэсыхынандо' мал' хынёси" илець.

Альберт, Пурпэй паңгм' мэтар сянхава илхы ва"леробцам' нян холңгов вабцувнанда ваде"нась.

Холңговндер" ва"лерабцо'

Старовер" илелава

Церковь' сидя ян лядма' мальгана нёданахат хунурта" старовер" маңдал" Холңгов цон' илеванзь товыць. Кривой яха' ня"ван' илелмыд". Кривой, Обчикал еси" вархана крестм' падалмы". Холңгов цохона нэда яля' падь мин' няңэна.

Вэям' цавраңэ ниня тасламбэяд сингахад хавы". Хадри" вадамбой яңгумбэй нэвангабьяць. Хальмерадо' цобтеки илелава нэсыхынандо' сюрпэй" нэвы". Си"ивьюдимдей похо"на ямгы я' вар сата мерцяхат хабараңга пядя. Ямд' тин" мантырць пядо'. Тикар хибяри" сэвтевы сер". Яв' вархана пядамдо' пюрта" бутринондер" манапэй ни"им на".

Нарка крест' но"махана тики похо"на сейсморазведка' нэсы насъ.

Нэвэйць'

Тикар саць сенений сер" нэвы. Маня" цацьмбойнэсь тамна яңгуваць. Нисян вада"амна цоб" Соблэвхат выңгана мэнаңэсь харад нэсын' салманда сер" невхы хальмер" я' хэувна нэдалёвы. Тики яда нарханда намдэкана талвы нэвы.

Лаңг' вархана Соблэвар нэвэйцьм' манэ"мы, тикымда я"авла тапхалмэда. Нэвэйцял минханда яха' ид' ңыл хая. Соблэвар таңгась цоб" нерня' нэдалэй". Нарэй лата яха энд"мана нэдалёванда сер" яхам' торавнанда мадаба пядя.

Тикымбохона ханда лаكري' вабтарэй", сатавна лохорта яха' энд"мана мэтида хансавай мирна".

Ит' паклёвндар мэта инямда худнганзу ня"ма поспея, сапда. Тыда цо", яха ңыладм' тобаха"наңдо' хохова янавна манзада". Нарханда са"нюнэсь, ныхысялмбэйңэсь Соблэвкор я' ни' лехэбтэй". Цамгэсь нэбта няби яха' малхад ханявахад маймбада «И-хый-ав-нан-даа» төр

намда.

Сёе"мямда сюрхалехэва, мер-мерувна самда мэхэя, Соблёвкор тикы яхад мерривна пенарэй".

Нюдяко Пурпэй

Нюдякоңэсь нэван' мальгана Апицын Максим Калининвич, Вэра паңгм' мэта ирикэв ихин ха"амсеты.

Таңы' мальгана, садикан' ниба"н ядэр" нисяв, небяв яля' ямбан' манзараванди' мальгана си"м нюдяко Пурпэйңэсь, ирихин, хадахан нэдарабсетыхы".

Таңгавам' ня"амхава пикуна сюрбермахад хардаханди' то"махадан стол' тяха' наворманзь намдсетыв". Лакри' «Бум"!» павэйхан лакадтава сосьты. Тикар Максим ирикэв харта мэбцувнанда павэйхан пенгхананда павэй син' си"м ладсеты, тадькэхэд мансьты:

– Воть, хань", удид массс".

Нудин мас"махад стол' тяха' нись парумба намдвась ятнасетыдм'. Цобтекы сер"-«Бум"!» павэй син' мацедасеты. Максим ирикэн вада нань" янамбовна сосьты":

– Вооть, туессс. Тадькэд ормась амдгуун.

Маня" иконан' сырць, нусь туецетыва". Тикына пуд ну"умрө стол' тяха' намдсетына", наворць пясьтыва".

Юрхалман мальгана павэй син' лакадармам' нань намдсетыв.

Хонсерва" еся нэсь"

Сюдбя яна" сайнорма' нерцюна Пурпэй-Ардеев Иван Николаевич ирин вада"амна пыдо' командирто', капитан-лейтенант Калинин (ямгы пехота нермпэртя) матросда хорць пяванда сер" сидяюр" метра хундан хойко' ни' терсяда намзи хонсерва' еся нэсьм' мастесь цоб" матросамда табада.

Калининар тамна тяхакуна мале теневась: ненэцял нули" сававна енерца. Пыда мань ирихин нив ман":

– Ардеев Иван Николаевич, винтовкахад банка' ерт' еремзь пиртан?

Ирикэв туним' ня"мада, нэдавы муңгда банка' ерт' теба. Матросда ер"мня си"мы еся нэсьм' ервханда ми"нада. Калинин матросхата тарем' ма:

– Сырцада", тарем' енерць тара. Тюку банкам' пили" манэ"лабтамбңгув, манзь пэртам', ханзер" мел"мана ненэця тыбэртя" енерца". Калинин вадита пуд сипэй еся банкам' нэсянда мю' масьтеда, такалада.

Тирта" няңгуй"

Сюдбя яна" сайнорма' мальгана пяңгуй самолёт"е пилибт" харад нэсына" нимня тирнаць. Цоб" тарця тахабтамбада харад" нимня тирма мальгана енерта" пяңгуй"е тохолкодам'

хадавыць. Тохолкода таклёда хардан' яналаравы". Таклёда я хардако нинг сайнорма похо"на хибяри" илебцо лэтрава' е"эмня сертавы нэвы. Тохолкода нэсы хальмер" понгана сюрпэясь.

Хусувэй цамгэм' тенева харвана Миколка интернатхана мэваханда, туни муңг' нэвакэцям' туюлмы, сянако пявы. Туни муңгар пендудавэй нэвы. Хойка' еся ед' лакадаванда сер" тикар пендвы". Микулкат ва"ванда то' лэюмы. Паранана том' воспитательто' хабтавэдась. Миколка ниня тарана сер" нид танарабэясь.

Мяд тюмю

Няби яңор ёльцхана тирта" нягуйхат мяд' мюня мэна хадакэ нибтева мальгнана мяд тюмю' есяхана харта сита талвы. Та мальгана печька" яңгуць. Няңгуй" самолёт"е валакад харад" нимня тирцеты". Мяд тарана цамгэнэ нидонзь таслабю", ханзосяда цамгэнэ пэрнадонзь, хардари" няңэн енермы" нэсьты".

Таклёда цумбья

Сайнорма пуд выңгы нэсыхына мэванда мальгана цоб" не таңы пихий есер' няңэн хая. Ямгад товы вэсакода есер" хэвхана цамгэхэвам' хаевысь, манэць нив тара". Ненэсянда цоб" я' ниня цамгэхэва тане. Саваркавна манэкаваб" тикыд мина' сидя есяко нямд нэвы.

Есяком' манэсарманда сер" яберенаком' манэ"на. Ибедоркаваб" тикы салъянкор цумбьнэ серо"на. Цумбьянда тарка тания' нялца. Цумбья серкана вэсако вуни тара", не харта тенева, ханзер" есяко' мюйм' сабкаба тара. Пыда цэбтобэрцямда мэ, сапканорць пяда. Сапканорманда сер" есякода пенды", есорта лэёма. Ябсяда нэнд нудита тарка" ныклы", цоб вартэрида хаёвы. Матюй нудаема сатавна латрась хаи.

Вэсакода пенд намдхава, лэём' манэкава мэтида сюрхале, мирнась мяканда тэвы". Тикарида сава, мякаданда нись цаха"на мэвы. Ненда вэясавэй нудам' манэкава варцяда тохоцям' мэ, ненда нудам' манона, немда харад нэсын' ханада. Неда минахад лэёмдана детонаторм' цэбтобэрцьгнананда хулцопавы, ниня тарана тосакабтёда серм' пявы. Тикы" пуд нюмганда «Варты» пэрабцанда надимя.

Мина' нямдко"

Сяхаңгава манзарани бригада Бугриноход пи, ху ма"ламбавась хаясь. Ервота бригадирто' Ардеев Иван Николаевичась, мань ирикэв. Ирив бригадамда цона" хувы ялэмдад мин няңэн' тидхаледа. Великой яха' ня"ван. Тарана яхандо' тохова, хибя наво пэрта тасламба пя".

Палькон' пирензёва еремя. Цанидо' яха' вархана хубрөвна ма"ламба лабцеяд".

Палько едамда хамада, тум' пята. Еданда

пива нэсонд' нись наха"на яха' варувна ядэрць пята. Ядэрманда сер" ямгы мерцяхана наволпэй брёвна" мандалка"на миам' манэ"на. Тубкамда хосеяма"хаданда нямдку минханда сапгяда.

Яха' вархана манзаранид наворманзы то"махад, навор"махад Палькор посана пята, ховы навода манэ"лабтамба пя. Ирив посанана Палько наводикы манэкава тэдоркая вахалгый":

– Амгэ тарця нёхолпэй серм' пэранда, тикар тад пендгу"на харт пыдамд нинув хадарабтгу", ани" нид о" иле ни" каёд".

Сядоларабэй Палько, вэвако серт' ха"амвэңэсь валакада «Хи-хи", хи-хи-хи-хи", хи-хи-хи"» писяньз хэвнякуна нусь.

«Юшарм'» цатена

Мань Шурик някан нюнда нямна, Лёка' папакон нямна мэкад лахарём' мэ"нась. Пыда нисянда, Ардеев Гавриил Афанасьевич ня', «Юшар» теплоход няңэн мотоңанохона хэванда мальнгана Лёкам' харти' няньди' мэңгуди'.

Таңы' мальнгана Бутринохона хибярир цока нэсьты. Нарка тоходанна нацеке", тамна ханяна-таняна тоходанна студент" салма ёльцьдо' тэвсеты".

Цадьбянанда нюдыхат вэсамбэй нэсонд' хибярид Сюдбя яна" нюдыко цохона илени е"эмня теплоход това саць нарка сер"нэ таславы нэвы.

«Юшар» товнда яляхана хаярэця сянако хаерысь, нумда ибась, хэ"нэсь, яв' хамба" янаць. Намгэсь нэбта «Юшар» яноларангась.

Лёка тев' мальнгана мале тоходаннась. Нюртей мэва теплоходм' ядабтаван' пыда сёнзьяда я"авла маймбись. Харкавата Ардеев Семён Михайлович' ирикэнда сарай' танцанд' намды", па"мявна яв' няңэн' сырца. Пон цатевы «Юшарта» намгэсь нэбта нись надибер". Цатенаханда нюдыко хасавако' сэвда хаемланьд". Хаерэцяр лимбикако иняха"нанда цатенанам' хонаталбида.

«Юшар» тохова Шурик нисянда ня' папакомда хонрась тоңаха'. Хонёда нямди' манэкава сидтэхэ' янамбоковна письлыхы". Сэвта вархана спичка" падды". Хадри" немам' питарпа падалпэй ни"им ца", тарем' нод Лёкади' мэевна хонаравы". Сэвта ялякори" нади".

Лёкат нисяда няканда ня' хонёдамди' хаеди', теплоход няңэн' пяди'. «Юшар» яв' ид' махана сэйванда сер" Гавриил нюнда ня' хонёдамди' сидеда.

Инда вомбэй сидедавы Лёка нарырць ярумбэйңэсь хардаханда хая.

Ниня серота сер"

Хибярит илхананда хуркари ва"лерабцо серта мян"на. Нани ханяңэхэ"на хэвхана мэнида писелабтесетыда, ханяңэхэ"на цобнзер" мэта маяндорман' тэврасетыда. Цоб" тарця

вале"рабцо' нямна нисян тенхад надимбэй.

Нисяв пенсиян' хэ"мяхаданда лавкахана кочегарнэсь манзарась. Едэй манзаянда нерцюна рыбкооп' пекарняхана няньм' ябцбаданэ пон' тарась. Тюку мэвахана хув' лавкан' тохова манзаяханда лабцей". Нарка ед варекава склад' хэвхана нэда мандалкад пэ ята"мам' хосея пин' тарпы". Тикымбохона складхад Палько печенья лабтэйм' тарпрабись. Пыда наводикы тэвабаданэ лавкахана манзарась.

Палькот цопой сэванда таңэ сирер" пэхэд сертавы сэв намдтабэясь. Складамда пакалма мальнгана ключда манрабтавы. Тикыда пюрць тет нэтё нялабарца. Нюртейхава нисяв нялабарта нямда мунзипой маниедась, нидась хамадабю", навода пэрць Палькода нялабарца, намгэм' пюрца. Някунда тохова тосавна юнра:

– Амгэ нялабарца? Авод пюрца?

– Мань сэвув ё"ам', теда' пюрцав.

Нисяв нядаңго пята. Пыда сэвда па"мяць, нусь пюдаресь. Пюдаре"мади' сававна ваера"махад Павел Миронович (Палько ненэй нюмда) пыя тэцяңгана-таворцяңгана сэвамда тэ"нада, парумбари' тарана яханда масьтеда. Ханзер" сэвда лабцетебэй, тикымда нисяв нидась манэс", минханда пэ ята"масавэй нерзямда кочегаркан' хана.

Палько нись парумбю" печеньида мал' лавкан' тюлейда. Тиканда пуд пыда пин' хурецговась тарпы". Нисяв цо" пин' тарпы". Нисяв Палько сят' пысамба сылы". Цопой сэвда нисян няңэн сырца, няби сэвда нань намгэсь нэбта тю"у хэвня' сырца.

Нисяв кочегаркахад сядобэрцьм' тарпра, Палькон ми"нада. Палькор сята манэкава няңгамзэ вахалгый":

– Ваяв! Мани' хабеням' нивув вэнолта. Сейда хэвангабась.

Сядобэрцяң' сырка вэвако сэвамда ханзер" тара масибтеда. Ти, танцие" ниня намдэ сидя манзаранар нись парумбю" лахарёди' мэ"наханзэ'.

Мина' тарода таневы

Сидяюдимлей юр" по' пеляхана ямгы сата мерцяхана ян' мобэй мина валер" надимы. Серта тарцясь. Цоб" тыбэртя еванда мальнгана тикы миам' мэдасть, ямгад цахаку нэкаладась, пуны' ямд' нибнанда пу"ла". Цэлов мэвдамда тарем' хаеда, мяканда нэдалэй". Таданда няби еня тыбэртя манзаяханда лабцей".

Нарка мандалюй мина' тарода танявы. Мякана тарана намгэңэ таравы-тюмю" есям' сертабасеты". Тев' мальнгана еся печка" тамна яңгуць. Тю"мюнэ нэвнда миам' тыбэртяр хосеявась нэдалэй". Тохова маниеда: минанда цомарида яда хаёвы, хибяхав мале мэвэда. Едэй нэдалавари хаёвы. Хаёвы мэти" ну"умна

нэдалэй", еня няханда тэвы". Минаем' тярпа пяди', хусувэди' харта ховаңэ таслада. Тарем' мэнанди' хаводолахы". Тикэнди' пуд тамна пон ницаханзь лаханакуху'.

Едэй Я' цо

1947 похона Едэй Ян' ты баржахана минрець. Ладымко Апицын Михаил Савватиевич, Вэра паңгм мэта вада"амна налека"е цон' ха"амвандо' мальцгана сито' ядабтавы" едэйяндерад ю"мырмыць:

– Амга тик"я, падераха сэвъя маня" няна" тога".

Тикы серм' харта Ладыко ваде"надась, Едэй Ян' командировкан' нэдалёрпэй, пуня' Холгован' тобэй. Тадкэхэва пыда Холцговхад семьясавэй Индига' няңэн ямдавыць, Тиву-Тиман выңгана илелъяць.

Хари" сянаку"

Нисяв хари" мэта сянакудо' тенейдась. Сайнорма' пуд школахана тоходанванда мальцгана пыдо' пя шарикхана сянакуць. Пя шарикм' ты хобахана тарта нады сэдорпиць. Тикы шарикамдо' тэблэвквна цэто' сиңгхана, пивандо' малхана тю"у тапарпидонзь. Пирдырмандо' мальцгана шарикм' ян мантэдвэр ва"лаңгась. Цани ханяңэх"на нянь ед' пирдырнаць. Смянхат цока шарикм' тапарпэян' сянакодид столовойхад тарпмахадандо' няньто' ютикэци мипа пэрмы". Школадо' наркась, нэдо' цокась, лампа" цодь лэйнаць. Пэвдякохона нобнзер" ма"лавы нянюдо' пуня' марпвыдонзь. Пирда"левы нидо' няньдо' нобтарем' ёць мян"нась.

Ненэй тыбэртя

Сюдбя яна сайнорма' пуд нисян нися, ирив Ион нюнда ня' тамна Нина ненюнда ня' харад нэсын' яталгяд". Ниня нарка хасаваком'-нисяв тэ"на мэнаңэ хаеду".

Нисяв минханда ненэй тыбэртяңэ хая. Вэнекосавэй, тунисавэй, хуркари мирвсавэй ненэй нарка сармикахат ты лэтрамбангу. Тэваямбар тикы по' выңгана цокась.

Харад нэсын' няхар" ялян' хэбэяд мале тетимдей яля яңгу". Няна" пондан хэвы", пон яңгу". Тетимдей яляхана валакад то'.

Цацекы-нисяв пон' ненэй тыбэртяңэсь мэбэй, намгэхэртм' ниня пилюта царциета ядэрца.

Анна Михайловна, нисян небя, мань хадав, хибяри мальцгана мась:

– Мань хасавав хальта хаюрась, ёльце маендорсь манзарась.

Мамаңда нюкута вади намдхава мэйрёда цацекы ярңэ хэ"нартада.

Нисянда нямна падна"

Си"ивью" похы" ноб" та' мальцгана выңгы нэсыхына" нюдякоця няби мякы Маринка мядоманзь то. Тикымбохона мякана Анфиса

хада, Саша ирикэ мякана хаевэхэсь. Пукуркана нисяв сяманзь товись.

Тикы яляхана нумда сава нэвысь. Хаерэцясь. Мяд нё няңгравысь. Нимнебтэй мерцяхана падераха намдэд" янамбовна мастысь. Мяд' мяюня хусувэдо' харта серода манза"яңась.

Саша ирикэдо' серода серта"махад, сяммахад газетам' толаба пя. Нись наха"на пыда харад нэсын' нэдалёрпэй, почтахад падвы наво тавысь. Толаңгованда мальцгана сенокос' нямна вада" халхалгяд". Сян центнер намдэд" хороваха" мале хамадавы толабава мальцгана Маринка лакри' төрей":

– Мань папан нямна падна"!

Саша ирикэ Маринка вадаха" пысабтэй", манзь ханада:

– Маринаков, нэцят е"эмня нэда вади хуняхартана ниманзь тола'. Маринка минханда маймба вахалгй":

– Мамав эрпата папан' төрырцеты «Скотина!».

Тикырихинда мал' письлыд". Маринкари намгэхэртм' нись хамадамбю яляко сэвкаха"нанда писенда маниесь нарка хибяри" пумна маймба писяңзь пяда.

Илхы мэбцо хорпава

Сое"махадана вадёвана" сер" илхы мэбцад хорпива". Хари' хоркаваб сава на"нив, илеванд ямбан' тененгур.

Сяхаңгава небяв книгахана мороженой' нямна лахарём' толась. Цацекы" нормандо мальцгана намнелада цаврамдо' пили" нянзбидонзь.

Няби яляхана мань лыжаха"на сюрберць харвелыв'. Тецьда яля нэбта цо" хардахад нисян лыжа, пякоцида пин' ханадм'. Намгэсь нэбта хуркахарт лыжа цэхэн мэйра я"мадм'. Лыжан пякоци мэдм', лыжа пякоця' ниня седя', хань' надимы. Хань'-седя' сыркаваб книгахана нэда мороженоярха. Нянзхалав. Нямяв намгэсь нэбта лыжа пян' минханда лабцей". Цодь" яңгрев. Нямяв хобако' пускэцяда пяхана лабцетё хаи. Мань нарырць хардахан сюрхалгью".

Нисяв, небяв нямяв пус вуниди' лабцитенгу", музихи'. Хонёван нэсонд хардувнана" хыварць ядарнамась. Тедахава саць сававна хамадав: хань' мальцгана есям' нянзба вэва. Илеванд ямбан ин цут' ха"аврав.

Цобнзер" хэтна"

Сидндетью" похо"на нэсыхына" комиссия турнась. Товы" поңгана министерство' образованияхад хибяри танесь. Школахана мэванда мальцгана пыда цацекы юндалтабись:

– Хибяра" мороженой цорца?

Нидо' нертемба мал' төрелыд":

– Аворнаваць! Аворнавааа"! Аворнаво-ов!

Округхана тохолкурмам' минрена нарка ервамда хонра:

– Нацекына” пиревдавы ты намзам’ ханюйханда наворць мэне”. Выңгана мал’ намзам’ наядбадби”.

– Хурка по’ ёлцьм’ пыдара” мэнеда”?
Нацекы нобнзер” нобкана төрейд”:
–Таң-ңым’! Таң-ңыым’! Таң-ңыыммм!

Наворца”нө”

Окружком КПСС’ нюртей секретарь’ манзаян’ Романов Юрий Степанович лабцеб”нанда Холгован’, Бугринон’ турңась.

Ядабтана” поңгана мань нисяв таниясь, тикымбохона пекарьңэ манзарась. Пекарня’ хэвувна ядвандо’ сер”, намнелада набтм’ тюнарпа Юрий Степанович нисяхан сырць юнра:

– Григорий Иванович, няняр наванав?
– Так наворадо”ню”.

Мал’ нянзидарев мунзялма”. Вокуев Василий Петрович нисяв няда, пыда вахалгы”:

–Григорий Иванович Ардеев сава ябцанана. Пыда намлелада няньм’ сертабасеты. Няньда нэсындер” мэнедо’. Бугринон’ турта” мядондахарт’ хардахато’ няньдамдо’ ханасеты”. Тюку пекарьма” ёнекурта ненэць”.

Предяшка

Сяхаңгава, армия’ пуд то”махадан «Холңговской» совхозхана манраван мальңгана август’, вэба ирийхана вынд’ ты” просчөтан’ нэдалэйнаць. Поңгнана” Хако-Ледков Филипп Васильевич мэсь.

Харалым’ мярава”. Ты харалыг’ танабава нэсонд’ ёльцьда тамнаркась, тэвувдавэясь, тамна ныланава мянась. Маня” нись нахаку’ ядусумбавась, мараңгымась хаява”.

Мань Хакоход нись нахакуна ядэрңаманзь, сита сававна маниевась. Хэвхы няв лакри «Аа-а! Предяш-ка-аа!» төрм’ нэдара. Төрда сидна” яндахат ма”ла. Саваркавна сыльв” на, нява” нэда ляхарө нусь, ноб” нудахананда ни марамда ня”амба, няби нуданда нумбъя тарка намгэхэвам’ манэ”латабись. Нернякунанда тудакко. Тудакор нарка нэбнанда но” мале халы” лунгвы нэвы.

Маня” но” тудаккодрев төрьянаңэсь мунзипой нува”. Төрамда хамадахава мал’ письлына”. Тудакком’-ты” намнелада навраком’ халы”е вомдавэдо’. Ты сянзь нив төре”.

Хако’ вабцм’ минханда нир хамадангу”, нямюда малцан’ торумзь тара.

Харкавата пыда ңырк сава хибяри, ниня полярөда юрө-ня. Хасер”махадманя” янамбовна ңань” «ханеванзь» ядалъяна”.

Намгэ халэв хыварңа

Вадако

Хов, нопой мяд пеляхана халядана хибяри” илевы”. Мято” яв’ вархана мярвысь. Хувынякуна поңгам’ моёпавыць. Нөкавна халям’ нөкалмы”.

Мякандо’ топто’ ид’ вархана халудо’ сяммба пя”. Халэвко”е нөкавна сюредесь пядо’. Нөцько хасавако нацекы пили” нисяханда хэвхана сэкта:

– Энув, мугув тара. Халэв ядгум.

Нисяда нянда ма”нив:

– Хэвэ, халэв ап нюда тане.

Нацекэця”е харта талесь нисянда ңым”, нопой муңгм’ ханхад мэ, халэв няңэн муңгм’ нэдара. Муңг тад халэв’ яйханда теба. Халэвкоке манамый” ни, нодь тирць хая. Пидянда няңэн хая. Пидяханда тэвхава мякандо’ тю, пухуцяханда, ханийхата ма”нив:

– Хаяда”, Харна тадтбям’ хосьяда”.

Ханий” хая”. Харна-тадебя халэван’ тохова ма”нив:

– Мяд акуркана мярад. Нисямда савумдегув, харта” нөд” тюңг мята мю”.

Сян яля ваерабта но” хибяхарт ехэра. Харна-тадебя тарпы”, ма”нив:

– Мань ся хой пиньюн ваерагум мяд мю тюгуда”. Нисямда савумдев.

Харна-тадебя хой” тяха’ ваера. Халэв пухуця ханикосавэй мяд мю’ тю. Мяд мюйм’ манэ”надо’-нисяндо’ нопой лэрида хаёвы. Мяд мюд тарпхава хыварць тияд. Надьбята халэвар тюку тендад яха’ варувна хыварць тирцеты.

Нюртей лахарө

Мань тамна нацекэманзь, школан ниманзь ядэр”, тамна нюдяманзь. Небяв манзаяханда хэванда нерцюна си”им хадахан та ирихин вадласеты. Сяхав ирин хардан тюба”н мань вахалъюваць:

– Сырңада”, «Толөк-намзөк» миңа.

Ирив тарця серка”на мань си”м тосавна хавцийтасеты, манзеты:

– Нөн месури ланор”. Намгэхэрт’ ниню” надю”.

Сяс пеля ваераб” минда вертолётм’ намдава”. Вертолёт намдхава таняд Енко вэсако сяролавахад тарпвы”, хардаханда салмы”.

Нябимдей лахарө

Тамна нябю тарця сер” танясь. Хадан, ирин хардан’ това мальңгана мань вахалъюв”:

– Пин’ сырңада”, сарө миңа, ся”ам са”не.

Ирив мань сую”м тянөмбөковна павэхэн

хавцийта, ма:

– Нён месури лахан”, пихиня хаер”ню, намгэхэрт тир яңгуньта.

Сяс пеля ваерахава тир” то’. Тамна мерцясь хая, мунота” лабарна”. Ёльцесь сарёмя. Тикы пуд хадав, ирив нядан тосарка пяди”.

Няхарамдэй лахарё

Тюку сер” нертей классан’ ядарць пябан ваерась. Сёхо’ юнуй ваераб” мань школад тобан ненян’ ня’ нисяни’ мазьян хаянь’. Пезь хая, сада ока, нисай мазьянда нинь хо”, мань ненян’ мани” дум’:

– Нисай ханевась нив хань, мань ергод местамда теньвав, хэхань.

Ядбань серув пезьком’ мадась тарвы. Ненян нёцько резинка хотыкоця, яда, пезьком’ мадада. Маньян потинка нойхад сэдвы, егалць ямалцав. Мань валъив:

– Мань сырава пезям’ мадгуб.

Сырава ядва серув тасла нивэв, пезько ита сыра ылув мимы. Сыра лабара, мань сырсавай арка хоркадён манувъив. Ид эван ни сярна, мань иханан’ хамадав, потинкын санюй”. Курткав екам’, эн ыл масътев, иханан мавкэм’ «Эн’ ни” санегу”». Ненян төрейм:

– Латком’ пюр”, нян, хоркадён на” мат. Мань латков танагум’.

Няв’ латком’ ховысь, хэганна” мадада, маньян атьтась танась ямалцам’. Тёреив” ненян:

– Хэври хосья.

Неняв мерку’ сюрбией. Мань хэгхана нусь хаим’, ид эван ни сярна, ханимям’. Тенев тамна, сэвханан ёревкам’ манэ” ам, сюран сярвым’, нисян вабц намдам:

– Ёрёвкам’ нянкод иркув серад.

Мань хузерко ёрёвкам’ серав, нисяв сюр хоркадёд тэва. Мань сыльим’, маямъив”. Тад лэркапт’ ив хаптюмя. Хонёв ельцюн пэвсюб’ ив ань пуня то. Доктор Ульяна Павловна сюр пуня’ тарпра. Тарця нёцько сер” илебцанан танесь.

Тенев тамна, сэвха” нан верёвкам’ манэ” надм’, нисян вабцм’ намдадм’:

– Верёвкам’ нянконд ирня сярэд.

Мань верёвкам’ ханзеркава сярв. Нисяв си” им хоркадёход тэва. Мань сыльив’, маямъюв”. Тад лэркапт’ ив хабтюмя. Пэвсюмб хонёвана” нерцюна ив нань” пуня то. Доктор Ульяна Павловна си” им пуня’ тарпра, савумда.

Тарця нёцько, илебтева сер” илебцаханан хадкэсь.

На кирпичном заводе в Ёкуше, 1960 г.

Правила приличия – ой, Боже,
Где они, где я?! Да мне же всё равно!
Глянет косо кто-то – ну и что же,
Уж не жить теперь? Ум с сердцем заодно!

Наши дни летят – не остановишь,
Не успеешь оглянуться – седина.
Нет дорожке в памяти сокровищ,
Чем влюблённость – безрассудна и вольна!

Мы сами дороги свои выбираем,
Грехи свои и достоинства знаем.
Друзьями, знакомыми, да и врагами,
Всегда и везде обрастаем мы сами.

Кармой, судьбой прикрываться не нужно,
Котик мульташный советовал дружно
Жить и, конечно, мы все с ним согласны,
Только вот сердимся часто напрасно,
Или не сделаем то, что попросят,
Призыв не услышим, обидим – нас бросят,
Друзей не простим и обидимся сами...
И вот мы с седыми уже волосами
Одни, и хоть полная чаша наш дом,
Уже непонятно, зачем мы живём.

Нет большего счастья, чем жить для кого-то,
Чем знать, что нужна наша чуткость, забота,
Любовь и внимание, добрый совет,
На трудный вопрос непредвзятый ответ.

Легка своя ноша. Нести не устанет
Её кто судьбы устроителем станет!

Чужая жизнь, чужие звуки,
Чужие звёзды, море, ветер...
Мне лучше быть с тобой в разлуке,
Чем рядом: сладкий плод запрещен.

Светла печаль, чисты желанья,
В трудах и песнях дни летят,
Животрепещущим дыханьем
Вселенной каждый миг объят.

Любви божественной стремленье
Отраду сердцу нам даёт
И пробуждает вдохновенье,
Блаженство дарит жизни взлёт.

Зачем мне знать, что дальше будет,
Когда душа поёт от счастья.
Мой добрый ангел! Да пребудет
Твой мир в Христовой веры власти!

Финишная прямая

Когда живёшь на финишной прямой,
Твой каждый день как первый и последний.
Всё восхищает: лунный свет, прибор,

Цветы, деревья, солнце, дождик летний –
Весь Божий мир. Души успокоенье
Тебе приносит созерцанье
Земной природы вечного движенья
И звёзд далёкого мерцанья.

Когда живёшь на финишной прямой,
Встречаешь каждый день, как самый первый,
С улыбкой радостной: «День целый – мой!
Он будет очень интересным, верно!»
И не боишься глупость совершить,
Перед глазами не дрожит купюра...
А опыт твой позволит завершить
С достоинством любую авантюру!

Когда живёшь на финишной прямой,
И каждый день твой может быть последним,
О тех скорбишь – и мысли нет иной –
Кого покинешь. В мире беспросветной
Нет участи детей, зверей, больных,
Оставшихся без ласки и заботы
Того, кто их любил. Для них одних
На финишной прямой твои щедроты.
2016–04.2017

Катенька

Жизнь и любовь

Когда я услышала громкий, низкий, какой-то отчаянный кошачий вопль, донесшийся с лестничной клетки, я подумала, что это зовет на помощь мой кот Сеня, потому что он только что ушёл на вечерний обход своих владений на лестнице. Выскочила за дверь, не помня себя от беспокойства, но Сеньки там не было. Зато через минуту вопль повторился. Нашла я обладателя столь громкого голоса под лестницей, под старым письменным столом, среди баракла, приготовленного на выкид. К столу был приставлен лист старой фанеры так, чтобы несчастный узник не выбрался. Уличная дверь тоже была закрыта, хотя летом мы её не закрываем.

Под лестницей темно и я сразу никого не увидела. Присмотрелась – в глубине под столом кто-то шевелится. Им оказался крошечный, с ладошку, котёночек, совершенно чёрный, даже носик, губы, внутренняя поверхность ушек, подушечки лапок – все было чёрным-чёрным. Лупогазенький такой, крепенький. Он не сопротивлялся, когда я взяла его в руки, только доверчиво уставился на меня своими тёмными глазенками. Вот удивительно! Другой на его месте стал бы на всякий случай вырываться, кричать. Этот – нет. Никакого страха, только любопытство.

Ну куда ж его денешь? – принесла в дом. Вернулся мой Сеня, облизал котёночка, признал. Назвали малышку Катя, Катенька. Мы посчитали, что это девочка.

Катюшка была такая ловкая, весёлая и совершенно бесстрашная. Летела на каждый звук,

только глазёнки сверкали. Не успели оглянуться – она уже на шкафу! Сообразила ведь, как туда по ковру забраться!

Весь день Катенька при деле: то умыться, то игрушку погонять, то углы проверить, шкафы, полки. Нашла мячик где-то, вот радости было! Носилась с этим мячиком, только шум стоял! Но больше всего она любила игрушку – мышку на проволоке, завитой спиралью, прикрепленной к тяжелому деревянному кругу. Внутри мышки что-то стучало, от прикосновений она отклонялась в разные стороны – это же так интересно! Катя прыгнет на мышку, та со стуком в сторону и назад, только нос успевай спасти. Весело! Бегают славный чёрный комочек по квартире, играет. Глазки-бусинки, хвостик торчком, лапки быстрые, ловкие – в доме как-будто светлее сделалось. Сеня у меня и на улицу ходил только по делам, все время с малышкой проводил.

Так и жила у нас Катенька, пока за ней не пришли. Жалко, грустно было с ней расставаться, так хотелось оставить её жить у нас, но я точно знала, что идиллия будет, только пока Катенька маленькая. Котеночек становится взрослым – и прощай, детские радости! Взрослые коты и кошки любят в своем доме чувствовать себя хозяевами. Оставишь двоих – почти наверняка начнутся обиды, ревность, а то и драки. Победенный очень несчастен. Он может перестать пользоваться лотком, начать «метить» углы, может просто уйти из дома, куда глаза глядят, не помня себя от горя, и оказаться в зубах собаки, говорят, может даже броситься под машину.

Сенечка мой об этом не знал, думал, что малышка будет такой всегда. Долго её забыть не мог – все искал, звал, ждал.

Ушла Катенька с хорошей доброй девочкой и её папой, дай Бог, чтобы ей там жилось хорошо. Или ему – когда котейку отдавали, посмотрели повнимательнее, показалось, что это мальчик.

Вот такая история.

Так о чем же этот рассказ?

О любви, конечно. Мы ведь любили и Сеню, и Катеньку.

Если я просто скажу, что любить кого-то – это не говорить, что любишь, а делать для него что-то хорошее, будет непонятно и скучно. Именно так учила меня когда-то мама. Потом уже, имея жизненный опыт, я поняла, что она была права, только не сумела выбрать нужные слова, чтобы затронуть детскую душу.

Есть разница между «любить» и «испытывать чувство любви». Это чувство очень приятное. Прислушайтесь к себе в момент ощущения любви к кому-то или чему-либо. Как хорошо! И конечно это чувство хочется испытывать вновь и вновь. Предмет любви необычайно приятно потрогать, погладить, если маленький – взять на руки. Говорить с ним и смотреть на него, слушать его звуки, вдыхать его запах, быть с ним рядом. Обладать им.

Только это не любовь. Любовь – больше, чем получение такого удовольствия. Когда кого-то

любишь, весь как бы настроен на предмет любви. Радость его чувствуешь как свою собственную, а горе, боль – сильнее. Даже мысль о том, что любимое существо страдает, невыносима. О том, чтобы самому быть причиной этих страданий, даже речи нет. И конечно нет большего счастья, чем сделать что-то хорошее для любимого существа – человека, зверюшки, даже своей машины. Иначе – на «обожаемый» предмет человеку на самом деле наплевать, он любит только самого себя.

Вот и с Катенькой так же. Очень, очень хотелось ее оставить, сердце сжималось от одной мысли, что ее не будет рядом. Но ведь мы любили ее, желали ей счастья, а для этого ей нужно было иметь свой дом, где бы она была хозяйшечкой, где любовь людей принадлежала бы только ей одной: такова кошачья природа.

И мы отпустили её. Или его.

31.03.2011

PS. Прошло 7 лет. И у меня в доме собралась команда из пяти кошачьих душ. Все бывшие бездомные, они пришли сами – голодные, исхудавшие, больные. Их не удалось никуда устроить. Счастливы ли они? Надеюсь. Ведь им есть с чем сравнивать.

А Сенечка, сокровище моё черно-белое, добрый и заботливый, всех приветствует, всем помогает. Он – старший в доме.

Сенечка

Мордухаевич. Граф де Сен-Симон, в чёрном фраке с белой манишкой и в белых перчатках.

Я забрала его из приюта на 7-й день после катастрофы в моей жизни, когда почувствовала, что во избежание тихого умопомешательства надо что-то делать.

Вы спросите: «Почему у простого кота так много имён?». Жизнь у него такая. Но об этом потом, когда-нибудь.

Вместе мы уже 3-й год.

Размолвка у нас была только один раз. Он что-то сделал, с общественной точки зрения, неприемлемое для кота, и я с воплем шлёпнула его газетой. Он рванул от меня под кровать, вся спинка его, и ушки, и хвостик, выражали такой ужас, что я почувствовала себя фурией, медузой Горогоной, почти детоубийцей! Чувство стыда и раскаянья охватило меня с такой силой, что я до сих пор содрогаюсь, вспоминая об этом. И больше никогда – НИКОГДА! – не позволяю себе грубость в его адрес. Раздражение даже не возникает.

Кот – это не развлечение обнищавшей души. Это живое существо со всей гаммой чувств и привязанностей. Обидеть его – рискнуть потерять навсегда.

Сенечка – моя радость, моё бесценное сокровище. Я беру его на руки, зарываюсь лицом в мягкий пушистый бочок, вдыхаю родной запах – и вселенная теряет надо мной контроль. Я спрашиваю его: «Кем у нас Сенечка работает?» И

сама отвечаю: «Сенечка у нас работает счастьем». Я богачка, у меня есть Кот, работающий счастьем!

А какое у него одухотворённое лицо (лицо, не морда), когда он вылизывается, сидя на куче только что выглаженного белья! Закончит – и мурлыкает – гекзаметром!

Ещё Сеня следит за режимом дня: в 22:00 загоняет всех спать, в 5:30 подъём, в 9:00 на работу. Команды подаёт негромко, но настойчиво. Для особо одарённых команды усиливаются громким противным стуком дверцы шкафчика. Спасибо, обед по свободному графику! А последнее время засидевшимся гостям даёт понять, что пора и честь знать, сразу громким стуком дверцы, без намёков. Приходится подчиняться.

Разумеется, критика в адрес хозяина дома неуместна. Только восторги!

20.05.2010, н. Искателей, НАО

Пуш и Ануш

Котят принесли в воскресенье после обеда, в деревянном грубо сколоченном ящичке из-под овощей. Половинка верхней доски с одного бока была выломана, на дне ящичка лежала грубая, но чистая чёрная шерстяная тряпка.

На вид котят было примерно месяц от роду, их было двое. Почти одинаковые, чёрные с белым треугольником возле носика, белым животиком и белыми лапками.

Было видно, что они ещё живы – дышат, смотрят. Но жизнь уже уходила. Они лежали молча, безразлично смотря перед собой, не двигаясь, как-будто ожидая, чтобы скорее всё кончилось. Лапки лежали неудобно, головки заваливались, но не было сил пошевелиться, да уже и не хотелось. Худенькие котятки были такие, что под кожей сразу прощупывались косточки, мягких тканей не было. Поэтому сначала все решили, что они не могут ходить от истощения и, чтобы они стали нормальными, их просто нужно откормить. Кормление крошечных котят – это целая наука, но ничего невозможного нет, их просто надо любить. Ведь когда любишь – чувствуешь каждое движение, каждое их желание. Сколько дать съесть, какой глоточек и как часто. Когда устал и надо дать передохнуть, когда хочет ещё. Сидеть на руках котеюшке удобно и приятно или нужно его держать иначе. Без любви ничего не получится.

Хорошее питание, тепло и ласка делали свое дело. Через сутки котята уже сами стали просить есть – тоненько пищали, чем больше силенок становилось, тем громче. Через 2 дня тихонечко замурлыкали, через 3 – начали вылизываться. Неумело, нечасто – но начали. На 4 – 5 день уже играли друг с другом и стали вылезать из ящичка, стали посещать свой лоточек. Росли они прямо на глазах.

Котята-сиротки без мамы быстро взрослеют, как и люди. Конечно, я их любила, брала на руки, кормила. Но около мамы можно целый день

греться, слыша биение её сердца, её дыхание. У мамы замечательная шерстка, в которую можно уткнуться носиком и вдыхать этот дивный родной успокаивающий запах. Мама оближет, напевая песенку – можно удобно развалиться, расслабиться и ни о чем не думать. Счастливое детство!

Не знаю, умеют зверюшки завидовать или нет, наверное умеют. Как потом выяснилось, у наших котят был брат – крепкий, здоровый, мама его кормила и ухаживала за ним. А на больных деток не обращала внимания – животный мир жесток, слабых и больных детей бросают, чтобы они умерли. Племя должно быть здоровым, иначе не выживет, слишком много врагов.

Время шло. У котят появились внешние отличия, стал ясно, что они выживут. И к ним пришли имена. Мальчик оказался пушистым, с нежной, как пух, темно-серой шерсткой. Пришло имя Пушок – Пух, Пуш. А девочка – гладкошерстная, с густой чёрной, как уголь, шерсткой. Ей пришло имя Ануш. Котят понравились. Через какое-то время они стали на них отзываться. Они стали весёлые и умные, много играли. Пуш научился разговаривать – скажешь ему что-нибудь, а он в ответ: «Мяу!» Анушка очень смешно выражала свое восхищение особенно понравившейся едой – громко вскрикнет: «Ах!» – и ну уплетать, урча, за обе щеки! Пушик никогда так себя не вел, он был очень спокойный, задумчивый, все делал не спеша. Они были очень разные. Пуш – медлительный, задумчивый, «чувствительный». Один раз вынесла на улицу – долго смотрел на небо, на травку, вдаль на улицу. Потом глубоко вздохнул, прижался ко мне и закрыл глазки. Больше на улице идти не захотел – прятался при слове «улица».

Ануш совсем другая – егоза с живыми чёрными глазками, ласковая, доверчивая. Обожала развалиться на ручках, чтобы гладили животик, лапки, говорили ей что-нибудь хорошее. Глазки радостные, в самую душу смотрят. Пуш увидит такое дело – и ну пищать, мол, тоже хочу на ручки. Вообще Ануш была очень умненькая – первая начала умываться, вылизывать шерстку. Первая стала пользоваться лотком как только смогла вылезать из ящичка.

После еды, а кормить их приходилось на руках сразу двоих, им нравилось на руках же и заснуть. Тёплые, мягкие, сладкие – посапывают, счастье от них волной идет. А как они иногда мурлыкали! На всю комнату – громко, радостно, несмотря на страшную болезнь, которая выявилась, когда они окрепли: котята не могли нормально двигаться. Бедняжки не знали, как это замечательно – носиться на крепких ножках по комнатам, прыгать за воображаемыми противником, да просто кушать без поддержки, самостоятельно. Сколько кругом интересных вещей, звуков, событий! Они могли только внимательно смотреть вокруг. Когда они спали или играли друг с другом, или сидели на руках, они производили впечатление совершенно здоровых. У них ничего не болело. Но

ходить не могли. Попытка подняться – падение, вбок, назад, вперед – без всякой системы. Все же они как-то пытались дать направление движению и кое-как все же добирались, куда хотели. Смотреть на это можно было только в надежде на выздоровление.

Вот они уже стали крепкими, подросли, но все еще не могли сами ни ходить, ни даже стоять. Ножки не слушались. Через 2 недели маленькие научились сидеть полулёжа, особенно хорошо это получалось у Пуша. Вскоре Пушик начал вставать на ножки на несколько секунд, а один раз даже пробежал шага 4 или 5, потом свалился, конечно, но все же! На 8 день Ануш пробежала по свернутому ковру, стучаясь боком о скамейку, метра полтора! Мы все воспряли духом – наконец, пошло улучшение.

Что с котятами, не знал никто, даже ветеринарные врачи. Думали о травме и об осложнении дистрофии. Надеялись на выздоровление, даже срок определили, – конец сентября.

Но через месяц котят стало хуже. Движения стали более хаотичными, Ануш перестала сидеть, в лоток её приходилось переносить на руках. Скажет особенным голоском: «Мяу», посмотрит жалостливо – значит хочет в туалет, но чувствует, что не доползет. Пуш уже давно все свои дела справлял под тумбочкой: можно упереться спинкой в дно – и не так выпачкаешься, и никто не видит позора.

Как я ни убирала, ни мыла, всё равно в доме появился легкий специфический запах болезни. В 5 утра малыши просыпались, начинали двигаться. Попытка встать на ножки – падение – стук! Стук! Стук! Хорошо, первый этаж, никому не мешали. Потом поесть, попить, на-горшок-если-успеешь-отнести, замыть лужу. Пушик умудрялся свалиться именно в свою лужу, его приходилось часто мыть. Такой смешной, маленький, терпеливо висел на руке, даже не шевелился. Наверное, ему было приятно под теплым душем. После душа он, чистый, мягкий, благоухающий шампунем, на мордочке удовольствие, засыпал на чистенькой подстилке.

Так и жили мы, в заботах, любви, вере и надежде.

А на 5-й неделе пришла страшная правда. И имя ей было – панлейкопения, врожденная инфекционная болезнь, которая не излечивается. Наоборот – дальше почти наверняка будет только хуже. Потом им станет трудно глотать, потом могут ослепнуть, потом умрут в страданиях. Лечения нет, это вирус. Заразились они внутриутробно, когда кошка-мама была беременна.

Решение пришло сразу... Как я все это пережила, не знаю.

Усыпили их вечером в пятницу. Они всё знали, чувствовали заранее. Пуш ещё вечером в четверг забрался в корзину, куда он никогда раньше не забирался, и ничего не ел вообще. На укол только тихонечко пискнул.

Ануш сопротивлялась до последнего. В пятницу утром на неё напал жор, ела много, с жадностью. Почти не спала – так, забывалась на несколько минут и просыпалась. Лезла на руки, лизала их, что-то говорила. На укол закричала страшно, с болью и предсмертным ужасом. До сих пор этот крик стоит у меня в ушах. Утешаю себя только тем, что у аккуратной умной Ануш уже неделю были тазовые расстройства, болезнь быстро прогрессировала, ужасный конец был неизбежен. И умерли они во сне – слава Богу, их усыпили, а не остановили дыхание, когда смерть в полном сознании от удушья.

Похоронили их вместе, в одной могилке. На могильный холмик положили цветы, травку.

...Мои маленькие Пуш и Ануш останутся у меня в памяти навсегда. Добрые, умные, красивые. Они придут в Звездное племя и расскажут, что знали они не только горе, но и любовь, и ласку, и удовольствие от вкусной сытной еды, от чистой мягкой постельки, знали нежные, заботливые руки. Их целовали и пели им песенки и никогда не ругали. А в этот мир они пришли, чтобы научить нас любить своих детей – настоящих и будущих.

4.10. 2009

РЫЖИК

Рыжик жил в хорошем теплом доме, на улице его не выпускали, берегли. Он ел, спал, играл в свои игрушки, любил свой диван, особенно когда вся семья собиралась вместе. Всё как у всех. Потом он вспоминал это время как великое счастье, лучшее время его жизни.

Однажды зимой он услышал щебетание птиц. Глянул – а форточка-то открыта! День был, светло, воздух шёл с улицы такой свежий, чистый – манящий воздух свободы.

Рыжик и сам понять не мог, как очутился на форточке. Птичка мимо пролетела, он за ней потянулся – и упал вниз, прямо в сугроб. Выбрался из сугроба, огляделся – всё чужое, незнакомое. Посмотрел вверх – окон много, одно с открытой форточкой, его окно. Только не добраться до заветного окошка, не допрыгнуть – высоко.

Стал он искать вход в дом – а двери все закрыты. Кинулся Рыжик туда, сюда – нет входа. Тут он почувствовал, что мороз-то сильный. И ветер гуляет, от него ещё холоднее.

Испугался Рыжик, побежал искать, куда бы спрятаться, теперь уже все равно, куда.

Вдруг, откуда ни возьмись – собака. Да страшная такая, морда злая, зубищи огромные, в глазах смерть кошачья стоит. Рыжик, не помня себя от ужаса, кинулся куда глаза глядят. Убежал от собаки. Только теперь уже совсем заблудился. Просто шёл и шёл, сначала плакал, потом уже ни о чем не думал, переходил от дома к дому – по улицам, по полю, может быть, курью перешел, кто ж теперь знает. Увидели его люди в Качгорте, отнесли в дом к ветеринарному врачу.

Слава Богу, подумал Рыжик, кончились мои

страдания. Но не тут-то было. Мучительно заболели лапы, уши, хвост – обморозился он. Коты – терпеливый народец, вот и Рыжик наш терпел.

Хвост отвалился почти весь, уши тоже. Но самое страшное – лапы. Лапы на концах умерли, а одна ещё и загнила, пришлось большую часть отрезать, а то бы заражение крови началось. Ходит теперь Рыжик не на мягких лапках-подушечках, а на мёртвых косточках. Идет по полу, стучит тремя костяными ножками, четвертая короткая, на неё наступать не получается. Живет в казенном доме, где больных животных лечат. Ни тебе дивана мягкого, ни телевизора. Никому не помурлыкаешь, песенку не споёшь. Рыжика не обижают конечно, кормят. Только разве это жизнь! Одна радость – когда все уйдут, тихо, можно закрыть глаза и вспоминать, вспоминать... Дом, семью, любовь – счастье.

Люди, которые подобрали Рыжика, взяли бы его к себе, но только здорового. Еще приходили из города, у них рыжий кот потерялся – не признали. Никому инвалид не нужен. Ещё и усыпить Рыжика кто-то предложил. Ну как же усыпить его, когда два месяца лечили, спасали. Спасли. Жизнь его уже вне опасности. Умный он, добрый, аккуратный. Как такого усыпить?!

Говорят, что есть люди, которые Богом призваны заботиться о больных, беспомощных, страдающих живых существах, любить их.

Прошел год. У Рыжика отвалились все сухие косточки, а на концах изуродованных лапок образовались подушечки. Природа взяла своё, велики и благословенны её возможности! Рыжик нашёл новую семью, его любят. Он будет жить долго и счастливо. Пожелаем же счастья и тем, кто предлагал его усыпить.

01.10.2012, п.Искателей, НАО

Только чёрному коту и не везёт

Жил-был кот. Чёрный-чёрный. Назовем его ЧЖил-был кот. Чёрный-чёрный. Назовем его Черныш, ведь он не может сказать, как его зовут на самом деле.

Весной, в марте, он загулял – впервые в жизни, наверное. Он, конечно, убежал из дома в надежде встретить свою первую любовь. Набегался – и не нашел дорогу домой. А на улице холодно, дома все кирпичные, подъезды закрыты, подвалы наглухо запечатаны. Собаки бегают. От голода ещё холоднее кажется.

И вдруг увидел Черныш маленькую лесенку прямо на чью-то лоджию – и окно открыто! Обрадовался котейка, в мгновение ока взлетел по лесенке, прыгнул в окно. Глядь – а там ещё одно окно, дальнее, и в дом не попасть. Что делать? Ну, да ладно. На лоджии все же лучше, чем на улице: и ветер не дует, и мягкие вещи есть, можно свернуться клубочком и поспать.

Наутро выяснилось, что в доме том уже живет кот и как все коты, никого постороннего на своей

территории видеть не желает. Открыла хозяйка окно – кот-хозяин в крик, ругается, гонит Черныша вон с лоджии, а бедный Черныш и ответить грубо не может – не умеет. Только: «Мур-рр» да «Мур-р-р». Кот-хозяин даже драться не стал. В общем, остался Черныш жить на лоджии.

А чтобы все знали, что это его, Черныша, место, пометил все вокруг, да так, что на лоджию и войти нельзя. Старому коту даже плохо стало, не говоря о хозяйке.

День Черныш живет в новом доме, два. На третий день поздно вечером особенно холодно было. Сел Черныш напротив ярко освещенного окна – за стеклом люди ходят, тепло, светло, на столе еда стоит, музыка играет. Он уже худенький стал, глаза несчастные, голодные. Ушки расставил и молча смотрел на чужое счастье. Тут хозяйка не выдержала и отнесла ему рыбу поесть. Раньше все надеялась, что домой припелец уйдет, если не кормить. Он ведь сначала был крепенький, с блестящей шерсткой, ухоженный, домашний.

В дом старый кот Черныша не пускал, ляжет на подоконник – и рычит, и завывает. Страшно так. Кормили Чернышку хорошо, он поправился, шерстка снова залоснилась.

Днем уходил гулять, на ночь приходил спать на свое новое место.

Только счастья не было – ночью холодно, поговорить не с кем, нет тёплого маминого бочка, к которому так сладко прижаться.

В общем, у хозяйки сердце не выдержало и отнесла она его как бы на время к чужим людям. Там его, чтобы не метил больше помещение, стерилизовали. Их собственная кошка бедного Черныша бьет, прямо загрызает – ну, не злой он, добрый, драться не умеет. Тем более, с кошкой. И жить ему приходилось в ванной.

По радио объявление давали – нашелся, мол, черный кот, хозяйка, отзовитесь!

Приходили два раза, но никто котейку за своего не признал. Так и живет он в ванной комнате. Кормят его, на руки берут – ласковый Чернышка, как никакой другой, песенки поёт на руках, мурлыкает. И ещё любит он поговорить – здороваются, на вопросы отвечает.

Но невозможно ведь бесконечно держать кота в ванной. Скоро его отдадут в приют. Такого доброго ласкового домашнего котика, такого славного и так нуждающегося в любящих его людях, в своем родном доме.

Сейчас май, вот-вот начнутся отпуска, люди уезжают на 2–3 месяца. Проблема устроить своих домашних питомцев. Куда уж тут брать новых!

Но все же, все же... Может быть, кто-нибудь прочитает эту грустную историю и возьмет Черныша к себе жить?..

*Владимир
Орлов*

Вечность

Вечность

Стрела пронзила сердце на рассвете,
Блеснуло солнце яркими лучами
И мир затих, являясь в белом цвете
Перед тобой с открытыми дверями...

Тыходишь с интересом без оглядки,
Душа твоя была всегда ранимой
Всё кажется знакомым, даже сладким,
Но только нет общения с любимой.

Полёт души

Моя любовь не безгранична,
Но я готов порой страдать,
Ночами лунными не спать,
В мечтах купаюсь, как обычно.

Но если вдруг судьба сведёт
И мысль в реальность превратится,
И в такт сердца начнут биться,
Я душу выпущу в полёт.

И в небесах под лунным светом
Пусть продолжает танец свой
Моя душа с твоей душой.

Весенний ледоход

Я замечал, когда весной река,
Вздымая льдины, строит баррикады,
Она свои минуя берега,
Под птичий крик уносит все преграды.

И отражаясь в зеркале воды,
Плывут над нею облака волною,
А следом стаи перелётных птиц
Летят туда, где рождены весной.

И мощь свою взрывая каждый год
Безбрежными протоками, шарами,
Она – река – ломает крепкий лёд
В борьбе за связь земную с небесами.

Ноябрь

Настал ноябрь, опали листья,
А на душе Малевич с кистью,
Рисует для меня квадрат,
Хотя я этому не рад.

Не рад, что фон холста чернеет
Нет ни просвета, ни Луны,
А за окном земля белеет
В сугробах сказочной зимы.

Болит душа, в потёмках бродит
Мысль обрывая на краю,
Так одиночество приходит,
Квадратом чёрным в жизнь мою.

Сила молитвы

Ко мне вернулась вновь семья!
Вы не поверите, но я
Молился и кричал: «О, Боже!
Верни!» – И Он вернул тебя.

И это было со слезами,
С сердечной болью и вином
Вернулась кровушка в мой дом,
И тоже с тёмными глазами.

Жизнь, как борьба за идеалы,
Доводит часто до разлук,
Но если ты сорвался вдруг,
Не обвиняй, не лезь на скалы,
А просто помолись, мой друг.

Есть секрет у этой ёлки
И секрет, скажу, какой,
Если вы ещё в двенадцать
Не уедете домой.
Там под ёлкой есть местечко,
Где подарочек лежит,
Если вы нашли колечко –
Вам презент принадлежит.

Лидия
Сядейская

О, Муза

Я пишу для тех, кто любит осень,
Для тех, кто восхищается зимой,
Для тех, кто для бурёнок сено косит,
Усталый возвращается домой.
Возделывает землю, сеет, пашет,
Не требует ни премий, ни наград

И бережёт, как мать, природу нашу
И каждой веточке-былинке рад.
Есть крепкие хозяева планеты,
Что берегут сокровища земли,
Они теплом земли родной согреты
И материнской нежностью любви.
28.01.2016

Если суждено мне

Если суждено мне быть красивой –
Не топчите красоту мою,
Рождена я быть по жизни сильной,
Не стоять у жизни на краю.

Если суждено мне быть счастливой,
Постараюсь счастье оправдать
И заботой, нежностью и лаской
Я сумею счастье детям дать.

Если жизнь меня не пожалеет,
Значит так назначено судьбой.
Всё стерплю, стараясь быть сильнее,
Я в семье – за каменной стеной.

Пусть соблазнов в этой жизни много,
Стороной их нужно обходить,
От соблазнов отказаться трудно,
Но ещё труднее сильным быть.

Оставаться человеком честным,
Благородным, смелым – нелегко,
Я душой и сердцем буду чистой,
Мне по жизни это суждено.

Если жизнь меня не пожалеет,
Всё стерплю, стараясь быть сильней
И заботой, нежностью согрею
Тех, кто так нуждается во мне.
25.02.2017

И вновь собираются тучи у Белого моря,
У Карского моря идёт уж с утра снегопад
И, кажется, это стихии о первенстве спорят,
И ветер суровый рвёт тучи, не зная преград.

А я в Нарьян-Маре
любуюсь хорошей погодой,
Заносами снежными после метели и вьюг
И серой завьюженной зимней
полярной дорогой,
Где снежные змеи по трассе зигзагом бегут.

Позёмкою снежной ползут
по дорогам метели,
И вихрями шумными мчатся они по лесам,
По тундре гуляют и воют, как дикие звери,
Порой подражая их сильным
во тьме голосам.

И пусть вечно спорят о чём-то
две разных стихии,
Любая погода – божественная благодать,
Будь дождь или снег, или белый,
как пух, нежный иней
Не стану погоды стихию плохой называть.

И вновь собираются тучи у Белого моря,
Чтоб ливнем пролиться по травам,
зелёным лесам,
Проплыть побережьем до Амдермы,
Карского моря
И гонит их ветер к далёким её берегам.
11.03.2016

Автобиография

Лидия Евгеньевна Сядейская (в девичестве – Дроздова) родилась 9 мая 1953 года в деревне Комаровская Верхне-Тоемского района Архангельской области. Верхняя Тойма расположена на берегу р. Северная Двина. Сейчас это большой районный центр.

Деревня Комаровская, как и другие деревни расположенные поблизости, стала окраиной районного центра.

До 1956 года я жила с бабушкой Марией Алексеевной, матерью отца, в деревне. Отец Дроздов Евгений Андреевич (1928–1985) родом из этой же деревни. Мать Дроздова Валентина Сергеевна (1928–2013), в девичестве – Уродкова, была родом из соседней деревни.

Когда мне исполнилось 3 годика, родители взяли меня с собой. В то время они работали на заготовке дров в леспромхозе. Отец – вальщиком леса, а мама – сучкорубом в его бригаде. После рождения второго ребёнка маму перевели на более лёгкую работу, приёмщицей леса. Хотя и эту работу нельзя было назвать лёгкой. После рождения третьего ребёнка нам пришлось выехать в посёлок. Отец при валке очередной ёлки остушился и получил серьёзную черепно-мозговую травму. Шестиметровая ёлка, падая, придавила отца. Он долго лежал в больнице. Врачи не надеялись на его излечение. В лучшем случае, как они объяснили маме, он останется недееспособным. Но сильный организм отца, закалённый на тяжёлых работах, справился. Отец вылечился, но работать в леспромхозе ему не разрешили. Нам дали квартиру на Евде, в населённом пункте, куда входило несколько деревень, в том числе, и наша деревня Власовская.

В 1969 году я окончила Евдскую восьмилетнюю школу. Осенью устроилась на работу в Красноборскую районную столовую. Три года с 1969 по 1972 год я приобретала жизненный опыт работы и общения.

За очень короткий срок я освоила нелёгкий труд посудомойки, официантки, раздатчицы обедов, помощницы пекаря, прошла шестимесячные курсы поваров в селе Коноша и стала поваром. Там мы и познакомились с Вылка Евдокией Васильевной (Ледковой). И снова судьба сделала крутой поворот.

В 1972 году я приехала в гости к ней и осталась в посёлке Красное.

Без высшего образования мне приходилось очень трудно. Работа не приносила мне радости. Долг чести не позволял мне плохо трудиться. Я отдавала все силы работе. По-другому жить я не умела. Много времени отдавала общественной деятельности. Воспитанная в коммунистическом обществе я считала, что должна помогать людям. «Если не я, то кто?» Была комсоргом в коллективе и совмещала работу в профсоюзном комитете. Была заместителем председателя профкома, председателем жилищно-бытовой комиссии,

боролась за производительность труда, за хорошую дисциплину, старалась помочь людям преодолеть трудности. Имела благодарности от руководства и одну почётную грамоту, полученную на заре трудовой деятельности. Я не была ни в какой партии и на большее рассчитывать не могла. «Негласный лидер», как между собой называли меня работники, я была неудобной для руководства. Много требовала.

Вся моя жизнь связана с селом, с деревней. И другой жизни мне не хотелось. «Кто где родился, там и пригодился». Не зря так в народе говорят. Деревенские люди – особые люди. Любые тяготы им по плечу. Это их образ жизни. И радости и горести они делят на всех. Люди практичные и изобретательные.

С 1972 по 1974 год я работала техничкой в интернате. Только благодаря Марии Васильевне, сестре Евдокии Васильевны, мне посчастливилось получить работу. В те годы это было почти нереально: если не было прописки, на работу не брали. Прописку же не давали, если нет работы – замкнутый круг.

В 1973 году я вышла замуж за парня из оленеводческой семьи. Моя подруга была свидетелем на нашей скромной свадьбе. В 1974 году у нас родилась дочь Ульяна. Ещё через год мы из детского дома взяли мальчика. Олегу было уже девять лет. Сын старшей сестры моего мужа после смерти матери четыре года воспитывался в детском доме. Когда я узнала, что есть мальчик в детдоме, кровный родственник мужа, у меня не было сомнений. Мальчик должен был воспитываться в семье. Мы оформили опеку. Но вскоре поняли, что не это нужно мальчику. Олежек заболел. С высокой температурой он лежал на постели и не жаловался. Я, как могла, помогала облегчить его состояние, не отходила от него: меняла влажные салфетки на лбу, протирала всё тело водой с водкой, давала лекарство. Маленькой дочкой в это время занимался муж. Через три дня температура упала.

Олег впервые улыбнулся. Между нами рухнула стена недоверия. «Мама, ты устала, поспи, мне уже хорошо». Я стала мамой второй раз. Тогда мы приняли решение усыновить мальчика. Служба опеки дала согласие на усыновление. Мальчику было уже десять лет. По закону нужно было согласие самого ребёнка, но у нас уже была семья.

Осенью 1975 года я вышла на работу. Устроилась в колхоз «Харп» поваром на звероферму. Но через два месяца меня перевели в звероводы. Дали хорошего наставника и я быстро усвоила тонкости работы со зверьми.

В 1978 году мне пришлось на время оставить работу. Родился мальчик – Сергей. В 1980 году – второй мальчик – Андрей. В 1983 году я вновь поменяла работу. Мест в садике не было, а оставить малыша было не на кого. В садик требовался повар. Имея удостоверение повара, я пошла на работу в садик на условии устройства ребёнка. Через год, после тяжёлой операции, мне вновь пришлось поменять работу. Прошла курсы машинистов

*Я на коленях у мамы
В.С. Дроздовой, 1954 г.*

Мне 17 лет, 1970 г.

В 1973 году

котельных установок и тридцать лет проработала оператором газовой котельной.

Отдавая себя и все силы семье, я не переставала думать об учёбе. Моя главная мечта не была исполнена. Я хотела учиться...

В декабре 1994 года погиб мой сын Сергей. Кажется всё, жизнь закончилась. Очень тяжело я переносила боль утраты, но собравшись с силами, в 2001 году, после тридцати лет по окончании восьмилетней школы, поступила в вечернюю школу в г.Нарьян-Мар. Боль не утихала, и я старалась заполнить время учёбой. Только не думать об утрате! Я читала и не понимала о чём. Голова раскалывалась на части. Информация не поступала по назначению. И вот после месяца упорства впервые я почувствовала прилив сил.

Как будто разорвался панцирь, информация потекла ручьём. Постепенно разливаясь рекой. Давая всё больше и больше знаний. За год я усвоила материал средней школы и в 2002 году поступила в Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова на бюджетное заочное отделение, факультет «Социальная работа с семьёй и детьми». Мне было 49 лет. В 55 лет, в 2008 году успешно его окончила.

Моя большая мечта сбылась. Я стала примером и гордостью для своих детей и внуков. Но оставалась ещё одна мечта, спрятанная глубоко-глубоко в подсознании. Мечта, которая теплилась в моей душе, но боялась показаться смешной. Эта детская, немного наивная и высокая мечта всегда шла со мной рядом. Но я её тщательно скрывала. Боялась – засмеют.

В нашей семье уважали крестьянский тяжёлый труд и книги. Хорошая книга помогала преодолевать трудности. Снимала усталость, давала веру в счастливую жизнь. Давала надежду на красивую любовь. Облегчала быт...

Но если бы я сказала, что хочу быть писателем, меня посчитали бы немного ненормальной. Писательский труд для жителя села считался несерьёзным занятием, баловство это. Писатель – это высокий образ, это особенный человек.

Психолог по натуре, творческая личность с тонко развитым чувством понимания человеческих настроений и страстей.

И это никак не соотносится с простой девчонкой из крестьянской семьи...

Мне посчастливилось. В 2007 году судьба свела меня с ненецкой поэтессой, прозаиком, переводчиком Валей Лукерьей Александровной. Нашу встречу организовала преподаватель ненецкого языка, истории и культуры народов Крайнего Севера, ненецкая поэтесса, прозаик и переводчик Тайбарей Галина Григорьевна. Я показала ей свои первые стихи. Ещё совсем «сырые» и немного наивные. И с ними мы пришли к Лукерье Александровне. С этого началась моя творческая работа. Лукерья Александровна открыла мне мир поэзии. Наше сотрудничество позволило мне совершенствоваться в искусстве поэзии. Оттачивать своё мастерство мне помогает и главный мой критик – внучка Полина.

Я счастливый человек. У меня есть семья: муж, дети, внуки. 45 лет в браке. Четверо детей. Два внука, три внучки. Сейчас я на заслуженном отдыхе. Продолжаю писать. В основном для детей и подростков. Стихи и прозу охотно публикуют в детском журнале «Пунушка», в каждом номере.

Хорошие отзывы о моих стихах я получаю и от пожилых людей. И счастлива, что затронула их чувственную душу, дала возможность вновь вспомнить своё детство. Пишу в основном о родном крае, о своей родине, о природе. **«Звено большого поколения»:**

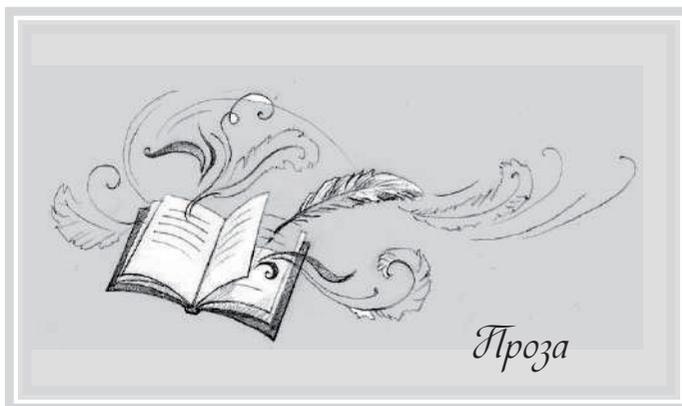
*Держу за ручку маленького внука,
Он весь – есть продолжение меня,
Он ниточка-цепочка жизни круга,
Звено большого поколения.*

Патриотизм начинается с родины. Корни наши в нашей земле. Дети наши пусть прирастают корнями её. Не будут землю топтать чужие сапоги, пока крепки наши корни. Наша земля – Россия.

Январь 2018 г.

Зоя
Корепанова

Дорогая
память

Наши любимые

*Восславим женщин за дела святые,
Поклонимся им низко сотни раз!
Без русских женщин не было б России,
А без России не было бы нас!*

В моей памяти и в сердце навсегда останутся два светлых человека – бабушка и мама. Уже давно они ушли в мир иной...

Бабушка моя по маминей линии Корепанова Акулина Николаевна из Андега была очень набожна. Она строго соблюдала посты. Была, словно ангел, спустившийся с небес. Мой ангел-хранитель! Волшебная старушка из доброй сказки, кладезь света, мудрости и тепла.

Я помню её замечательный цвет волос, седой с прядью льна, помню и её грустные песни. Одна из них, старинная народная – «Солнце всходит и заходит». Позже я слышала эту песню в исполнении Фёдора Шаляпина.

Бабушка в молодости повредила глаз и плохо видела. Впоследствии она совсем ослепла. Но она вязала, шила красивые платья.

По жизни бабушка всегда сохраняла в себе главное – человечность. И для меня – она пример стойкости. Всем людям бабуля дарила только ласку, нежность и заботу, учила нас терпению.

И ты моя добрая, вечная,
В гнетущей безмолвной тиши
Ушла. Попрощавшись. С надрывом,
Оставив мне горечь тоски.
Но образ твой светлый, прекрасный
Храню я в сердце своем.
И с благодарственным трепетом
Всегда вспоминаю о нём.
Твой ангельский лик,
Промелькнув, исчезает...
Но шелест я слышу крыла!
Бабуля меня, как всегда, берегает,
Где я бы сама – не смогла!

Мама – Корепанова Капитолина Андреевна. На их поколение выпало немало трудных военных лет. Война прошла по ним, рано повзрослевшим. То поколение знало в лицо и горе, и страдания, познало цену военного хлеба, взрослую тяжесть

забот и труда.

В 1941 году маме шёл пятнадцатый год. От колхоза их направили на путину рыбачить.

Стояла осень. Было уже по-северному холодно. А им приходилось стоять в ледяной воде, мёрзнуть, добывая рыбу. Ведь был лозунг – «Всё для фронта, всё для Победы!» И они ковали Победу в тылу, наравне со взрослыми выполняли норму.

Послевоенные годы не были лёгкими. Страна залечивала раны. Люди, пережив войну, возвращались к мирным планам.

В 1956 году мама встретила свою судьбу. Затем на свет появились мы – сын и дочь. Но пришла беда, на путине утонул наш отец. Оборвалось короткое счастье нашей мамы. Маленькой, хрупкой – сколько же пришлось тебе пережить, наша милая мама! И всегда рядом с нами была наша бабуля. Помогала, как могла. Сейчас мы с братом уже дедушка и бабушка. А образ милых нашим сердцам людей всегда с нами. Ведь это они – бабушка и мама, взвалив на себя всю боль и холод, все раны и удары жизни, скорби и невзгоды – сделали нас счастливыми!

Корепанова Капитолина Андреевна с детьми –
Зоей и Николаем

Я всегда вспоминаю наш маленький домик, скромное жильё. И пусть не повернуть время назад, и быт меняется из года в год... И глупо спорить с новшествами...

В моей памяти навсегда останется наш уютный домик, где царили чистота и покой. В печи жар, трещат дрова. На столе вкусное топлёное молоко. Замерзшие окна, прикрытые ставнями. Дивный запах белья, внесённого домой с мороза. Кружевные накидки всюду. Это из моего детства! Вот бы оказаться там, хоть на чуток...

Всё в этом мире проходяще,
Живем от лета до зимы,
Но только с возрастом всё чаще
Назад оглядываемся мы.
Когда уходишь в мир воспоминаний,
Туда, где детство, мама, старый дом...
Оттуда возвращаешься с трудом!

По волнам моей памяти

Без прошлого нет настоящего. Мы, живущие, должны передать своим детям и внукам всё то, что бережно храним в памяти. А по-другому никак, иначе оборвётся связующая нить родства близких, дорогих нам людей.

Родная сестра моей мамы, Иванова Таисья Андреевна, с детства была для меня эталоном женственности, мудрости и терпения. Всю жизнь жила в деревне Андег.

Не передать словами, сколько ей пришлось пережить! На долю матерей, сестёр, дочерей лихой военной поры выпало немало горя, слёз и утрат. Война нарушила покой мирной жизни, оборвала все планы. Уходили воевать мужчины и совсем молоденькие ребята. Я помню, как тетушка, делясь воспоминаниями, с горечью сказала, что многих женихов забрала война и назад не вернула.

После войны она вышла замуж за пришедшего с фронта израненного солдата. Из семьи переселенцев. Пятерых детей пришлось поднимать на ноги практически одной. Муж часто болел, лечился в санаториях.

Семья, тяжёлый колхозный труд. Всё вынесла! Рано не стало мужа. Подорвали его здоровье фронтовые окопы.

Я всегда размышляла – а как же она всюду успевала! Дети, подсобное хозяйство, работа на ферме от зари до поздна. А дома – соленья, варенья! Аромат печеного! И всюду порядок! А когда она спала и спала ль вообще? Занималась рукоделием. Шила, вышивала гладью и «ришелье». И при этом всегда ухожена! Словом, море талантов!

Таисья Андреевна была гостеприимной хозяйкой для родных и соседей. Похожая на лето, она всем дарила тепло и свет.

Для меня она значила много. Была как вторая мама. Заботилась, давала умные советы, никогда не бросала в беде.

Я всегда с радостью приходила к ней в гости. Слушала воспоминания. Для меня тётя была как неисчерпаемый источник, родник души. Советчик. Потрясающий светлый человек! Она умела радоваться, находить удовольствие в привычных вещах, словом, ценить то, что имеем. Дарила много тепла.

Позже моя тётя связала свою судьбу с вдовцом. Переехала жить в город. Как умелая хозяйка, навела в доме образцовый порядок. Куприян Михайлович только радовался хорошим переменам в его жизни! Ведь без женщины дом – сирота.

Артеев Куприян Михайлович-участник Великой Отечественной войны. Был награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2 степени, орденом Славы 3 степени.

Они прожили душа в душу много счастливых лет. Таисья Андреевна умела дарить радость людям, создавать уют, проявлять заботу. Была весёлой в компаниях. Певунья. Мать-героиня! Труженик тыла! Милая. Добрая. Родная.

От таких людей мир становится ярче и прекрасней!

Артеев Куприян Михайлович с супругой
Ивановой Таисьей Андреевной

Светлана
Конькина

В тёмно-синей бархатной тиши

Ну не волнуйся так, не виделись давно.
С тех пор так много в жизни изменилось:
Влюблялась, расставались – не везло
И без тебя вот... жить совсем не научилась.
Наверно знаешь, чередой потерь
Тяжелой поступью прошла отнюдь не мимо...
И оттого другая я теперь,
Боль волочить порой невыносимо...
Тебя я часто видела во снах,
Вот как сейчас, ты в них тихонько что-то шепчешь,
Не разобрать, но дело не в словах,
Возле тебя спокойней, будто даже легче.
Не скрою, пересматриваю фото,
Свои, и, что греха таить, чужие тоже,
Не страшно, что с тобою рядом кто-то,
Моя история на все другие не похожа.
Я ощущаю этот холодок,
Но ты смягчишься, я-то это знаю,
Ну вот, уже в следы мои босые ног
Ты аккуратно следом наступаешь...
Все расскажу тебе: как мёрзла, где была,
К кому душой тянулась, с кем пыталась греться,
Как выгорала до золы, дотла...
Не зная, можно ль снова разгореться...
И так без умолку... вплоть до рассвета...
Под мерный шум, на дыханье похожий,
Я расскажу и про то, и про это,
Не без слёз и мурашек по коже.
Ты с пониманьем вздохнёшь о горе,
Не разболтаешь моих секретов...
Я ведь с детства тебя помню, МОРЕ!
Всегда прохладное, тёмного цвета.
18.08.2017

Задела вьюга шлейфом куст чертополоха,
Пайетками снежинки разнесло,
Зима настала, что не так уж плохо,
А я решилась написать тебе письмо...
О том, что за рассветами закаты...
Родившись, солнце за рубеж сползло,
О том, что сны мои, как простыни, помяты,
О том, что без тебя мне тяжело.
Хочу сказать о чем-нибудь, хватаю тщетно трубку,
Но снова абонента нет в сети,
И на душе кровавые зарубки,
О жизни «после» грустные стихи...

О том, как хочется обнять, да просто прикоснуться,
Напротив сесть, молчать, в глаза без слёз смотреть.
Как хочется понять, что это сон, проснуться,
Дать страхам, бедам, горю, как птицам, улететь...
Пишу в письме о том, что этот день просрочен,
О том, что за окошком наступила ночь,
Пишу: «Я по тебе скучаю, мама... ОЧЕНЬ...»,
И даже лекарь-время не в силах мне помочь.
02.12.2017

В голых ветвях хаотичном сплетении,
Лучик жёлтого света застыл на мгновение.
На секунду, на дольку неделимого целого
Потока огромного, что называется временем.
Желтый бархатный свет, не колючий, не едкий,
Разрывают его на части чёрные ветки...
Неисправимый романтик
в дел повседневных сплетении,
Ярким пятнышком жёлтым всё осветил
на мгновение.

26.03.2003

За углы домов стремглав бежали тени,
Будто испугавшись света фар,
Рывком покину тёплое сиденье,
В кулаке ключи до боли сжав.
Холодный воздух плотною стеною.
Пророча утро, гаснут фонари,
Не выходи, пожалуйста, за мною!
А если вышел, значит говори!
Звонят, ответь! Ты не устал от фальши?
Я думаю, ей больно быть вечной запасной,
Жить без меня? Бесспорно сможешь дальше...
Пойду, я вся продрохла... Ветер ледяной...
19.05.2017

Иней на ветвях деревьев –
Безупречный белый цвет,
Ничего сейчас в природе
Ослепительнее нет!
Утром – с розовым отливом –
Щедрым солнечным приветом,
С фиолетовым унылым –

